

Учредитель:
НОУ ВПО «Московский институт государственного управления и права»

ISSN 2074-9201

Решением Президиума Российской
Академии естественных наук
от 17 сентября 2007 года
«Вестник Академии права и управления»
награжден Почетной
серебряной медалью В.И. Вернадского

Решением Президиума Российской
Академии естественных наук
от 17 марта 2010 года
«Вестник Академии права и управления»
награжден Почетной
серебряной медалью А.С. Попова

ВЕСТНИК
АКАДЕМИИ ПРАВА И УПРАВЛЕНИЯ
№ 2 (39)
2015

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Журнал включен в Перечень российских
рецензируемых научных журналов ВАК
и размещен в каталоге научной периодики РИНЦ.

РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС
НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ
id 28542 Science Index *

18+

Редакционный совет

Председатель:

Пузанов Ю.П., кандидат юридических наук, профессор, действительный член Европейской академии естественных наук, президент Московского института государственного управления и права

Члены редакционного совета:

Богословский В.И., доктор педагогических наук, профессор, зам. проректора по научной работе, начальник Управления подготовки аттестации кадров высшей квалификации Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена;

Барсуков А.И., кандидат исторических наук, заместитель директора Российского государственного архива экономики;

Дорская А.А., доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой международного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург);

Дэвид Рейнольдс, действительный член Британской академии наук, профессор истории в Колледже Христа в Кембридже, почетный профессор Колледжа Далвич, Университетов Кембриджа и Гарварда, Небраски, Оклахомы, Нихон (Токио) и По (Париж). В 2004 г. получил премию Вольфсона по истории. С октября 2013 г. возглавляет исторический факультет в Кембридже. В 2004 г. получил премию Вольфсона по истории. С октября 2013 г. возглавляет исторический факультет в Кембридже;

Мкртумян А.Ю., заслуженный юрист Республики Армения, доктор юридических наук, председатель Кассационного Суда Республики Армения;

Радько Т.Н., заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор;

Солодуха П.Ф., доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой Российского государственного социального университета;

Стрекозов В.Г., доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации в отставке;

Тарасов А.М., заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, действительный член РАН;

Тихонов А.В., доктор социологических наук, профессор, действительный член Российской Академии социальных наук, руководитель Центра социологии управления и социальных технологий Института социологии РАН;

Уоррен Кимбол, почетный профессор исторического факультета Колледжа искусств и наук Рутгерс, профессор Университета Кембриджа;

Шеремет И.А., доктор технических наук, профессор, член Военно-промышленной комиссии при Правительстве Российской Федерации;

Шкодинский С.В., доктор экономических наук, профессор, начальник отдела НИИ СП;

Ю Синода, профессор права Университета Хок усэй-Гакуэн, г. Саппоро (Япония).

Редакционная коллегия:

Главный редактор В.А. Золотарев доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, действительный государственный советник РФ 1-го класса, президент Ассоциации историков Второй Мировой войны

Зам. главного редактора: Н.М. Шкурко, кандидат психологических наук, заслуженный работник высшей школы, консультант НОУ ВПО «Московский институт государственного управления и права»

Научный редактор Д.А. Пашенцев, доктор юридических наук, профессор, консультант по науке НОУ ВПО «Московский институт государственного управления и права»

Выпускающий редактор В.Е. Чеботарев, кандидат экономических наук

Технический редактор: М.Ю. Савеличев

Establisher:
NSEI HPE «Moscow Institute of Public Administration and Law»

ISSN 2074-9201

By decision of the Presidium of Academy
for Natural Sciences of the Russian Federation
from September 17, 2007 «The Bulletin of
Academy of Law and Management» is awarded with
V.I. Vernadsky's Honourable silver medal

By decision of the Presidium of Academy
for Natural Sciences of the Russian Federation
from March 17, 2010 «The Bulletin of
Academy of Law and Management» is awarded with
A.S. Popov's Honourable silver medal

BULLETIN
ACADEMY OF LAW AND MANAGEMENT
№ 2 (39)
2015

SCIENTIFIC JOURNAL

By the decision of the Higher Commission on Attestation Ministry of Education
and Science of the Russian Federation. The magazine has been put
on the «List of the front-line reviewing scientific magazines and printing editions,
where chief scientific results of dissertation researches, pretending to get
an academic degree, doctor or candidate of sciences, must be published»

«The Bulletin of Academy of Law and Management» is included
in the Russian Science Citation Index (Rints, in Russian), a bibliographic database
of scientific publications in Russian at the academic periodicals, based
at the eLIBRARY.RU website platform of the Russian Scientific Electronic Library

ACADEMY OF LAW AND MANAGEMENT
BULLETIN № 39
SCIENTIFIC JOURNAL. ISSN 2074-9201

Editorial Board

Chairman:

Puzanov Y.P., *PhD in Law, Professor, Full Member of the European Academy for Natural Sciences,
President of the Moscow Institute of Public Administration and Law*

Editor-in-chief:

Zolotarev V.A., *Doctor of Law, Doctor of History, Professor,
Full State Councillor of the Russian Federation, 1-st class*

Members of Editorial Board:

Bogoslovskiy V., *Doctor of Pedagogy, Professor, Deputy of Pro-Rector for Research, Head of Department of Preparation of Merit Rating of Staff of Highest Qualification of the Russian State Pedagogical University named after A. Herzen;*

Barsukov A.I., *PhD in History, Deputy Director of the Russian State Archive of Economy;*

David Reynolds, *Full Member of the British Academy of Sciences, Professor of History in Christ College of Cambridge, Honored Professor of Dulwich College, Cambridge and Harvard Universities, Nebraska, Oklahoma, Nihon (Tokyo), Po (Paris). In 2004 he was awarded the Wolfson History Prize. From October of 2013 he heads the History Faculty at Cambridge;*

Dorskaya A.A., *Doctor of Law, Professor, Head of Chair of International Law of the Russian State Pedagogical University of A. Herzen (Saint-Petersburg);*

Mkrtumyan A.Y., *Honored Lawyer of the Republic of Armenia, Doctor of Law, Chairman of Court of Cassation of the Republic of Armenia;*

Rad'ko T.N., *Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor;*

Sheremet I.A., *Doctor of Technical Sciences, Professor, Fellow of the Military-Industrial Committee Affiliated of the Russian Government;*

Shkodinskiy S., *Doctor of Economics, Professor, Head of Department of the Research Institute of the Account Chamber;*

Solodukha P., *Doctor of Economics, Professor, Head of Chair of the Russian State Social University;*

Strekozov V.G., *Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation (ret.);*

Tarasov A.M., *Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Full Member of the Russian Academy for Natural Sciences;*

Tikhonov A., *Doctor of Sociology, Professor, Full Member of Russian Academy of Humane Sciences, Head of the Centre of Sociology of Management and Social Technologies ISRAS;*

Warren Kimbol, *Honored Professor of Historic Faculty of the Ruthgers College of Arts and Sciences, Professor of Cambridge University;*

Yu Sinoda, *Professor of Law of Khokusay-Gakuan University, Sapporo city (Japan).*

Editorial Board

Editor-in chief: Zolotarev V., Doctor of Law, Doctor of History, Professor, 1st Class Full State Counselor of the Russian Federation, President of the Historical Association of the World War Two

Deputy Chief Editor: Shkurko N., PhD in Psychology, Honorary Figure of the Russian Higher Education, Consultant of Non-State Educational Institution of Higher Professional Education "Moscow Institute of Public Administration and Law"

Science Editor: Pashentsev D., Doctor of Law, Professor, Consultant on science of Non-State Educational Institution of Higher Professional Education "Moscow Institute of Public Administration and Law"

Executive Editor: Chebotarev V., PhD in Economics

Make-up Editor: Savelichev M.

СОДЕРЖАНИЕ

К 70-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

ИНТЕРВЬЮ С **В.А. ЗОЛОТАРЕВЫМ**, ДОКТОРОМ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, ДОКТОРОМ ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК,
ПРОФЕССОРОМ, НАУЧНЫМ РУКОВОДИТЕЛЕМ АВТОРСКОГО КОЛЛЕКТИВА
ЭНЦИКЛОПЕДИИ «ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941–1945 ГОДОВ»,
ПРЕЗИДЕНТОМ АССОЦИАЦИИ ИСТОРИКОВ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ..... **11**

Пашенцев Д.А., Каменских Н.А.,
ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ГОСУДАРСТВА И РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ПЕРИОД
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ..... **21**

Иванова Р.М.,
ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941–1945 гг.
КАК ОСНОВА САМОИДЕНТИФИКАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА..... **26**

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

Мкртумян А.Ю.,
СУДЕБНЫЙ ПРЕЦЕДЕНТ В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ **33**

Честнов И.Л.,
ИНТЕРСУБЪЕКТИВНОСТЬ ПРАВА **38**

Дорская А.А.,
ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ Г.Ф. ШЕРШЕНЕВИЧА **46**

Шамаров В.М.,
ПОЛИЦЕЙСКИЕ ПРОФСОЮЗЫ СТРАН ЕВРОПЫ И США **57**

Чурилов С.Н., Никифоров В.Г.,
ОСНОВАНИЯ ПОСТРОЕНИЯ ЧАСТНЫХ СУДЕБНЫХ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ МЕТОДИК..... **66**

Мальцев О.В.,
ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О НАЛОГАХ И СБОРАХ
(теоретические и практические аспекты) **72**

Третьякова Е.С.,
ФОРМИРОВАНИЕ КОНСУЛЬСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ С ИНОСТРАННЫМИ ГОСУДАРСТВАМИ **79**

Аль Али Насер Абдель Рахим,
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННОГО
АРБИТРАЖНОГО СОГЛАШЕНИЯ..... **88**

Анучкина А.Д., Белокопытова Н.Ю., Степанова Л.П.,
О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДА ИНВАЛИДОВ В РОССИИ..... **96**

Чеботарева А.А.,
ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ
СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ И ДИСБАЛАНСА МЕЖДУНАРОДНОЙ
ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ..... **103**

Куксин И.Н., Мичулис Э.Ф.,
ФОРМИРОВАНИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ
СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА РОССИИ И БЕЛАРУСИ **109**

Суровень Д.А., ПОНЯТИЕ, СОДЕРЖАНИЕ, ВИДЫ, ОБЕСПЕЧЕНИЕ И ПРЕКРАЩЕНИЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В ДРЕВНЕМ И РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОМ ЯПОНСКОМ ПРАВЕ.....	119
Ефремова И.А., К ВОПРОСУ О ПРЕДУПРЕДИТЕЛЬНОМ ХАРАКТЕРЕ ОТСРОЧКИ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ.....	129

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

Шкодинский С.В., Болотов Ю.Ю., СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ТЕОРИЙ КУМУЛЯТИВНОГО РОСТА.....	134
Данилина Е.И., ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ УПРАВЛЕНИЯ СОСТАВЛЯЮЩИМИ КАТЕГОРИИ «КАПИТАЛ».....	142
Бердышев А.В., Елесина М.В., Рашкеева И.В., БАНКОВСКАЯ СИСТЕМА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ЕЕ УКРЕПЛЕНИЯ.....	156
Тихонов А.В., ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМ РЕФОРМИРОВАНИЯ ВЛАСТНО-УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ВЕРТИКАЛИ.....	163
Горелов Д.В., Маликова Я.И., ОСОБЕННОСТИ ИННОВАЦИОННО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО КОМПЛЕКСА: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ.....	176
Корнилович В.А., НАУЧНОЕ И ИНФОРМАЦИОННОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	187
Назаров А.Г., ПРИОРИТЕТЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ИНВЕСТИРОВАНИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ.....	199
Богданов В.С., Мерзляков А.А., ПРАКТИКА ДИСТАНЦИОННЫХ ОНЛАЙН-ИССЛЕДОВАНИЙ В ОНТОЛОГИЧЕСКОМ ПОЛЕ ПРОБЛЕМ СОЦИОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ (ДИСТАНЦИОННЫЙ АНАЛИЗ РЕАЛИЗАЦИИ КЛАСТЕРНОЙ ПОЛИТИКИ В РЕГИОНАХ РФ).....	207

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕДАГОГИКИ И ПСИХОЛОГИИ

Богословский В.И., Жукова Т.А., СИСТЕМА МУЛЬТИКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ.....	231
Жукова Г.С., Федякина Л.В., СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ НЕПРЕРЫВНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПРАВОВОЙ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ.....	238
Люсый А.П., Шкурко Н.М., РОЛЬ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ).....	248
Сенкевич Л.В., Орешкина А.С., ИСКАЖЕНИЕ МОТИВАЦИОННО-ПОТРЕБНОСТНОЙ И ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЙ СФЕР В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ ПРИ СУИЦИДАЛЬНОМ ПОВЕДЕНИИ.....	262

Абдулгалимов Р.М., Ризаханов М.А., Абдулгалимова Г.Н., АКМЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ И САМОСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛИЧНОСТИ ВРАЧА	273
Цуркин В.А., ОБРАЗ ФИЗИЧЕСКОГО Я ИСПЫТУЕМЫХ С РАЗНЫМИ ТИПАМИ ПРИВЯЗАННОСТИ К МАТЕРИ	278
Сорокопуд Ю.В., Харченко Л.Н., Чалаева А.Х., СОДЕРЖАНИЕ И ПРИНЦИПЫ ЭФФЕКТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМ УЧРЕЖДЕНИЕМ	287

CONTENTS

ON THE 70TH ANNIVERSARY OF VICTORY IN THE GREAT PATRIOTIC WAR

INTERVIEW WITH V. ZOLOTAREV , DEPUTY CHAIRMAN OF THE GENERAL EDITORIAL COMMITTEE, SCIENTIFIC SUPERVISOR OF AUTHORIZING TEAM OF THE ENCYCLOPEDIA "THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941-1945 YEARS", DOCTOR OF HISTORY, DOCTOR OF LAW, PROFESSOR, PRESIDENT OF HISTORICAL ASSOCIATION OF THE SECOND WORLD WAR.....	11
Pashentsev D., Kamenskikh N. , RELATIONS BETWEEN THE STATE AND THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR.....	21
Ivanova R. , THE HISTORICAL MEMORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941-1945 AS THE BASIS OF SELF-IDENTIFICATION OF THE RUSSIAN SOCIETY	26

THEORY AND PRACTICE OF SCIENCE OF LAW

Mkrtumyan A. , JUDICIAL PRECEDENT IN THE LEGAL SYSTEM OF THE REPUBLIC OF ARMENIA.....	33
Chestnov I. , INTERSUBJECTIVITY OF LAW	38
Dorskaya A. , THE HISTORICAL-LEGAL ISSUES IN THE SCIENTIFIC HERITAGE OF G. SHERSHENEVICH.....	46
Shamarov V. , POLICE LABOR UNIONS IN THE COUNTRIES OF EUROPE AND IN THE USA.....	57
Churilov S., Nikoiforov V. , THE GROUNDS OF FORMATION OF PRIVATE COURT FORENSIC TECHNIQUES.....	66
Mal'tsev O. , THE CONCEPTION AND CONTENT OF TAXES AND FEES LEGISLATION (theoretical and practical aspects).....	72
Tret'yakova E. , THE FORMATION OF CONSULAR COOPERATION BY THE RUSSIAN EMPIRE WITH FOREIGN STATES.....	79
Al Ali Naser Abdel Rahim , LEGAL REGULATION OF ELECTRONIC ARBITRATION AGREEMENT	88
Anuchkina A., Belokopytova N., Stepanova L. , ABOUT SOME PROBLEMS IN LEGAL REGULATION OF WORK OF PERSONS WITH DISABILITIES IN RUSSIA.....	96
Chebotareva A. , INFORMATION SECURITY OF THE PERSONALITY IN THE CONDITIONS OF CONTEMPORARY CHALLENGES AND THE IMBALANCE OF THE INTERNATIONAL INFORMATION POLICY	103
Kuksin I., Michulis E. , THE FORMATION OF THE CRIMINAL-LEGAL SYSTEM OF THE UNION STATE OF RUSSIA AND BELARUS	109

Surowen' D., THE CONCEPTION, CONTENT, TYPES, PROVIDING AND TERMINATION OF OBLIGATIONS IN ANCIENT AND EARLY MEDIEVAL JAPANESE LAW	119
Efremova I., REVISITING THE ISSUE ABOUT PREVENTIVE NATURE OF DELAY OF SERVING PUNISHMENT	129

ISSUES OF ECONOMICS AND MANAGEMENT

Shkodinskiy S., Bolotov Yu., THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF THEORIES OF CUMULATIVE GROWTH	134
Danilina E., THE MAIN TRENDS IN THE MANAGEMENT COMPONENTS OF THE "CAPITAL" CATEGORY	142
Berdyshev A., Elesina M., Raksheeva I., THE BANKING SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION: CHALLENGES AND OPPORTUNITIES OF ITS STRENGTHENING	156
Tikhonov A., RESEARCH OF THE ISSUES OF REFORMING OF POWER-MANAGERIAL VERTICAL.....	163
Gorelov D., Malikova Ya., THE FEATURES OF INNOVATIVE-EDUCATIONAL COMPLEX: DOMESTIC AND FOREIGN EXPERIENCE	176
Kornilovich V., SCIENTIFIC AND INFORMATION SUPPORT OF STRATEGIC PLANNING IN THE RUSSIAN FEDERATION	187
Nazarov A., THE PRIORITIES FOR STRATEGIC INVESTMENT OF THE RUSSIAN REGIONS	199
Bogdanov V., Merzlyakov A., PRACTICE OF DISTANCE ONLINE RESEARCH IN AN ONTOLOGIC FIELD OF ISSUES OF MANAGEMENT SOCIOLOGY (THE DISTANCE ANALYSIS OF REALIZATION OF CLUSTER POLICY IN REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION)	207

TOPICAL ISSUES OF PEDAGOGY AND PSYCHOLOGY

Bogoslovskiy V., Zhukova T., THE SYSTEM OF MULTICULTURAL EDUCATION: POSSIBILITIES AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT	231
Zhukova G., Fedyakina L., THE IMPROVEMENT OF CONTINUOUS PROFESSIONAL LEGAL TRAINING OF SPECIALISTS OF SOCIAL SPHERE	238
Lyusiy A., Shkurko N., THE ROLE OF REGIONAL IDENTITY IN CONTEMPORARY RUSSIA (ON THE ISSUE OF FORMATION OF REGIONAL CONSCIOUSNESS).....	248
Senkevich L., Oreshkina A., THE DISTORTION OF THE MOTIVATIONAL-NEEDS AND VALUE-SEMANTIC SPHERES AT YOUTHFUL AGE WITH SUICIDAL BEHAVIOR.....	262

Abdulgalimov R., Rizakhanov M., Abdulgalimova G., ACMEOLOGICAL ASPECTS OF THE FORMATION AND SELF-IMPROVEMENT OF PROFESSIONAL ACTIVITY OF INDIVIDUALITY OF A DOCTOR	273
Tsurkin V., THE IMAGE OF THE PHYSICAL SELF OF TESTED INDIVIDUALS WITH DIFFERENT KINDS OF DEVOTION TO THE MOTHER	278
Sorokopud Yu., Kharchenko L., Chalaeva A., THE CONTENT AND PRINCIPLES OF EFFECTIVE MANAGEMENT OF EDUCATIONAL INSTITUTION	287

**ИНТЕРВЬЮ С В.А. ЗОЛОТАРЕВЫМ, ДОКТОРОМ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК,
ДОКТОРОМ ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРОМ, НАУЧНЫМ РУКОВОДИТЕЛЕМ
АВТОРСКОГО КОЛЛЕКТИВА ЭНЦИКЛОПЕДИИ
«ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941–1945 ГОДОВ»,
ПРЕЗИДЕНТОМ АССОЦИАЦИИ ИСТОРИКОВ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

**INTERVIEW WITH V. ZOLOTAREV, DEPUTY CHAIRMAN OF THE GENERAL EDITORIAL COMMITTEE,
SCIENTIFIC SUPERVISOR OF AUTHORIZING TEAM OF THE ENCYCLOPEDIA
“THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941-1945 YEARS”, DOCTOR OF HISTORY, DOCTOR OF LAW,
PROFESSOR, PRESIDENT OF HISTORICAL ASSOCIATION OF THE SECOND WORLD WAR**

Подвиг героев Великой Отечественной войны – наше бесценное духовное богатство, неиссякаемый источник гордости и вдохновения. Семь десятилетий минуло с победной ночи с 8 на 9 мая 1945 г., когда в берлинском пригороде Карлсхорсте, полномочными представителями СССР, США, Великобритании и Франции была принята безоговорочная капитуляция Третьего рейха. Все эти годы Великая Отечественная война, которую Советский Союз вел с нацистской Германией и ее союзниками, предоставляет колоссальный познавательный материал для исследовательской и аналитической деятельности. В этом году к семидесятилетию Победы завершилась работа над энциклопедией «Великая Отечественная война 1941–1945 годов». Новое многотомное издание должно помочь формированию целостного на-

учного представления об истории нашей страны. Это важно для воспитания нашей молодежи и личного состава Вооруженных Сил.

Мы побеседовали с заместителем председателя Главной редакционной комиссии, научным руководителем авторского коллектива этого исследования, доктором исторических наук, доктором юридических наук, профессором, президентом Ассоциации историков Второй мировой войны, Владимиром Антоновичем Золотаревым о работе над этим уникальным фундаментальным трудом.

– Извлечение уроков из победоносной войны – дело психологически более сложное, чем извлечение уроков из войны проигранной. В последнем случае сам исход выступает стимулом для критического подхода. Успешная же война зачастую ставит перед исследователем соблазн ограничиться анализом причины победы. В таком случае возникает угроза сползти на рельсы односторонности в анализе. Как строилась работа авторского коллектива и что послужило причиной создания этого фундаментального труда?

Коллектив авторов, научных редакторов, экспертов, создавая фундаментальный 12-томный Труд «Великая Отечественная война 1941–1945 годов» старался избежать этого парадокса. Война – это не болезнь, это симптом, показывающий социально-экономическое, социально-политическое и социально-психологическое состояние государства или группы государств. Значение уроков войны особенно велико в современных условиях, когда в мире вновь нарастает конфликтный потенциал, а перед человечеством в очередной раз встают серьезные вызовы. Причиной и одновременно поводом к работе над 12-томным трудом стало внимание государства и распоряжение Президента Рос-

сии от 5 мая 2008 г. На его основе и под организационным руководством Министерства обороны РФ объединили свои усилия специалисты разных министерств и ведомств, военных учебных заведений, гражданских вузов, научно-исследовательских институтов РАН, государственных и ведомственных архивов, научных библиотек. Масштаб и фундаментальный характер работы потребовали комплексного подхода к освещению событий кануна, хода и завершения Великой Отечественной войны. Такой подход изначально предполагал раскрытие собственно военной, а также экономической, политической, дипломатической, социальной, духовной, личностной и других составляющих этого сложного социального явления. Главная задача этого труда – поведать не только о том, что было, но и почему было именно так и что этому способствовало.

– Какова документальная база и структура этой энциклопедии?

Документальной основой послужили новые архивные документы, труды и публикации последних лет, в том числе зарубежные. Это новое издание вводит в оборот сотни выявленных за последние два десятилетия документов, находившихся ранее на закрытом хранении в Архиве Президента РФ, Российском государственном архиве социально-политической истории, Центральном архиве Министерства обороны РФ, других отечественных и зарубежных архивохранилищах. На этой уникальной документальной базе вскрыты истинные причины и цели преступной войны Германии против СССР, опровергнуты мифы о «превентивной войне» с ее стороны; показано, что цели Советского Союза в войне против фашистского блока отвечали жизненным интересам как народов нашей страны, так и народов других стран; раскрыт справедливый характер войны СССР за право на существование, независимость и территориальную целостность. Структура издания такова: 1-й том посвящен основным событиям войны; 2-й – происхождению и началу войны; 3-й том отражает битвы и сражения, изменившие ход войны; 4-й посвящен вопросам освобождения территории СССР в 1944 году; 5-й – победному финалу и завершающим операциям Великой Отечественной войны в Европе, войне с Японией; 6-й – тайная война: разведка и контрразведка в Великой Отечественной войне; 7-й – «Экономика и оружие войны»; 8-й – «Внешняя политика и дипломатия Советского Союза в годы войны»; 9-й – «Союзники СССР в Великой Отечественной войне»; 10-й – «Государство, общество и война»; 11-й – «Политика и стратегия Победы. Стратегическое руководство войной и Вооруженными силами в годы войны»; 12-й том об итогах и уроках войны.

– Проведена уникальная работа, которая заслуживает того, чтобы остановиться на содержании каждого тома. В какое время подготовлен и выпущен первый том и что главное в его содержании?

Он получил название «Основные события войны» и выпущен в 2011 г., в канун 70-й годовщины начала Великой Отечественной войны. В нем анализируются основные события на советско-германском фронте, их взаимосвязь с действиями союзников на других фронтах, рассматриваются причины поражений советских вооруженных сил в начальный период войны и весной 1942 г., проблемы политического руководства фронтом и тылом, роль партизанской борьбы в тылу врага, развитие военного искусства, использование отдельных видов вооруженных сил, роль разведки и контрразведки, деятельность военачальников и полководцев, военное, экономическое и политическое сотрудничество союзников по антигитлеровской коалиции, решающую роль Советского Союза в разгроме фашистского блока. Помимо собственно военных аспектов рассматриваются и такие, как развитие в ходе войны научно-технической и минерально-сырьевой базы, трудовой подвиг народа, вклад общественных организаций и, в частности, Русской православной церкви в общую Победу, деятельность творческих союзов, роль культуры и средств массовой информации. Раскрываются причины сотрудничества некоторых групп населения с оккупантами, споры по вопросам послевоенного урегулирования, меры по наказанию военных преступников.

– В настоящее время существует много интерпретаций и мнений о людских потерях вооруженных сил и населения оккупированных территорий в этой войне. Что показал анализ и каковы ответы на вопросы, какой ценой обошлась нам Победа?

На основе фактов и статистических данных показано, что Великая Отечественная война была главной составляющей Второй мировой войны, поскольку Советский Союз принял на себя главный удар агрессора и вынес основную тяжесть борьбы с нацистской Германией и ее союзниками. Раскрыт народный характер Великой Отечественной войны, проанализированы роль государственных, партийных и военных органов, общественных организаций в мобилизации всех сил страны на разгром врага, источники и движущие силы борьбы с агрессором, характер борьбы в тылу врага и партизанское движение. Большое место уделено анализу цены Победы, в частности, людских потерь как советских вооруженных сил, так и вермахта и его союзников. Определена цена наших демографических и материальных потерь, освещен и вопрос нравственного ущерба Советскому Союзу в ходе и по завершении войны. Дана оценка опыту ведения Великой Отечественной войны для развития военной теории и решения практических задач военного строительства в послевоенных и современных условиях.

Важную роль играют анализ борьбы против попыток пересмотра итогов войны, развенчание мифов о «превентивной войне» со стороны Германии и ее союзников, их «стремлении спасти мировую цивилизацию от смертельной опасности большевизма» и т.п. В томе вскрыты истинные причины и цели войны нацистской Германии против СССР; показано, что цели Советского Союза в войне объективно соответствовали геополитическим жизненным интересам как народов СССР, так и народов других стран; раскрыт справедливый характер войны СССР против нацистской Германии и ее союзников.

– В последние годы вопросы взаимоотношений государств Европы в период между двумя мировыми войнами вызывает повышенное внимание исследователей. Именно в этом периоде и особенно в 30-х годах кроются причины Второй мировой войны. Второй том привлекает внимание самим названием – «Происхождение и начало войны». Какие дискуссионные вопросы рассмотрены в этом труде?

Второй том, вышедший в 2012 г., посвящен предыстории нападения Германии на нашу страну и первым трем месяцам войны – с 22 июня до 30 сентября 1941 г., то есть до начала немецкого наступления на Москву. Это был наиболее критический и поэтому наиболее дискуссионный период, который определил весь дальнейший ход войны.

Том включает шесть тематических блоков: историко-познавательные основы изучения Великой Отечественной войны; у истоков войны; начало Второй мировой войны и политика СССР; СССР накануне нападения Германии; вступление Советского Союза в борьбу с агрессорами; итоги первых месяцев войны; документальные и другие приложения с картами и иллюстрациями. В томе предпринята попытка ответить на ряд актуальных дискуссионных вопросов. Можно ли было предотвратить Вторую мировую войну, а затем и нападение Германии на СССР? Почему сегодня усилились попытки обвинить нашу страну в развязывании войны, представить советских воинов в роли захватчиков? Как объяснить поражения советских войск в первые месяцы войны и огромные людские потери? Почему часть пленных советских солдат, офицеров и населения временно оккупированных территорий стали сотрудничать с врагом? Каковы основы материальных и духовных сил народа, совершивших на фронте и в тылу исторический подвиг массового героизма в борьбе с захватчиками? На эти вопросы авторы стремились дать ответ на уровне современных научных знаний.

В исследовании через призму геополитики рассматриваются противоречия между ведущими мировыми державами того времени. Цели Германии в отношении Советского государства выходили за рамки борьбы идеологий и включали уничтожение государственности и культуры русского и дру-

гих народов СССР, физическое истребление народов Восточной Европы. Десятилетиями складывавшийся в Германии «образ врага» включал представления о вечной борьбе германцев против славян, о культурном призвании и праве западных европейцев господствовать на Востоке Европы. В этом аспекте Советский Союз и, соответственно, Россия рассматривались как законная добыча «третьего рейха», которому якобы «геополитически предопределено» установить над его народами колониальное господство «высшей расы». Поэтому сведение сути мирового конфликта к столкновению «нацизма с большевизмом» с точки зрения современных научных представлений выглядит поверхностно.

В современных условиях распространяется вполне реалистический взгляд на достижения и просчеты советской внешней и внутренней политики в 1930-е годы. В межвоенный период возникла угроза объединения развитых в экономическом и военном отношениях держав против СССР. Важнейшая задача советской внешней политики в 1920–1930-е годы, таким образом, заключалась в том, чтобы найти союзников, не допустить сплочения могущественных противников на антисоветской платформе и предотвратить (или, по крайней мере, максимально отсрочить) вступление страны в большую войну.

– Почему в третьем томе тематически объединены наиболее крупные сражения первой половины и середины Великой Отечественной войны?

Он посвящен анализу событий, происходивших с 30 сентября 1941 г. по конец 1943 г. и в нем рассматриваются основные битвы и сражения, которые переломили ход не только Великой Отечественной, но всей Второй мировой войны. Это Московская, Сталинградская и Курская битвы, сражения за Ленинград, Кавказ, Днепр. Эти битвы привели к разгрому крупных группировок врага и достижению значительных военно-политических и стратегических результатов.

Так, в битве за Москву советские войска смогли отбросить гитлеровский план наступления «Тайфун» и 5 декабря 1941 года перейти в контрнаступление, в ходе которого Красная армия отбросила группу немецких армий «Центр» на 100–250 км от Москвы.

Борьба за стратегическую инициативу с новой силой разгорелась в мае-июле 1942 г. После нескольких поражений Красной армии под угрозой находились Ленинград, Москва, Сталинград, Кавказ. Противник опять овладел стратегической инициативой на полях сражений. Казалось, что наступили последние дни Красной армии. Однако победа под Сталинградом изменила стратегическую обстановку на советско-германском фронте и оказала влияние на ход вооруженной борьбы на других фронтах Второй мировой войны. Она стала важным рубежом в Великой Отечественной и Второй мировой войнах. Произошло не только количественное, но и качественное изменение соотношения сил на мировой арене в пользу СССР и союзных ему стран.

В исследовании показано, что Курская битва стала показателем необратимости перелома в Великой Отечественной войне, выразившемся в том, что вермахт и его сателлиты уже не могли вернуть себе стратегическую инициативу. Стало ясно, что разгром Германии на советско-германском фронте стал лишь вопросом времени. С советско-германского фронта пошли мощные позитивные импульсы к другим фронтам Второй мировой войны. Стратегическая инициатива стала переходить к Советскому Союзу и его союзникам.

В течение 1941–1943 гг. произошли и другие решающие сражения, приведшие к изменениям стратегической обстановки на театрах военных действий. В результате Германия вынуждена была отказаться от наступательной стратегии и инициативой полностью овладели Советский Союз и его союзники.

– В чем особенность освещения событий на фронтах в 1944 г.? Ведь этот год ознаменовался крупными наступательными операциями Красной армии, приведшими к освобождению территории Советского Союза от оккупантов.

Особенность освещения событий в том, что исследование проведено на более широкой источниковой базе, основу которой составили новые архивные документы, труды и публикации последних лет, в том числе зарубежные. Описание хода военных действий более сжато, по принятой для всего тома схеме изложения материала, исключена излишняя идеологическая насыщенность, присущая прежним изданиям как советского, так и постсоветского периода. Материал изложен максимально объективно – без предвзятого подхода, с учетом разных мнений, в том числе немецких исследователей. Приведены факты, позволяющие уточнить алгоритм планирования стратегических операций, операций группы фронтов и роль в этом процессе представителей Ставки ВГК, Генерального штаба и командования фронтов.

Этот том «Освобождение территории СССР. 1944 год», вышел в свет в 2013 г. В нем представлены достижения советского военного искусства и одновременно вскрыты недостатки в решениях и действиях ставки Верховного Главнокомандования (ВГК), командований фронтов, флотов, армий, флотилий. На основе широкой источниковой базы обобщаются общие результаты боевых действий при исследовании зимней кампании 1944 г., особенно на западном стратегическом направлении в восточной Белоруссии. Анализ рассматриваемых проблем в томе выстроен хронологически строго по этапам боевых действий, а внутри них – по операциям групп фронтов и фронтовым операциям. Это позволило осветить события последовательно и полно.

– В пятом томе освещены завершающие операции в Европе и, выйдя за рамки тематики борьбы с гитлеровской Германией, читатель погружается в перипетии войны на Дальнем Востоке с Японией. В чем особенности интерпретации войны с Японией?

С выходом вооруженных сил СССР к довоенным границам в Европе была решена главная задача – изгнание врага с территории Отечества. В военно-политической обстановке в мире и на театрах военных действий Второй мировой войны в связи с этим произошли принципиальные изменения, но не была еще достигнута поставленная союзниками по антифашистской коалиции цель – полный разгром агрессоров – как на Западе, так и на Востоке.

Освещение в отдельном томе всех военных операций 1944–1945 гг. на зарубежных по состоянию на 22 июня 1941 г. территориях Европы и Азии предпринят в отечественной историографии впервые. Это позволяет выпукло показать освободительную миссию Советского государства по отношению к странам-жертвам агрессии. При этом война с Японией интерпретируется не только как одна из кампаний союзнических сил на завершающем этапе Второй мировой войны, но и как логическое продолжение четырехлетней Великой Отечественной войны советского народа и его Вооруженных Сил за свою свободу и независимость, утверждение справедливых западных и восточных границ СССР и освобождение других народов от фашистско-милитаристского гнета.

Материалы пятого тома раскрывают содержание, формы и методы ведения войны Советским Союзом во взаимодействии с союзниками и патриотическими освободительными силами стран Европы и Азии. Показана их роль в разгроме войск агрессоров и ликвидации оккупационных режимов, решающий вклад в уничтожение германского нацизма, разгром главной группировки сухопутных войск Японии на Азиатско-Тихоокеанском театре войны – миллионной Квантунской армии в Маньчжурии и Северной Корее и сил 5-го фронта на Южном Сахалине и Курилах как решающего фактора капитуляции Японии и завершения Второй мировой войны. Раскрыто влияние побед советских вооруженных сил на развитие военно-политической ситуации на других театрах коалиционной мировой войны, а также значение политических мероприятий за рубежом для формирования дружественных по отношению к Советскому Союзу политических режимов по периметру его границ, обеспечения его безопасности на Западе и Востоке Евразии.

Особое внимание уделено показу верности СССР союзническому долгу, дается убедительное обоснование соответствия решения Советского правительства об объявлении войны Японии нормам международного права.

На новых документах и материалах исследований в России и за рубежом раскрывается объективная необходимость вступления СССР в военные действия на азиатско-тихоокеанском театре Второй мировой войны как проявление союзнического долга. Главная причина – отказ Японии от безоговорочной капитуляции перед союзниками по антигитлеровской коалиции и неспособность последних в течение длительного времени (от 1,5 до 5–7 лет по расчетам их штабов) самостоятельно разгромить дальневосточного агрессора. Анализируются политические, военно-стратегические и морально-психологические особенности подготовки и ведения военных операций СССР на Востоке Евразии, их значение для принуждения Японии к миру и ускорения окончания Второй мировой войны, уменьшения количества ее жертв и закрепления восточных границ Отечества.

– Содержание шестого тома «Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны» необычно, поскольку впервые предпринята попытка осветить деятельность внешней разведки и контрразведки в рамках одного труда и в максимально концентрированной форме. Чем вызвано обращение к этой теме? Почему в одном томе параллельно даны анализы деятельности разведки и контрразведки, то есть спецслужб, являющихся в известной степени антагонистическими?

В отличие от первых пяти томов, посвященных анализу различных этапов войны, шестой и последующие тома посвящены сквозным тематическим исследованиям. В шестом томе освещен труд сотрудников советской разведки и контрразведки в ходе войны, показан их вклад в достижение победы над нацистской Германией и в разгром милитаристской Японии. Известно, что задача контрразведки – найти и обезвредить иностранных разведчиков, а одна из задач последних – увернуться от бдительного ока контрразведчиков ради поиска и добычи нужной информации. Обращение к этой теме было обусловлено резко возросшим значением их как в предвоенный период, так и в ходе войны. Впервые в отечественной историографии была преодолена ведомственная разобщенность в оценках работы этих спецслужб и рассмотрены ее основные направления. Соединение разведки и контрразведки как субъектов специфической деятельности в одном томе было вызвано стремлением сопоставить их работу, расположив на «близком расстоянии». При таком рассмотрении особенности каждой из них выявляются наглядно и более полно.

– Вопросам состояния советской и германской экономических систем в ходе войны и качества вооружений воюющих сторон посвящено немало работ. Как авторский коллектив подошел к исследованию этих вопросов?

Материалы седьмого тома «Экономика и оружие войны» включают анализ экономического и оборонного потенциала не только СССР, но и Германии, располагавшей накануне войны ресурсами почти всей континентальной Европы. В томе освещены основные этапы перехода экономики Советского Союза на военные рельсы, представлены сведения об организационных мерах по эвакуации на восток страны объектов промышленности, людских и материальных ресурсов, раскрываются вопросы финансовой политики и совершенствования системы тылового обеспечения Вооруженных Сил. Уделено особое внимание проблеме развития вооружений противоборствующих сторон. Большим достоинством тома является всесторонний анализ создания и развития вооружения и военной техники не только по видам и родам войск, но и в комплексе. В большинстве предыдущих исследований, как правило, отражались преимущественно количественные показатели, в нашем же издании содержится и качественная оценка отечественного и зарубежного оружия по типам и категориям.

– Восьмой том энциклопедии посвящен советской внешней политике в годы Великой Отечественной войны. Как соотносятся вопросы внешней политики и, в частности, дипломатии с операциями на фронтах Европы и Дальнего Востока?

В работе рассмотрены главные направления внешнеполитической деятельности Советского Союза – формирование и укрепление антигитлеровской коалиции, развитие отношений с нейтральными государствами, усилия по разложению блока стран-агрессоров. Опыт международной деятельности Советского Союза в период Великой Отечественной войны дает ключ к осознанию современных угроз, а изучение советской внешней политики времен войны подтверждает значимость последовательного отстаивания государственных интересов России в мировой политике. Немаловажен и проблемно-хронологический принцип изложения событий, который позволил сочетать повествование о фактической стороне произошедшего с анализом особенностей советской дипломатии.

– Освещены ли вопросы отношений Советского Союза со странами – союзниками по антигитлеровской коалиции?

Да. В девятом томе дан анализ стратегического взаимодействия с союзниками по антигитлеровской коалиции, влияния военных действий на советско-германском фронте на развитие событий на других фронтах и театрах Второй мировой войны. Освещена роль экономической, военно-технической и продовольственной помощи союзников по программе «ленд-лиз». Все эти вопросы рассмотрены подробно и максимально объективно. Вместе с тем авторы тома видели свою задачу не только в освещении событий прошлого, но и в обозначении конкретных выводов в интересах современной России.

– Десятый том посвящен состоянию советского общества в условиях военного времени. Каковы были характер и формы взаимодействия государства и общества в условиях военного времени?

Тема «народ и война» – одна из ключевых для понимания событий 1941–1945 гг. О подвиге советского народа, ценой огромных жертв спасшего страну и человечество от фашизма, написано немало. Вместе с тем многие аспекты этой проблемы оставались недостаточно исследованными, другие подвергались переоценке, в том числе в плане новой мифологизации истории войны.

Под угрозой смертельной опасности граждане СССР оказали беспрецедентную поддержку политическому и военному руководству страны, которое смогло во имя достижения национального единства в борьбе с врагом подняться над идеологическими догмами и обратиться к патриотическим чувствам людей. Победителем в войне стал многонациональный советский народ, а важнейшим условием достижения Победы стало мощное организующее начало государства.

В работе говорится о перестройке государственного управления на военный лад, единстве фронта и тыла и их «человеческой составляющей», мерах по эвакуации предприятий и людских ресурсов на Восток страны. В центре внимания – деятельность Государственного Комитета Оборона СССР, сосредоточившего в своих руках всю полноту власти в чрезвычайных военных условиях. Дается анализ работы советских органов, партийных структур, комсомола, профсоюзов и других общественных организаций в условиях военного времени, а также их вклад в Победу.

– Роль и значение стратегического руководства военными действиями и тылом в ходе любой войны несомненны. В связи с этим одиннадцатый том «Политика и стратегия Победы. Стратегическое руководство войной и Вооруженными силами в годы войны» имеет в некотором отношении обобщающий характер. Вместе с тем в ходе Великой Отечественной войны значение стратегического руководства войной было во многом переосмыслено и поднято на беспрецедентно высокий уровень. Каковы были его особенности?

На этот том следует обратить особое внимание. Он важен в плане подготовки в наши дни специалистов Военной академии Генерального штаба, военных академий, академий государственной службы. Представленные в томе материалы не являются прерогативой военной сферы, они применимы в организации современного государственного управления, например, в сфере национальной безопасности.

В труде впервые подробно разбираются особенности стратегического руководства в начальный период войны. Сделан вывод, что неготовность страны в этом звене, непонимание (что вполне объяснимо для того периода) И.В. Сталиным и высшим военным руководством страны характера войны и того, как руководить военными действиями привели в 1941 г. к колоссальным потерям и поражениям. Допущенные тогда ошибки дорого обошлись нашей стране.

Уроки войны свидетельствуют, что создание системы стратегического руководства – необходимость не только для тотальных войн, какой была Великая Отечественная война, но и для любой ограниченной войны. Крайне важно четкое определение компетенции политического руководства и военного командования. Важно иметь также рекомендации относительно того, что делать в каждом звене управления.

– В чем особенность последнего двенадцатого тома энциклопедии «Итоги и уроки войны».

Название говорит само за себя. В исследовании даны характеристики выдающихся деятелей государства и военачальников, оценка их личного вклада в Победу.

Нельзя не отметить особенность энциклопедии –нацеленность в будущее.

– Современное понимание Великой Отечественной войны требует не только обращать взор в прошлое. Главная цель – из войны и Победы извлечь уроки для всемерного укрепления современной России. Какие же уроки можно вынести из Великой Отечественной войны и предшествовавшего ей периода в сфере национальной безопасности России?

Начнем с того, что подготовка страны к войне в социально-политическом, социально-экономическом и социально-психологическом отношении не была завершена. Население СССР не было готово к войне и в идеологическом смысле. Действовавший советско-германский пакт о ненападении порождал в обществе определенные иллюзии, а заявление ТАСС от 14 июля 1941 г., определенным образом дезинформировало как гражданское население, так и военные кадры. Поэтому укрепление обороноспособности страны, развитие ее оборонно-промышленного комплекса (в том числе и вопрос импортозамещения), оснащение вооруженных сил новейшими образцами вооружения, постоянное совершенствование взаимодействия войск не должны сопровождаться дезавуирующими их внешнеполитическими шагами. Содержание современных Вооруженных Сил всегда во всех отношениях дешевле войны, но укрепление обороноспособности страны должно идти не только на материальном уровне, но и (куда более важно) морально-психологическом, укрепляющем авторитет органов власти и общее чувство патриотизма. Во-вторых, накануне Великой Отечественной войны высшее военно-политическое руководство государства во главе с И.В. Сталиным не смогло правильно оценить общую предвоенную обстановку, непосредственные намерения Германии и определить время возможного начала агрессии. В свою очередь, нарком обороны С.К. Тимошенко и начальник Генерального штаба Г.К. Жуков не сумели убедить И.В. Сталина в необходимости заблаговременно приведения войск приграничных округов в боевую готовность. Руководство наркомата обороны и Генерального штаба было весьма ограничено И.В. Сталиным в определении не только самостоятельной позиции по поводу опасности начала войны, но и в выборе необходимых мер обороны. В результате назревшие и необходимые мероприятия либо не осуществлялись совсем, либо проводились запоздало. Неуверенность высшего военного руководства, отправившего в войска в ночь на 22 июня 1941 г. противоречивый приказ, сыграло на руку агрессору. Отсюда урок в необходимости однозначных и четких приказов в условиях развертывания войск противника и их подготовки к агрессии. Обратим внимание, что с середины 1930-х годов развитие военно-теоретической мысли в СССР замедлилось, наблюдалась избыточная опора на опыт Первой мировой и Гражданской войн. В то же время не было сделано должных выводов из опыта экономической, военной и информаци-

онно-психологической интервенции в Россию, военных кампаний вермахта в Европе, а также по результатам советско-финской войны. Его изучение и обсуждение проводилось, но на военную теорию и особенно практику подготовки органов военного управления и войск это оказало слабое влияние. Поэтому необходимо, помня о стратегических уроках прошлого, уделять особое внимание боевой подготовке не по шаблону предыдущих войн, но по гибким лекалам современных вооруженных конфликтов и роли в них как вооруженных сил в целом, так и отдельных видов и родов войск. При этом главное внимание в военно-теоретических дискуссиях должно уделяться анализу последних военных событий на различных театрах.

Уроки Великой Отечественной войны, опыт послевоенного строительства и применения Вооруженных сил еще раз убедительно показывают необходимость создания современных пособий «Командиру вновь назначенному на должность» по всей вертикали от тактического звена до стратегического.

Вывод советского руководства о том, что перед началом войны Германия будет проводить развертывание своих сил на границе в течение полутора-двух недель, был ничем не обоснован и противоречил опыту 1939–1940 гг. Общие представления о начальном периоде будущей войны были неверны. Направление главного удара вермахта было определено ошибочно, что привело к дисбалансам в создании группировок войск и сил в приграничных округах. Развертывание сил приграничных округов к началу войны не отвечало требованиям обстановки. Их равномерное распределение и эшелонирование не позволяли организовать эффективное сопротивление наступлению вермахта. Многие части и соединения приграничных округов не были полностью укомплектованы и перевооружены, а их малый уровень моторизации обуславливал недостаточную подвижность войск. Формирование новых частей не было в достаточной мере подкреплено организационными мерами и в материально-техническом отношении. Строительство новых укрепленных районов, рубежей, аэродромов, инженерная подготовка театра военных действий не были закончены. В то же время значительная часть мобилизационных запасов была сосредоточена в приграничных районах и в своей значительной массе попала в руки противника. Поэтому важным уроком является заблаговременное строительство инженерных укреплений (с учетом развития современных ракетных систем), а также разумное удаление важных объектов инфраструктуры от переднего края.

Наркомат обороны и Генеральный штаб, фронтовые и армейские органы военного управления зачастую не имели достаточных возможностей для адекватной оценки быстро меняющейся обстановки и не всегда принимали обоснованные решения. Одной из причин этого была плохая организация связи с ее ориентацией на проводные средства, надежность которых в условиях начавшейся войны была низкой. Поэтому важнейшая роль в строительстве вооруженных сил должна отводиться ведению разведки, оперативности, адекватности и безопасности каналов устойчивой надежной связи.

Кадры Красной армии, от высшего комсостава до рядовых, имели недостаточную подготовку и боевой опыт. Переход со смешанной территориально-милиционной системы комплектования Вооруженных сил на кадровую был проведен с опозданием, что негативно сказалось на качестве мобилизационных ресурсов. Возникал также и вопрос о качестве мобилизационных ресурсов в аграрно-индустриальной стране, готовившейся к противостоянию агрессии высокоразвитого индустриального государства и его сателлитов. Отсюда следует уделять особое внимание не только техническому оснащению вооруженных сил, но и общей технической грамотности призывного контингента, что отчасти успешно реализовывалось в СССР через систему ДОССААФ и сеть внешкольных технических кружков. Необходимо также твердо определиться с балансом профессионального и призывного принципов комплектования вооруженных сил. Возможное заимствование современной западноевропейской оргштатной структуры войск должно быть глубоко осмысленным, учитывающим сложившиеся связи и распределение полномочий на различных уровнях командования и возможную

утрату этого взаимодействия. В-седьмых, несмотря на свою внушительную численность и большое количество военной техники, советские войска морально и институционально не были готовы к войне, которую намеревался вести Гитлер. РККА находилась в стадии масштабной и системной реорганизации. Психологический шоковый эффект начала войны, большие потери и постоянные отступления вызвали определенную деморализацию части личного состава, снизив общую боеспособность войск. Отсюда необходимо постоянное психологическое укрепление, развитие патриотического воспитания и гордости за свою Родину, единства ее многонационального народа.

И сегодня мы должны знать, помнить и ежедневно следовать этим урокам, чтобы способ избежать повторения трагедии, аналогичной первым месяцам Великой Отечественной войны. Ведь именно благодаря тому, что Советский Союз готовился к отражению агрессии, 8 мая 1945 г. в Берлине полномочные представители главнокомандования вермахта подписали безоговорочную капитуляцию гитлеровской Германии.

Беседу вела Н.М. Шкурко

УДК 322

Пашенцев Д.А.,

доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права
Московского городского педагогического университета

Каменских Н.А.,

кандидат экономических наук, заведующая кафедрой экономики, управления и бизнеса
Московского государственного областного гуманитарного института

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ГОСУДАРСТВА И РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ¹

В статье проанализирована динамика отношений между советским государством и Русской православной церковью в период Великой Отечественной войны. Раскрыто содержание социально-патриотической деятельности Церкви в военное время.

Ключевые слова: государство, церковь, Великая Отечественная война, социальная деятельность, патриотическая деятельность

Pashentsev D.,

Doctor of Law, Professor of Chair of Theory and History of State and Law,
Moscow City Pedagogical University

Kamenskikh N.,

PhD in Economics, Head of Chair of Economics, Management and Business,
Moscow State Regional Institute of Humanities

RELATIONS BETWEEN THE STATE AND THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

The article is analyzed the dynamics of relations between the Soviet Government and the Russian Orthodox Church during the Great Patriotic War. The subject matter of the socio-patriotic activity of the Church in time of war is discovered in the article.

Keywords: State, Church, Great Patriotic War, social activity, patriotic activity

В современных условиях важное значение приобретает исследование широкого круга вопросов, связанных с развитием общественных отношений в кризисных ситуациях, в том числе в период войны. Кроме того, научный анализ особенностей взаимоотношений власти и Церкви в условиях светского государства направлен на поиск оптимальных моделей их взаимодействия, тем более, что сегодня Православная Церковь выступает важным элементом формирующегося гражданского общества.

В период Великой Отечественной войны, когда потребовалось напряжение всех сил нашего общества, перед лицом небывалой угрозы атеистическое Советское государство по-

¹ При написании статьи использованы материалы СПС «Консультант Плюс».

шло на союз с Православием. Великая Отечественная война стала небывалым испытанием для всего нашего народа. Чтобы выжить и одержать победу, необходимо было мобилизовать все силы и средства на отпор врагу. И социально-патриотическая деятельность церкви в этих условиях оказалась вполне уместной. Но для придания ей законных рамок потребовалось существенно изменить саму модель государственно-церковного взаимодействия.

Известно, что в результате воинственной атеистической политики государственных властей к началу войны Русская православная церковь подошла в довольно плачевном состоянии. Достаточно сказать, что к 1939 г. по всей России сохранилось лишь около ста соборных и приходских храмов. Киевская епархия, например, в 1917 г. насчитывала 1710 церквей, 23 монастыря, 1435 священников, 277 диаконов, 1410 псаломщиков, 5193 монашествующих. В 1940 г. во всей епархии оставалось только два прихода с тремя священниками, одним диаконом и двумя псаломщиками². Антицерковная политика Советского государства сопровождалась не только закрытием храмов, но и расстрелами священников, монахов, а также высших церковных иерархов.

В период войны отношение государства к религиозным организациям изменилось, «потеплело», что современные исследователи связывают, в числе прочего, с геополитическими планами Сталина³. Уже 2 ноября 1941 г. митрополит Николай был включен в члены Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию преступлений, совершенных фашистами на оккупированной территории. С началом войны практически перестал существовать Союз воинствующих безбожников, и его типография была передана Патриархии.

Важный шаг на пути изменения правового положения церкви сделал митрополит Сергей, послав 5 января 1943 г. телеграмму Сталину. В этой телеграмме он просил разрешения на открытие церковного банковского счета, на который вносились бы деньги, собранные в церквях на оборону страны. Такое разрешение было дано, и с этого момента церковь фактически стала юридическим лицом, не являясь таковым официально.

Вечером 4 сентября 1943 г. Сталин в присутствии Молотова принял в Кремле митрополитов Сергия, Алексия и Николая. В ходе беседы было решено созвать Поместный собор для избрания патриарха, причем Сталин предложил для этого финансовую и иную помощь, а также высказался за создание православных семинарий и академий для подготовки кадров священнослужителей. Кроме того, были поставлены вопросы об издании церковного журнала, об освобождении из ссылки и лагерей духовенства, об открытии свечных заводов и т.д. Сталин также поставил митрополитов в известность о том, что правительство собирается создать специальный орган – Совет по делам Русской православной церкви – для связи между правительством и патриархией и назначить его председателем Г.Г. Карпова⁴.

Данная встреча стала началом новых отношений между церковью и государством. С одной стороны, права церкви были расширены, с другой, несмотря на продекларированное отделение церкви от государства, она фактически стала подчиняться государству, так как без согласия Совета по делам Русской православной церкви не могла принять ни одного более-менее значимого решения.

Собор епископов состоялся 8 сентября 1943 г. в Москве, в нем участвовали 19 иерархов. На соборе патриархом был избран Сергей, который уже в течение 17 лет фактически выполнял эти обязанности, а также образован при патриархе Священный Синод, состоящий из

² Цыпин В. История Русской Православной Церкви, 1917–1990. – М.: Хроника, 1994. – С. 107.

³ Дорская А.А. Гражданско-правовые аспекты деятельности религиозных организаций в советский период // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». – 2014. – № 1. – С. 47.

⁴ Поспеловский Д. Русская Православная Церковь в XX веке. – М.: Республика, 1995. – С. 190–191.

трех постоянных и трех временных членов. После избрания патриарха и его интронизации начался процесс восстановления епархий, рост числа епархиальных архиереев.

Совет по делам Русской православной церкви при СНК СССР был создан 14 сентября 1943 г. «для осуществления связи между правительством и Патриархом по вопросам, требующим разрешения законодательства, и для контроля за правильным применением законодательства о культах»⁵.

В целом, отношения государства и Церкви в военный период развивались в рамках двух этапов. Первый этап занимает период с июня 1941 г. по начало 1943 г. В это время Православная церковь, почти полностью разгромленная в предшествующие годы, официально сформулировала свою позицию по безоговорочной поддержке народа и государства в войне против фашистских захватчиков. Широкомасштабные социально-патриотические инициативы Церкви в этот период еще не проявлялись, но их элементы уже наблюдались в деятельности отдельных представителей духовенства и верующих.

Второй период охватывает 1943 г. и начало 1944 г. На этом этапе по инициативе правительства налаживается диалог Церкви и государства, что позволяет организовать широко-масштабный сбор средств по церквям в Фонд обороны, на строительство танковой колонны и эскадрильи. Церковь начинает более активно участвовать в оказании помощи раненым, детям-сиротам, семьям фронтовиков и погибших бойцов.

После 1944 г. когда исход войны уже вполне очевиден, Церковь сосредоточила свое основное внимание в рамках социальной деятельности на оказании помощи семьям фронтовиков и погибших воинов, причем сбор средств в их пользу продолжался и некоторое время после окончания войны.

Всю социально-патриотическую деятельность Русской православной церкви в период Великой Отечественной войны можно разделить на два основных направления. К первому направлению относится патриотическая деятельность, направленная на помощь народу и государству в достижении победы над врагом. Эта деятельность главным образом выражалась в духовной поддержке всех верующих, в создании у них соответствующего духовного настроения, а также в сборе средств на нужды обороны. Представители духовенства также участвовали в боевых действиях на фронте, помогали партизанам.

Ко второму направлению относится благотворительная помощь, объектом которой стали раненые, больные, сироты. К сожалению, такая помощь не смогла стать систематической, охватить большое количество нуждавшихся, что явилось результатом сохранявшегося нелегкого положения Церкви в государстве, отсутствия необходимой материальной базы, предвоенными репрессиями против духовенства.

Благотворительная деятельность Русской православной церкви во время войны фактически осуществлялась вне правового поля, так как противоречила действовавшим нормам советского законодательства. Но государство закрывало на это глаза.

О.Н. Петюкова, проанализировав динамику отношений советского государства к Русской православной церкви, выделила следующую особенность: эти отношения как в довоенный период, так и во время войны регулировались в рамках неправовых форм. Но если в довоенный период такой формой выступали секретные постановления партийных органов, то во время войны «применение неправовых форм базировалось на всякого рода государственно-церковных соглашениях в ходе встреч на высшем уровне»⁶. После того как

⁵ Куроедов В.А. Из истории взаимоотношений Советского государства и церкви // Вопросы истории. – 1973. – № 9. – С. 29.

⁶ Петюкова О.Н. Правовые формы отношений Советского государства и Русской Православной Церкви в 1917–1945 годах. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. – С. 325.

Православная церковь показала свою полезность в борьбе с фашизмом и расширила влияние среди населения, возникла потребность в легитимации этих отношений, в придании им законного порядка.

В феврале 1945 г. Поместный собор избрал Патриархом Алексия, так как Сергей в 1944 г. скончался. В апреле 1945 г. Патриарха Алексия принял Сталин. 22 августа 1945 г. Совет Народных Комиссаров вынес постановление о предоставлении церковным органам: Патриархии, Епархиальным Управлениям, приходским общинам и монастырям юридических прав на приобретение транспортных средств, производство церковной утвари и предметов религиозного культа, продажу этих предметов общинам верующих, аренду, строительство и покупку в собственность домов для церковных надобностей⁷. Такое решение стало логическим завершением улучшения взаимоотношений государства и Церкви в период Великой Отечественной войны.

В целом, проведенный анализ показывает следующее:

1) улучшение отношений между государством и церковью произошло в годы войны по инициативе правительства; этот факт свидетельствует, что именно позиция государства была определяющей в выстраивании той или иной формы государственно-церковных отношений;

2) государство пошло на нормализацию отношений с Русской православной церковью вынужденно, в рамках кампании по мобилизации всех сил и средств для достижения победы, а также из некоторых геополитических соображений; после окончания войны репрессии против церкви были частично возобновлены;

3) Церковь сразу же откликнулась на изменение государственной конфессиональной политики и в условиях войны приняла все возможные меры по реализации социально-патриотических инициатив, направленных на оказание помощи армии и тылу, раненым, больным, сиротам;

4) успешная организация государственно-церковного взаимодействия обладает богатым потенциалом в плане общественного развития и решения социальных и духовно-нравственных вопросов и проблем.

Список литературы

1. Дорская А.А. Гражданско-правовые аспекты деятельности религиозных организаций в советский период // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. – 2014. – № 1.
2. Куроедов В.А. Из истории взаимоотношений Советского государства и церкви // Вопросы истории. – 1973. – № 9. С. 15–31.
3. Петюкова О.Н. Правовые формы отношений Советского государства и Русской православной церкви в 1917–1945 годах. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. – 351 с.
4. Поспеловский Д. Русская Православная Церковь в XX веке. – М.: Республика, 1995. – 511 с.
5. Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и церковью. – М.: Пропилеи, 1995.
6. Цыпин В. История Русской Православной Церкви, 1917–1990. – М.: Хроника, 1994. – 251 с.

⁷ Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и церковью. – М., 1995. – С. 364.

Reference list

1. *Dorskaya A.* The civil-legal aspects of activity of religious organizations in the Soviet period // Bulletin of Moscow City Pedagogical University. Series "Juridical sciences". – 2014. – № 1.
2. *Kuroedov V.* From the history of relations between the Soviet State and the Church // Issues of history. – 1973. – № 9. – P. 15–31.
3. *Petyukova O.* The legal form of relations of the Soviet State and the Russian Orthodox Church in 1917–1945 years. – M.: UNITI-DANA, 2012. – P. 351.
4. *Pospelovskiy D.* The Russian Orthodox Church in the XX century. – M.: Respublika, 1995. – P. 511.
5. The Russian Orthodox Church in the Soviet Era (1917–1991). Materials and documents on the history of relations between the State and the Church. – M.: Propilei, 1995.
6. *Tsy-pin V.* The history of the Russian Orthodox Church, 1917–1990. –M.: Khronika, 1994. – P. 251.

УДК 94(47).084.8

Иванова Р.М.,

кандидат исторических наук, доцент Национального исследовательского ядерного университета (МИФИ)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941–1945 гг. КАК ОСНОВА САМОИДЕНТИФИКАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

В статье рассматриваются проблемы, связанные с исторической памятью о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Отмечаются сложности определения как самого понятия «историческая память», так и особенностей ее формирования в условиях трансформирующегося общества в России. Делается вывод о том, что эта тема требует дальнейшей научной разработки, так как мы находимся на пороге нового этапа осмысления опыта и значения Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Ключевые слова: историческая память, историческая память как ментальная способность народа, особенности формирования исторической памяти, единый учебник по истории

Ivanova R.,

PhD in History, Associate Professor of the National Nuclear Research University (MEPhI)

THE HISTORICAL MEMORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941-1945 AS THE BASIS OF SELF-IDENTIFICATION OF THE RUSSIAN SOCIETY

The article is considered the issues connected with the historical memory of the Great Patriotic War of 1941–1945. The difficulties of identification just as the very conception “The historical memory” so the peculiarities of its formation in the conditions of transforming society in Russia are noted in the paper. It is concluded that this topic requires the further scientific development since we are on the threshold of a new phase of thinking about the experience and significance of the Great Patriotic War of 1941–1945.

Keywords: historical memory, historical memory as mental ability of people, peculiarities of formation of historical memory, single history textbook

В современном гуманитарном знании концепция исторической памяти стала одной из самых востребованных. До сих пор в историографии нет четкого, однозначного определения понятия «историческая память». Часто ученые пишут об отличиях и сходствах понятий «историческая память», «история», «историческое сознание», «коллективная память», «социальная память», «культурная память». Многие определения исторической памяти расплывчаты, что объясняется крайней сложностью и противоречивостью этого понятия. Одно из наиболее удачных и содержательных определений исторической памяти предложил Шкуратов В.А. Оно раскрывает именно креативную социальную роль исторической памяти: «Память – создательница прошлого, историческая способность находиться во времени; в универсальном значении – это отбор, хранение и воспроизведение информации... Но че-

ловеческая память не просто копит информацию, она формирует опыт, соотносит прошлое с настоящим и будущим, индивидуальное с родовым, единичное с общим, преходящее с устойчивым»¹. К исторической памяти обращаются историки, социологи, культурологи, психологи и др. Поэтому историческая память приобрела черты особой научной дисциплины, возникшей на основе междисциплинарности. «Высокая востребованность понятия "историческая память" во многом объясняется как его собственной "нестрогостью" и наличием множества дефиниций, так и текучестью явления, концептуализированного в исходном понятии "память"»².

В идеале формировать и сохранять историческую память путем конструирования прошлого на основе научных знаний о нем – задача истории, что едва ли осуществимо на практике. Дело в том, что историческая память не может претендовать на прямое, системное отражение исторического прошлого. Однако, в отличие от научного знания о прошлом, историческая память со временем еще больше актуализируется политически и идеологически. Историческая память оказалась весьма существенной характеристикой образа жизни людей, во многом определявшей их намерения, поведение и оказывавшей большое влияние на их сознание. Таким образом, историческая память, несмотря на определенную неполноту, обладает особенностью – удерживать в сознании людей основные исторические события прошлого до превращения исторического знания в различные формы восприятия прошлого опыта и его отражения в коллективном бессознательном (мифах, преданиях, легендах). Хотелось бы обратить внимание на важную особенность исторической памяти: «Историческая память выступает... как ментальная способность субъектов сохранять воспоминания о пережитом, которые являются необходимой основой для выработки исторического сознания»³. Дело в том, что существуют цивилизационные архетипы, свойственные только данному этносу. Это помогает объяснить, как складывается историческая память и каковы ее отличительные цивилизационные особенности.

Факт ускорения в современном развитии мира не требует доказательств. Из-за невозможности сохранить все возрастающие объемы информации социальные институты и отдельные лица решают, что необходимо знать о них будущим поколениям. Для этого надо отбирать факты, события, обладающие высокой сопротивляемостью устареванию. К ним относятся: классика, традиции, верования, мифология, религия, которые устаревают не так быстро. К сожалению, классика сейчас перестает быть соединяющей культурой поколений. Между тем Великая Отечественная война 1941–1945 гг. испытала на прочность советскую и российскую цивилизацию, ядром которой является русская культура.

Источниками формирования исторической памяти являются: устная традиция, различные источники (учебники истории, мемуары, художественная литература, историография и т.п.), коммеморации (праздники, посвященные историческим событиям, юбилеи, «дни памяти» и т.п.), монументальная традиция и многое другое. Надо подчеркнуть, что в XX в. и в начале XXI в. особое значение для формирования исторической памяти получают аудиовизуальные источники разных типов (киноисточники, телевидение и радио), а в современную эпоху – сетевой контент. Кроме того, историческая память – основа для музейной педагогики, устной истории, проектной технологии, востребованных в процессе обучения истории.

¹ Шкуратов В.А. Историческая психология. Изд. 2-е. М., 1997. С. 435–436.

² Репина Л.П. Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. 2004. № 15. С. 42.

³ Рюзен Й. Утрачивая последовательность истории (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти) // Диалог со временем. Вып. 7. М., 2001. С. 9.

История – это и предмет науки, и предмет изучения, и предмет преподавания. Это память народа. История имеет первостепенное значение для формирования национально-гражданской идентичности – высшей степени патриотического воспитания. Для современного общества, как на Западе, так и в России, характерен кризис системы ценностей, в рамках которой идет общественное развитие стран. Особенную значимость это приобрело в условиях трансформирующегося общества в России. Учебные пособия стали отражать разные идеологические и научные взгляды авторов. В этих условиях мифологизация и фальсификация истории стали их составной частью. Насколько такие школьные учебники способны были формировать у детей чувства гражданственности, патриотизма?

Учебники этого периода, как правило, освещали историю Отечества с либеральных позиций, фрагментарно и субъективно. Как отмечает И.Н. Ионов, его пособие «было первой попыткой осмыслить глубинный ход российской истории с позиций либерального демократизма». При этом подчеркивается, что «при любом восприятии текстов дискуссионность книги, ее альтернативность господствующей патриотической позиции помогут более глубокому усвоению материала»⁴. В двухтомнике профессора МГИМО А. Зубова, автора и ответственного редактора учебного пособия «История России. XX век» (М., 2009), наши солдаты-освободители Европы от гитлеризма названы «дикой ордой», а сама Великая Отечественная война – «советско-нацистской»⁵. Преподавание истории в школе способствовало процессу размывания национальных ценностей и подрыву национальной идентичности. «Во все времена учебник утверждался и рекомендовался государственными органами. Возможность успешно преодолевать вызовы современности тесным образом связана с тем, какие ценности возобладают в российском обществе и как определит свои жизненные позиции молодое поколение. Любой отбор фактов уже сам по себе является следствием идейной и ценностной позиции автора. История не должна быть яблоком раздора для общества»⁶.

Как же учат истории на Западе? М. Ферро, французский историк, в своей книге «Как рассказывают историю детям в разных странах мира» пишет: «Не нужно себя обманывать: образ других народов или собственный образ, который живет в нашей душе, зависит от того, как в детстве нас учили истории. Это запечатлевается на всю жизнь... Сопоставить все эти представления стало в высшей степени важно сегодня, ибо с расширением границ мира, со стремлением к его экономической унификации при сохранении политической обособленности прошлое различных обществ становится более, чем когда бы то ни было одной из ставок в столкновениях государств, наций, культур и этнических групп. Зная прошлое, легче овладеть настоящим, придать законные основания власти, претензиям». Даже либеральные режимы не пренебрегают контролем. М. Ферро продолжает: «Массовое школьное образование базируется на фундаменте национальных героических мифов»⁷. Можно сослаться на учебники США, Японии и других стран. Там учебная литература направлена на сакрализацию прошлого, на ее героизацию. То, что преподносилось в наших учебниках, – демонизация истории. Концепт идеологизации не мог не привести к ценностному выхолащиванию в преподавании истории. Идеологическими были всегда и учебники по истории России. Идеологическими они остаются сейчас, но какая это идеология? Идеология либерализма. Надо пересмотреть либеральную ценностно-идеологическую ориентацию учебников и сделать акцент на традиционных российских духовно-нравственных ценностях. Надо сохранить

⁴ Ионов И.Н. Российская цивилизация. IX – начало XX века. М., 1995, 2001. Аннотация. С. 3.

⁵ См.: Преподавание истории в школе и политика // Иванова Р.М. Историк и публицисты о деле «Барсенкова и Вдовина»: материалы круглого стола. М., 2010. С. 56.

⁶ Фукс А.Н. Школьные учебники по отечественной истории (конец XVIII – начало XX в.). М., 2008. С. 5.

⁷ Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М., 1992. С. 5.

нравственный оценочный подход к историческим явлениям. Ценностные и оценочные составляющие являются неотъемлемой частью познавательно-мировоззренческой модели истории в школе. Призывы к «идеологизации» есть не что иное, как внедрение другой идеологии, направленной на разрушение культурно-исторических традиций. Отсюда и возникает запрос нашего общества на единый учебник истории. Сейчас проводится большая работа ученых, преподавателей по реализации поручения Президента РФ В.В. Путина на разработку концепции единых учебников по истории России для средней школы. Однако, «невзирая на многочисленные официальные и неофициальные попытки пересмотреть историю современной России, в исторической памяти россиян продолжают сохраняться порядок наиболее значительных событий, оценки (с некоторыми модификациями) исторических лиц и базовый перечень памятных мест»⁸.

Как доказали ученые, важностью «идентификационной» функции исторической памяти стала историческая память о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Она является наиболее значимым событием для сохранения единства национального самосознания российского народа⁹. Особенную значимость тема исторической памяти приобрела в условиях трансформирующегося общества в России. Сейчас мы находимся на пороге нового этапа осмысления опыта и значения Великой Отечественной войны. Во-первых, со временем война становится все более далеким событием, и «живая» память ослабевает; во-вторых, вследствие политических и идеологических причин в России идет острая борьба между правдой и извращением исторической памяти о войне; в-третьих, на молодежь большое влияние оказывают фальсификации, господствующие в учебниках и средствах массовой информации.

Уроки Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. имеют огромное значение для политики государственных лидеров разных стран. Большинство из них стремятся принизить и извратить эти уроки, именно с этой целью наносится огромный удар по исторической памяти о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Естественно, что историю Второй мировой войны россияне видят одним образом, а англичане, американцы – другим и т.д. Поэтому и появляются ее разные интерпретации. Кроме того, с естественным уходом людей – современников тех событий – историческая память меняется, приобретает новые оттенки, становится менее достоверной и более «насыщенной» реальностями дня сегодняшнего. В целом же Россия имеет дело с хорошо организованной кампанией, имеющей целью принизить роль Советского Союза в разгроме фашизма и нацизма. Искажение истории выражается в попытке приравнять коммунизм к фашизму, возвышении роли союзников, которым приписывается решающая роль в разгроме гитлеровской Германии и др. Ее цель – «навязать России чувство исторической вины» за все, что происходило перед Второй мировой войной и в послевоенное время.

В этих условиях, по свидетельству учителей истории, современные старшеклассники, как правило, либо не знают совсем, либо знают очень поверхностно о героических поступках, совершенных во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. советскими солдатами, нашими гражданами. В то же время в учебниках истории разнообразно освещаются военные операции. (См.: Левандовский А.А., Щетинов Ю.А. История России, XX – начало XXI в. М., 2007; Киселев А.Ф., Попов В.П. История России, XX – начало XXI в. М., 2008; Волобуев О.В. Кулешов С.В. История России, XX – начало XXI в. М., 2009; Чудинов А.В., Гладышев А.В.

⁸ Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. С. 8, 163, 282.

⁹ См. Гудков Л.Д. «Память» о войне и массовая идентичность россиян // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3; Емельянова Т.П. Социальные представления как инструмент коллективной памяти (на примере воспоминаний о Великой Отечественной войне // Психологический журнал. 2002. №4.

История. М., 2009. Данилов А.А., Филиппов А.В. История России, 1900–1945. М., 2009; Данилов Ф.Ф., Косулина Л.Г., Брант М.Ю. История России, XX – начало XXI в. М., 2009).

Еще сложнее обстоит дело с поднимаемыми в учебниках вопросами, отношение к которым в обществе неоднозначно: обстановка накануне Великой Отечественной войны, пакт Молотова – Риббентропа и приложенные к нему секретные протоколы, советско-финская война 1939–1940 гг., вопросы взаимоотношений СССР с западными союзниками, ленд-лиза и потери в войне и т.д. Поэтому необходима структуризация и дальнейшая теоретическая разработка поднимаемых вопросов на основе новых документов. Так, рассказывая о действиях Красной Армии в Польше осенью 1939 г., большинство авторов воздерживается от оценок, но обычно подчеркивается, что СССР вернул земли, ранее входившие в состав Российской империи. В учебнике Левандовского А.А. и Щетинова Ю.А. отмечается, что это произошло в нарушение действующих норм международного права и подписанных СССР официальных договоров. Что касается советско-финляндской войны 1930–1940 гг., то большинство авторов признает, что военные действия начал СССР. Правда, причины этой войны названы неубедительные. Вопрос о возможности превентивного удара СССР против Германии в 1941 г. декларируется. Большинство же авторов этого просто не касается. Однако ряд учебников предлагает разные версии на уровне В. Суворова (Данилов А.А. и Филиппов А.В., Сухова, Морозова и Абдулаева). Сложным является вопрос, который освещается во всех учебниках, – взаимоотношения СССР с западными союзниками. Мнения авторов и тут разнообразны. Например, сомнительны утверждения Данилова А.А., Косулина Л.Г., Бранта М.Ю., что «исход войны с Японией решался на советско-японском фронте». Цифры, которыми оперируют в учебниках, не только противоречат друг другу, но и отличаются подчас в одном пособии (у Данилова А.А., Косулиной Л.Г., и Бранта М.Ю.). Необходимо отметить, что эти тенденции сохраняются и в учебниках позднейших изданий.

Анализ школьных учебников показывает, что необходим единый учебник героической истории России. Попытки создать фактологическую историю для самостоятельной интерпретации учащимися нереальны. В любом случае нельзя избежать идейной авторской позиции. Сам процесс обучения истории должен быть не только структурирован, но и ценностно-ориентирован. Необходимо способствовать четкому определению национальной идентичности и перспектив реализации национальных интересов России. Память о войне – это память о наших предках, их подвигах, героизме на фронте и в тылу, их любви и нравственности. Война против исторической памяти о Великой Отечественной войне есть не только диверсия против наших отцов и матерей, бабушек и дедушек. Это и удар по России в целом.

Список литературы

1. Волобуев О.В., Кулешов С.В. История России, XX – начало XXI в.: учебник / Под ред. И.Н. Данилевского. М., 2009. – 335 с.
2. Гудков Л.Д. «Память» о войне и массовая идентичность россиян // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3.
3. Данилов А.А., Филиппов А.В. История России, 1900–1945: Учебник. М.: Просвещение, 2009. – 447 с.
4. Данилов Ф.Ф., Косулина Л.Г., Брант М.Ю. История России, XX – начало XXI в.: Учебник. М., 2009. – 400 с.
5. Емельянова Т.П. Социальные представления как инструмент коллективной памяти (на примере воспоминаний о Великой Отечественной войне // Психологический журнал. 2002. № 4.

6. *Ионов И.Н.* Российская цивилизация, IX – начало XX века: Учебник. М., 2001. – 319 с.
7. *Киселев А.Ф., Попов В.П.* История России, XX – начало XXI в.: Учебник. М., 2008.
8. *Кожин В.В.* Россия. Век XX-й (1939–1964). (Опыт беспристрастного исследования): монография. М., 1999.
9. *Левандовский А.А., Щетинов Ю.А., Мироненко С.В.* История России, XX – начало XXI в.: Учебник. М.: Просвещение, 2007.
10. Преподавание истории в школе и политика: материалы круглого стола // *Иванова Р.М.* Историки и публицисты о деле «Барсенкова и Вдовина»: Научное издание. М., 2010.
11. *Репина Л.П.* Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. 2004. № 15. С. 42.
12. *Рюзен Й.* Утрачивая последовательность истории (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти) // Диалог со временем. Вып. 7. М., 2001.
13. *Ферро М.* Как рассказывают историю детям в разных странах мира / Пер. с фр. М.: Высшая школа, 1992.
14. *Фукс А.Н.* Школьные учебники по отечественной истории (конец XVIII –начало XX вв.). М., 2008.
15. *Чудинов А.В., Гладышев А.В.* История: Учебник. М.: Издат. центр «Академия», 2009. – 384 с.
16. *Шкуратов В.А.* Историческая психология: Учебное пособие. М.: Смысл, изд. 2-ое, 1997. – 505 с.

Reference list

1. *Chudinov A., Gladyshev A.* The History: Textbook. М.: Publishing Centre "Academy", 2009. P. 384.
2. *Danilov A., Filippov A.* The history of Russia, 1900–1945: Textbook. М.: Prosveshchenie publishing, 2009. P. 447.
3. *Danilov F., Kosulina L., Brant M.* The history of Russia of the XX and the beginning of XXI century: Textbook. М., 2009. P. 400.
4. *Emel'yanova T.* The social representations as an instrument of collective memory (As exemplified by the memories of the Great Patriotic War) // Psychological journal. 2002. № 4.
5. *Ferro Marc.* How to tell history to the children in different countries of the World: Translated from French. М.: Higher school, 1992.
6. *Fuchs A.* School-books on the national history (The end of XVIII and the beginning of XX century). М., 2008.
7. *Gudkov L.* "Memory" of the war and the mass identity of Russians // Permanent stock. 2005. № 2–3.
8. *Ionov I.* The Russian civilization in the IX and the beginning of XX century: Textbook. М., 2001. P. 319.
9. *Kiselev A., Popov V.* The history of Russia of the XX and the beginning of XXI century: Textbook. М., 2008.
10. *Kozhinov V.* Russia. The century of XX (1939–1964). (The experience of impartial research): Monograph. М., 1999.
11. *Levandovskiy A., Shchetinoy Yu., Mironenko S.* The history of Russia of the XX and the beginning of XXI century: Textbook. М.: Prosveshchenie publishing, 2007.
12. *Repina L.* The historical memory and modern historiography // Modern and recent history. 2004. № 15. P. 42.

13. *Ruzen Jorn*. Losing the progression of the history (Some aspects of historical science at the crossroads of modernism, postmodernism and discussions about the memory) // Dialogue with the time. Number 7. M., 2001.
14. *Shkuratov V.* The historical psychology: Textbook. M: Smysl, Second edition, 1997. P. 505.
15. The teaching of history in schools and politics: Contents of the Round Table // Ivanova R. The historians and publicists about "the Barsenkov and Vdovin" case: Scientific publication. M., 2010.
16. *Volobuev O., Kuleshov S.* The history of Russia of the XX and the beginning of XXI century: Textbook / Under the editorship of I. Danilevskiy. M., 2009. P. 335.

УДК 340

Мкртумян А.Ю.,

доктор юридических наук, председатель Кассационного Суда Республики Армения,
заслуженный юрист Республики Армения

СУДЕБНЫЙ ПРЕЦЕДЕНТ В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

В статье раскрываются особенности судопроизводства в Республике Армения. Показано значение судебного прецедента, который введен в правовую систему Армении с принятием Судебного кодекса. Сделан вывод, что постепенное возрастание роли судебного прецедента представляется необратимым и закономерным процессом.

Ключевые слова: судебный прецедент, правовая система, судебная система, суд

Mkrtumyan A.,

Doctor of Law, Chairman of Cassation Court of the Republic of Armenia,
Honored Jurist of the Republic of Armenia

JUDICIAL PRECEDENT IN THE LEGAL SYSTEM OF THE REPUBLIC OF ARMENIA

The article is described the features of the proceedings in the Republic of Armenia. The value of judicial precedent which is introduced in the legal system of Armenia with the adoption of the Judicial Code is shown. It is concluded that a gradual increase of the role of judicial precedent appears to be irreversible and regular process.

Keywords: judicial precedent, legal system, court system, court

Развитие судебной системы Республики Армения на современном этапе происходит под воздействием целого ряда факторов, в том числе глобализации и связанной с ней унификации правового регулирования. Одним из закономерных результатов данного процесса выступает сближение национальных правовых систем, что затрагивает и формальные источники права. В связи с тем, что развитие национального права Армении долгое время происходило в тесном союзе с российским правом, сегодня правовая система Армении наиболее близка к романо-германской правовой семье. Но под влиянием процессов правовой конвергенции в эту семью все шире проникают ранее не характерные для нее правовые институты. Одним из них выступает судебный прецедент.

Проблема возрастания роли судебного прецедента в условиях романо-германской правовой семьи активно обсуждается представителями научного сообщества как в Армении, так и в России. Например, Т.М. Пряхина и Е.В. Розанова пишут, что «отрицать значение судебного прецедента как источника права в современных условиях – значит не видеть реальных изменений, происходящих в сфере правосудия»¹. Действительно, необходимость

¹ Пряхина Т.М., Розанова Е.В. Решения Европейского суда по правам человека в правовой системе России // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. – 2010. – № 2. – С. 83.

сформировать стабильное и справедливое правоприменение способствует возрастанию роли судебного прецедента в странах, где его традиционно не относили к источникам права.

В настоящее время правовая система Республики Армения активно движется в направлении признания судебного прецедента полноценным источником права.

Прежде всего это связано с вступлением в Совет Европы и ратификацией Конвенции о защите прав и основных свобод, что подразумевает признание юрисдикции Европейского Суда по правам человека. Именно деятельность Европейского Суда по правам человека заложила основу прецедентного права, которое в силу своей обязательности действует даже в таких классических странах романо-германской системы права, как Германия, Франция, Италия.

Вступив в Совет Европы и ратифицировав Конвенцию о защите прав и основных свобод, Республика Армения присоединилась к Европейской системе защиты прав человека, включающей в себя не только обязанность защищать и соблюдать зафиксированные в Конвенции права и свободы, но и признание юрисдикции Европейского Суда по правам человека (далее – Европейский Суд). В компетенции Европейского Суда находятся все вопросы, касающиеся толкования и применения положений Конвенции и Протоколов к ней (ст. 32 Конвенции). Европейский Суд призван обеспечивать неукоснительное соблюдение и исполнение норм Конвенции государствами-участниками. Эта задача осуществляется путем рассмотрения и разрешения конкретных дел. Хотя Европейский Суд не является высшей инстанцией по отношению к судебной системе государства – участника Конвенции и не может отменить решение, вынесенное высшим национальным судом, но вправе присудить «выплату справедливой компенсации потерпевшей стороне» в случаях нарушения положений Конвенции и Протоколов к ней (ст. 41 Конвенции). Решения Европейского Суда имеют обязательную силу и исполнение, причем надзор за исполнением осуществляет комитет министров Совета Европы (ст. 46 Конвенции), который призван следить не только за своевременной выплатой денежной компенсации, но и за тем, как государство – участник Конвенции корректирует нормы внутреннего права в свете решения Европейского Суда и приводит в соответствие со стандартами Совета Европы. Хотя принятое Европейским Судом решение юридически обязательно только для государства – ответчика по делу, однако, в силу обязательности решения Европейского Суда, оно воздействует на развитие внутреннего права и судебную практику других государств – участников Конвенции.

Говоря о «субъектах» судебного (прецедентного) права, необходимо упомянуть о Совете председателей судов Республики Армения.

Совет председателей судов состоит из председателей Кассационного суда и его Палат, апелляционных судов, хозяйственного суда и судов первой инстанции. Председатель Кассационного суда по должности является Председателем Совета председателей судов.

Следует отметить такие важные полномочия Совета, как разрешение вопросов, связанных с обеспечением нормальной деятельности всех судебных инстанций, обобщение судебной практики, разъяснение и толкование практики применения законов, организация и проведение специальной учебы и переподготовки судей, представление в Правительство заявок бюджетного финансирования судов и др.

Исходя из вышеперечисленных полномочий, можно сделать вывод, что Совет председателей судов является не судебной инстанцией, а высшим органом самоуправления судов общей юрисдикции.

В отличие от постановлений Кассационного суда, которые вступают в законную силу с момента их объявления и опротестованию не подлежат, а вступление в «законную силу» означает, что они приобретают силу закона, т.е. носят обязательный характер, постановления

Совета председателей судов носят рекомендательный характер. Но это не умаляет их роли и значения в деле толкования конкретных норм материального и процессуального права и создания единой судебной практики.

Важное значение для развития прецедентного правосудия в Армении имело принятие Судебного кодекса, которое было реализовано в соответствии с общей концепцией судебной реформы. Основы реформирования судебно-правовой системы Армении были заложены принятием 5 июля 1995 г. новой Конституции республики, которая в соответствии с требованиями построения демократического и правового государства провозгласила принцип разделения властей, тем самым став основой для проведения судебно-правовой реформы. 8 ноября 1996 г. президент Армении издал Указ «О судебно-правовой реформе». В течение 1998 г. Национальное Собрание Армении приняло законы «О Судебном устройстве», «О статусе судьи», «О прокуратуре», «Об адвокатской службе», «О третейских судах и третейском судопроизводстве», «О принудительном исполнении судебных актов», «О службе принудительного исполнения судебных актов», были приняты Гражданский и Гражданско-процессуальный, Уголовно-процессуальный кодексы Армении, ставшие, пожалуй, главными достижениями первого этапа судебно-правового реформирования. В соответствии с новым законодательством и была сформирована и начала действовать новая судебная система: вместо прежней двухзвенной судебной системы была сформирована трехзвенная, состоящая из судов первой инстанции, апелляционных судов и Кассационного суда.

Согласно ст. 3 Судебного кодекса, этим законом регулируются отношения, связанные с организацией и осуществлением судебной власти в той мере, в которой они не относятся к конституционному суду. Принятие Судебного кодекса означает реализацию концепции судебного права. В него в качестве составных частей входят: судебно-правовое, гражданско-процессуальное и уголовно-процессуальное право. Надо отметить, что при создании Судебного Кодекса РА не ставилось цели предусмотреть процессуальные нормы. Уголовно-процессуальные и гражданско-процессуальные отношения регулируются УПК и ГПК РА.

Судебный кодекс Армении регулирует отношения, связанные с организацией и осуществлением судебной власти.

В Конституции Республики Армения закреплено, что высшей судебной инстанцией, за исключением конституционного правосудия, является Кассационный суд. За ним закреплена функция единообразного применения законов на всей территории страны. В Судебном кодексе Армении более детально закреплены положения о Кассационном суде в качестве высшей судебной инстанции.

В соответствии с Судебным кодексом изменилась роль апелляционных и Кассационного судов Армении. С 1 января 2008 г. апелляционные суды не рассматривают повторно дела, поступившие в суд из первой инстанции, а ограничиваются лишь рассмотрением новых доказательств, вследствие чего они приобрели статус «суда права».

Кассационный суд с 1 января является высшей судебной инстанцией по всем видам дел и следит исключительно за единообразным применением закона на всей территории страны и формированием системы прецедентного права в Армении (ст. 50 СК).

В соответствии с п. 1 ст. 50 Судебного кодекса, целью деятельности Кассационного суда является обеспечение единообразного применения права. Осуществляя указанную задачу, Кассационный суд способствует развитию права.

На основании жалобы, возникающей по делам или из процедуры, установленной законом, Кассационный суд пересматривает судебные акты апелляционных и административных судов. В пределах осуществления своей подсудности, Кассационный суд пересматри-

вает судебные акты судов первой инстанции и решения апелляционных судов, принятые в результате пересмотра промежуточных судебных актов.

Судебный кодекс закрепил понятие судебного прецедента, который призван обеспечить предсказуемость правосудия. Например, будучи информированным о решении того или иного суда относительно аналогичного дела, гражданин либо его адвокат, а также прокурор могут ожидать от суда такого же решения по представляемому ими делу. Обязанность суда учитывать толкование норм закона, данное Кассационным судом по конкретному делу, исключает, как правило, возможность вынесения неожиданных решений и создает предсказуемое правосудие.

Таким образом, сформированная в процессе судебной реформы новая судебная система Армении в ряде аспектов действует на основании прецедентного права, что повышает прозрачность и предсказуемость принимаемых правоприменительных решений. Суть судебного прецедента заключается в единообразном решении судебных споров по делам со сходными фактическими обстоятельствами, а в качестве источников прецедентного права в Армении рассматриваются решения Европейского суда по правам человека и Кассационного суда Армении (ст. 15 СК). Обязанность суда учитывать толкование норм закона, данное Кассационным судом по конкретному делу или норм Конвенции о защите прав и основных свобод, данное Европейским судом по правам человека, исключает, как правило, возможность вынесения неожиданных решений и создает предсказуемое правосудие. Это правило также позволяет потенциальным судящимся сторонам оценить степень риска и в некоторой степени исключить возможность неблагоприятных последствий².

Институт судебного прецедента сформулирован в Судебном кодексе Армении следующим образом: обоснования, в том числе толкование закона, данные в постановлении Кассационного суда или Европейского суда по правам человека по делу, имеющему конкретные фактические обстоятельства, являются обязательным для суда, рассматривающего дело со схожими фактическими обстоятельствами, за исключением случая, когда суд вескими доводами обоснует, что судебный прецедент неприменим к данным фактическим обстоятельствам (п. 4 ст. 15).

Армения пошла гораздо дальше России в отношении признания и развития института судебного прецедента. Принятие Судебного кодекса официально закрепило прецедентный характер постановлений Кассационного суда. Таким образом, была разрешена ситуация, когда судебные решения нередко имели прецедентный характер, но официально прецедентами не считались. По нашему мнению, первый опыт внедрения судебного прецедента в правовую практику Республики Армения уже способствует более стабильному функционированию системы правосудия, совершенствованию правовых основ развития общества и государства.

Означает ли внедрение в практику института судебного прецедента, присущего системе общего права, что правовая система РА отказалась от жесткого континентального подхода?

В правовой доктрине, помимо так называемого «чистого» или классического прецедента, называется также такой вид прецедента, как «прецедент толкования». Прецеденты толкования основаны на законе и не создают новых норм права, а потому они не являются судебными прецедентами в полном смысле этого термина³.

² См.: Мкртумян А.Ю. Влияние решений Европейского Суда по правам человека на развитие гражданского права России // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. – 2009. – № 22.

³ Пашенцев Д.А. Судебный прецедент как источник права в правовой системе России // Современное право. – 2011. – № 4. – С. 80.

Нижестоящие суды при рассмотрении гражданско-правовых споров руководствуются Конституцией и законами, однако для них с точки зрения применения закона обязательна правовая позиция высшей судебной инстанции. Кассационный суд выражает свою правовую позицию при рассмотрении конкретного дела по отношению к конкретным нормам гражданского права. В случае, когда нижестоящий суд принимает решение по делам, имеющим сходные фактические обстоятельства, но при этом выводы, содержащиеся в данном решении, отличаются от выраженной ранее Кассационным судом правовой позиции, это может повлечь не только нарушение прецедента, но и нарушение закона, так как Кассационный суд, применяя в своих постановлениях, имеющих прецедентное значение, различные методы толкования, разъясняет судам, сторонам, участвующим в деле, и правоприменителям тот смысл, который заложен в законе, показывает, как нужно применять данный закон в конкретной ситуации.

Безусловно, внедрение судебного прецедента в практику работы судебной системы Армении – это процесс длительный и сложный. Он должен осуществляться с учетом имеющегося опыта судопроизводства, с учетом традиций национальной правовой системы. В то же время постепенное возрастание роли судебного прецедента представляется необратимым и закономерным процессом.

Список литературы

1. *Мкртумян А.Ю.* Влияние решений Европейского Суда по правам человека на развитие гражданского права России // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. – 2009. – № 22.
2. *Пашенцев Д.А.* Судебный прецедент как источник права в правовой системе России // Современное право. – 2011. – № 4.
3. *Пряхина Т.М., Розанова Е.В.* Решения Европейского суда по правам человека в правовой системе России // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. – 2010. – № 2.

Reference list

1. *Mkrtumyan A.* The impact of the decisions of the European Court of Human Rights on the development of civil law of Russia // Bulletin of Tver State University. Series: Law. – 2009. – № 22.
2. *Pashentsev D.* Judicial precedent as a source of law in the Russian legal system // Modern law. – 2011. – № 4.
3. *Pryakhina T., Rozanova E.* The decisions of the European Court of Human Rights in the legal system of Russia // Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Juridical sciences. – 2010. – № 2.

УДК 340.1

Честнов И.Л.,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры РФ, заслуженный юрист РФ

ИНТЕРСУБЪЕКТИВНОСТЬ ПРАВА

Автор статьи анализирует интерсубъективность права. Интерсубъективность снимает антиномию объективное / субъективное и является важной характеристикой постклассического измерения права.

Ключевые слова: правопонимание, интерсубъективность, объективность и субъективность права

Chestnov I.,

PhD in Law, Professor, Professor of Chair of Theory and History of State and Law, Saint Petersburg Law Institute of (branch) of the Academy of the Office of the Prosecutor General of the Russian Federation, Honored Jurist of the Russian Federation

INTERSUBJECTIVITY OF LAW

The author of this article is analyzed the intersubjectivity of law. Intersubjectivity relieves of the objective / subjective antinomies and it is an important characteristic of post-classical measurement of law.

Keywords: legal consciousness, intersubjectivity, objectivity and subjectivity of law

Интерсубъективность – один из признаков постклассической (или неклассической) эпистемологии. Именно с интерсубъективностью связывается переход от «классики» к «неклассике» в философии¹ и философии права². Интерсубъективность «снимает» основную дихотомию классической социальной философии – объективное / субъективное и тем самым формирует отличающееся от классического (традиционного) измерение права. «Конститутивная методология», образующая содержание интерсубъективности, «исходит из того, что объективность (т.е. всеобщность и необходимость) любого конститутивного предмета, в том числе и Другого в качестве “второго Я”, гарантирована следованием определенным процедурам феноменологического конституирования», – пишет Н.М. Смирнова³. Другими словами, объективность конструируется людьми, их социальными представлениями, опосредованными историческим и социокультурным контекстом.

Интерсубъективность свидетельствует о том, что право – социальное явление, опосредующее и одновременно включающее межличностные взаимодействия. Этот подход к праву вытекает из влиятельного в XX в. социологического направления – символического интеракционизма⁴. При всех существующих различиях среди сторонников этого направле-

¹ См.: Интерсубъективность в науке и философии / Под редакцией Н.М. Смирновой. – М.: Канон плюс, 2014. – 416 с.

² См.: Максимов С.И. Модели осмысления правовой реальности в контексте коммуникативной парадигмы права // Філософія права і загальна теорія права. – 2014. – № 1–2. – С. 291–303. (на укр. яз.)

³ Смирнова Н.М. Трансцендентальная интерсубъективность и проблема «чужих сознаний» // Интерсубъективность в науке и философии / Под редакцией Н.М. Смирновой. – М.: Канон плюс, 2014. – 416 с. – С. 193.

⁴ Символический интеракционизм, как представляется, наиболее наглядно демонстрирует связь социального (поведения) с культурной (системой знаков-символов, которыми поведение опосредуется).

ния⁵, все они сходятся в том, что любое социальное явление (а значит и право) существует во взаимодействиях, опосредованных символическими медиа. При этом происходит замена представления об объективности права: от натуралистической реификации права в знаковых формах, свойственной классическим подходам, к типизациям и репрезентациям, воспроизводимым практиками людей.

С точки зрения сторонников символического интеракционизма, в частности, Дж. Г. Мида, «правила, которые кажутся внешними, представляют на самом деле достижение умственной структуры, которую Мид называет “Обобщенный Другой”. Это не просто принятие позиции какой-то конкретной другой личности, а постоянная способность разума, которая может принимать позицию всего сообщества. Это взгляд зрителя на всю бейсбольную команду, где каждая роль смешана с другими. “Обобщенный Другой” – это основа сложной институциональной кооперации, которая создает сам институт общества. Например, собственность – это не просто отношение человека к какой-то определенной вещи, а признание того, что это право человека в общем будет признано и другими»⁶. Тем самым проблематизируется самоочевидное для классической социогуманитарной мысли понятие – общество и социальная группа. Социальная реальность, по мнению А. Сикурела, – не некая объективная данность, а конструкция, процесс интеракций людей, воспроизводящий с помощью повседневной рутины социальные представления – ожидания действий Другого⁷. Для Дж.Г. Мида обобщенный Другой – это совокупность всех общих ожиданий, это социальные нормы и ценности общества, которые значимы в определенных ситуациях и в отношении социальных ролей. Можно сказать, что общество для него и есть всеобъемлющий обобщенный другой⁸. С точки зрения И. Гофмана, социум – это роли (статусы), с помощью которых человек представляет себя как самому себе, так и окружающим⁹.

«Нет такой вещи, как общество, – прозорливо заявила в свое время М. Тэтчер, – а есть отдельные мужчины, женщины и их семьи»¹⁰. Действительно, сегодня понятие «общество», ранее казавшееся самоочевидной данностью, стало одним из наиболее проблематичных в социальной философии, социологии, а тем самым, во всех социальных науках. Ни одно понятие не применяется так неререфлексивно, как понятие общества, утверждает И. Валлерстайн¹¹. Если «понятие общества имеет смысл, то лишь будучи встроенным в анализ системы обществ национальных государств»¹². По мнению Н. Лумана, «гуманистические и региональные (национальные) понятия общества уже неспособны отвечать потребностям теории, – их жизнь продолжается всего лишь благодаря словоупотреблению. Тем самым современная социологическая теория оставляет ощущение раздвоенности, выглядит двуликим Янусом: она использует концепции, еще не разорвавшие связь с традицией, но уже делает возмож-

⁵ См. подробнее: Коллинз Р. Микроинтеракционистская традиция // Коллинз Р. Четыре социологических традиции. – М.: Территория будущего, 2009. – 318 с. – С. 251–297; Козер Л.А. Мастера социологической мысли. Идеи в историческом и социальном контексте. – М., 2006.

⁶ Коллинз Р. Микроинтеракционистская традиция // Коллинз Р. Четыре социологических традиции. – М.: Территория будущего, 2009. – 318 с.– С. 268.

⁷ Cicourel A. Sprache in der sozialen Interaktion. – Muenchen, 1975.

⁸ Natanson M. Das Problem der Anonimitaet im Denken von Alfred Schuetz // Alfred Schuetz und die Idee des Alltags in den Sozialwissenschaften. – Stuttgart, 1979. – S. 80–82.

⁹ Следует иметь в виду, что творчество И. Гофмана дает основания и для другого – структуралистского – прочтения. Приведенная позиция характерна для «раннего» Гофмана, в частности, для его работы «Представление себя другим в повседневной жизни» (М., 2000).

¹⁰ Урри Дж. Социология за пределами обществ: Виды мобильности для XXI столетия. – М.: Высшая школа экономики, 2012. – 336 с. – С. 15.

¹¹ Там же. С. 17.

¹² Там же. С. 25.

ными вопросы, которые могли бы взорвать рамки последней»¹³. Главная проблема классической социологии, по убеждению немецкого мыслителя, состоит в невозможности решить ловушку дихотомии реализм / номинализм, преследующую эту научную дисциплину на всем протяжении ее истории, т.е. ответить на вопрос: что объединяет людей в общество. Отсюда программа Н. Лумана вывести человека за границы понятия общество. В то же время следует заметить, что Н. Луман использовал этот прием (или образ) исключительно в аналитических целях: человек выносится за рамки коммуникации как системы, образующей содержание общества, чтобы удобнее было ее представить¹⁴.

Из проблематичности экспликации понятия общество вытекают затруднения при определении социальных институтов, социальных групп. Существуют ли социальные институты и социальные группы как некая данность, «вещь»? «Немногие понятия общественных наук представляются столь же базовыми и даже необходимыми, как понятие группы, – заявляет Р. Брубейкер. <...> “Группа” представляется беспроблемным, само собой разумеющимся понятием, которое будто бы не требует специального разбора или разъяснения. В результате мы начинаем считать само собою разумеющимся не только понятие группы, но и “группы” – мнимые вещи-в-мире, к которым относится это понятие»¹⁵. Отсюда вытекает «тенденция к пониманию этнических групп, наций и рас как субстанциальных сущностей, к которым могут быть приписаны интересы и деятельность»¹⁶. По мнению американского социолога, необходимо проводить четкое различие между группой и категорией: «Если под группой мы понимаем внутренне взаимодействующий, взаимно и сообща признающий, имеющий общую направленность, эффективно коммуницирующий ограниченный коллектив, который обладает чувством солидарности, корпоративной идентичностью и способностью к согласованному действию, и даже если мы придерживаемся менее жесткого понимания “группы”, должно быть ясно, что категория не есть группа. В лучшем случае она является базисом для образования группы или “групповости”».

Благодаря последовательно проводимому различию между категориями и группами мы можем осознать отношение между ними как проблему, а не как данность. Мы можем спросить о степени групповости, связанной с конкретной категорией в конкретной ситуации, и о политических, социальных, культурных и психологических процессах, посредством которых категории наделяются групповостью. Мы можем спросить, как люди – и организации – совершают действия с категориями. <...> Мы можем анализировать организационные и дискурсивные пути категорий – процессы, посредством которых они институционализируются и внедряются в административные порядки и вписываются во влиятельные в культурном и символическом отношении мифы, воспоминания и нарративы»¹⁷.

Действительно, проблема коллективных образований – социальных структур, способ их бытия – одна из самых острых в социальной философии. При этом от того или иного способа ее решения зависит ответ на вопросы бытия права, государства, нормы права, правового института и т.п. Обладают ли общеправовые категории (норма права, правоотношение, правонарушение и др.) собственным бытием, как, в какой (или каких) формах они существуют? Это один из важнейших и сложнейших вопросов философии права, который, как и другие философские вопросы, не имеет единственного (или единственно «верного») решения. «Философские проблемы отличаются от других, среди прочего, тем, – пишет И.Т.

¹³ Луман Н. Общество как социальная система. – М.: Логос, 2004. – 232 с. – С. 27.

¹⁴ Там же. С. 71.

¹⁵ Брубейкер, Р. Этничность без групп. – М.: ИД ВШЭ, 2012.–408 с. – С. 22–23.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 32–33.

Касавин, – что, не имея однозначного и окончательного решения, периодически приобретают и утрачивают актуальность, интерес для определенных групп людей под влиянием внешних или внутренних условий»¹⁸. С позиций современной постклассической эпистемологии¹⁹, социальных структур²⁰, коллективных образований не существует как неких данностей или «вещей», а существуют отдельные люди, их совместные действия и представления, образы поведения как правильные / неправильные, эффективные / неэффективные и т.д. В то же время люди объединяются в социальные группы на основе некоторых общих представлений о желательности такого объединения или другого объединяющего фактора (часто это происходит неосознанно, например, в силу рождения). Поэтому социальная группа, а также и социальный институт – это представления (социальные репрезентации) о некотором единстве, общей идентичности²¹ определенной части людей²². Эти социальные представления, повторюсь, не есть объективная данность, обладающая собственным, внеиндивидуальным бытием, субстанциональностью, целью и деятельностью, а представляют собой социальный конструкт, «воображаемые (т.е. сконструированные) сообщества»²³. «Социальный мир, – писал К. Касториадис, – в каждом отдельном случае сформирован и структурирован в зависимости от системы ... значений и, однажды возникнув, они существуют в поле фактически воображаемого (или воображенного) <...> Но что это и кто это – “мы”, группа, коллектив, общество? Прежде всего, это символ, знак своего существования, которым наделяет себя каждое племя. Прежде всего, это условное и произвольное имя, но в какой степени оно является условным и произвольным? Это означающее обозначает коллектив, но не как простое название, оно обозначает его и как понимание, как качество и свойство. <...> Имя в данном случае не ограничивается указанием, оно провоцирует определенные ассоциации, отсылающие нас к означаемому, которое не принадлежит и не может принадлежать ни плану реального, ни плану рационального. Означаемое в данном случае рождается в поле воображения, каким бы специфическим ни были содержание и природа этого воображения»²⁴. Цель и деятельность, как и объективность, привносится в социальную группу (объединение людей) общественным сознанием, механизмом означивания (наделения значением) и их интериоризации в личностные смыслы. В основе процесса атрибутирования (или аскрипции) объективности бытия социальной структуры лежит механизм «амнезии происхождения» или «анкоринга» и «объективизации» социокультурной инновации.

¹⁸ Касавин И.Т. Философский дискурс: Проблема, контекст, смысл // Человек в мире знания: К 80-летию Владислава Александровича Лекторского / Отв. ред.-сост. Н.С. Автономова, Б.И. Пружинин; науч. ред. Т.Г. Щедрина. – М.: РОССПЭН, 2012. – С. 74.

¹⁹ См. подробнее: Честнов И.Л. Постклассическая теория права. – СПб.: Алеф-пресс, 2012. – 336 с. – С. 130–236; Честнов И.Л. Методология социокультурной антропологии права // Социокультурная антропология права: Коллективная монография / Под ред. Н.А. Исаева, И.Л. Честнова. – СПб.: Алеф-пресс, 2015. – 840 с. – С. 126–141.

²⁰ «Структура, – полагает И.Ф. Девятко, – фундаментальное понятие социальной теории, описывающее неявные, скрытые от непосредственного наблюдения, однако выявляемые относительно автономных от субъективных интенций во всех без исключения областях социальной жизни надындивидуальные социальные и психологические устройства, детерминирующие как непосредственный индивидуальный опыт, так и совокупную социальную практику людей». – Девятко И.Ф. Социологические теории деятельности и практической рациональности. – М., 2003. – С. 65. Соглашаясь с приведенным определением, следует, тем не менее, заметить, что «социальные» устройства суть психические образы или «социальные представления» по терминологии С. Московичи, а не «вещи» или данности, обладающие «надындивидуальным» как «внечеловеческим» существованием.

²¹ Необходимо оговориться, что идентичность – не менее проблематичное понятие в современной социологии и социокультурной антропологии, нежели общество или социальная группа. См.: Брубейкер Р. Кризис «идентичности» в общественных науках // Этничность без групп. М.: ИД ВШЭ, 2012. – 408 с. – С. 63–69.

²² Такая точка зрения была высказана еще классиком социологии Э. Дюркгеймом, который институтом называл «все верования, все поведение, установленное группой». – Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. – М.: Канон, 1995. – 352 с. – С. 20.

²³ Термин «воображаемые сообщества» принадлежит Б. Андерсону. – Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. – М.: Канон-пресс-Ц; Кучково поле, 2001. – 288 с.

²⁴ Касториадис К. Воображаемое установление общества. – М.: Гнозис; Логос, 2003. – 480 с. – С. 164–166.

Правовой институт отличается от других социальных групп степенью институционализации. Он конструируется во многих случаях государственной властью (особенно если речь идет о публично-правовых институтах) и существует как многократно повторяемое поведение, урегулированное нормами права. При этом ни один социальный (и правовой) институт не функционирует так, как он был задуман (К. Поппер). Это связано с тем, что правовой институт в процессе своего функционирования «обрастает» правовыми обычаями – массово опривыченными практиками.

Таким образом, общество, как и социальный (и правовой) институт – это интеракции, опосредованные социальными статусами или статусы, конструируемые и воспроизводимые интеракциями людей.

Юридически значимые действия предполагают соотнесение собственных интенций и действий с поведением социально значимого или обобщенного Другого, представленного эмпирически данным партнером взаимодействия. Право объективно не только потому, что предполагает формальную закрепленность, а тем самым определенность (важность чего не отрицается), но и потому, что существует в массовых практиках – intersубъективных взаимодействиях людей в юридически значимых ситуациях. Эти практики с помощью механизма правовой социализации передаются от поколения к поколению и воспроизводятся в своей основной массе в силу правовых стереотипов, установок (аттитюдов). Этим не отрицается отсутствие рационального расчета в правоотношениях и их постоянная трансформация. Но большинство юридических интеракций – правоотношений – происходит как само собой разумеющиеся действия, особенно если они происходят «нормально», беспрепятственно, и именно поэтому они представляются в массовом сознании (доксе) как некая объективная данность.

Как именно осуществляется конструирование и воспроизводство права? Intersубъективная методология позволяет ответить на этот вопрос. *Правовой институт, с точки зрения intersубъективной методологии, представляет собой противоречивое единство (диалог) устойчивой структуры в виде относительно четко зафиксированного образа и многократно повторяющегося в прошлом массового поведения (объективное в праве) и конкретных индивидуальных представлений о нем, реализуемых в отдельных действиях (субъективный аспект права)*. Иными словами, он – правовой институт – intersубъективен в том смысле, что конструируется первичным единичным действием (например, представителя референтной группы или правящей элиты по объявлению какого-либо действия правомерным либо противоправным). В силу авторитета субъекта – носителя символического капитала, именующего некоторые действия в качестве правомерных либо противоправных, других обстоятельств (например, функциональной значимости определенного действия, подлежащего нормативной охране, – закрепления посягательства на него как противоправного, заимствования иностранного опыта и т. п.) происходит легитимация сконструированного социального мира (социального института, правила поведения), т. е. признание его широкими слоями населения и седиментация («осаждение», букв. «выпадение в осадок», т. е. в образцы традиционного поведения). Все это приводит к тому, что сконструированный правовой институт реифицируется и начинает восприниматься как объективная данность, природа вещей, естественная сущность. При этом социальная реальность (валидность) права возникает не в момент его официального провозглашения, а только после того, когда новое правило поведения трансформируется в правопорядок.

Intersубъективность предполагает выявление юридических практик, которыми воспроизводится (как традиционно, так и инновационно) правовая реальность. Именно практики образуют содержание юридической догмы и позволяют показать механизм правовой институционализации. В юридических практиках происходит пересечение личностных ин-

тенций (потребностей, интересов, целей) с требованиями институций. Правовая культура производит социализацию человека – носителя статуса субъекта права, актора, и включает его в механизм воспроизводства системы права. Тем самым интерсубъективность акцентирует внимание на динамичности и процессуальности вместо статичности права.

Суть интерсубъективности применительно к юриспруденции состоит в том, что право существует только в том случае, если оно (его знаковое выражение) действует, т.е. претворяется в практиках людей – носителей правовых статусов. Действие (а значит – и бытие) права – это поведение и ментальные (психические) активности людей, взаимодействующие и взаимообуславливающие друг друга как идеальное (психическое) значение и персональный смысл дополняет практическое действие и его результат. Соотнесение своего представления, выраженного в ожидании, с нормой права – обезличенным (обобщенным и социально значимым) Другим (его образом), воплощаемым персональным человеком и типизированной ситуацией – и реализация его (представления – ожидания) в юридически значимом поведении и есть бытие права.

Такой подход предполагает переосмысление практически всех юридических категорий с формально-догматической на коммуникативно-практическую. Система права, в таком случае, – это ментальные представления (и ожидания), воплощаемые в массовые практики в масштабах социума, соотносимые с господствующими (официальными) системами знаков. При этом действия и социальные представления референтной группы конструируют и трансформируют систему знаков (законодательство). То же самое касается и отдельной нормы права: это социальное представление, выражающее правовые статусы применительно к типовой ситуации и их воплощение в массовых практиках. Важно иметь в виду, что социальные представления и практики складываются из представлений и действий отдельно взятых индивидуумов и включают их личностное, неявное (или фоновое) знание. Механизм преломления законодательства в социальные представления и господствующие практики всегда соотносимый с этим личностным знанием должен стать объектом пристального внимания коммуникативной теории (социологии) права, если она претендует на то, чтобы стать основой практической юриспруденции.

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод, что право – это сложное, многогранное социальное явление, которое существует (проявляется), прежде всего, в интерсубъективных взаимодействиях, как ментальных (психических), так и фактических, в которых формируются знаковые формы права и которые их реализуют (воспроизводят).

Список литературы

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. – М.: Канон-пресс-Ц; Кучково поле, 2001. – 288 с.
2. Брубейкер Р. Этничность без групп. – М.: ИД ВШЭ, 2012. – 408 с.
3. Девятко И.Ф. Социологические теории деятельности и практической рациональности. – М.: Аванти плюс, 2003. – 336 с.
4. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. – М.: Канон, 1995. – 352 с.
5. Интерсубъективность в науке и философии / Под редакцией Н.М. Смирновой. – М.: Канон плюс, 2014. – 416 с.
6. Касавин И.Т. Философский дискурс: Проблема, контекст, смысл // Человек в мире знания: К 80-летию Владислава Александровича Лекторского / Отв. ред.-сост. Н.С. Автономова, Б.И. Пружинин; науч. ред. Т.Г. Щедрина. – М.: РОССПЭН, 2012. – С. 171–192.

7. *Касториадис К.* Воображаемое установление общества. – М.: Гнозис; Логос, 2003. – 480 с.
8. *Козер Л.А.* Мастера социологической мысли. Идеи в историческом и социальном контексте. – М.: Норма, 2006. – 528 с.
9. *Коллинз Р.* Микроинтеракционистская традиция // Коллинз Р. Четыре социологических традиции. – М.: Территория будущего, 2009. – 318 с.
10. *Луман Н.* Общество как социальная система. – М.: Логос, 2004. – 232 с..
11. *Максимов С.И.* Модели осмысления правовой реальности в контексте коммуникативной парадигмы права // Філософія права і загальна теорія права. – 2014. – № 1–2. С. 291–303. – (укр. яз).
12. *Смирнова Н.М.* Трансцендентальная интересубъективность и проблема «чужих сознаний» // Интересубъективность в науке и философии / Под редакцией Н.М. Смирновой. – М.: Канон плюс, 2014. – 416 с.
13. *Урри Дж.* Социология за пределами обществ: Виды мобильности для XXI столетия. М.: Высшая школа экономики, 2012. – 336 с.
14. *Честнов И.Л.* Постклассическая теория права. СПб.: Алеф-пресс, 2012. – 650 с.
15. *Честнов И.Л.* Методология социокультурной антропологии права // Социокультурная антропология права: Коллективная монография / Под ред. Н.А. Исаева, И.Л. Честнова. – СПб.: Алеф-пресс, 2015. – 840 с.
16. *Cicourel A.* Sprache in der sozialen Interaktion. – Muenchen, 1975.
17. *Natanson M.* Das Problem der Anonimitaet im Denken von Alfred Schuetz // Alfred Schuetz und die Idee des Alltags in den Sozialwissenschaften. – Stuttgart, 1979.

Reference list

1. *Anderson B.* Imagined communities. Reflections of the origin and distribution of nationalism. – М.: Kanon-press-Ts; Kuchkovo pole, 2001. – P. 288.
2. *Chestnov I.* Methodology of socio-cultural anthropology of law // Socio-cultural anthropology of law. Multi-author book / Under the editorship of N. Isaev, I. Chestnov. – SBR.: Alef-press, 2015. – P. 840.
3. *Cicourel A.* Sprache in der sozialen Interaktion. – Muenchen, 1975.
4. *Cornelius Castoriadis.* The imaginary institutions of society. – М.: Gnozis; Logos, 2003. – P. 480.
5. *Devyatko I.* Sociological theories of activity and practical rationality. – М.: Avanti plus, 2003. – P. 336.
6. *Durkheim E.* Sociology and its subject, method, purpose. – М.: Канон, 1995. – P. 352.
7. Intersubjectivity in science and Philosophy / Under the editorship of N. Smirnova. – М.: Канон plus, 2014. – P. 416.
8. *John Urry.* Sociology beyond societies. Kinds of mobility for the XXI century. – М.: Higher School of Economics, 2012. – P. 336.
9. *Kasavin I.* Philosophical discourse: The issue, the context, the meaning // Human being in the world of knowledge: On the 80th anniversary of Vladislav A. Lektorskiy / Executive – compiling editor N. Avtonomova, B. Pruzhinin; Science editor T. Shchedrina. – М.: ROSSPEN, 2012. – P. 171–192.
10. *Lewis A. Coser.* Masters of sociological thought. Ideas in historical and social context. – М.: Norma, 2006. – P. 528.
11. *Maksimov S.* Models of understanding of the legal reality in the context of the communicative paradigm of law // Philosophy of law and general theory of law. – 2014. – № 1–2.
12. *Natanson M.* Das Problem der Anonimitaet im Denken von Alfred Schuetz // Alfred Schuetz und die Idee des Alltags in den Sozialwissenschaften. – Stuttgart, 1979.

13. *Niklas Luhmann*. Society as a social system. – М.: Logos, 2004. – P. 232.
14. *Randall Collins*. Micro-interactionist tradition // Collins R. Four sociological traditions. – М.: The territory of the future, 2009. – P. 318.
15. *Rogers Brubaker*. Ethnicity without groups. – М.: Publishing house of Higher School of Economics, 2012. – P. 408.
16. *Smirnova N.* Transcendental intersubjectivity and the “other minds” issue // Intersubjectivity in science and Philosophy / Under the editorship of N. Smirnova. – М.: Kanon plus, 2014. – P. 416.

УДК 340.1

Дорская А.А.,

доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой международного права
Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ Г.Ф. ШЕРШЕНЕВИЧА

В статье рассматриваются историко-правовые вопросы в научном наследии Г.Ф. Шершеневича. Показано, что как результаты его политической деятельности, так и теоретическое осмысление различных правовых проблем должны рассматриваться в работах по истории государства и права.

Ключевые слова: история государства и права, научное наследие Г.Ф. Шершеневича, обычное право, закон, школа права, система права, публичное право, частное право

Dorskaya A.,

Professor, Doctor of Law, Head of Chair of International Law
of the Herzen State Pedagogical University of Russia

THE HISTORICAL-LEGAL ISSUES IN THE SCIENTIFIC HERITAGE OF G. SHERSHENEVICH

The article is discussed the historical-legal issues in the scientific heritage of G. Shershenevich. In the article it is shown both the results of his political activity, so and theoretical conceptualization of various legal issues should come under review in works on the history of State and law.

Keywords: history of State and law, scientific heritage of G. Shershenevich, customary law, law, school of law, system of law, public law, private law

Говоря о дореволюционной юридической науке в России, нельзя не вспомнить имя Г.Ф. Шершеневича, который, будучи прекрасным цивилистом, профессором Казанского университета, сумел не только оставить заметный след в науке гражданского права, коммерческого права и даже международного частного права¹, но и осветил ряд историко-правовых проблем, подходы к решению которых не потеряли своей актуальности.

Во-первых, Г.Ф. Шершеневич всегда занимал активную политическую позицию и имел опыт участия как в органах самоуправления, так и в работе высших органов государства.

Так, в январе 1901 г. в Дворянском собрании состоялись выборы в гласные Казанской городской думы. С первого раза Г.Ф. Шершеневич не был избран, но результат дополнительных выборов позволил ему войти в состав городской думы, получив 137 избирательных и 99 неизбирательных голосов². Результаты его работы в качестве гласного городской думы

¹ Алешина А.В. Коллизионные вопросы наследования по закону в международном частном праве. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.03. – СПб., 2006. – 192 с. – С. 6.; Косовская В.А. Физические лица в международном частном праве: международно-правовые аспекты защиты прав // Система и механизмы международно-правовой защиты прав человека: Сборник статей. – СПб., 2013. – С. 164–168.

² Шигабутдинов Р.Р. «Перводумец» в Казанской городской думе: Первый опыт политической и законодательной деятель-

могут являться одним из источников по изучению реализации городской реформы 1870 г. Например, 17 января 1902 г. Габриэль Феликсович отказался от звания гласного городской думы, заявив, что основная задача думы – составление сметы доходов и расходов, которая определяет последующий год жизни горожан. Однако новая смета на 1902 г., по его мнению, «...была рассмотрена при самых неблагоприятных условиях», когда «смета доходов прошла в очередном заседании 18–19 декабря, а смета расходов – в экстренном заседании собрания, в составе 27 гласных, 29 декабря, т.е. в самый разгар рождественских праздников. Всем известно, что в это время многие гласные выезжают из Казани». Этим обстоятельством юрист объяснял «невероятную легкость, с какою прошла смета расходов в одно заседание, не возбуждая ни сомнений, ни прений»³.

С началом Первой российской революции ученый выступал с публичными лекциями о том, в каких формах русский народ участвовал в государственном управлении в различные эпохи⁴.

Позже Г.Ф. Шершеневич стал депутатом Государственной Думы I созыва от кадетской партии. Кроме законодательной деятельности он занимался изучением особенностей государственного строя, который складывался в России в 1905–1906 гг.⁵

Во-вторых, интерес представляет учение Г.Ф. Шершеневича об источниках силы государственной власти и применение его к российской истории. Таких источников он выделял пять.

На первое место ученый ставил полицию и армию, причем подчеркивал их значение в обеспечении спокойствия и «народной жизни». В современных историко-правовых исследованиях эта идея активно развивается⁶.

На второе – божественный ореол. Он отмечал, что «там, где религиозный страх силен, мысль о том, что за властью стоит само божество, что борьба с властью может вызвать борьбу со сверхъестественными силами, отбивала всякую охоту предпринимать безнадежное восстание... Где божественный характер власти был выдвинут особенно сильно, редко происходили народные революции, но очень часто случались дворцовые перевороты, потому что при дворе хорошо знали цену божественности»⁷. Когда божественный ореол власти ослабевает, по мнению Г.Ф. Шершеневича, государственная власть «одевается покровом права: она действует по праву, в пределах права, для торжества права... В ком сильно чувство законности, – не пойдет против установленной власти», т.е. создается «правовой ореол»⁸ – третий источник силы государственной власти.

Данное мнение Г.Ф. Шершеневича достаточно интересно применимо к истории государства и права Российской империи. Петр I вольно и невольно разрушил устоявшиеся представления. В Духовном регламенте 1721 г. фактически было закреплено, что: 1) духов-

ности профессора Г.Ф. Шершеневича // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. – 2011. – № 4. – С. 179.

³ Цит. по: *Шигабутдинов Р.Р.* «Перводумец» в Казанской городской думе: Первый опыт политической и законодательной деятельности профессора Г.Ф. Шершеневича // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. – 2011. – № 4. – С. 181–182.

⁴ *Шершеневич Г.Ф.* Земский собор. Публичная лекция, прочитанная 13 марта 1905 г. в Казани. – Казань, 1905.

⁵ *Шершеневич Г.Ф.* Конституционная монархия. – М.: Народное право, 1906.

⁶ *Малыгин А.А.* Полиция Российской империи и обеспечение прав человека // Вестник Академии права и управления. – 2014. – № 35. – С. 30–35; *Звоначев А.В.* К вопросу об особенностях комплектования российской армии и становления налоговой системы Российской империи во второй четверти XVIII столетия // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. – 2014. – № 3 (15). – С. 29–37.

⁷ *Шершеневич Г.Ф.* Общее учение о праве и государстве. – 2-е изд. – М.: Московское общество Народного университета, 1911. – С. 39.

⁸ *Шершеневич Г.Ф.* Общее учение о праве и государстве. – 2-е изд. – М.: Московское общество Народного университета, 1911. – С. 40.

ные нужды и управление оных духовный чин, также как и чин воинский и гражданский, составляют объект властного попечения монарха, 2) монарх своей волей учреждает орган, ведающий управлением духовного чина (Святейший Синод), 3) монарх осуществляет свое властное попечение о церкви, как власть государственная, вместе с Сенатом.

Таким образом, российский император выступал как защитник, своеобразный «гарант» религии, чем разрушал свой «божественный ореол». Последовавшая эпоха дворцовых переворотов только усилила это ощущение. Неслучайной в этой связи выглядит деятельность восьми комиссий, работавших в XVIII в., по составлению нового Уложения. В XIX в. ситуация сохранилась и вынудила власть пойти на широкомасштабную систематизацию российского законодательства в форме Полного собрания и Свода законов Российской империи, а также работу по созданию первых кодексов. Согласно статье 42 части тома I Свода законов Российской империи, «Император, яко христианский государь, есть верховный защитник и хранитель догматов господствующей веры и блюститель правоверия и всякого в церкви святой благочиния». В начале XX в. уже начались открытые призывы распространить «правовой ореол» и на Церковь. Так, Е.Н. Темниковский писал: «Начало соединения в лице государя страны государственной и церковной власти... должно исчезнуть раз в правосознание общества проникнет убеждение, что религия составляет абсолютно запретную область для государственного властвования. Правовое, конституционное государство должно дать свой чекан церковному строю. В правовом государстве должна быть правовая церковь»⁹.

Четвертый источник силы государственной власти Г.Ф. Шершеневич видел в традиции, которую понимал как силу государственного порядка. Он отмечал психологический факт, что человеку свойственно относиться снисходительно к тому, что уже давно существует, и критически к тому, что только что установилось, а отсюда делал вывод: «Чем дольше держится известный государственный порядок, тем крепче он, пока не придет в совершенную негодность... Каждая ошибка новой власти ставит ее в опасность, тогда как старой власти прощают много крупных ошибок»¹⁰. Данное положение также, на наш взгляд, способствует пониманию истории российского государства и права: многие государственные органы существовали веками и крайне неохотно упразднялись (например, даже Петр I не рискнул сразу упразднить указы, созданные во второй половине XV в. Иваном III, и до конца его царствования указы существовали как вспомогательные органы коллегий), очень часто реформаторы погибали или устранились (Александр II, С.Ю. Витте, П.А. Столыпин, Н.С. Хрущев и другие), реформы иногда не находили отклика у тех, для кого проводились (значительная часть крестьянства, недовольная Манифестами об отмене крепостного права 19 февраля 1861 г.) и т.д.

Наконец, пятым источником силы государственной власти Г.Ф. Шершеневич считал сочувствие населения. Он отмечал, что только поставивши своей задачей «наиболее благо наибольшего числа людей», может государственная власть спокойно и твердо действовать. При этом им была выведена следующая формула: «...разумный законодатель должен думать не столько о величине страдания, которым он предполагает угрожать, сколько о том, чтобы граждане были снабжены личными и материальными благами. Сначала дай, а потом грози отнять»¹¹. В истории российского права очень часто было наоборот: власть грозила отнять

⁹ Темниковский Е.Н. Положение Императора Всероссийского в русской православной церкви в связи с общим учением о церковной власти: Историко-догматический очерк. – Ярославль, 1909. – С. 71.

¹⁰ Шершеневич Г.Ф. Общее учение о праве и государстве. – 2-е изд. – М.: Московское общество Народного университета, 1911. – С. 39–40.

¹¹ Шершеневич Г.Ф. Общее учение о праве и государстве. – 2-е изд. – М.: Московское общество Народного университета, 1911. С. 78.

то, чего люди не имели. Ярким примером являлось советское конституционное право. Декларативные положения и реальность достаточно сильно различались. Например, Конституции СССР 1924 и 1936 г. не давали даже представлений о системе источников права и их иерархии¹².

В-третьих, как известно, Г.Ф. Шершеневич критиковал теорию разделения властей в ее классическом варианте в духе Ш. Монтескье. Он писал, что «трех равных властей существовать не может: та, которая в действительности окажется наиболее сильною, и будет настоящею властью, а остальные подчинятся ей поневоле и перестанут быть самостоятельными властями... Законодательство, исполнение (управление) и суд – это не три власти, это только три формы проявления единой, неделимой государственной власти»¹³. В истории российского права этот тезис не раз находил подтверждение. Традиционно исполнительная власть превалировала над законодательной и судебной. Даже на современном этапе принцип разделения властей не является системообразующим для организации государственного управления в России. В частности, это отразилось в особом статусе Президента Российской Федерации, который не относится ни к одной из ветвей власти, а является гарантом Конституции, прав и свобод человека и гражданина (ч. 2 ст. 80 Конституции РФ). Как отмечает И.П. Кененова, «носитель высшей власти – фактически единственное “ответственное” лицо в пирамиде власти, но и его ответственность носит скорее нравственный, нежели правовой характер»¹⁴.

В-четвертых, для историко-правовой науки интерес представляет и отношение выдающегося казанского цивилиста к различным правовым школам. Как отмечает Р.Р. Шигабутдинов, «свое определение права Г. Шершеневич основывал на отрицании существования естественного права. Под правом он понимал те законодательные нормы, которые установлены в государстве, а поэтому для него право есть изменчивая субстанция. Отказ от естественно-го права приводил его к выводу, что “право есть продукт государственной власти, правила исходят от нее в виде законов и оправдываются той полезностью, которую от них ожидают для всех граждан”, власть устанавливает право исходя “из принципа общепольности”. Определяя право, он выводил его основные черты. Во-первых, право получает выражение в виде правил поведения. Во-вторых, правовые нормы имеют властный характер. В-третьих, правовые нормы подкреплены силой власти»¹⁵.

Историческая школа права также не вызывала у Г.Ф. Шершеневича больших симпатий, так как она «выдвинула национализм против космополитизма»¹⁶. Но он признавал ее огромное значение для российского права в связи с тем, что обычное право в России по сравнению с другими европейскими странами было чуть ли не главным источником права для подавляющего большинства российского населения. «Обычное право по своей неповоротливости, – непригодный источник права... Разыскание обычаев очень затруднительно, и установление их точного смысла – дело нелегкое... Чем больше разные части обширного государства приходят между собой в соприкосновение по экономическому обмену, чем сильнее передвижение, тем больше стремление к тому, чтобы на протяжении всей страны действовали одинаковые нормы права. Между тем обычное право, по необходимости,

¹² См., напр.: Двойнишникова И.Н. Деятельность пограничных войск СССР накануне и в период советско-финляндской войны 1939–1940 гг.: Историко-правовой аспект. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.01. – СПб., 2012. – С. 12–13.

¹³ Шершеневич Г.Ф. *Общее учение о праве и государстве*. – М.: Типография товарищества И.Д. Сытина, 1908. – С. 34.

¹⁴ Кененова И.П. «Вертикаль исполнительной власти» и некоторые конституционно-правовые проблемы современного цикла развития власти в России // *Государственная власть и местное самоуправление*. – 2007. – № 3. – С. 10.

¹⁵ Шигабутдинов Р.Р. *Проблемы государства, власти и права в политико-правовых взглядах профессора Казанского университета Г.Ф. Шершеневича* // *Вестник Красноярского государственного аграрного университета*. – 2013. – № 4. – С. 188.

¹⁶ Шершеневич Г.Ф. *Общее учение о праве и государстве*. – 2-е изд. – М.: Московское общество Народного университета, 1911. – С. 93.

имеет всегда местный характер и потому страдает крайним разнообразием: что деревня, то норов»¹⁷. Кроме того, Г.Ф. Шершеневич подчеркивал, что правовые обычаи не слишком устраивают власть своим политическим подтекстом. Он писал: «Русское законодательство всегда неблагоклонно относилось к обычаю, вследствие близкой связи последнего с идеей местной автономии, и постоянно стремилось выставлять на первом плане указы, уставы и т.п. законодательные источники»¹⁸.

Несмотря на отрицательные «свойства» обычного права, в своих работах ученый уделял ему достаточно большое место. В частности, он выделял два основных признака обычного права: 1) однообразно повторяемая норма, в основе которой лежит правовое сознание или народное убеждение в необходимости данного правила (*opinion necessitatis*), т.е. психологический признак; 2) повторное соблюдение правила, т.е. материалистический признак: либо правило вытекает из последовательного повторения на значительном пространстве времени, либо из массового повторения в данное время среди значительного числа лиц. К второстепенным признакам обычного права были отнесены разумность правовых обычаев и их согласованность с нравственностью¹⁹.

Сам Г.Ф. Шершеневич «твердо стоял на позициях позитивизма... Ученый обращал внимание на исторические памятники и сборники обычного права, которые основывались на авторитете “старины”, сложившегося порядка, “пошлины”, но не авторитете правосознания. В “старине” и “пошлине”, а не в убеждениях современников как раз и заключалась нравственная сила правовых обычаев»²⁰.

В-пятых, естественно, что труды Г.Ф. Шершеневича являются обязательным источником при изучении истории гражданского и торгового права России. Не зря, как только в постсоветский период началось возрождение некоторых дореволюционных институтов права, его учебники были переизданы²¹.

Особое значение для современной историко-правовой науки имеет утверждение Г.Ф. Шершеневича о том, что историю гражданского права России нельзя изучать как историю гражданского законодательства. Он писал, что общее гражданское законодательство, благодаря своему историческому сложению, имеет в виду только высший класс общества, оставляя без внимания всю крестьянскую массу населения, жизнь которого регулируется, в основном, нормами обычного права. Если учесть, что крестьянство составляло приблизительно 82% российского населения, то история российского гражданского права вплоть до революции 1917 г. выглядит совсем не так, как мы привычно видим ее исходя из норм Русской Правды, Судебников, Соборного Уложения 1649 г. и Свода законов Российской империи.

Главным источником права Г.Ф. Шершеневич считал закон, однако он был не удовлетворен основной формой, существовавшей в России, – Сводом законов Российской империи.

В 1897–1899 гг. ученый посвятил ряд работ изучению истории кодификации гражданского права. Причем необходимо отметить, что по данному вопросу Г.Ф. Шершеневич считал обязательным применение не только диахронного, но и синхронного среза сравнительно-правового метода. Фактически он изучил основные этапы кодификации гражданского права России, Франции, Германии и Италии²².

¹⁷ Шершеневич Г.Ф. Общее учение о праве и государстве. – 2-е изд. – М.: Московское общество Народного университета, 1911. – С. 100.

¹⁸ Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. – 4-е изд. – СПб., 1908. – Т. 1. – С. 79.

¹⁹ Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. – М., 1911. – Выпуск II. – С. 440–444.

²⁰ Артамонова Г.К. и др. Социально-правовое развитие общества и трансформация обычаев в праве / Артамонова Г.К., Бабджанов И.Х., Горбашев В.В., Реуф В.М. // Мир политики и социологии. – 2012. – № 9. – С. 84.

²¹ Шершеневич Г.Ф. Учебник торгового права / Вступительная статья Е.А. Суханова. – М.: СПАРК, 1994. – 335 с.; Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права / Вступительная статья Е.А. Суханова. М.: СПАРК, 1995. – 556 с.

²² Шершеневич Г.Ф. История кодификации гражданского права в России. – Казань, 1898; Шершеневич Г.Ф. Очерки по истории

В-шестых, огромную актуальность имеет идея Г.Ф. Шершеневича о том, что необходимо изучать историю не только отдельных отраслей права, но и системы права. В частности, большое внимание исследователь уделил осмыслению системы, по которой был построен Свод законов Российской империи.

Как известно, – писал ученый, – система, по которой был изложен материал в Своде законов Российской империи, была основана на следующем принципе: «Два союза, два порядка отношений необходимы в государстве: союз государственный и союз гражданский. Союз государственный есть внутренний и внешний. Союз гражданский есть или семейственный или союз по имуществам. Из союзов возникают права и обязанности. Те и другие определяются и охраняются законами. Отсюда два порядка законов: законы государственные и законы гражданские»²³.

Определение системы российского права вызывало большие затруднения, так как при составлении Свода законов М.М. Сперанскому изначально не дали сделать задуманное: вместо кодификации была проведена лишь систематизация огромного законодательного материала (инкорпорация). Как отмечал Г.Ф. Шершеневич, «последующая история нашего законодательства обнаружила, какие крупные затруднения создал Свод, затруднения, – которые тогда не осознавали, а если и осознавали, то закрывали глаза, оставляя будущему распутываться»²⁴.

Кроме того, что при создании Свода законов система права уже не была четкой, дальнейшие издания Свода еще больше ее запутали. Изначально предполагалось, что полное издание Свода законов будет проводиться каждые десять лет. И действительно, второе издание вышло в 1842 г. Но третье издание было опубликовано уже в 1857 г., т.е. через пятнадцать лет, после чего обновление Свода стало проводиться только по частям и в разное время. Появились Продолжения к Своду законов, которые были двух видов: очередные, указывавшие на изменения, которые произошли со времени предшествующего Продолжения, и сводные, содержащие изменения в законодательстве со времени последнего издания Свода.

В Своде законов трудно найти разграничительную линию между публичным и частным правом, а также отраслями права.

В первом издании Свода законов Российской империи 1832 г. деление на публичное и частное право не было четко выдержано. После норм публичного права (основные законы и учреждения государственные, учреждения губернские, уставы о службе гражданской, свод уставов казенного управления, свод законов о состоянии людей) в томе X содержались нормы частного (гражданского) права, а затем свод уставов благочиния и свод законов уголовных вновь содержали публично-правовые нормы.

В последующих изданиях также четкого деления на публичное и частное право не было. Зато более четко стало проявляться деление права на отрасли. Оформлялось государственное, административное, гражданское, уголовное, финансовое, уголовно-процессуальное и гражданско-процессуальное право²⁵.

Ярким примером невозможности деления российского права только на публичное и частное Г.Ф. Шершеневич считал торговое право. Он показал, что в понятие торгового права должны быть включены и публичное торговое право, регулирующее отношения между самим государством и лицами, занимающимися торговой деятельностью, и международное

кодификации гражданского права. Т.1–3. – Казань, 1897–1899.

²³ Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. – М., 1911. – Выпуск I. Т. I. – С. 432.

²⁴ Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. – М., 1911. – Выпуск I. Т. I. – С. 426.

²⁵ См., напр.: Указатель к Своду действующих законов Российской империи / Сост. Е.В. Антонов. – СПб., 1888. – С. 5–7.

торговое право, регламентирующее отношения по торговле одного государства к другому и отношения каждого из них к подданным другого, а также взаимоотношения подданных разных государств как частных лиц, и частное торговое право²⁶.

Изучая систему права дореволюционной России сегодня, необходимо учитывать данные факты. Для современной историко-правовой науки важными являются выводы Г.Ф. Шершеневича и многих его современников о том, что «1) необходимо сочетать при построении системы права материальный и формальный критерии; 2) невозможно четко определить существующие нормы по отраслям частного и публичного права»²⁷.

В-седьмых, важной для историко-правовой науки является идея единства частного права. Известный российский цивилист не соглашался с мнением западноевропейских ученых²⁸, которые видели в части второй тома XI Свода законов Российской империи доказательство существования особого торгового права. Он писал: «Мы вправе... утверждать, что в русском законодательстве не существует разделения частного права на общее гражданское и торговое. Существуют только отдельные уставы, касающиеся частных отношений между торгующими, не исключающие применения норм общего гражданского права»²⁹. При этом исследователь подчеркивал, что идея единства частного права пронизывает историю русского права и была реализована М.М. Сперанским в Своде законов Российской империи, который «понимал под гражданскими законами все то, что на Западе содержится в гражданских и торговых уложениях»³⁰. Современные исследователи поддерживают идею единства частного права³¹, что подчеркивает возрождение исторической преемственности в частных правовых вопросах.

В-восьмых, исследования особенностей правового положения различных субъектов права дореволюционной России также могут опираться на разработки Г.Ф. Шершеневича.

Ученый давал следующее определение: «Способность стать и быть субъектом прав называется правоспособностью или правовой личностью. Правоспособность не есть особое право, а лишь условие для правообладания... Дееспособность – ...способность вызывать своими действиями правовые последствия... Правоспособность не составляет естественного свойства человека, а есть состояние объективного права. Поэтому она поддается историческим колебаниям... В истории мы знаем моменты, когда правоспособности лишены рабы, иностранцы, осужденные за тяжкие преступления. Правда, в настоящее время признается, как общий принцип, что правоспособность составляет достояние каждого человека. Однако, в иных странах, как, например, в России, правоспособность некоторых категорий людей, например, евреев, подлежит значительным ограничениям»³².

Интерес вызывают и замечания Г.Ф. Шершеневича относительно особенностей российского законодательства в определении правоспособности: «Предельный момент правоспособности физического лица – это смерть человека. Однако объективное право в разные исторические моменты создавало и иные основания для прекращения правоспособности. Таким основанием являлось наказание за совершенные преступления, известное под именем гражданской смерти, которое держалось в Европе до половины XIX столетия, а в России

²⁶ Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. – 4-е изд. – СПб., 1908. – Т. 1. – С. 14–16.

²⁷ Черенкова Е.Э. Система права и система законодательства Российской Федерации: Понятие и соотношение. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.01. – М., 2006. – С. 15.

²⁸ Riesser. Grundgedanken in den codificierten Handelsrechten aller Lander. – 1892. – S. 14.

²⁹ Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. – 4-е изд. – СПб., 1908. – Т. 1. – С. 50.

³⁰ Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. – 4-е изд. – СПб., 1908. – Т. 1. С. 49.

³¹ Пашенцев Д.А. Роль частного права в формировании институтов гражданского общества // Вестник Академии права и управления. – 2014. – № 36. – С. 63–68.

³² Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. – М., 1910. – Выпуск I. Т. I. – С. 576–577.

держится отчасти и до сих пор, под именем лишения всех прав состояния. Таким же основанием для прекращения правоспособности является пострижение в монашество, с которым соединялось представление об отречении от мира; в настоящее время пострижение сохраняет свое юридическое значение только в России»³³.

Наконец, Г.Ф. Шершеневич оставил очень интересные идеи относительно определения церковного права и его места в системе дореволюционного российского права.

Он очень четко различал термины «церковное право» и «каноническое право». Нормы канонического права принимались только церковными органами и становились нормами церковного права, только если получали санкцию государства. Например, в Уставе духовных консисторий. Церковное право – это позитивное право, источником которого являлось государство. Г.Ф. Шершеневич выстроил следующую логическую цепочку: «Жизнь... религиозного союза поддается нормировке в двояком отношении: со стороны внутренних отношений среди членов Церкви и со стороны внешних отношений Церкви, как общественного союза, к государству как внешней принудительной организации. На этой почве создается двоякое право: а) каноническое и б) церковное. отождествление этих двух терминов является неправильным... Церковное право дает нормы, церковные по своему содержанию, хотя бы своим происхождением они обязаны были не церкви, а государству... Каноническому праву вообще нет места в системе права. Это учение о нормах *sie generis*»³⁴.

В «Курсе гражданского права» Г.Ф. Шершеневич показал отличия в развитии права России и Западной Европы. «Под именем канонов, – писал ученый, – следует понимать те нормы поведения, которые сложились в недрах церкви и не зависят от авторитета светской власти. В прежнее время, государственная власть... охотно предоставляла церкви вырабатывать социальные нормы, которых соблюдение она делала обязательным. Таким образом, церковь вырабатывала содержание норм, государственная власть присоединила к ним свое повеление... В XIX веке, благодаря усиленной законодательной деятельности во всей Европе, каноны... уступили совершенно место новейшим кодексам... Ни в Гражданском кодексе Франции начала XIX века, ни в Гражданском уложении Германии конца XIX столетия уже не встречается ссылок на каноны... В России дело обстоит до сих пор иначе. При бедности русского гражданского законодательства нет ничего удивительного, что светские гражданские законы иногда дополняются каноническими правилами. Так, например, запрещая браки между близкими родственниками, законодатель не определяет сам, в каких степенях родства брак не может быть допущен, а ссылается на положение церкви (Свод законов Российской империи. Т. X. Ч. 1. С. 23)»³⁵.

Участвовал российский исследователь и в дискуссии о месте церковного права в системе права. Его мнение было однозначно: «Церковное право... поскольку оно своим происхождением обязано государству, а по содержанию определяет положение церкви в государстве, – оно есть право государственное, а следовательно вид публичного права»³⁶.

С современных позиций можно не согласиться с выдающимся российским цивилистом. Значение церковного права было настолько велико, по крайней мере, в период Российской империи, что его можно считать либо особой правовой системой, либо отраслью права. Однако проведенное Г.Ф. Шершеневичем различие между церковным и каноническим правом являлось прорывом для своего времени, результаты которого не в полной мере используются современной юридической наукой.

³³ Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. – М., 1910. – Выпуск I. Т. I. – С. 580.

³⁴ Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. – М., 1910. – Выпуск I. Т. I. – С. 553–554.

³⁵ Шершеневич Г.Ф. Курс гражданского права. – Казань, 1901. – Выпуск I. Т. 1. – С. 205.

³⁶ Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. – М., 1911. – Выпуск I. Т. I. – С. 554.

Таким образом, научное наследие Г.Ф. Шершеневича имеет огромный потенциал не только для российской цивилистики, но и историко-правовой науки. Использование трудов выдающегося российского юриста может помочь в переосмыслении иерархии источников права России XIX – начала XX в., возможностей кодификации, системы права и роли ее отдельных элементов, таких, например, как торговое и церковное право. Практическая работа выдающегося российского ученого в качестве гласного городской думы, депутата Государственной Думы и ее научное осмысление, которое он нам оставил, могут служить одним из источников по истории государства и права России конца XIX – начала XX в.

Список литературы

1. *Алешина А.В.* Коллизионные вопросы наследования по закону в международном частном праве. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.03. – СПб., 2006. – 192 с.
2. *Артамонова Г.К. и др.* Социально-правовое развитие общества и трансформация обычаев в праве / Артамонова Г.К., Бабаджанов И.Х., Горбашев В.В., Реуф В.М. // Мир политики и социологии. – 2012. – № 9. – С. 75–92.
3. *Двойнишникова И.Н.* Деятельность пограничных войск СССР накануне и в период советско-финляндской войны 1939–1940 гг.: Историко-правовой аспект. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.01. – СПб., 2012. – 24 с.
4. *Звонарев А.В.* К вопросу об особенностях комплектования российской армии и становления налоговой системы Российской империи во второй четверти XVIII столетия // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. – 2014. – № 3 (15). – С. 29–37.
5. *Кененова И.П.* «Вертикаль исполнительной власти» и некоторые конституционно-правовые проблемы современного цикла развития власти в России // Государственная власть и местное самоуправление. – 2007. – № 3. – С. 3–14.
6. *Косовская В.А.* Физические лица в международном частном праве: международно-правовые аспекты защиты прав // Система и механизмы международно-правовой защиты прав человека: Сборник статей. – СПб., 2013. – С. 164–168.
7. *Малыгин А.Я.* Полиция Российской империи и обеспечение прав человека // Вестник Академии права и управления. – 2014. – № 35. – С. 30–35.
8. *Пашенцев Д.А.* Роль частного права в формировании институтов гражданского общества // Вестник Академии права и управления. – 2014. – № 36. – С. 63–68.
9. *Темниковский Е.Н.* Положение Императора Всероссийского в русской православной церкви в связи с общим учением о церковной власти: Историко-догматический очерк. – Ярославль, 1909.
10. Указатель к Своду действующих законов Российской империи / Сост. Е.В. Антонов. – СПб., 1888.
11. *Черенкова Е.Э.* Система права и система законодательства Российской Федерации: Понятие и соотношение. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.01. – М., 2006. – 164 с.
12. *Шершеневич Г.Ф.* Земский собор. Публичная лекция, прочитанная 13 марта 1905 г. в Казани. – Казань, 1905.
13. *Шершеневич Г.Ф.* История кодификации гражданского права в России. – Казань, 1898.
14. *Шершеневич Г.Ф.* Конституционная монархия. – М.: Народное право, 1906.
15. *Шершеневич Г.Ф.* Курс гражданского права. – Казань, 1901. – Выпуск I. Т. 1.
16. *Шершеневич Г.Ф.* Курс торгового права. – 4-е изд. – СПб., 1908. – Т. 1.

17. *Шершеневич Г.Ф.* Общая теория права. – М., 1910. – Выпуск I. Т. I.
18. *Шершеневич Г.Ф.* Общая теория права. – М., 1911. – Выпуск I. Т. I.
19. *Шершеневич Г.Ф.* Общая теория права. – М., 1911. – Выпуск II.
20. *Шершеневич Г.Ф.* Общее учение о праве и государстве. – М.: Типография товарищества И.Д. Сытина, 1908.
21. *Шершеневич Г.Ф.* Общее учение о праве и государстве. – 2-е изд. – М.: Московское общество Народного университета, 1911.
22. *Шершеневич Г.Ф.* Очерки по истории кодификации гражданского права. Т. 1–3. – Казань, 1897–1899.
23. *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права / Вступительная статья Е.А. Суханова. – М.: СПАРК, 1995. – 556 с.
24. *Шершеневич Г.Ф.* Учебник торгового права / Вступительная статья Е.А. Суханова. – М.: СПАРК, 1994. – 335 с.
25. *Шигабутдинов Р.Р.* «Перводумец» в Казанской городской думе: первый опыт политической и законодательной деятельности профессора Г.Ф. Шершеневича // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. – 2011. – № 4. – С. 179–182.
26. *Шигабутдинов Р.Р.* Проблемы государства, власти и права в политико-правовых взглядах профессора Казанского университета Г.Ф. Шершеневича // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. – 2013. – № 4. – С. 186–189.
27. *Riesser.* Grundgedanken in den codificierten Handelsrechten aller Lander. – 1892.

Reference list

1. *Aleshina A.* The conflict items of legal succession in international private law. Synopsis of a thesis of PhD in Law. 12.00.03. – SBR., 2006. – P. 192.
2. *Artamonova G. et al.* The socio-legal development of society and the transformation of traditions in law / Artamonova G., Babadzhanov I., Gorbachev V., Reuf V. // World of politics and sociology. – 2012. № 9. – P. 75–92.
3. *Cherenkova E.* The systems of law and legislation of the Russian Federation: Conception and correlation: Synopsis of a thesis of PhD in Law. 12.00.01. – М., 2006. – P. 164.
4. *Dvoynishnikova I.* The activities of border troops of the USSR before and during the Soviet-Finnish war of 1939–1940: Historical-legal aspect. Synopsis of a thesis of PhD in Law. 12.00.01. – SBR., 2012. – P. 24.
5. *Kenenova I.* “The vertical of executive power” and some constitutional-legal issues of the contemporary cycle of development of power in Russia // State power and local self-government. – 2007. – № 3. – P. 3–14.
6. *Kosovskaya V.* The physical persons in international private law: International-legal aspects of the protection of rights // The system and mechanisms of international-legal protection of human rights. Collector of articles. – SBR. 2013. – P. 164–168.
7. *Malygin A.* Police of the Russian Empire and human rights // Bulletin of Academy of law and management. – 2014. № 35. – P. 30–35.
8. *Pashentsev D.* Function of private law in the formation of civil society institutions // Bulletin of Academy of law and management. – 2014. № 36. – P. 63–68.
9. *Riesser.* Grundgedanken in den codificierten Handelsrechten aller Lander. – 1892.
10. *Shershenevich G.* Assembly of the Land. The given public lecture on March of 13th of 1905 in Kazan. – Kazan, 1905.

11. *Shershenevich G.* A constitutional monarchy. – М., 1906.
12. *Shershenevich G.* Essays on the history of the codification of civil law. Vol. 1–3. – Kazan, 1897–1899.
13. *Shershenevich G.* The course on civil law. – Kazan, 1901. – Edition I. Vol. 1.
14. *Shershenevich G.* The course on trade law. – SBR., 1908. – Vol. 1.
15. *Shershenevich G.* The general doctrine about law and State. М., 1911. Second edition.
16. *Shershenevich G.* The general theory of law. – М., 1910. – Edition I. Vol. I.
17. *Shershenevich G.* The general theory of law. – М., 1911. – Edition I. Vol. I.
18. *Shershenevich G.* The general theory of law. – М., 1911. – Edition II.
19. *Shershenevich G.* The history of the codification of civil law in Russia. – Kazan, 1898.
20. *Shershenevich G.* The textbook of the Russian civil law / Opening chapter by E. Sukhanov. – М: SPARK, 1995. – P. 556.
21. *Shershenevich G.* The textbook of trade law / Opening chapter by E. Sukhanov. – М: SPARK, 1994. – P. 335.
22. *Shigabutdinov R.* “The Pervodumets” in Kazan City Duma: The first experience of political and legislative activity of Professor G. Shershenevich // Bulletin of Krasnoyarsk State Agrarian University. – 2011. № 4. – P. 179–182.
23. *Shigabutdinov R.* Issues of State, government and law in the legal-political views of professors of Kazan University G. Shershenevich // Bulletin of Krasnoyarsk State Agrarian University. – 2013. № 4. – P. 186–189.
24. *Temnikovskiy E.* The standing of the Emperor of All the Russians in the Russian Orthodox Church in connection with the general doctrine of Church authority. Historical-dogmatic essay. – Yaroslavl, 1909.
25. The catalogue to the Code of existing laws of the Russian Empire // Redactor E. Antonov. – SBR., 1888.
26. *Zvonarev A.* On the issue about the peculiarities of the Russian armed forces manning and establishment of the tax system of the Russian Empire in the second quarter of the XVII centenary // Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. – Series: Juridical sciences. – 2014. № 3(15). – P. 29–37.

УДК 329

Шамаров В.М.,

доктор юридических наук, профессор Московского института государственного управления и права

ПОЛИЦЕЙСКИЕ ПРОФСОЮЗЫ СТРАН ЕВРОПЫ И США

В статье исследуются организационные и правовые аспекты деятельности профсоюзных организаций служащих полиции в странах Западной и Восточной Европы, США и Канаде.

Ключевые слова: профсоюзы (ассоциации) служащих полиции, коллективные договоры, механизм рассмотрения заявления полицейского

Shamarov V.,

Doctor of law, Professor of the Moscow Institute of Public Administration and Law

POLICE LABOR UNIONS IN THE COUNTRIES OF EUROPE AND IN THE USA

The article is examined the organizational and legal aspects of the activity of labor union organizations of police servants in the countries of Western and Eastern Europe, as well as in the USA and Canada.

Keywords: labor unions (associations) of police servants, collective contracts, arrangement of consideration of statement of police officer

В странах Западной Европы, США и Канаде профсоюзные организации (ассоциации) полицейских¹ начали образовываться в середине 40-х годов XX столетия под воздействием процессов демократизации общества и в связи с необходимостью общественного престижа полиции, усиления социальной и правовой защищенности ее сотрудников.

Заметим, что профсоюзные объединения сотрудников полиции являлись своеобразной реакцией на проблему расширения прав и свобод человека и превратились в 1960–1970 годы в реальную политическую силу общества².

С конца 1980-х годов профсоюзные организации работников полиции созданы и работают в странах Восточной Европы, а с 1990 г. в государствах Прибалтики, Монголии.

Рассматривая правовой статус профсоюзов (ассоциаций) служащих полиции необходимо отметить следующее:

во-первых, служащие полиции в большинстве стран Западной Европы относятся к «гражданским» должностным лицам. В то время как в Румынии и Монголии законодательством полицейские приравнены к военнослужащим и поэтому преступления, совершенные полицейскими, при расследовании классифицируются по разделу Уголовного кодекса «Воинские преступления»;

¹ Нужно различать объединения по профессиональному признаку работников полиции (примером могут служить Клуб начальников полиции США, ассоциация начальников полиции Великобритании, ассоциация суперинтендантов, которые нельзя отнести к профсоюзам, преследующим цели защиты своих членов.

² *Осипов Ю.М., Сафронов М.М.* О профессиональных союзах работников полиции (аналитический отчет). – М.: Академия МВД РФ, 1990. – С. 5.

во-вторых, служащие полиции в этих странах рассматриваются как представители исполнительной власти, наделенные специфическими полномочиями, и на них распространяются нормы законов о гражданской государственной службе с небольшими изъятиями;

в-третьих, в странах Западной Европы и США полицейские формирования классифицируются в обществе как «органы массового социального обслуживания населения», работающие на принципах демократизма, открытости для общества, тесной связи с населением;

в-четвертых, законодательно профессиональные союзы полицейских отграничены от влияния политических партий, государственных и политических структур общества³ и поэтому они не входят в общенациональные объединения профессиональных союзов;

в-пятых, свою практическую деятельность профсоюзы (ассоциации) осуществляют не изолировано, а в тесном контакте с администрацией полицейских органов, аппарата МВД. Их целевая установка – содействие руководству полицейского органа в учете интересов служащих полиции;

в-шестых, все профессиональные союзы полицейских обладают правом юридического лица;

в-седьмых, решения профсоюзов (ассоциаций) полицейских носят в основном рекомендательный характер для администрации органов и подразделений полиции.

Вышеизложенное существенным образом отличает в правовом отношении профсоюзы (ассоциации) служащих полиции от других профессиональных объединений трудящихся.

В органах полиции зарубежных стран успешно работают десятки профессиональных союзов (ассоциаций) служащих полиции⁴. Абсолютное большинство их, несмотря на национальную специфику, реализуют идентичные функции.

Полагаем, что такими общими функциями профсоюзных организаций (ассоциаций) служащих полиции являются:

1. Функция социальной и правовой защиты личного состава.

В ряде стран это означает заключение с «нанимателем», т.е. с органом власти, в чьей юрисдикции функционирует полицейская организация и за чей счет она содержится, коллективного договора.

Необходимо иметь в виду, что в зарубежных источниках подчеркивается, что «заключение коллективного договора есть двусторонний процесс и “наниматели” не только могут, но и должны предъявлять требования администрации к профсоюзу полицейских в такой же мере, в какой профсоюз делает это»⁵.

Как правило, требования администрации сводятся к вопросам повышения результативности в работе полицейских, устранения из коллективного договора таких пунктов, как увеличение размеров страхового полиса, повышения пенсионного обеспечения и прочее.

Путем переговоров стороны приходят к таким статьям коллективного договора, которые стимулируют повышение профессионального образования полицейского, его физической и специальной подготовки, определяют оплату труда за сверхурочную служебную деятельность, работу по вызову, вне учреждения и прочее.

Примером может служить коллективный договор между профсоюзом полицейских и мэром города Айова США, внимательно изученный автором. В этом договоре подробнее-

³ Общенациональные профессиональные союзы (ассоциации) полицейских обладают значительным влиянием как среди служащих полиции, так и среди граждан. Поэтому естественно, что политические деятели стремятся, особенно в период избирательной кампании, заручиться их поддержкой.

⁴ Например, в ФРГ работают два профсоюза полицейских, в Великобритании три ассоциации полицейских, в Испании и Финляндии по шесть профессиональных союзов, во Франции около 30 профсоюзов, в США действуют шесть профсоюзов полицейских на федеральном и международном уровнях и десятки более мелких в каждом штате.

⁵ The Polic chif. – 1974. – Feb. XLI. – P. 37.

шим образом оговорены следующие вопросы: правовые полномочия мэрии и профсоюза полицейских; продолжительность рабочего времени полицейского констебля; система учета времени сверхурочных работ (переработки) и размеры материальной компенсации за них⁶, а также за работу в праздничные и выходные дни, ночные дежурства; порядок оплаты труда за временное исполнение обязанностей по другой должности; продолжительность ежегодного оплачиваемого отпуска, отпуска по беременности; обстоятельства, при которых полицейскому предоставляются внеочередные отпуска (оплачиваемые и неоплачиваемые) по семейным обстоятельствам; оплата времени, затраченного в судах, в случае привлечения полицейского в качестве свидетеля по уголовным и административным делам; условия временного увольнения со службы; порядок прохождения служебной подготовки; размер социального страхования полицейского; перечень вещевого довольствия, обеспечения оружием и спецсредствами, транспортом; порядок подачи и механизм рассмотрения жалоб и заявлений полицейского.

Другим направлением деятельности профсоюзов по социальной защите работников является материальная и моральная поддержка семей погибших сотрудников, оказание практической помощи ветеранам службы, пенсионерам, инвалидам, служившим в полиции⁷. Для этой цели, как правило, создаются фонды материальной взаимопомощи, страховые фонды.

Профсоюзы (ассоциации) служащих полиции вносят в законодательные и исполнительные органы власти предложения о правовых механизмах защиты интересов полицейских при проведении дознаний при совершении ими служебных проступков и правонарушений⁸.

Повсеместно профсоюзы выступают инициаторами проведения массовых акций личного состава по поводу предвзятого, необъективного освещения деятельности полиции, клеветы в отношении отдельных работников, а также подают иски в судебные органы по этим вопросам и вопросам вмешательства административных органов мэрии в компетенцию полиции⁹.

В случае уголовного преследования служащего полиции профсоюз (ассоциация) оплачивает деятельность лучших адвокатов. По просьбе полицейских адвокаты занимаются гражданскими делами, оказывают другие юридические услуги.

2. Функция контроля за исполнением администрацией норм и положений нормативных актов о прохождении службы.

Анализ Уставов профессиональных союзов (ассоциаций) сотрудников полиции стран Западной и Восточной Европы, США, Канады, стран Прибалтики, Монголии свидетельствует о том, что в одну и ту же целевую установку – контроль за условиями прохождения службы – в профобъединениях разных стран вкладывается различное содержание. Так, в большинстве стран Западной Европы *контроль за условиями прохождения службы включает в себя:*

⁶ Данное положение договора не относится к сверхурочным работам полицейских в тех штатах, где местные власти, ввиду нехватки средств из бюджета на оплату их труда, разрешают последним работать по охране общественного порядка в свободное от дежурства время. В этом случае оплачивают труд полицейских частные лица. – The Polic chif. – 1987. – June. X. – P. 14.

⁷ Так, Федерация полицейских Великобритании израсходовала в 1986 г. млн ф. ст. на оплату труда врачей и адвокатов в связи с ранениями и увечьями сотрудников полиции при исполнении ими служебных обязанностей. – Police. – 1987. – June. 19. – № 10. – P. 14.

⁸ Police Journal. – 1982. – № 1. – P. 36.

⁹ Примечательно, что когда в 1958 г. муниципальный комитет по законодательным вопросам г. Филадельфия (США) обратился к комиссии по надзору по делам полиции, которая, в частности, была призвана осуществлять контроль за рассмотрением жалоб граждан на действия полицейских, профсоюз служащих полиции трижды через суд опротестовывал данное решение на том основании, что законодательством штата исключительное право на рассмотрение жалоб на полицейских принадлежит самим полицейским органам. – Police. – 1982. 14. – № 6. – P. 10–12.

- контроль за должным материально-техническим обеспечением сотрудников и созданием им надлежащих условий для работы;
- исключение возможности перевода сотрудника из одной службы в другую или в другую смену без предварительного его уведомления;
- контроль за принятием и реализацией ясной и понятной процедуры присвоения специального звания, продвижения и перемещения по службе, создания условий для всесторонней информированности сотрудников о наличии вакантных мест, требованиях, предъявляемых к кандидату на более высокую должность, о системе экзаменов и тестов при отборе кандидата на замещение другой либо вышестоящей должности;
- контроль за тем, чтобы эффективно работала отлаженная система служебного дознания в отношении полицейского, порядок рассмотрения его жалобы, заявления;
- контроль за созданием условий для повышения квалификации по службе.

В ряде Уставов профсоюзов (ассоциаций) служащих полиции данная функция выражена нечетко или вообще отсутствует. Так, в Уставе независимого профсоюза полицейских Венгрии только декларируется «выработка мер и решений, связанных с обеспечением условий успешной деятельности». В документах же Монгольского съезда полицейских профсоюзов задача по осуществлению контроля профорганами за исполнением администрацией правил и положений нормативно-правовых актов в сфере прохождения службы, вообще не упоминается.

3. Представительская функция.

Реализация данной функции происходит в двух сферах жизнедеятельности профсоюза: во внутренней и во внешней. В первом случае, в ряде стран члены выборного органа профсоюзной организации (ассоциации) служащих полиции – председатели, секретари, члены комитетов и советов входят в состав аттестационных и специальных комиссий, разбирающих жалобы на действия полицейских, выступают истцами и ответчиками при трудовых спорах между работодателем и профсоюзом полицейских, в арбитражных, согласительных комиссиях, третейских судах.

Во втором случае, профсоюз полицейских выражает и представляет интересы служащих полиции в органах законодательной власти, в исполнительных структурах страны, в руководстве МВД. Так, в Великобритании Федерация полиции является единственной официально признанной организацией, имеющей право представлять интересы полицейских в Полицейском консультативном комитете при Министре внутренних дел и в Коллегии МВД по рассмотрению вопросов прохождения службы полицейскими¹⁰.

4. Консультативная функция.

Профсоюзные лидеры обсуждают с администрацией кандидатуры полицейских на выдвижение, организационные и правовые вопросы использования полицейских в крупномасштабных операциях, связанных с социальными конфликтами, оказывают консультативную помощь администрации в вопросах планирования и организации работы полицейского органа, взаимодействия с населением, участвуют в разработке поправок в уголовное законодательство, правительственных и ведомственных решений, затрагивающих интересы и права личного состава. Так, ассоциация суперинтендантов полиции Великобритании является официальным консультантом парламентских комиссий и гражданских учреждений по деятельности полиции.

5. Воспитательная функция.

Во взаимодействии с администрацией полицейского органа профсоюзы (ассоциации) принимают меры по укреплению дисциплины и законности в деятельности личного состава,

¹⁰ Fitzgerald M. Muniev J. System of Justik. – Oxford, 1983. –P. 44.

разбирают конфликты между служащими полиции, противодействуют проникновению в ее ряды аморальных и недисциплинированных граждан, занимаются привитием профессиональной морали молодым сотрудникам и их закреплением на службе, через средства массовой информации поддерживают позитивный имидж службы в полиции.

6. Функция лоббизма. В связи с тем, что законодательно полицейским запрещено быть членами политических партий и их сообщество не может непосредственно выразить в законодательных и исполнительных органах власти свои профессиональные интересы, профессиональные союзы восполняют это путем скоординированного давления на СМИ, проведения целенаправленных профсоюзных акций. К последним можно отнести массовые невыходы на службу «по болезни», блокирование деятельности дежурных частей, массовое наказание граждан за малозначительные административные нарушения.

В США подобными акциями профсоюзов добились включения в оплату труда времени на обеденный перерыв, прав патрулирования только вдвоем и только в случае согласия полицейского – поодиночке.

Во Франции крупнейший полицейский профсоюз – Автономная Федерация полицейских профсоюзов – развернул широкую кампанию в средствах массовой информации о необходимости внесения изменений в законодательство, обязывающих служащих полиции при пресечении преступных деяний действовать в тех же рамках необходимой обороны, которые распространяются на всех граждан страны¹¹.

Вместе с тем в ряде стран профсоюзные организации выполняют функции, которые несвойственны подобным общественным организациям. Например, Монгольским съездом полицейских на профсоюз возложена задача «участие в предвыборной борьбе», заметим, что подобная деятельность профсоюзам полицейских стран Западной Европы категорически запрещена.

Ввиду весьма существенных отличий профсоюзов стран Западной Европы, США и Канады от других стран классификация профессиональных союзов полицейских проведена по нескольким основаниям, в частности:

а) наличия юридических оснований для создания и работы в органах полиции профессиональных союзов служащих полиции.

Все страны Западной и Восточной Европы, США и Канады можно условно подразделить по этому основанию на три неравнозначных по объему полномочий группы:

– в первую группу можно отнести те страны, где деятельность профессиональных союзов в органах полиции запрещена законами этих стран (республик, штатов). Так, в 14 штатах США деятельность профсоюзов служащих полиции запрещена законами штатов;

– вторая группа стран (Бельгия, Франция, Италия, Швеция, Канада, Финляндия и др.), в которых, в соответствии с законами о государственной службе и о деятельности полиции, об общественных объединениях, служащим полиции законодательно предоставлено право создавать профсоюзные организации;

– третья группа, те страны, где в законодательстве нет явного запрета на их создание в органах полиции. Профсоюзы создаются через постановления судебных органов, которые руководствуются в своем решении правилом «дозволено то, что не запрещено законом». Подобным образом были созданы профсоюзы в ряде штатов США;

б) содержание нормативной базы, регулирующей деятельность профсоюзов (ассоциаций) служащих полиции.

Как правило, деятельность профсоюзных объединений служащих полиции почти во всех странах нормативно регулируется специальными нормативными актами. Исключение

¹¹ Police. – 1983. 16. – № 4. Decembre. – P. 26.

из общего правила – Швеция, в которой профсоюз полицейских работает на основании общегосударственного закона об общественных объединениях;

в) право выбора полицейского на вхождение в один или одновременно в несколько профсоюзов полицейских.

Анализ Уставов профессиональных объединений служащих полиции показывает, что в тех странах, где одновременно работают несколько профсоюзов полиции, которые объединяют своих членов по разным основаниям (по полу, расе, сфере служебной деятельности, иерархического положения в системе полицейских органов), служащим полиции не запрещено состоять в нескольких профсоюзных объединениях.

Так, негритянка, работающая начальником полиции одного из штатов США, теоретически может состоять одновременно в следующих профсоюзах (ассоциациях): клубе начальников полиции, ассоциации женщин-полицейских, ассоциации чернокожих полицейских, Американской федерации государственных и муниципальных служащих, Национальном союзе полицейских.

г) метод вступления в профсоюз.

В абсолютном большинстве стран прием в члены профсоюза происходит на основе добровольного письменного заявления о приеме в члены первичной профсоюзной организации.

Иной порядок вхождения в ассоциацию полицейских в Великобритании, согласно которому работник полиции, в зависимости от его специального звания или занимаемой должности, автоматически включается в состав одной из ассоциаций сотрудников полиции: ассоциации суперинтендантов полиции, Федерации полиции, ассоциации начальников полиции. В случае изменения его специального звания или изменения должностного положения эти лица без личного заявления переводятся из одной ассоциации полиции в другую.

Прекращение членства в профсоюзе происходит по следующим основаниям: добровольно на основе личного заявления, в связи с исключением из членов организации, при увольнении со службы по компрометирующим обстоятельствам.

При этом, пока решение об увольнении не вступит в законную силу, профсоюзная организация не вправе исключать члена профсоюза из своих рядов;

д) профессиональный состав лиц, объединенных в профсоюз (ассоциацию) полицейских.

Во многих странах Западной Европы, США, Канаде в профсоюзы сотрудников полиции не принимают лиц, работающих в органах и подразделениях полиции по вольному найму.

Исключение из этого общего права – Венгрия, в которой в Независимый профсоюз полицейских принимаются как лица рядового и начальствующего состава, так и вольнонаемные работники, а также служащие гражданских учебных заведений, находящихся в договорных отношениях с МВД.

В Великобритании руководителям органов полиции запрещено нормативно состоять в одной профсоюзной организации со своими подчиненными, они объединены в ассоциацию начальников полиции. В США также образуют в каждом штате Союз начальников полиции;

е) организационное строение профсоюзов (ассоциаций) полиции.

Во многих странах Западной Европы, в США и Канаде нет единой централизованной системы профсоюзных органов полиции в общегосударственном масштабе.

Как правило, в этих странах действуют несколько профсоюзных объединений, которые объединяют полицейских по разным основаниям: по территориально-производственному и должностному признакам, по функционально-служебной, расовой и половой принадлежности и т.д.

В то же время в странах Восточной Европы (Венгрия, Эстония, Литва и пр.), в которых профсоюзы полицейских появились несколько десятилетий назад, работают единые централизованные профсоюзные органы всех полицейских профсоюзных организаций страны;
 ж) *нормативное закрепление права на публичные коллективные акции.*

Практически повсеместно законодательно, а также нормами уставов этих общественных объединений запрещено профсоюзам организовывать и проводить коллективные протесты в виде забастовок или иных коллективных публичных акций.

Однако в ряде стран (Италия, Швеция, Финляндия) профсоюзным организациям служащих полиции разрешено при определенных обстоятельствах и при соблюдении необходимой процедуры организовывать забастовки, митинги, собрания личного состава¹².

з) *объем правовых полномочий на заключение коллективного договора с администрацией мэрии, префектуры, округа, штата и пр.*

По этому основанию все профсоюзные объединения полицейских можно подразделить на две группы:

- профсоюзы, выдвигающие свои требования и ведущие переговоры с «работодателями» без принятия совместного итогового документа – коллективного договора (соглашения);
- профсоюзы, имеющие правовые полномочия на заключение коллективного договора с «работодателем» (США, Канада, Финляндия и пр.).

Для любой профсоюзной организации полицейских одним из важнейших вопросов ее деятельности является нахождение путей и способов согласования интересов служащих полиции с интересами «работодателей». При этом профсоюзы исходят не только из необходимости защиты материальных, правовых и иных интересов своих членов, но и из интересов служебной деятельности полицейского органа, подразделения.

Руководители полиции, как правило, выполняют роль своеобразного амортизатора между профсоюзом и администрацией «работодателя» и своими действиями стремятся к бесконфликтному разрешению возникающих противоречий.

С целью выработки компромисса между «работодателями» и профсоюзом, последние совместно с администрацией разрабатывают механизмы согласования взаимных интересов, порядок и процедуру рассмотрения жалоб и претензий друг к другу с использованием согласительных комиссий и административных совещаний.

Примером может служить административное совещание г. Айова в США. Состав этого совещания наполовину состоит из представителей администрации, другая половина – из представителей профсоюза служащих полиции.

Комиссия рассматривает вопросы, относящиеся к охране здоровья, повышению личной безопасности сотрудников при несении службы, обеспечению личного состава материальными ресурсами, вещевым довольствием, техникой, вооружением и специальными средствами, т.е. те вопросы, в четком урегулировании и соблюдении которых заинтересованы обе стороны.

Практическая деятельность полицейских постоянно порождает спорные вопросы, недоразумения, конфликты как между руководителями полиции и подчиненными, так и между коллективом полицейского органа и «работодателями».

В целях предупреждения развития противоречия до конфликтной ситуации, в коллективных договорах, как правило, разработаны механизмы разрешения подобных спорных вопросов, порядок представления и разрешения жалоб полицейских.

¹² Так, в Финляндии полицейские имеют законодательно закрепленное право на проведение забастовки при следующих условиях: данное решение поддерживают более двух третей членов профсоюза, а также, что это решение одобрило более двух третей членов комитета профсоюза.

Примером может служить порядок рассмотрения жалобы полицейского г. Айова в США. Отметим, что по условиям коллективного договора администрация и профсоюз не могут отказать полицейскому в приеме жалобы по любому вопросу, за исключением случаев, связанных с повышением в должности, на которую полицейский имеет право в соответствии с выслугой лет.

По жалобе полицейского профсоюз может выступить посредником между заявителем и администрацией. В последнем случае профсоюз полицейских предоставляет администрации в письменном виде фамилии посредников по данному вопросу (до четырех человек).

Порядок и механизм разрешения жалобы полицейского включает пять последовательных этапов. На первом этапе заявитель в течение пяти дней после возникновения спорного вопроса лично либо через посредника обращается устно к ответственному инспектору, представляющему администрацию мэрии в полицейском органе. Инспектор обязан в течение пяти дней рассмотреть жалобу и дать по ней *устный ответ*. В случае если этот срок нарушен или заявитель не согласен с решением инспектора, он может в течение пяти дней после окончательного рассмотрения жалобы на первой ступени подать письменную апелляцию на имя начальника полиции (копия апелляции направляется в профсоюз). Начальник полиции проводит дознание и письменно отвечает заявителю (копия ответа направляется в профсоюз).

Если на втором этапе заявитель не удовлетворен принятым решением, жалобщик или профсоюз подают заявление в консультативный комитет жалоб, состоящий из представителей администрации, профсоюза и других лиц. Решение комитетом принимается в течение пяти дней с момента приема заявления.

В случае несогласия с решением комитета заявитель или профсоюз в течение пяти дней после рассмотрения вопроса на третьем этапе разбирательства могут обращаться к Управляющему делами города. Он обязан рассмотреть обращение в течение десяти дней. Для него установлено обязательное условие – *личная встреча с жалобщиком или его посредником*.

Последним этапом (ступенью) разбирательства заявления или жалобы полицейского является рассмотрение дела у арбитра. Заявление на его имя направляется в течение 15 дней после ответа от Управляющего делами города.

Личность арбитра по взаимному согласию между заявителем и администрацией назначается в течение 7 дней с момента поступления жалобы. Решение арбитра оглашается в течение 30-ти дней после слушания сторон и является окончательным по делу.

Необходимо констатировать, что серьезные конфликты между профсоюзными объединениями служащих полиции и администрацией редки, так как четкий и отлаженный механизм административного разбирательства предотвращает разрастание конфликтов, передачу спорных вопросов на рассмотрение судов.

Список литературы

1. Осипов Ю.М., Сафронов М.М. О профессиональных союзах работников полиции (аналитический отчет). – М.: Академия МВД РФ, 1990. – С. 5.
2. Шамаров В.М. Профсоюзы милиции и полиции. – М.: Академия МВД РФ. 1992, – 32 с.
3. The Polic chif. – 1974. – Feb. XLI. – P. 37; 1987. – June. X. – P. 14.
4. Police. – 1982. 14. – № 6. – P. 10–12; 1983. 16. – № 4. December. – P. 26; 1987. – June. 19. – № 10. – P. 14.

5. *Police Journal*. – 1982. – № 1. – P. 36.
6. *Fitzgerald M., Muniev J. System of Justik*. – Oxford, 1983. – P. 44.

Reference list

1. *Police*. – 1982. 14. – № 6. – P. 10–12; 1983. 16. – № 4. December. – P. 26; 1987. 19. – № 10. June. – P. 14.
2. *Police Journal*. – 1982. – № 1. – P. 36.
3. *Fitzgerald M., Muniev J. System of Justice*. – Oxford, 1983. – P. 44.
4. *Osipov Yu., Safronov M. On labor unions of servants of police (analytical report)*. – M.: Academy of the Interior Ministry of Russia, 1990. – P. 5.
5. *Shamarov V. The labor unions of militia and police*. – M.: Academy of the Interior Ministry of Russia, 1992. – 32 p.
6. *The Police chief*. – 1974. – Feb. XLI. – P. 37; 1987.– June. X. – P. 14.

УДК 343.9

Чурилов С.Н.,

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Московского городского педагогического университета, заслуженный юрист РФ

Никифоров В.Г.,

Федеральный судья

ОСНОВАНИЯ ПОСТРОЕНИЯ ЧАСТНЫХ СУДЕБНЫХ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ МЕТОДИК

В статье рассматриваются проблемные вопросы теории формирования частных судебных криминалистических методик, в частности, вопросы комплексования судебных криминалистических методических рекомендаций. Освещается генезис развития данной теории и ее современное состояние. Новизна рассматриваемых в статье положений заключается в обосновании структуры типовых судебных криминалистических методик, формулировании принципов их построения.

Ключевые слова: криминалистические методики; предмет судебного следствия; предмет доказывания; этапы судебного следствия; планирование судебного следствия

Churilov S.,

Doctor of Law, Professor, Head of Chair of Criminal Process and Forensics of the Moscow City Pedagogical University, Honored Lawyer of the Russian Federation

Nikoforov V.,

Federal Judge

THE GROUNDS OF FORMATION OF PRIVATE COURT FORENSIC TECHNIQUES

The article deals the problematic issues of the theory of formation of private court forensic techniques and issues of integration of court forensic methodic recommendations, in particular. The source of the development of this theory and its current state is covered. The novelty of given provisions, considered in the article, is to justify the structure of standard court forensic techniques, the formation of the principles of their construction.

Keywords: forensic techniques, subject of court investigation, subject in proving, stages of court investigation, planning of court investigation

Служебной функцией криминалистической методики как раздела науки является создание не только частных методик расследования преступлений, но и частных судебных криминалистических методик, адресатом которых является суд, государственный обвинитель и защитник. Разумеется, решение этой задачи возможно лишь на основе положений соответствующей хорошо развитой частной криминалистической теории. К сожалению, следует констатировать, что завершенной концепции формирования судебных методик до настоящего времени не создано. Требуется дополнительные коллективные усилия ученых-криминалистов, направленные на дальнейшую разработку исходных теоретических поло-

жений, на базе которых формируются рекомендации по методике судебного разбирательства уголовных дел.

В данной статье авторами предпринимается попытка изложить свои взгляды на возможные пути решения задачи по построению частных судебных криминалистических методик.

Впервые в истории криминалистической науки вопрос о создании криминалистической методики судебного следствия был поставлен Л.Е. Ароцкером. По его мнению, она по содержанию и структуре должна отличаться от методики предварительного расследования преступлений по аналогичным уголовным делам. Отличие указанных методик обусловливается различием исходных данных у следователя и суда, неодинаковым их процессуальным положением, особенностями судебной деятельности и деятельности по расследованию преступлений.

К структурным элементам методики судебного разбирательства Л.Е. Ароцкером отнесены: обстоятельства, подлежащие выяснению по конкретной категории уголовных дел; особенности построения и проверки судебных версий, типичных для данной категории уголовных дел; особенности производства судебных действий по делам данной категории¹.

Данные взгляды на структуру методики судебного разбирательства уголовных дел несомненно представляли научный интерес и заслуживали дальнейшего развития. Однако после преждевременной кончины этого ученого идея «судебной криминалистики», так активно пропагандируемая в его работах в области использования криминалистических методических рекомендаций в деятельности суда, не нашла распространения, поскольку в дальнейшем никто из отечественных криминалистов исследованием этой проблематики не занимался. Усилия ученых были направлены в основном на развитие тактики отдельных судебных действий и планирования судебного следствия. А между тем рекомендации тактического характера реализуются на практике через криминалистическую методику, приобретая свое новое криминалистическое значение в специфических условиях и обстоятельствах судебного следствия по конкретной категории уголовных дел. Но к счастью, идея методико-криминалистического обеспечения судебного разбирательства не умерла, она реанимирована, в частности, А.Ю. Корчагиным в его сравнительно недавнем диссертационном исследовании². По его мнению, структура судебной криминалистической методики должна состоять из следующих элементов: 1) описание особенностей предмета судебного разбирательства; 2) характеристика типичных судебных ситуаций; 3) анализ системы судебных действий и выработка научно-практических рекомендаций по их производству. Как нетрудно заметить, набор элементов структуры судебной криминалистической методики, предлагаемый данным автором, мало чем отличается от структуры судебной методики почти 40-летней давности, обоснованной Л.Е. Ароцкером, если не учитывать редакционные отдельные расхождения и неточности в формулировании структурных элементов, допущенные А.Ю. Корчагиным. Очевидно, под анализом системы судебных действий и выработкой научно-практических рекомендаций по их производству автор понимает планирование судебного следствия и тактику производства отдельных судебных действий. Исходя из этого следует констатировать отсутствие значительного прогресса в решении проблемы типового построения судебных криминалистических методик.

На наш взгляд, отправной точкой при решении данной научной задачи является рассмотрение проблемы построения типовых судебных криминалистических методик с точки зрения принципа системности, согласно которому данные методики представляют собой

¹ Ароцкер Л.Е. О методике судебного разбирательства уголовных дел и ее соотношении с методикой расследования // Методика расследования преступлений (общие положения). – М., 1976. – С. 42.

² Корчагин А.Ю. Организационно-тактические и методические основы криминалистического обеспечения судебного разбирательства уголовных дел: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. 12.00.09. – Краснодар, 2008.

систему элементов взаимосвязанных и взаимоопределяющих, отражающих логику процесса доказывания в ходе судебного разбирательства уголовных дел. Структура типовой судебной методики есть структура комплекса криминалистических методических рекомендаций, в котором отдельные его подсистемы располагаются в упорядоченной последовательности.

Подчеркивая важность системных свойств, которыми должны обладать типовые судебные криминалистические методики, мы не разделяем мнение вышеуказанных авторов различать в структуре данных методик первым элементом «обстоятельства, подлежащие выяснению» (Л.Е. Ароцкер), либо предмет судебного разбирательства (А.Ю. Корчагин). Термин «предмет судебного разбирательства» является неточным, поскольку судебное разбирательство включает в себя помимо его центральной части – судебного следствия, – подготовительную часть, судебные прения, последнее слово подсудимого и др., в ходе которых доказывание по делу не осуществляется. Более точным по сравнению с данным термином является термин «обстоятельства, подлежащие выяснению» или, по нашей терминологии, «предмет судебного следствия».

Но и предмет судебного следствия не может быть рассмотрен в качестве основополагающего структурного элемента типовых судебных криминалистических методик. Отвечая на вопрос, что понимается под данным термином, важно уяснить, что его содержанием являются не только обстоятельства уголовно-правового значения, от которых зависит правильное разрешение уголовного дела, но и доказательства, при помощи которых устанавливаются эти обстоятельства. В процессе судебного следствия стороны представляют суду доказательства, которые затем исследуются в предусмотренном законом порядке и оцениваются на предмет их относимости, допустимости, достоверности и достаточности, ибо никакие доказательства, представляемые суду, без их непосредственного исследования не имеют для суда заведомой обязательной силы.

Исходя из этого аксиоматического положения, в структурном плане предмет судебного следствия состоит из двух частей – обстоятельств, подлежащих доказыванию по делам данной категории уголовных дел, и доказательств как средства доказывания этих обстоятельств, представляемых суду сторонами и собираемых в необходимых случаях судом по своей инициативе в рамках предъявленного подсудимому обвинения.

В связи со сказанным возникает вопрос, имеющий теоретическое и практическое значение, является ли предмет судебного следствия неизменным по данной категории уголовных дел или он по содержанию приобретает индивидуальность по конкретному делу той же категории. При ответе на данный вопрос следует исходить из понимания сущности указанных выше структурных элементов предмета судебного следствия. Так, совокупность уголовно-релевантных обстоятельств, под которой понимается предмет доказывания, по форме представляет собой константу, а по содержанию является индивидуальным по каждому уголовному делу одной и той же категории. По этой причине в частных методиках предмет доказывания может быть типизирован только по форме образующих его обстоятельств, как это сделано законодателем в ст. 73 УПК РФ при изложении общей формулы предмета доказывания. По каждому уголовному делу независимо от его категории требуется установить событие преступления (время, место, способ и др. обстоятельства совершения преступления), виновность лица в его совершении, форму вины и мотивы и др. обстоятельства. Предмет доказывания по уголовным делам о преступлениях конкретного вида определяется на основе указанной выше статьи закона с учетом уголовно-правовых признаков данного состава преступления.

Что же касается содержательной стороны обстоятельств, образующих предмет доказывания, то по этому основанию они не могут быть объектом их типизации в силу их бесконечного разнообразия. Ведь одиночные преступления определенного вида совершаются в

разных местах, в разное время, как правило, разными способами. По характеру и размеру причиненного вреда аналогичные преступления не тождественны друг другу.

Не могут быть объектом типизации и доказательства, с помощью которых устанавливаются обстоятельства, подлежащие доказыванию, так как они по каждому уголовному делу об аналогичных преступлениях носят сугубо индивидуальный характер.

Следовательно, в типовых судебных криминалистических методиках в качестве первого структурного элемента может быть рассмотрен только предмет доказывания в виде совокупности уголовно-релевантных обстоятельств, имеющих общее значение по конкретной категории уголовных дел.

Далее мы считаем целесообразным исходить при структурировании типовых судебных криминалистических методик из идеи периодизации этапов процесса судебного следствия, в основе которой лежит специфика судебных ситуаций и решаемых в них процессуальных и тактико-криминалистических задач.

На начальном этапе судебного следствия решается задача по установлению события преступления, инкриминируемого подсудимому. Утвердительный вывод о наличии данного события преступления создает юридические основания для исследования других обстоятельств, подлежащих доказыванию. Без установления конкретной нормы особенной части уголовного закона, которая была нарушена действиями или бездействием, продолжение судебного следствия в целях установления других обстоятельств, образующих предмет доказывания, становится бессмысленным.

Далее на этом этапе подлежит доказыванию факт причастности подсудимого к установленному деянию. Если будет доказано, что данное деяние совершено подсудимым, то решается вопрос о том, имеются ли в этом деянии подсудимого признаки преступления, предусмотренного данной нормой особенной части УК РФ.

На последующем этапе судебного следствия исследуются доказательства виновности подсудимого в совершении этого преступления. При наличии оснований исследуются доказательства, касающиеся вменяемости подсудимого, формы вины, мотивов совершения преступления и других обстоятельств, связанных с квалификацией деяния, совершенного подсудимым. Все другие обстоятельства, образующие предмет доказывания, имеют юридическое значение лишь при положительном решении вопроса о виновности подсудимого в совершении установленного преступления.

На заключительном этапе судебного следствия исследуются доказательства, относящиеся ко всем другим обстоятельствам предмета доказывания по данному уголовному делу: обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание; обстоятельства, характеризующие личность подсудимого; характер и размер вреда, причиненного преступлением; обстоятельства, подтверждающие, что имущество, подлежащее конфискации, получено в результате совершения преступления или является доходами от этого имущества либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия преступления либо для финансирования терроризма, организованной группы, незаконного организованного формирования, преступного сообщества (преступной организации); обстоятельства, способствовавшие совершению преступления; обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания.

Данная иерархия установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, связана с принятием правосудных решений и по этой причине определяет этапы производства судебного следствия, которые согласуются с этапами планирования процессуальных действий государственным обвинителем, защитником, судом.

На указанных этапах судебного следствия могут складываться различные судебные ситуации, которые можно типизировать как и определяемые ими задачи судебного следствия, судебные версии и комплексы процессуальных действий, направленных на проверку версий и решение процессуальных задач.

Применительно к построению частных судебных криминалистических методик вопрос о типизации судебных ситуаций в криминалистической науке пока не решен. Практика судебного разбирательства уголовных дел свидетельствует о том, что на раннем этапе судебного следствия возможны по крайней мере две следующие ситуации: а) подсудимый признает полностью обвинение, оглашенное государственным обвинителем; б) подсудимый заявляет о вынужденном под давлением следователя (дознателя) признании вины и об отказе в суде от этого признания. Разумеется, вторая ситуация носит острый характер и требует детального исследования занятой подсудимым позиции.

На последующих этапах судебного следствия возможны и другие ситуации, складывающиеся, например, в связи с компрометацией защитником вещественных доказательств, опровержением их относимости и (или) допустимости и достаточности.

С проблемой определения структуры частных судебных криминалистических методик связано решение вопроса о роли судебных версий в этом процессе. Реалии судебного следствия по уголовному делу таковы, что государственный обвинитель исходит из версии обвинения. Защитник, в случае непризнания подсудимым вины, исходит из контрверсии. Суд в таких случаях исследует и версию обвинения, и версию защиты. Основываясь на полученной дополнительной доказательственной информации, суд может выдвинуть и проверить и другие судебные версии. Например, версию о совершении подсудимым более тяжкого преступления, чем то, которое ему было инкриминировано.

В целях исследования судебных версий государственный обвинитель, защитник и суд применяют планирование судебного следствия, организующая функция которого заключается в уяснении неотложных задач судебного следствия и определении наиболее эффективных способов их решения³.

При этом следует отметить, что этапы планирования судебного следствия должны соответствовать последовательности установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, а само планирование судебного следствия предполагает определение состава и последовательности осуществления процессуальных действий, направленных на решение конкретных уголовно-процессуальных и криминалистических задач. Типовые планы судебного следствия по количеству должны соответствовать разнообразию типовых судебных ситуаций, судебных версий и решаемых задач.

В структуре частных судебных криминалистических методик самостоятельное место занимает описание тактики судебных процессуальных действий, осуществляемых на отдельных этапах судебного следствия.

Исходя из вышеизложенного структура частных судебных криминалистических методик, независимо от их адресата, должна, на наш взгляд, состоять из следующих элементов: 1) предмет доказывания; 2) начальный этап судебного следствия, включающий описание типовых судебных ситуаций, неотложных задач следствия, судебных версий, особенностей планирования судебного следствия, тактики отдельных судебных процессуальных действий; 3) последующие этапы судебного следствия, подструктура которых соответствует подструктуре начального этапа судебного следствия.

³ Чурилов С.Н. Обязан ли суд собирать доказательства при разрешении уголовного дела? // Вестник Московского городского педагогического университета. – 2012. – № 1 (9). – С. 66–67.

Положения, определяющие данную структуру частных судебных криминалистических методик, являются принципами их построения, которые могут быть сформулированы в следующем виде: 1) принцип основополагающей роли предмета доказывания; 2) принцип периодизации этапов процесса судебного следствия; 3) принцип разнообразия начальных и последующих типичных судебных ситуаций, задач следствия, версий и планов судебного следствия; 4) принцип описания особенностей тактики отдельных судебных процессуальных действий, осуществляемых на начальном и последующих этапах судебного следствия⁴.

Данные принципы, как подсистемы исходных научных положений, выражают совокупности теоретических знаний о закономерных связях между основаниями построения и структурой частных судебных криминалистических методик и являются, наряду с принципами разработки и систематизации таковых методик, важной частью соответствующей формирующейся частной криминалистической теории.

Список литературы

1. *Ароцкер Л.Е.* О методике судебного разбирательства уголовных дел и ее соотношении с методикой расследования // Методика расследования преступлений (общие положения). – М., 1976. – С. 41–45.
2. *Корчагин А.Ю.* Организационно-тактические и методические основы криминалистического обеспечения судебного разбирательства уголовных дел: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. 12.00.09. – Краснодар, 2008.
3. *Чурилов С.Н., Никифоров В.Г.* Источники судебных криминалистических методических рекомендаций // Вестник Московского городского педагогического университета. – 2014. – № 2 (14).
4. *Чурилов С.Н.* Обязан ли суд собирать доказательства при разрешении уголовного дела? // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. – 2012. – № 1 (9).

Reference list

1. *Arotsker L.* The technique of the court examinations of criminal cases and its relation to the technique for the investigation // Technique of investigation of crimes (general provisions). – М., 1976. – P. 41–45.
2. *Churilov S.* Whether the court to collect evidences in the resolution of a criminal case? Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: "Juridical sciences". – 2012. – № 1(9).
3. *Churilov S., Nikiforov V.* The sources of court forensic methodic recommendations // Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. – 2014. – № 2(14).
4. *Korchagin A.* Organizational-tactical and methodological grounds for the forensic support of the court examinations of criminal cases: Synopsis of a thesis of Doctor of Law. 12.00.09. – Krasnodar, 2008.

⁴ *Чурилов С.Н., Никифоров В.Г.* Источники судебных криминалистических методических рекомендаций // Вестник Московского городского педагогического университета. – 2014. – № 2 (14). – С. 60.

УДК 336.221.4

Мальцев О.В.,

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры административного права
Московского института государственного управления и права, Пермский край

ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О НАЛОГАХ И СБОРАХ (теоретические и практические аспекты)

В статье рассматриваются проблемы трактовки понятий, используемых в Налоговом кодексе РФ. Анализируются нормативные правовые акты и специальная литература по данной проблеме. Затрагиваются вопросы соотношения понятий «налоговое законодательство» и «законодательство о налогах и сборах». Проанализирована практика применения законодательства о налогах и сборах.

Ключевые слова: закон, законодательство, налог

Mal'tsev O.,

PhD in Economics, Associate Professor, Associate Professor of Chair of Administrative Law
of the Moscow Institute of Public Administration and Law, Perm Kray

THE CONCEPTION AND CONTENT OF TAXES AND FEES LEGISLATION (theoretical and practical aspects)

The article is examined the issues of representation of the conceptions, used in the Tax Code of the Russian Federation. The author is analyzed the normative legal acts and professional literature on this issue. The issues of the co-relations between conceptions "Tax legislation" and "Taxes and fees legislation" are touched in the article. The practice of application of tax and fees legislation was considered.

Keywords: law, legislation, tax

Правовое государство не может существовать без соответствующего развития правовой базы. Не является исключением и сфера налогообложения. Особое значение налогов в стабильности бюджетной и финансовой системы предъявляет высокие требования к качеству налогового законодательства. Для этих целей в Российской Федерации был принят Налоговый кодекс РФ. После его принятия прошло достаточно много времени, но проблемы восприятия и понимания остаются по сей день. Статьей 3 НК РФ вводятся два достаточно важных принципа налогообложения, согласно которым при установлении налогов должны быть определены все элементы налогообложения, акты законодательства о налогах и сборах должны быть сформулированы таким образом, чтобы каждый точно знал, какие налоги (сборы), когда и в каком порядке он должен платить, а также, что все неустранимые сомнения, противоречия и неясности актов законодательства о налогах и сборах толкуются в пользу налогоплательщика (плательщика сборов).

Таким образом, очевидно, что из совокупности положений указанных принципов вытекает один немаловажный вывод – законодательство должно быть достаточно определенным и ясно сформулированным. Однако данное положение не находит должной реализации в НК РФ.

Во-первых, необходимо определиться с тем, что представляет собой налоговое законодательство и провести четкую грань между понятиями «налоговое законодательство» и «законодательство о налогах и сборах». Эти понятия насколько близки, настолько и далеки друг от друга. Подобные подходы к понятиям ведут к затруднениям в понимании сути тех отношений, о которых идет речь в законодательстве, и создают трудности в восприятии содержания нормативных актов и научных статей, посвященных данной проблематике. Так, очень часто встречается точка зрения, что налоговое законодательство и законодательство о налогах и сборах тождественны. Например, Клейменова Марина Олеговна, кандидат юридических наук, в своей работе «Налоговое право: учебное пособие», изданной Московским финансово-промышленным университетом «Синергия» в 2013 г., указывает в главе 2.3. «Виды источников налогового права» на то, что «специальное налоговое законодательство (законодательство о налогах и сборах) включает следующие элементы: федеральное законодательство о налогах и сборах, региональное законодательство о налогах и сборах, состоящее из законов субъектов Российской Федерации, и законодательство о налогах и сборах местного уровня, включающее в себя нормативные правовые акты о налогах и сборах, принятые представительными органами местного самоуправления». Аналогичная позиция высказывается и иными авторами.

Очевидно, что понятие «налоговое законодательство» гораздо шире по содержанию, чем понятие «законодательство о налогах и сборах». Представляется, что понятие «налоговое законодательство» является достаточно близким понятию «источник налогового права», но в него могут быть включены далеко не любые нормативные правовые акты, а лишь те из них, которые затрагивают сферу налоговых отношений.

Поскольку нормы с регулированием налоговых отношений исторически были разбросаны по различным нормативным правовым актам, возникает вопрос о возможности их включения в налоговое законодательство. Так, положения ФЗ «О Центральном Банке Российской Федерации» от 19.06.2001 № 81-ФЗ в ст. 2 предусматривали, что Центральный Банк не регистрируется в налоговых органах, а нормы о налоговых органах содержались в законах «О милиции», «О пожарной безопасности», Кодексе «Внутреннего водного транспорта» и т.д., остается нерешенным вопрос о роли и месте в налоговом законодательстве указанных актов. Частично ответ на этот вопрос дан в ст. 11 НК РФ, согласно которой «институты, понятия и термины гражданского, семейного и других отраслей законодательства Российской Федерации, используемые в настоящем Кодексе, применяются в том значении, в каком они используются в этих отраслях законодательства, если иное не предусмотрено настоящим Кодексом». Означает ли это, что нормы данных актов являются частью налогового законодательства? Исходя из того, что понятия «физическое лицо», «организация», «счет» и т.д. содержатся в тексте самого НК РФ, не вызывает сомнения, что это часть налогового законодательства. Ситуация упрощается, если в НК РФ смысл или содержание заимствованных понятий изменяется для целей налогообложения, т.е. фактически известным терминам придается иной – публично правовой оттенок. Например, «банки (банк) – коммерческие банки и другие кредитные организации, имеющие лицензию Центрального банка Российской Федерации», что расходится с содержанием ст. 1 ФЗ «О банках и банковской деятельности», в котором понятие «кредитные организации» включает в себя банки и небанковские кредитные

организации, т.е. в банковском законодательстве понятие «кредитная организация» шире по смыслу, а в НК РФ более широким является понятие «банк».

Однако смысл и содержание этих терминов могут находиться в других актах, не имеющих ничего общего с публичными отношениями. Ситуация усугублялась правовой позицией, высказанной в Постановлении Пленума Высшего Арбитражного суда РФ от 28.02.2001 «О некоторых вопросах применения части первой Налогового Кодекса Российской Федерации» в п. 15: «В силу пункта 1 статьи 56 Кодекса льготы по налогам и сборам устанавливаются законодательством о налогах и сборах, которое согласно пункту 1 статьи 1 НК РФ состоит из Налогового кодекса Российской Федерации и принятых в соответствии с ним федеральных законов о налогах и сборах».

В связи с этим впредь до момента введения в действие соответствующих глав части второй НК РФ судам надлежит применять принятые в установленном порядке нормы закона, касающиеся налоговых льгот, независимо от того, в какой законодательный акт они включены: связанный или не связанный в целом с вопросами налогообложения».

В связи с принятием Постановления Пленума Высшего Арбитражного суда Российской Федерации от 30.07.2013 № 57 «О некоторых вопросах, возникающих при применении арбитражными судами части первой Налогового Кодекса Российской Федерации» Постановление Пленума Высшего Арбитражного суда РФ от 28.02.2001 утратило силу. Формулировки Пленума Высшего Арбитражного суда РФ указывают на то, что вопрос налоговых льгот был представлен в п. 5, но с совершенно иной позиции: «Согласно пункту 1 статьи 56 НК РФ льготами по налогам и сборам признаются предоставляемые отдельным категориям налогоплательщиков и плательщиков сборов, предусмотренные законодательством о налогах и сборах, преимущества по сравнению с другими налогоплательщиками или плательщиками сборов, включая возможность не уплачивать налог или сбор либо уплачивать их в меньшем размере». Следовательно, возможны несколько путей разрешения возникшей ситуации.

С одной стороны, согласно позиции Пленума Высшего Арбитражного суда Российской Федерации от 30.07.2013 № 57 к налоговому законодательству не могут относиться непрофильные нормы, содержащиеся в актах гражданского, семейного и иного законодательства, даже если они затрагивают налоговые правоотношения. С другой стороны, поручиться за то, что в неналоговых нормативных актах не осталось налоговых норм, сегодня нельзя, а это означает, что при их обнаружении возможны судебные споры, аналогично тем, которые были ранее. Кроме того, необходимо учитывать и правовую позицию Конституционного Суда Российской Федерации, высказанную в Определении от 03.02.2000 № 22-О: «Противоречия же между ГК Российской Федерации и другими федеральными законами, регулирующими указанные отношения, должны устраняться в процессе правоприменения, так как Конституцией Российской Федерации не определяется и не может определяться иерархия актов внутри одного их вида, в данном случае – федеральных законов. Ни один федеральный закон в силу статьи 76 Конституции Российской Федерации не обладает по отношению к другому федеральному закону большей юридической силой. Правильный же выбор на основе установления и исследования фактических обстоятельств и истолкование норм, подлежащих применению в конкретном деле, относится не к ведению Конституционного Суда Российской Федерации, а к ведению судов общей юрисдикции и арбитражных судов. Данная правовая позиция сформулирована и неоднократно подтверждена Конституционным Судом Российской Федерации в ряде решений, в том числе в определениях от 9 апреля 1998 года № 48-О, от 12 марта 1998 года № 51-О, от 19 мая 1998 года № 62-О, от 8 октября 1998 года № 195-О».

Таким образом, понятие «налоговое законодательство» по своей сути ближе к понятию «источники налогового права» и с понятием «законодательство о налогах и сборах» не тождественны. Это доказывается тем, что в ст. 1 НК РФ нет указания на Конституцию Российской Федерации как части законодательства о налогах, которая является источником налогового права. Так, ст. 1 НК РФ определяет законодательство Российской Федерации о налогах и сборах как состоящее из Налогового кодекса и принятых в соответствии с ним федеральных законов о налогах и сборах.

Во-вторых, вызывает вопрос роль и место самого Налогового кодекса в системе законодательства о налогах и сборах. В соответствии со ст. 1 НК РФ система законодательства о налогах и сборах Российской Федерации состоит из 3-х уровней: законодательство Российской Федерации о налогах и сборах, законодательство субъектов Российской Федерации о налогах и сборах, нормативные правовые акты представительных органов муниципальных образований о налогах и сборах. В силу особой роли именно федерального налогового законодательства рассмотрим данный уровень, который представлен Налоговым кодексом и принятыми в соответствии с ним федеральными законами о налогах и сборах. Что же стоит за данной формулировкой? Очевидно, что законодатель придал особое значение именно кодифицированному акту по отношению к иным актам законодательства о налогах и сборах. В данном ракурсе необходимо выделять два момента. Прежде всего это соотношение НК РФ и других федеральных законов о налогах и сборах. Хотелось бы отметить, что на сегодняшний день действует достаточно большое число законов в сфере налогообложения. Данные законы могут быть разделены на 2 группы. Первая группа: законы, принятые после введения в действие ч. 1 НК РФ, входящие в часть 2 НК РФ. Вторая группа: законы, принятые до введения НК РФ, что потребовало приведения их в соответствие с НК РФ, т.е. не вошедшие по сей день в ч. 2 НК РФ. Проблемными могут быть как акты первой, так и второй группы. Примером законов первой группы являлась гл. 27 НК РФ «Налог с продаж». К таким актам можно отнести закон РФ от 21.03.1991 № 943-1 в ред. от 02.04.2014 «О налоговых органах Российской Федерации», Закон РФ от 09.12.1991 № 2003-1 в ред. от 02.11.2013 «О налогах на имущество физических лиц».

Не менее интересным является взаимодействие НК РФ и подзаконных нормативных правовых актов. Согласно ст. 1 НК РФ подзаконные акты не являются частью законодательства о налогах и сборах, но при этом их наличие и применение не отрицается НК РФ. Об этом свидетельствуют различные положения Налогового кодекса РФ, например п. 6 ч. 2 ст. 64 НК РФ, где указывается на Постановление Правительства Российской Федерации от 06.04.1999 № 382.

Несоответствие нормативных правовых актов Налоговому кодексу РФ осуществляется только по критериям, указанным в ст. 6 НК РФ. Этот перечень в равной степени применим как к законодательным, так и подзаконным актам. Нормативный правовой акт о налогах и сборах признается не соответствующим настоящему Кодексу, если такой акт разрешает или допускает действия, запрещенные настоящим Кодексом, или иным образом противоречит общим началам и (или) буквальному смыслу конкретных положений настоящего Кодекса.

При этом необходимо учитывать специфику самих актов, проверяемых на соответствие НК РФ. Так, п. 14 ч. 2 ст. 31 НК РФ устанавливает возможность предъявлять в суды общей юрисдикции или арбитражные суды иски (заявления) о взыскании недоимки, пеней и штрафов за налоговые правонарушения в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом; о возмещении ущерба, причиненного государству и (или) муниципальному образованию вследствие неправомерных действий банка по списанию денежных средств со счета налогоплательщика после получения решения налогового органа о приостановлении операций,

в результате которых стало невозможным взыскание налоговым органом недоимки, задолженности по пеням, штрафам с налогоплательщика в порядке, предусмотренном настоящим Кодексом; о досрочном расторжении договора об инвестиционном налоговом кредите; в иных случаях, предусмотренных настоящим Кодексом.

Налоговые органы осуществляют также другие права, предусмотренные настоящим Кодексом.

Однако п. 11 ст. 7 ФЗ «О налоговых органах Российской Федерации» устанавливает право налоговых органов предъявлять в суды иски о признании сделок недействительными и взыскании в доход государства всего полученного по таким сделкам. Данное право не предусмотрено НК РФ, и данное положение закона должно подпадать под ст. 6 НК РФ и быть отменено как несоответствующее НК РФ. Такой подход подтверждается позицией Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа в Постановлении от 29.04.2002 по делу № 5813, где указывается «действительно, пунктом 11 статьи 7 Закона № 943-1 в действующей редакции предусмотрено право налоговых органов на предъявление в арбитражные суды исков о признании недействительными сделок и взыскании в доход государства всего полученного по таким сделкам». Это право налоговых органов было закреплено в ст. 31 НК РФ с момента введения в действие части первой Налогового кодекса, т.е. с 1 января 1999 года. Однако в действующей с 17.08.99 редакции подпункта 16 п. 1 ст. 31 НК РФ не предусмотрено право налоговых органов на предъявление в суды общей юрисдикции или арбитражные суды исков о признании сделок недействительными.

Приведенный в названной норме перечень исков, которые налоговые органы вправе предъявлять в суды, не является исчерпывающим, поскольку ограничен указанием на иные случаи, предусмотренные Налоговым кодексом РФ. Однако и другими действующими нормами названного кодекса налоговым органам также не предоставлено право на предъявление в суд исков о признании сделок недействительными и взыскании в доход государства всего полученного по таким сделкам.

Вместе с тем, согласно ст. 7 Федерального закона от 31.07.98 № 147-ФЗ «О введении в действие части первой Налогового кодекса Российской Федерации», федеральные законы и иные нормативные правовые акты, действующие на территории Российской Федерации и не вошедшие в перечень утративших силу актов, определенные ст. 2 названного закона, действуют в части, не противоречащей части первой Налогового кодекса РФ, и подлежат приведению в соответствие с этой частью Кодекса.

Следовательно, при определении в настоящее время объема процессуальной правосубъектности налоговых органов следует исходить из приоритетного значения норм, содержащихся в Налоговом кодексе РФ.

Однако в соответствии с Постановлением Пленума Высшего Арбитражного суда Российской Федерации от 10.04.2008 № 22 «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с применением статьи 169 ГК РФ» судам при применении названных положений Закона о налоговых органах необходимо учитывать, что указанное право может реализовываться налоговыми органами лишь постольку, поскольку удовлетворение соответствующего требования направлено на выполнение задач налоговых органов, определенных ст. 6 Закона.

В частности, требование о применении последствий недействительности сделки в виде взыскания в доход Российской Федерации полученного (причитавшегося) по сделке исполнения в соответствии со ст. 169 ГК РФ может быть предъявлено налоговым органом в рамках выполнения им задачи по контролю за производством и оборотом этилового спирта,

алкогольной и спиртосодержащей продукции при оспаривании сделок, направленных на производство и сбыт продукции, обладающей свойствами, опасными для жизни и здоровья граждан.

В то же время требование налогового органа о применении предусмотренных ст. 169 Кодекса последствий недействительности сделки, обосновываемое тем, что данная сделка совершена с целью уклонения от уплаты налогов, выходит за рамки полномочий налогового органа, так как взыскание в доход Российской Федерации всего полученного (причитавшегося) по сделке не является мерой, направленной на обеспечение поступления в бюджет налогов.

Это подтверждает тот факт, что положения НК РФ не всегда соответствуют требованиям понятности, а неясности с понятием законодательства о налогах и его содержанием лишь усугубляют сложившуюся ситуацию. В связи с этим необходимо неукоснительное следование нормам НК РФ, а сами нормы должны получить необходимое раскрытие в Налоговом кодексе, что облегчит их восприятие и применение.

Список литературы

1. Налоговый кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 29.12.2014) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2015) // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 22.10.2014) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Закон РФ от 21.03.1991 № 943-1 «О налоговых органах Российской Федерации» (ред. от 02.04.2014) // Бюллетень нормативных актов. 1992. № 1.
4. Определение Конституционного Суда РФ от 03.02.2000 № 22-О «По запросу Питкярантского городского суда Республики Карелия о проверке конституционности статьи 26 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2000. № 3.
5. «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с применением статьи 169 ГК РФ» Постановлением Пленума Высшего Арбитражного суда Российской Федерации от 10.04.2008 № 22 // Вестник ВАС РФ. 2008. № 5.
6. *Багмет А.М.* Расследование налоговых преступлений / А.М. Багмет, С.И. Леншин, С.В. Маликов. М.: Сер. «Библиотека криминалиста» (БК), 2011.

Reference list

1. The Tax Code of the Russian Federation of 31.07.1998 № 146-FL (revised on 29.12.2014) (as amended, came in effect in 01.01.2015) // Code of laws of the Russian Federation. 1998. № 31. Art. 3824.
2. The Civil Code of the Russian Federation (Part one) of 30.11.1994 № 51-FL (revised on 22.10.2014) // Code of laws of the Russian Federation. 1994. № 32. Art. 3301.
3. The Law of the Russian Federation of 21.03.1991 № 943-1 "On Tax Authorities of the Russian Federation" (revised on 02.04.2014) // Bulletin of normative acts. 1992. № 1.
4. The Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 03.02.2000 № 22-D «At the request of the Pitkyarantsky Municipal Court of the Republic of Karelia about the verification of Constitutional Article 26 of Federal Law «On insolvency (bankruptcy) of credit organizations» // Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. 2000. № 3.

5. «About some issues of practice of consideration of disputes connected with application of Article 169 of the Civil Code of the Russian Federation» by the Decree of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 10.04.2008 № 22 // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2008. № 5.

6. *Bagmet A.* The investigation of tax crimes / A. Bagmet, S. Lenshin, S. Malikov. M.: Series «Library of criminalist» (LC), 2011.

УДК 341.8

Третьякова Е.С.,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин филиала Московского института государственного управления и права в Пермском крае

ФОРМИРОВАНИЕ КОНСУЛЬСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ С ИНОСТРАННЫМИ ГОСУДАРСТВАМИ

В статье рассмотрен процесс юридического оформления консульских учреждений Российского государства в дореволюционный период. Проанализированы причины, обусловившие необходимость консульств. Охарактеризованы функции консульств, их эволюция. Обозначена специфика консульств, учреждавшихся в восточных государствах. Исследованы акты национального и международного права, регламентирующие соответствующие вопросы. Сделан вывод, что институт консульского права сформировался в дореволюционный период, особенно активно данный процесс протекал в XIX веке.

Ключевые слова: межгосударственное сотрудничество, консульства, функции консульских учреждений, консульское право, дореволюционный период

Tret'yakova E.,

PhD of Law, Associate Professor, Head of Chair of State and Legal Disciplines of the Perm Branch of the Moscow Institute of Public Administration and Law

THE FORMATION OF CONSULAR COOPERATION BY THE RUSSIAN EMPIRE WITH FOREIGN STATES

In the article the process of legal registration of the consular institutions of the Russian state in the pre-revolutionary period is examined. The causes for the necessity of consulates have been analyzed. The article is characterized the functions of consulates and their evolution. It has been marked specificity of consulates established in the Eastern States. Acts of national and international law regulating the relevant issues have been studied. It is concluded that the Consular Law Institute was formed in the pre-revolutionary period and especially this process extensively took place in the nineteenth century.

Keywords: interstate cooperation, consulates, functions of consular institutions, consular law, pre-revolutionary period

В настоящее время учреждение консульств на территории иностранных государств с целью обеспечения прав и интересов собственных граждан и юридических лиц является нормой межгосударственных отношений, но так было не всегда и обозначенный институт международного права сформировался относительно недавно.

В XIX в. произошло окончательное оформление института консульского права, как на уровне национального законодательства, так и в рамках межгосударственных отношений. Вместе с тем процесс зарождения и формирования начался намного раньше данного периода.

Уже первые договоры, заключенные Киевской Русью с Византией содержали нормы, которые устанавливали правовой статус русских послов и купцов в пределах греческой тер-

ритории¹. По мнению В. Ястржембского, «Лица, ведавшие права и интересы иностранцев в чужом государстве (консулы), были не только до крестовых походов, но даже и в древности», порядок их назначения, спектр их прав и обязанностей зависели от ряда причин, таких как степень развития мирных сношений и потребности в них между народами, значение, которое придавало то или иное государство отправлению суда, отношение государства к неприкосновенности и абсолютному содержанию своего суверенитета, политическое могущество и степень суверенности соответствующего государства, различия культурологических факторов². Стоит признать, что данные факторы до начала XX в. оказывали определяющее влияние на особенности становления института консульского права в отдельных государствах. Кроме того, представляется целесообразным дополнить вышеобозначенный перечень причин юридическим оформлением института подданства, правового статуса иностранцев и консульского права на уровне национального законодательства.

Несмотря на изолированность Московской Руси, в 1554 г., во времена Ивана Грозного, английскому обществу для торговли с Россией было дано право иметь консула, в компетенцию которого входила возможность судить и наказывать своих соотечественников. В свою очередь, Россия обещала давать необходимые для наказания орудия, освобождать англичан из-под стражи в случае соответствующего поручения консула³. Первые же консульские учреждения Российского государства в иностранных державах появились в начале XVIII в.⁴

Именно начиная со времени правления Петра I российское государство, осознав идеи меркантилизма, начало активно развивать торговые отношения, что потребовало надлежащей защиты прав торговых людей на территориях иностранных государств, в результате чего в 1715 г. были назначены первые консульские агенты («коммерции советник» и «консул коммерции», которому был выдан консульский патент, в последующем ставший образцом для оформления последующих документов аналогичного характера)⁵. С этого момента начался процесс учреждения консульств и их соответствующего юридического оформления⁶. Особое значение в процессе развития консульской службы в XVIII в. имел также период правления Екатерины II, в который значительно увеличилось число консульских постов, было уточнено юридическое положение консулов, были впервые определены штаты заграничных учреждений коллегии иностранных дел, заключены соответствующие договоры с Османской империей⁷. К концу периода ее царствования число консульств достигло 60.

Таким образом, к XIX в. была сформирована в достаточной степени развитая сеть консульств Российской империи в зарубежных государствах, однако, вопросы юридического оформления и надлежащей регламентации данной деятельности решены должным образом не были, в силу чего необходимо было закончить формирование данного института посредством нормативного закрепления различных вопросов, таких как место консульских органов в механизме государства, критерии отбора лиц на данную службу, правовой статус консулов и др. При этом параллельно шло формирование института консульского права на уровне межгосударственных отношений посредством заключения различных соглашений,

¹ Договоры Руси с Византией 911 и 944 гг. // Антология мировой правовой мысли. Т.4. Россия IX–XIX. – М., 1999. – С. 21–27.

² Ястржембский В.О. Капитуляциях в Османской империи. – Харьков, 1905. – С. 9.

³ См. более подробно: Первенцев В.В. Консульская служба в России (XVIII – начале XX в.). Дис. ... канд. ист. наук. – М., 1992.

⁴ Развитие русского права второй половины XVII – XVIII в. / Отв. ред. д-р юрид. наук, профессор Е.А. Скрипилев. – М.: Наука, 1992. – С. 267–269.

⁵ Милюков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. – СПб., 1905. – С. 396–397.

⁶ Регламент государственной коммерц-коллегии от 03.03. 1719 г. // ПСЗ-1. Т. 5. № 3318.

⁷ Сафронова Е.В. Становление и развитие консульской службы Российской империи в XVIII – начале XX в. Дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2002. – С. 80.

что также необходимо было учитывать и согласовывать на соответствие. Во второй половине XIX в. государства, в том числе при непосредственном участии России, стали заключать специализированные консульские конвенции (с Германией 1874 г., с Францией 1874 г., с Италией 1875 г. с Испанией 1876 г.), что стало значительным шагом в вопросах юридического оформления консульской деятельности, прежде всего на уровне международного права.

С течением времени необходимость и значимость консульств возрастала, что обуславливалось, прежде всего, расширением экономических связей нашего государства. И если изначально консульства обеспечивали, в первую очередь, государственные интересы, то постепенно их функции менялись в сторону обеспечения интересов частных лиц (подданных своего государства). По мнению Ф.Ф. Мартенса, «Если дипломатические агенты являются по преимуществу охранителями мира, политических интересов народов и, следовательно, служат непосредственным сношениям между государствами, как независимыми личностями, то консулы вообще представляют социально-культурные интересы государств и их подданных на чужой территории. На их специальной обязанности лежит охранять за границей торговые и промышленные интересы своих народов и содействовать всестороннему их развитию»⁸.

Правовая регламентация консульской деятельности на уровне национального законодательства была осуществлена посредством принятия Консульского устава 1820 года, который был структурно разделен на три отделения: общие постановления; власть и обязанности Консулов в делах дипломатических, государственного хозяйства и торговли; власть Консулов и обязанности в разбирательстве споров и тяжб между мореходцами и прочими российскими подданными, находящимися в месте их пребывания.

Таким образом, в консульском уставе детально были прописаны основные консульские функции, а именно:

- обеспечение соблюдения прав и выгод российского народа вообще по торговле и мореплаванию;
- осуществление посредничества в тяжбах и спорах по вопросам торговли и мореплавания между российскими подданными;
- оказание покровительства подданным России, которые находятся в месте резиденции;
- сбор сведений «о всех приходящих в порты его ведомства и отходящих оттуда российских судах» и контроль за ними (проверка корабельных бумаг, рассмотрение споров, возникавших на судах);
- контроль отношений между купцами и мореходцами, оказание им помощи «в случаях несчастья, заступления в случаях происшествия и во всех обстоятельствах помогать им советами и другими услугами, покровительствовать, защищать их самих, суда их, собственность, права и свободу»;
- оформление документов и совершение регистрационных действий;
- принятие мер к обеспечению сохранности оставшегося после смерти российских подданных имущества;
- принятие мер по розыску беглых матросов;
- разрешение торговых споров: «во всех тяжбах и ссорах по делам торговым и до торговли относящимся», его деятельность также должна была быть направлена на прекращение «миролюбивым образом всех споров и несогласий, могущих произойти между поселившимися или приезжающими туда торговыми людьми русскими подданными»;

⁸ Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. – М.: Зерцало, 2008. – Т. 2. – С. 50.

– охрана коммерческих интересов своего государства и его граждан, обеспечение надлежащего уровня взаимодействия, установленного на основании соответствующих международных договоров;

– сбор и передача информации относительно условий для осуществления торговой деятельности и передача их в департамент внешней торговли («о всяком новом и возвышенном налоге, о всякой иной мере, которая могла бы быть вредна торговле, а с тем вместе по возможности сообщать причины таких перемен», «сверх помянутых... известий о цене товаров и вексельном курсе, Консул обязан извещать Департамент Внешней Торговли о всем вообще, что может касаться до российской торговли и мореплавания; сообщать оному тарифы, имеющие силу закона в том Государстве, где он пребывает... немедленно уведомлять о переменах, могущих в последствии времени произойти в сих тарифах; сообщать также все существующие или вновь публикуемые трактаты и узаконения, относящиеся к торговле и мореплаванию... какие отрасли торговли наиболее процветают... какие в тех местах сделаны запасы товаров» и пр.);

– принимать меры к обеспечению доброго имени и чести русского народа, в том числе «обратить особенное внимание на то, чтобы ни один купец или шкипер русского корабля не помрачал сего народного достоинства, изменяя принятым на себя обязанностям или обманывая своих корреспондентов умышленною поставкою дурных товаров или, наконец, позволяя себе какой-либо иной поступок, наносящий бесчестие».

Таким образом, консульские функции можно разделить на следующие группы.

1. Функции, связанные с обеспечением прав и интересов собственных подданных.
2. Функции по совершению регистрационных и нотариальных действий.
3. Функции в сфере торгового судоходства (в портовых городах).
4. Полицейские полномочия.
5. Функции по обеспечению торговых отношений с государством пребывания.
6. Функции, связанные с обеспечением государственных интересов.

В следующем Консульском уставе 1858 года прослеживается тенденция к расширению консульских полномочий. Так, обязанности, связанные с обеспечением и охраной прав подданных своего государства были расширены и уточнялись, так, консул объявлялся опекуном и попечителем «малолетних детей и вдов российских подданных, умерших в его округе», поверенным в делах наследования, третейским судьей в спорах между российскими подданными, регистратором актов гражданского состояния и нотариусом, при этом нотариальные обязанности уточнялись: совершение нотариальных актов российских подданных и удостоверение своей подписью и печатью консульства различных документов (завещаний, доверенностей, протестов, копий, подписей и т.д.). Относительно морского судоходства новым являлось то, что с введением в действие данного нормативного акта договор денежного займа под заклад корабля или груза мог заключаться только с согласия хозяина или консула. С рядом изменений, внесенных в 1887, 1893, 1903 гг. данный устав регулировал отношения в рассматриваемой сфере.

Указанные функции предусматривались для консульств, находящихся в европейских государствах и США, в которых к XIX в. сложилась в целом однотипная и весьма прогрессивная система правового регулирования с точки зрения ее содержания, вследствие чего местные правительства могли обеспечивать надлежащий уровень закрепления, гарантированности и реализации прав иностранных подданных и рассмотренных функций консульских учреждений было достаточно для эффективного обеспечения прав и интересов собственных подданных, тенденцию урегулирования прав которых можно обозначить следующим

образом: переход от личного к территориальному принципу юрисдикции. В восточных же государствах консульства обладали несколько иными полномочиями, в связи с особенностями этих государств. «Консулы в государствах нехристианских занимают исключительное положение, которое представляется вполне необходимым ввиду порядков, этим государствам присущих. Низкая степень культуры азиатских и африканских народов, их неустойчивость государственное и неумалимая враждебность ко всем другим народам, в особенности христианским, заставили образованные народы, придерживающиеся с ними сношения, изыскивать средства, которые дали бы возможность вести с ними международные и торговые обороты, не подвергая явной опасности жизнь, честь, собственность и другие неотъемлемые права своих подданных. Средством этим было и остается изъятие европейцев, пребывающих среди тех народов, от местной юрисдикции и подчинение их национальным законам и суду»⁹, – писал в своем труде Ф.Ф. Мартенс. Весьма детально вопросы специфических характеристик консульств в данной группе государств освещены в другой работе Ф.Ф. Мартенса «О консулах и консульской юрисдикции на Востоке», изданной в 1873 году.

Вообще, консульства Российской Империи стали учреждаться в восточных государствах ранее, нежели в европейских, и связано это было с капитуляциями. Капитуляционный режим, аналогично консульскому был направлен на определение правового положения иностранцев в другом государстве. Под капитуляциями принято понимать систему мер внедоговорного (добровольного или принудительного) либо договорного характера, направленных на регулирование отношений христианских государств с мусульманскими, основывающиеся, прежде всего, на особенностях религиозного характера и необходимостью защиты иноверцев, пребывающих на территориях соответствующих мусульманских государств, содержание которых в определенной степени носило дискриминационный характер. Постепенно капитуляции распространились на сферу прав и обязанностей и юрисдикции государств в отношении собственных подданных. Несмотря на постепенное оформление договорно-обязательственных отношений общий формат взаимодействия оставался прежним.

Таким образом, перечень функций, которые закреплялись в консульских уставах не носил исчерпывающий характер, и они дополнялись различными распоряжениями, особенно это касалось консульств, учрежденных в восточных государствах. Исходя из характера и особенностей взаимодействия с ними, на консульства возлагались не только общие функции, присущие всем консульским учреждениям, но и дополнительные, связанные с представительством, в том числе политическим, своего государства и соответствующие юрисдикционные полномочия. Вместе с тем, вплоть до XIX в. вопросы консульской юрисдикции, осуществляемой в восточных государствах никак не были урегулированы национальным правом, свое юридическое оформление они находили исключительно на уровне заключаемых с отдельными государствами международных договоров.

Основными нормативными актами, устанавливающими консульскую юрисдикцию и наиболее полно регламентирующие рассматриваемый вопрос, были следующие: Сенатский указ от 24 июля 1824 г., по высочайше утвержденному мнению Государственного совета от 21 мая того же года «О правилах производства тяжб Российских подданных, с подданными различных держав, торгующих в Турецкой империи»¹⁰; Высочайше утвержденное 19 октября 1824 г. мнение Государственного совета «О апелляционном порядке в переносе дел из

⁹ Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. – М.: Зерцало, 2008. – Т. 2. – С. 65.

¹⁰ Сенатский Указ по высочайше утвержденному Мнению Государственного Совета от 21 мая того же года «О правилах производства тяжб Российских подданных, с подданными различных держав, торгующих в Турецкой империи» от 24 июля 1824 г. // ПСЗ-1. Т. XXXIX. № 29995.

Константинопольских комиссий в Сенат»; Высочайше утвержденные 21 января 1829 г. правила в руководство российской миссии и консульствам в Персии, относительно торговли и защиты пребывающих там Российских подданных¹¹. Именно данные акты впоследствии стали базой для формирования Консульского устава.

При характеристике функций, возложенных на консульские учреждения, необходимо заметить, что они во многом зависели не только от соответствующего юридического закрепления, но и определялись особенностями политического и экономического характера, тех условий, которые имели место как во внутреннеполитическом, так и во внешнеполитическом плане. Так, в конце XIX – начале XX в. в российском государстве происходил активный процесс развития промышленности, укрепление рыночных отношений в сельском хозяйстве, что привело к росту количества частных компаний, интересы которых, в том числе, составлял выход на экспортную деятельность, вместе с тем международный рынок также динамично развивался, увеличивалась конкуренция различных государств, заключаемые торговые договоры содержали все большее количество конвенционных уступок, в результате Россия стала проигрывать основным странам Запада в вопросах экспорта, в особенности промышленных товаров. Данный вопрос, несомненно, стал предметом заинтересованности государства.

Для координации деятельности и разрешения вышеобозначенной проблемы, в начале XX века было создано Министерство торговли и промышленности¹², которое практически сразу стало претендовать на руководство консульской службой в экономических вопросах. Так, в 1906 г. министр торговли и промышленности В. Тимирязев обратился к министру иностранных дел относительно установления более тесного взаимодействия консулов с его министерством, он настаивал на регулярных контактах и определял объем сведений, интересных его министерству: «товары, пользующиеся наибольшим спросом, цены на них, существующие обычаи и приемы торговли, сроки расчета, возможные условия кредита... способы доставки»¹³, помимо этого, по его мнению, консулы должны были осуществлять организационно-посредническое обеспечение деловых контактов субъектов внешнеэкономического сотрудничества. Переписка по этому поводу велась несколько лет и в конце 1909 г. на межведомственном совещании по вопросу сотрудничества консульской службы с министерством торговли и промышленности, Министерство иностранных дел дало согласие на непосредственное подчинение консулов министерству торговли и промышленности по экономическим вопросам, однако, не пошло на превращение консульств в торговых агентов, представителей частных интересов¹⁴. Таким образом, функции консульств были значительно расширены, они должны были заниматься информационно-аналитической работой, принимать непосредственное участие в обеспечении и правовой защите торгово-экономических интересов, как государства, так и частноправовых субъектов, посредством чего консульская деятельность была существенно усложнена с одной стороны, с другой – это отразилось на эффективности работы консулов, в том числе в вопросах выполнения поручений в рассматриваемой сфере. В результате, в 1912 г. была создана должность агента министер-

¹¹ Высочайше утвержденные 21 января 1829 г. правила в руководство Российской Миссии и Консульствам в Персии, относительно торговли и защиты и пребывающих там Российских подданных. // ПСЗ-2. Т. IV. № 2606.

¹² Именной Высочайший указ, данный сенату «Об учреждении министерства торговли и промышленности» от 25 октября 1905 г. // ПСЗ-3. Т.25. № 26851.

¹³ Цит. по: Сафронова Е.В. Становление и развитие консульской службы Российской империи в XVIII – начале XX вв. Дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2002. С. 112.

¹⁴ Подробнее см: Сафронова Е.В. Становление и развитие консульской службы Российской империи в XVIII – начале XX в. Дис. ...д-ра юрид. наук. – М., 2002. – С.110–118.

ства торговли и промышленности за границей¹⁵. Данные служащие вводились в состав учреждений министерства иностранных дел, что облегчало работу консулов, в функциональных обязанностях которых осталось обеспечение защиты государственных интересов в вопросах развития внешней торговли.

С юридической точки зрения, устанавливалась процедура легализации консула на территории иностранного государства, которая, во многом, просуществовала по сегодняшний день. При назначении консул получал от государства, назначившего его патент, который утверждался властями принимающего государства, так называемая экзекватура. После получения экзекватуры консул обязан был незамедлительно сообщить об этом Министерству иностранных дел, а российские консулы, согласно ст. 4 Консульского устава обязаны были проинформировать в том числе Департамент торговли и Мануфактур, что было связано с вопросами двойной подчиненности.

Для обеспечения надлежащей реализации соответствующих функций в рассматриваемый период времени активно развивалась сфера оформления системы иммунитетов и привилегий, основа которой была заложена еще на этапе зарождения международного права и происходило постепенно с учетом активности взаимного сотрудничества государств, но преимущественно на уровне обычного права, что имело место практически до середины XIX в., когда в договорах о торговле и мореплавании стали предусматриваться нормы относительно данного вопроса¹⁶, а в последующем стали заключаться консульские конвенции, включающие регламентацию данного вопроса¹⁷. Таким образом, права и преимущества консулов можно разделить на две группы: 1) зависящие от государства, назначившего консула, и 2) права и преимущества, для признания которых необходимо признание со стороны принимающего государства.

Итак, в Российской империи, особенно в период XIX – начала XX в. продолжалось активное развитие и правовое оформление института консульского права, как на уровне национального, так и на уровне международного права, что было связано с увеличением числа консульств, учреждаемых в иностранных государствах с целью активизации внешнеторговой деятельности. С расширением географии и активизацией их деятельности постепенно усложнялись задачи данных учреждений, юридически оформлялись их функциональные обязанности.

Окончательно оформилась система консульских функций, которая зависела от внутригосударственных интересов и внешнеполитической системы взаимодействия, с учетом специфики взаимоотношений с конкретными государствами.

Для обеспечения выполнения функций стала оформляться сфера консульских привилегий иммунитетов, переходя из разряда обычных норм в категорию конвенционных.

Список литературы

1. Регламент государственной коммерц-коллегии от 03.03.1719г. // ПСЗ-1. Т. V. № 3318.
2. Сенатский Указ по высочайше утвержденному Мнению Государственного Совета от 21 мая того же года «О правилах производства тяжб Российских подданных, с подданными различных держав, торгующих в Турецкой империи» от 24 июля 1824 г. // ПСЗ-1. Т. XXXIX. № 29995.

¹⁵ Высочайше утвержденный, одобренный Государственным Советом и Государственной Думой закон «Об учреждении должностей агентов министерства торговли и промышленности за границею и секретарей при некоторых из них» от 28 мая 1912 г. // ПСЗ-3. Т. 32. № 37148.

¹⁶ Например, Трактат о торговле и мореплавании России с США от 06 декабря 1832 г. // ПСЗ-2. Т. 9. № 6737; Трактат о торговле и мореплавании России с Нидерландами от 01 сентября 1846 г. // ПСЗ-2. Т. 22. № 21191 и др.

¹⁷ Консульская конвенция России с Францией от 20 марта 1874 г. // ПСЗ-2. Т. 49. № 53865.

3. Высочайше утвержденные правила в руководство Российской Миссии и Консульствам в Персии, относительно торговли и защиты и пребывающих там Российских подданных от 21 января 1829г. // ПСЗ-2. Т. IV. № 2606.
4. Трактат о торговле и мореплавании России с США от 06 декабря 1832 г. // ПСЗ-2. Т. IX. № 6737.
5. Трактат о торговле и мореплавании России с Нидерландами от 01 сентября 1846 г. // ПСЗ-2. Т. XXII. № 21191.
6. Консульская конвенция России с Францией от 20 марта 1874 г. // ПСЗ-2. Т. XLIX. № 53865.
7. Именной Высочайший указ, данный сенату «Об учреждении министерства торговли и промышленности» от 25 октября 1905 г. // ПСЗ-3. Т. XXV. № 26851.
8. Высочайше утвержденный, одобренный Государственным Советом и Государственной Думой закон «Об учреждении должностей агентов министерства торговли и промышленности за границу и секретарей при некоторых из них» от 28 мая 1912 г. // ПСЗ-3. Т. XXXII. № 37148.
9. Договоры Руси с Византией 911 и 944 гг. // Антология мировой правовой мысли. Т. 4. Россия IX–XIX. – М., 1999.
10. *Мартенс Ф.Ф.* Современное международное право цивилизованных народов. – М.: Зерцало, 2008. – Т. 2.
11. *Милюков П.Н.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. – СПб., 1905.
12. *Первенцев В.В.* Консульская служба в России (XVIII – начале XX в.). Дис. ... канд. ист. наук. – М., 1992.
13. Развитие русского права второй половины XVII–XVIII в. / Отв. ред. д-р юрид. наук, профессор Е.А. Скрипилев. – М.: Наука, 1992.
14. Сафронова Е.В. Становление и развитие консульской службы Российской империи в XVIII – начале XX в. Дис. ... д-ра юрид. наук. 12.00.01 – М., 2002. – 372 с.
15. *Ястржембский В.* О капитуляциях в Османской империи. – Харьков, 1905.

Reference list

1. Consular Convention of Russia with France on March 20th, 1874 // Complete collection of laws of the Russian Empire-2. Vol. XLIX. № 53865.
2. *Martens F.F.* Modern international law of enlightened peoples. M: Zertsalo, 2008. Vol. 2.
3. *Milyukov P.* The state economy of Russia in the first quarter of XVIII century and the reforms of Peter the Great. SBR., 1905.
4. *Perventsev V.* The Consular service in Russia (XVIII – early XX centuries). Thesis of PhD in History. M., 1992.
5. Royally approved rules in the leadership of the Russian Missions and Consulates in Persia, regarding on trade and protection of the Russian subjects residing there, from 21st of January, 1829 // Complete collection of laws of the Russian Empire-2. Vol. IV. № 2606.
6. *Safronova E.* The Formation and development of the consular service of the Russian Empire in the XVIII – early XX centuries. Thesis of Doctor of Law, 12.00.01. M., 2002. P. 372.
7. Senate Decree on the royally approved the Opinion of the State Council from 21st of May of the same year, “On the rules of production claims of the Russian subjects, with subjects of different states, trading in the Turkish Empire” from 24th of July, 1824 // Complete collection of laws of the Russian Empire-1. Vol. XXXIX. № 29995.
8. The development of the Russian law in the second half of XVII–XVIII centuries / Executive editor E. Skripilev, Doctor of Law, Professor. M.: Nauka, 1992.

9. The Given Personal Imperial Edict to the Senate "On the establishment of the Ministry of Trade and Industry" dated 25th of October, 1905 // Complete collection of laws of the Russian Empire-3. Vol. XXV. № 26851.
10. The Law of highest consolidated and approved by the State Council and the State Duma "On the establishment of the positions of the agents of the Ministry of Trade and Industry abroad and secretaries in their presence", dated 28th of May, 1912 // Complete collection of laws of the Russian Empire-3. Vol. XXXII. № 37148.
11. The Rules of procedure of State Panel of Commerce from 03.03.1719 // Complete collection of laws of the Russian Empire-1. Vol. V. № 3318.
12. The Rus'treaties 911 and 944 with Byzantium // Anthology of world legal thought. Vol. 4. Russia of IX–XIX. M., 1999.
13. Treatise on Commerce and Navigation between Russia and the USA from 6th of December, 1832 // Complete collection of laws of the Russian Empire-2. Vol. IX. № 6737.
14. Treatise on Commerce and Navigation of Russia with the Netherlands from 1st of September, 1846 // Complete collection of laws of the Russian Empire-2. Vol. XXII. № 21191.
15. *Yastrzhembskiy V.* The capitulations in the Ottoman Empire. Kharkov, 1905.

УДК 34.07

Аль Али Насер Абдель Рахим,

кандидат юридических наук, заведующий кафедрой международного права Московского института государственного управления и права

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННОГО АРБИТРАЖНОГО СОГЛАШЕНИЯ

В статье рассматриваются теоретические подходы к анализу понятия электронного арбитражного соглашения, правового регулирования электронного арбитражного соглашения, формы и содержания электронного арбитражного соглашения. Автор анализирует международные правовые акты, регулирующие порядок заключения электронного арбитражного соглашения, и приходит к выводу о том, что электронное арбитражное соглашение может быть заключено с помощью электронных сообщений и электронных средств связи.

Ключевые слова: электронный арбитраж, Интернет, электронное арбитражное соглашение, электронные сообщения, электронная торговля, электронные подписи

Al Ali Naser Abdel Rahim,

PhD in Law, Head of Chair of International Law of the Moscow Institute of Public Administration and Law

LEGAL REGULATION OF ELECTRONIC ARBITRATION AGREEMENT

The article is considered the theoretical approaches to the analysis of the conception of electronic arbitration agreement, the legal regulation of electronic arbitration agreement, the forms and content of electronic arbitration agreement. The author of this article is analyzed the international legal acts, regulating the procedure for the concluding electronic arbitration agreement and determined that the electronic arbitration agreement may be concluded by using electronic messages and electronic means of communication.

Keywords: electronic arbitration, Internet, electronic arbitration agreement, electronic messages, electronic commerce, electronic signature

Международный электронный арбитраж – это арбитражные процедуры, осуществляющиеся по международным коммуникационным каналам в аудиовизуальной форме без необходимости в физическом присутствии сторон спора и арбитров в определенном месте¹.

Распространение использования электронных сетей связи для заключения сделок и контрактов привело к использованию тех же сетей связи в разрешении споров, возникающих между сторонами, которые находятся в разных государствах, без необходимости присутствия сторон в одном месте для осуществления судебного разбирательства и принятия арбитражного решения, поэтому электронное арбитражное соглашение является обязательным для сторон и основным актом для передачи спора в международный электронный арбитраж и принятия соответствующего электронного арбитражного решения.

¹ Халед Мамдух Ибрахим. Электронный арбитраж в контрактах в международной торговле. Александрия, 2008. С. 246–248 (на арабск. яз.).

Электронный арбитраж, как и традиционный арбитраж, начинается с составления и заключения электронного арбитражного соглашения о передаче в арбитраж всех или определенных споров, которые возникли или могут возникнуть между сторонами в связи с каким-либо конкретным правоотношением, независимо от того, носило оно договорный характер или нет. Заключение электронного арбитражного соглашения считается первым шагом международного электронного арбитража и основой его. Главная особенность, которая характеризует электронное арбитражное соглашение, состоит в том, что оно заключается с помощью электронных средств. Это означает, что электронное арбитражное соглашение является юридическим актом, заключенным с помощью электронных средств. Таким образом, арбитражное разбирательство проводится в электронной форме.

Для арбитражного электронного соглашения характерно, что оно заключается на расстоянии и между отсутствующими сторонами в электронной форме (через Интернет). В ст. 12 Типового закона «Об электронной торговле», принятого ЮНСИТРАЛ в 1996 г., говорится, что «в отношениях между составителем и адресатом сообщения данных волеизъявление или другое заявление не может быть лишено юридической силы, действительности или исковой силы на том лишь основании, что для этой цели использовалось сообщение данных»². В ст. 8 п. 1 Конвенции Организации Объединенных Наций «Об использовании электронных сообщений в международных договорах» 2005 г. тоже говорится о том, что «сообщение или договор не могут быть лишены действительности или исковой силы на том лишь основании, что они составлены в форме электронного сообщения»³. Из этого следует, что Типовой закон «Об электронной торговле» и Конвенция «Об электронных сообщениях» имеют целью содействовать использованию электронных сообщений в международной торговле путем обеспечения того, чтобы контракты, заключенные с использованием электронных средств, и сообщения, обмен которыми осуществляется с использованием электронных средств, являлись действительными и подлежали исполнению в той же мере, как и их традиционные бумажные эквиваленты.

Арбитражное электронное соглашение представляет собой согласованную волю сторон о передаче в арбитраж всех или определенных споров, которые возникли или могут возникнуть между ними в связи с каким-либо конкретным правоотношением, независимо от того, носило оно договорный характер или нет, соглашение может заключаться с использованием информационных систем, информационно-коммуникационной сети и электронных процедур⁴.

Последствия заключения электронного арбитражного соглашения выражаются в исключении юрисдикции не только государственного суда, но и традиционного международного коммерческого арбитража в рассмотрении международного коммерческого спора.

Сущность традиционного арбитражного соглашения и электронного арбитражного соглашения выражается в том, что они закрепляют «взаимосогласованное волеизъявление сторон передать возникший или могущий возникнуть между ними спор на разрешение в международный коммерческий арбитраж»⁵.

Термин электронного арбитражного соглашения имеет два значения. Первое значение заключается в том, что стороны спора договорились урегулировать свой спор с помощью

² Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронной торговле и Руководство по принятию. 1996 г.

³ Конвенция Организации Объединенных Наций об использовании электронных сообщений в международных договорах. 2005 г. New York, 2007. С. 5.

⁴ Модельный закон от 25.11.2008 об электронной торговле. URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/19788052/18551911> Модельный

⁵ Международный коммерческий арбитраж: правовые основы функционирования // Международное право. 2013. № 1. URL: http://e-notabene.ru/wl/article_545.html

традиционного арбитража, но данное соглашение было заключено с помощью электронных средств связи. Второе значение состоит в том, что стороны договорились прибегнуть к арбитражу для разрешения своих споров путем использования современных электронных технологий⁶.

По своей юридической природе электронное арбитражное соглашение, как и традиционное арбитражное соглашение, является «частноправовым договором, носящим самостоятельный характер по отношению к основному контракту независимо от его вида»⁷. Таким образом, электронное арбитражное соглашение обладает юридической автономностью по отношению к основному контракту, что означает юридическую действительность электронного арбитражного соглашения, не зависящую от действительности основного договора. Но в то же время действительность электронного арбитражного соглашения, в частности арбитражной оговорки, не зависит от признания основного контракта недействительным.

В свою очередь, признание самостоятельности арбитражных соглашений привело к формированию коллизионных норм, определяющих, по законам какого государства должны рассматриваться споры, связанные с арбитражным соглашением⁸. Электронное арбитражное соглашение признается действительным в соответствии с правом государства, избранным сторонами, при отсутствии такого выбора – в соответствии с правом, применимым к основному контракту. Таким образом, решение вопроса о применимом праве признается либо по праву, которое выбрали стороны, либо по праву, которое регулирует основной контракт.

В сложившейся международно-арбитражной практике существует несколько видов арбитражных соглашений: арбитражная оговорка, третейская запись и арбитражный договор. Данные виды арбитражного соглашения можно использовать по аналогии при составлении электронного арбитражного соглашения.

Электронная арбитражная оговорка включается в текст основного контракта и является составной частью его. Она предусматривает передачу в электронный арбитраж тех споров, которые могут возникнуть в будущем из контракта. Электронная арбитражная оговорка содержит положение о месте рассмотрения спора и о применимом праве. Арбитражная оговорка является самым популярным видом арбитражного соглашения.

Электронная третейская запись заключается отдельным соглашением от основного контракта об арбитражном разбирательстве уже возникшего спора, это делается с помощью информационных систем, информационно-коммуникационной сети.

Электронный арбитражный договор – это самостоятельное соглашение между сторонами о передаче в электронный арбитраж споров, которые могут возникнуть в будущем в связи с данным контрактом или группой контрактов, или в связи с совместной деятельностью в целом.

На самом деле данные виды электронных арбитражных соглашений ничем не отличаются друг от друга и представляют собой соглашения сторон об электронном арбитражном разбирательстве.

Для того чтобы электронное арбитражное соглашение считалось действительным, заключенным и порождающим правовые последствия, оно должно отвечать следующим требованиям.

⁶ *Имад Елдин Мухаммед*. Закономерность и природа арбитража с акцентом в режиме онлайн. URL: <http://slconf.uaeu.ac.ae/papers/n3/emad%20aldin%20mohamed.pdf>

⁷ *Слипачук Т.В.* Арбитражное соглашение: современные проблемы и тенденции // Комаров А.С. (ред.) Международный коммерческий арбитраж: современные проблемы и решения: Сборник статей. М., 2007.

⁸ *Международное частное право: Учебник / Отв. ред. Г.К. Дмитриева*. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2010. С. 611.

1) Объективные требования для заключения электронного арбитражного соглашения – это согласованная воля сторон;

Согласованная воля сторон – обе стороны должны быть согласными между собой о передаче спора, который возник или может возникнуть в будущем между ними, в электронный арбитраж для разрешения данного спора и принятия по нему решения. Согласованная воля сторон выражается с помощью электронных средств, т.е. оферта и акцепт по заключению электронного арбитражного соглашения осуществляется с помощью электронных средств.

Волеизъявление, направленное на заключение электронного арбитражного соглашения, должно быть свободным от насилия или угрозы со стороны как контрагента по сделке, так и третьих лиц. Наличие пороков воли делает электронное арбитражное соглашение недействительным. Волеизъявление должно исходить от лиц, являющихся дееспособными и правоспособными, так как отсутствие дееспособности и ограниченная дееспособность лица могут повлечь за собой недействительность или оспоримость электронного арбитражного соглашения.

2) Формальные требования заключаются в том, что арбитражное соглашение должно быть заключено в письменной форме. Так, национальные законодательства многих государств, Конвенция ООН «О признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений» (Нью-Йорк, 10 июня 1958 г.) и Европейская конвенция 1961 г. «О внешнеторговом арбитраже» предусматривают признание только письменных арбитражных соглашений.

Ряд формальных требований, содержащихся в получивших широкое признание национальных законодательствах многих государств, договорах в сфере международной торговли, таких как Конвенция «О признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений» (Нью-Йоркская конвенция), Конвенция Организации Объединенных Наций «О договорах международной купли-продажи товаров» и Европейская конвенция 1961 г. «О внешнеторговом арбитраже», могут стать препятствием для широкого использования электронных сообщений в заключении электронного арбитражного соглашения с помощью электронных средств.

Однако данную проблему можно преодолеть с помощью тех нормативных актов, которые уже имеются в этой области. ЮНИСТРАЛ в Типовом законе «О международном торговом арбитраже» 1985 г. с изменениями, принятыми в 2006 г., гласит, что определение термина «письменное соглашение» нужно толковать таким образом, чтобы включать в него и электронные сообщения. В п. 4 ст. 7 говорится: «Требование о заключении арбитражного соглашения в письменной форме удовлетворяется электронным сообщением, если содержащаяся в нем информация является доступной для ее последующего использования; «электронное сообщение» означает любое сообщение, которое стороны передают с помощью сообщений данных; «сообщение данных» означает информацию, подготовленную, отправленную, полученную или хранимую с помощью электронных, магнитных, оптических или аналогичных средств, включая электронный обмен данными (ЭОД), электронную почту, телеграмму, телекс или телефакс, но не ограничиваясь ими»⁹.

Типовой закон ЮНСИТРАЛ «Об электронной торговле» (1996 г.) направлен на установление равного режима для бумажной и электронной информации. Такой равный режим имеет важнейшее значение применительно к созданию возможностей для использования безбумажных средств передачи сообщений, что способствует повышению эффективности международной торговли. Положения данного закона можно использовать при составлении и заключении электронного арбитражного соглашения. Данный закон предусматрива-

⁹ Типовой закон ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже 1985 г. (с изменениями, принятыми в 2006 году). URL: <http://www.uncitral.org>.

ет, что документ не будет лишен юридической силы, действительности или исковой силы на том лишь основании, что он составлен в электронной форме (ст. 5).

Типовой закон ЮНСИТРАЛ «Об электронных подписях» (2001 г.) предусматривает возможность использования электронных подписей путем установления критериев технической надежности, определяющих эквивалентность электронных и собственноручных подписей. Таким образом, Типовой закон ЮНСИТРАЛ «Об электронных подписях» служит основанием и может быть использован при заключении и подписании электронного арбитражного соглашения.

Конвенция «Об использовании электронных сообщений в международных договорах» 2005 г. является международным договором, в результате действия которого создаются возможности для устранения этих формальных препятствий путем установления эквивалентности между электронной и письменной формами сообщений. Конвенция «Об электронных сообщениях» имеет целью содействовать использованию электронных сообщений в международной торговле путем обеспечения того, чтобы контракты, заключенные с использованием электронных средств, и сообщения, обмен которыми осуществляется с использованием электронных средств, являлись действительными и подлежали исполнению в той же мере, что и их традиционные бумажные эквиваленты¹⁰. Данная конвенция служит дополнительным целям, способствуя дальнейшему облегчению использования электронных сообщений в международной торговле. Таким образом, Конвенция направлена на повышение степени унификации норм, касающихся электронной торговли, и поощрение единообразия при включении типовых законодательных положений ЮНСИТРАЛ, касающихся электронной торговли, во внутреннее право, а также на обновление и дополнение отдельных типовых законодательных положений в свете новейшей практики. И наконец, Конвенция может предоставить в распоряжение стран, до сих пор не принявших положения в области электронной торговли, образцы современных, единообразных и тщательно проработанных законодательных норм. Из этого следует, что, если стороны заключают договор путем обмена электронными сообщениями, ст. II Нью-Йоркской конвенции 1958 г. может интерпретироваться по аналогии. Кроме того, прецедентное право признало, что факсовые копии и телексы сопоставимы с письмами и телеграммами. Поэтому справедливо утверждать, что арбитражное соглашение является письменным соглашением, если оно было заключено путем обмена электронными сообщениями¹¹.

Содержание электронного арбитражного соглашения зависит от воли сторон: они сами определяют, из каких элементов оно должно состоять.

К числу существенных условий электронного арбитражного соглашения как гражданско-правового договора с процессуальным элементом следует относить:

- выбор электронного арбитражного способа рассмотрения спора;
- конкретный арбитражный орган, компетентный рассматривать спор;
- круг споров, подлежащих рассмотрению в арбитраже;
- применимое право.

Рассмотрим эти условия.

1. Выбор электронного арбитражного способа рассмотрения спора.

Стороны вправе выбрать любой постоянно действующий арбитражный суд, расположенный как в государстве, где находится одна из сторон договора, так и в третьем государстве, либо сформировать арбитраж *ad hoc* для рассмотрения спора с помощью электронных средств.

¹⁰ Конвенция Организации Объединенных Наций об использовании электронных сообщений в международных договорах (Нью-Йорк, 2005 г.). URL: http://www.uncitral.org/uncitral/uncitral_texts/electronic_commerce/2005Convention.html

¹¹ Dispute settlement. Electronic Arbitration. United Nations, 2003. P. 20.

2. Круг споров, подлежащих рассмотрению в арбитраже.

Электронное арбитражное соглашение должно содержать указание на круг вопросов, предназначенных для рассмотрения составом электронного арбитража. Это могут быть все споры, вытекающие из контракта, или их часть. Возможно заключение электронных арбитражных соглашений, устанавливающих компетенцию одного арбитражного суда на рассмотрение некоторых вытекающих из контракта споров, и компетенцию иного арбитражного суда на рассмотрение других споров, вытекающих из этого же контракта. При этом необходимо внимательно относиться к терминологии арбитражного соглашения, поскольку употребление неточного термина может повлечь исключение ряда факторов, вытекающих из компетенции арбитражного суда, или вообще исключить компетенцию арбитражного суда на рассмотрение таких споров. К примеру, арбитражная оговорка, устанавливающая передачу на рассмотрение арбитражного суда споров, связанных с исполнением контракта, может быть расценена как не допускающая рассмотрение в арбитраже спора об изменении, расторжении или недействительности контракта.

3. Применимое право.

Значение применимого права, одного из существенных условий арбитражного соглашения, велико. Как отмечает М.Г. Розенберг, «вопрос о применимом праве к конкретным отношениям признается узловым»¹². Применимым правом, регулирующим отношения сторон по заключенной внешнеэкономической сделке, следует считать материально-правовые нормы, содержащиеся в нормативных актах национального законодательства и международно-правовых актах, которые избирают стороны по взаимному согласию. Выбирая применимое право, участники сделки могут включить в электронное арбитражное соглашение условие о том, что споры из него будут разрешаться в соответствии с национальным законодательством определенного государства (например, российским гражданским законодательством, в частности правом, подлежащим применению к гражданско-правовым отношениям, осложненным иностранным элементом – разд. VI ГК РФ), общими принципами права (например, принципы УНИДРУА 2004 г.), торговыми обычаями (например, Инкотермс – 2010), нормами международного торгового права – *lex mercatoria*, международными договорами (например, Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров (далее – Венская конвенция 1980 г.))¹³.

В электронном арбитражном соглашении стороны вправе предусматривать любые правила электронной арбитражной процедуры.

Полномочия по подписанию электронного арбитражного соглашения. Так, Нью-Йоркская конвенция 1958 г., Типовой закон ЮНИСТРАЛ о международном торговом арбитраже 1985 г. и большинство национальных законов о международном коммерческом арбитраже предусматривают, что арбитражное соглашение должно быть подписано сторонами спора. Типовой закон об электронных подписях имеет целью сделать возможным и облегчить использование электронных подписей путем установления критериев технической надежности, определяющих эквивалентность электронных и собственноручных подписей. Таким образом, Типовой закон об электронных подписях может помочь государствам в создании современной, согласованной и взвешенной законодательной базы для эффективного решения вопроса о правовом режиме электронных подписей и придания определенности их статусу. Таким образом, типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронных подписях служит

¹² Розенберг М.Г. Контракт международной купли-продажи. Современная практика заключения. Разрешение споров. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Книжный мир, 2003. С. 85.

¹³ Николукин С. Содержание соглашения об арбитраже (третейском соглашении) (Электронный ресурс). 2009. URL: http://www.juristlib.ru/book_6303.html

основанием и может быть использован при заключении и подписании электронного арбитражного соглашения. «В Типовом законе об электронных подписях устанавливаются критерии технической надежности, определяющие эквивалентность электронных и собственноручных подписей, а также базовые правила поведения, которые могут служить в качестве руководящих принципов для оценки обязанностей и ответственности в отношениях между подписавшим, полагающейся стороной и доверенными третьими сторонами, участвующими в процессе подписания. Наконец, в Типовом законе об электронных подписях содержатся положения, благоприятствующие признанию иностранных сертификатов и электронных подписей на основе принципа эквивалентности по существу, в соответствии с которым место происхождения иностранной подписи не принимается во внимание»¹⁴.

В Европейском Союзе тоже была принята Директива Европейского Союза № 2000/31/ЕС о некоторых правовых аспектах услуг информационного общества, в частности электронной коммерции, на внутреннем рынке (проект Директивы был одобрен 28 февраля 2000 г. Европейским Советом, а 4 мая 2000 г. – Европейским Парламентом). Таким образом, в Европейском Союзе сделаны все необходимые предварительные шаги к формированию рамочных правил для развития электронной коммерции. Директива предусматривает обязанность государств-участников обеспечить в своих правовых системах возможность заключения договоров с использованием электронных средств (ст. 9)¹⁵.

Директива об электронных подписях 1999 г. дает определение электронной подписи. Электронная подпись – это данные в электронном формате, которые прилагаются к другим электронным данным или логически ассоциируются с ними и служат в качестве метода установления аутентичности.

Электронная цифровая подпись – реквизит электронного документа, предназначенный для защиты данного электронного документа от подделки, полученный в результате криптографического преобразования информации с использованием закрытого ключа электронной цифровой подписи, а также для установления отсутствия искажения информации в электронном документе¹⁶.

Список литературы

1. Арбитражный регламент ЮНСИТРАЛ (пересмотрен в 2010 г.). URL: <http://www.uncitral.org/pdf/russian/texts/arbitration/arb-rules-revised/arb-rules-revised-r.pdf> /
2. Директива № 1999/93/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О правовых основах регулирования электронных подписей в Сообществе».
3. *Имад Елдин Мухаммед*. Закономерность и природа арбитража с акцентом в режиме онлайн. URL: <http://slconf.uaeu.ac.ae/papers/n3/emad%20aldin%20mohamed.pdf>
4. *Карабельников Б.Р.* Международный коммерческий арбитраж: Учебник. М.: Инфотропик Медиа, 2012. – 576 с.
5. Конвенция Организации Объединенных Наций об использовании электронных сообщений в международных договорах 2005 г. New York, 2007.

¹⁴ Типовой закон об электронных подписях 2001 г. URL: http://www.uncitral.org/uncitral/uncitral_texts/electronic_commerce/2001Model_signatures.html

¹⁵ Directive 2000/31/EC of the European Parliament and of the Council of 8 June 2000 on certain legal aspects of information society services, in particular electronic commerce, in the Internal Market ('Directive on electronic commerce'). Директива об электронной коммерции 2000 г.

¹⁶ Директива № 1999/93/ЕС Европейского Парламента и Совета Европейского Союза «О правовых основах регулирования электронных подписей в Сообществе».

6. Международное частное право: Учебник / Отв. ред. Г.К. Дмитриева. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2010. С. 611.
7. Международный коммерческий арбитраж: правовые основы функционирования // Международное право. 2013. № 1. URL: http://e-notabene.ru/wl/article_545.html.
8. *Слипачук Т.В.* Арбитражное соглашение: современные проблемы и тенденции // Международный коммерческий арбитраж: современные проблемы и решения: Сборник статей / Под ред. А.С. Комарова. М.: Статут, 2007. – 524 с.
9. Типовой закон ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже 1985 г. (с изменениями, принятыми в 2006 г.). URL: <http://www.uncitral.org>
10. Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронной торговле и Руководство по принятию. 1996 г.
11. *Халед Мамдух Ибрахим.* Электронный арбитраж в контрактах в международной торговле. Александрия, 2008. С. 246–248. (на араб. яз.).
12. ЮНСИТРАЛ: закон об электронной торговле http://www.uncitral.org/uncitral/uncitral_texts/electronic_commerce/2001Model_signatures.html.
13. Directive 2000/31/EC of the European Parliament and of the Council of 8 June 2000 on certain legal aspects of information society services, in particular electronic commerce, in the Internal Market ('Directive on electronic commerce').

Reference list

1. Arbitration UNCITRAL rules (Revised in 2010) // URL: <http://www.uncitral.org/pdf/russian/texts/arbitration/arb-rules-revised/arb-rules-revised-r.pdf> /
2. Directive 2000/31/EC of the European Parliament and the Council of June 8th, 2000 on certain legal aspects of information society services, in particular electronic commerce, in the Internal Market ('Directive on electronic commerce').
3. Directive № 1999/93/EC of the European Parliament and the Council of the European Union "On the legal frameworks for the regulation of electronic signatures within the Community".
4. *Imad Eldin Mohammed.* The regularity and nature of arbitration with the focus to on-line-mode // URL: <http://slconf.uaeu.ac.ae/papers/n3/emad%20aldin%20mohamed.pdf>
5. International commercial arbitration: Legal frameworks of performance // International law. 2013. № 1. // URL: http://e-notabene.ru/wl/article_545.html.
6. International private law: Textbook / Executive editor G. Dmitrieva. 3d Edition. Revised and enlarged edition. М.: Проспект, 2010. P. 611.
7. *Karabel'nikov B.* International commercial arbitration: Textbook. М.: Infotropik Media, 2012. P. 576.
8. *Khaled Mamdouh Ibrahim.* Electronic arbitration in contracts in international commerce. Alexandria, 2008. P. 246–248 (In Arabic).
9. *Slipachuk T.* Arbitration agreement: Contemporary issues and trends // International commercial arbitration: Contemporary issues and solutions: Collectors of articles / Under the editorship of A. Komarov. М.: Statut, 2007. P. 524.
10. The Convention of the United Nations Organization of 2005 year "On the use of electronic messages in international agreements". New York, 2007.
11. The UNCITRAL model law "On electronic commerce and Guide to enactment". 1996.
12. The UNCITRAL model law of 1985 year "On international commercial arbitration" (with amendments as adopted in 2006) // URL: <http://www.uncitral.org>
13. The UNCITRAL: The law on electronic commerce // URL: http://www.uncitral.org/uncitral/uncitral_texts/electronic_commerce/2001Model_signatures.html.

УДК 331.538.4

Анучкина А.Д.,

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Института сервиса, туризма и дизайна Северо-Кавказского федерального университета, г. Пятигорск

Белокопытова Н.Ю.,

старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса Института сервиса, туризма и дизайна Северо-Кавказского федерального университета, г. Пятигорск

Степанова Л.П.,

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Института сервиса, туризма и дизайна Северо-Кавказского федерального университета, г. Пятигорск

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДА ИНВАЛИДОВ В РОССИИ

В настоящей статье рассматриваются недостатки действующего российского трудового законодательства в сфере особенностей правового регулирования труда инвалидов как особой категории работников; предложены возможные пути наиболее эффективного урегулирования вопросов привлечения труда лиц с ограниченными возможностями. В данном исследовании предлагается разработать соответствующие направления государственной политики и действенные механизмы правового регулирования отношений в сфере привлечения инвалидов в качестве трудовых ресурсов. В частности, с целью повышения конкурентоспособности инвалидов на рынке труда обосновывается необходимость выработать эффективную льготную финансово-правовую политику государства, способствующую наиболее эффективному побуждению нанимателей к заключению трудового договора с инвалидами.

Ключевые слова: трудоустройство, лица с ограниченными возможностями, квотирование рабочих мест для инвалидов, правовая политика, трудовое законодательство

Anuchkina A.,

PhD in Law, Associate Professor of Chair of Civil Law and Process of Institute of Service, Tourism and Design of the North-Caucasus Federal University, Pyatigorsk

Belokopytova N.,

Senior Lecturer of Chair of Civil Law and Process of Institute of Service, Tourism and Design of the North-Caucasus Federal University, Pyatigorsk

Stepanova L.,

PhD in Law, Associate Professor of Chair of Civil Law and Process of Institute of Service, Tourism and Design of the North-Caucasus Federal University, Pyatigorsk

ABOUT SOME PROBLEMS IN LEGAL REGULATION OF WORK OF PERSONS WITH DISABILITIES IN RUSSIA

The article is examined the shortcomings of the current Russian labor legislation in the sphere of peculiarities of legal regulation of work of persons with disabilities as a special category of employees; the possible ways of the most effective resolution of issues of involvement of work of persons with disabilities were proposed. In this study it is proposed to develop the relevant areas of state policy and effective mechanisms of legal regulation of relations in the sphere of involvement of persons with disabilities as the workforce. In particular, with the aim to improve the competitiveness of persons with disabilities in the job market, the necessary explains to develop effective privileged financial-legal policy of the state, promoting to the most effective motives of employers to sign a work contract with persons with disabilities.

Keywords: employment, persons with disabilities, employment quotas for persons with disabilities, legal policy, labor legislation

Трудоустройство является важным компонентом социально-экономической жизни для каждого человека, в том числе и для лиц с ограниченными возможностями. К сожалению, как показывают сегодняшние российские реалии, инвалиды являются самым незащищенным слоем населения, и их трудоустройство представляет собой одну из самых острых и актуальных социальных проблем. В настоящее время уровень безработицы инвалидов в России очень высок. По словам премьер-министра Дмитрия Медведева, в России насчитывается около 2,5 млн трудоспособных инвалидов, из них работают всего 800 тыс.¹ Как видим, картина оставляет желать лучшего. При этом основной причиной таких показателей являются упущения в законотворческой и правоприменительной деятельности.

Основная значимость трудоустройства инвалидов заключается в существенном вкладе в развитие национальной экономики государства, т.е. иными словами, содействует сокращению затрат на выплату пособий по инвалидности и снижению уровня бедности.

Определяющие ориентиры государственной политики и механизмы ее осуществления в сфере привлечения труда инвалидов со стороны работодателей, на наш взгляд, пока что не намечены. И, как показывает действительность, попытки, предпринимаемые со стороны различных компетентных органов в обозначенной области для урегулирования процессов привлечения трудовых ресурсов инвалидов с целью удовлетворения их субъективных интересов, безуспешны.

Как отмечает вице-премьер Ольга Голодец, правительству в 2014 г. необходимо выработать меры по стимулированию работодателей к тому, чтобы они активнее принимали на работу людей с ограниченными возможностями. «Нам нужно думать о том, каким образом мы можем помогать работодателям и стимулировать их к привлечению лиц с ограниченными возможностями».

В свою очередь, глава Минтруда Максим Топилин на заседании заявил, что в России необходимо создать около 200 тыс. специализированных рабочих мест для инвалидов. По его словам, для инвалидов не всегда требуется создавать специализированные рабочие места, при этом 100–120 тыс. инвалидов устраиваются на обычные рабочие места. «Это все зависит от возможностей работодателя, от характеристики и тяжести инвалидности, которая имеет у того или иного гражданина»².

Как мы видим, не предлагаются конкретные пути и способы оптимизации государственно-правовой политики России в данном направлении, не определен конкретный круг стимулирующих правовых средств, способствующих наиболее эффективному обеспечению субъективных прав и законных интересов лиц с ограниченными возможностями.

Правовой политике государства необходимо опираться на реальную картину занятости и трудоустройства лиц с ограниченными возможностями, на достоверные, пусть и пугающие факты, что предполагает информационный аспект, который должен быть заложен в ее осуществление.

Правовая политика должна быть направлена не только на разработку и пересмотр действующей нормативно-правовой базы, касающейся регулирования эффективного трудоустройства инвалидов, но и на выработку стратегии, которая позволит повысить конкурентоспособность инвалидов на рынке труда.

Упоминая государственно-правовую политику, мы имеем в виду и выработку действенной льготной финансово-правовой политики государства, способствующей наиболее эффективному побуждению нанимателей к заключению трудового договора с инвалидами.

¹ Уровень занятости среди инвалидов увеличат в 2014 году. URL: <http://www.rg.ru/2013/12/26/mesta-anons.html>

² Уровень занятости среди инвалидов увеличат в 2014 году. URL: <http://www.rg.ru/2013/12/26/mesta-anons.html>

Льготная финансово-правовая политика России как специфическая разновидность правовой политики государства должна представлять собой инструментальный аспект, включающий в себя совокупность действенных стимулирующих средств воздействия на трудовые правоотношения по привлечению работодателями трудовых ресурсов лиц с ограниченными возможностями. Стимулирующие средства льготно-финансовой политики – это система правовых инструментов, призванных оптимизировать процессы использования трудовых ресурсов инвалидов работодателями для удовлетворения собственных интересов обозначенных выше участников льготно-финансовых правоотношений. И здесь необходимо особо подчеркнуть, что система стимулирующих правовых инструментов политики государства должна быть согласованной и взаимоувязанной не только в рамках общефедерального законодательства, но и регионального и местного правотворчества. В настоящее время о согласованности действий указанных уровней власти говорить не приходится.

Ст. 20 Федерального закона от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации»³ предусматривает гарантии трудовой занятости инвалидов, и законодатель предлагает проведение шести специальных мероприятий, целью которых является повышение конкурентоспособности инвалидов на рынке труда. Так, ранее в ст. 20 закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» была предусмотрена льготная финансово-кредитная политика касательно специализированных предприятий, использующих трудовые ресурсы инвалидов, предприятий, учреждений, организаций, общественных объединений инвалидов, что, однако, было отменено Федеральным законом от 22.08.2004 № 122-ФЗ. Отдельные стимулирующие меры по использованию труда инвалидов относятся лишь к объединениям инвалидов федерального уровня, их организациям и учреждениям (например, налоговые льготы, предусмотренные п. 3 ст. 381, п. 5 ст. 395 НК РФ) и не предписаны для региональных, местных объединений инвалидов, их организаций и учреждений. Следует заметить, что урегулирование проблем государственной помощи одной и той же категории граждан – инвалидов – вступает в зависимость от статуса общественной организации, что не соответствует нормам международного трудового права и в конечном счете дискриминирует инвалидов⁴.

К специальным мероприятиям по стимулированию работодателей эффективно использовать труд инвалидов относится установление в организациях квоты для приема на работу инвалидов и минимального количества специальных рабочих мест для инвалидов. На сегодняшний день квотирование рабочих мест является обязательным регламентом для всех организаций, где численность трудящихся более 100 человек. Прежде данный норматив составлял 30 человек. Следовательно, организации малого и среднего бизнеса, включая сельскую местность, оказались, к сожалению, свободными от выполнения данной обязанности. Квота устанавливается в процентах к среднесписочной численности работников (но не менее 2% и не более 4%). Вместе с тем, обращаясь к международному опыту установления квот, следует подчеркнуть, что в Германии квота распространяется на организации, в которых работают 16 и более человек, во Франции – в организациях с числом работающих более десяти: 3% персонала должны составлять инвалиды труда, а 10% – инвалиды войны, в Белоруссии предписанный показатель для инвалидов составляет 5% на предприятиях с численностью работников свыше 20 человек.

В случае неисполнения или невозможности исполнения предусмотренной указанным выше Законом квоты работодатели несут административную ответственность. Так, согласно

³ Федеральный закон от 24.11.1995 №181-ФЗ (ред. от 28.06. 2014) «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» // Российская газета. 24 ноября 1995 г. // URL: <http://www.rg.ru/1995/11/24/invalidy-dok.html>

⁴ Парягина О.А. Концептуально-правовые основы и проблемы занятости инвалидов // Право и политика. – 2007. – № 4.

п. 1 ст. 5.42 «Нарушение прав инвалидов в области трудоустройства и занятости» Кодекса об административных правонарушениях РФ отказ работодателя в приеме на работу инвалида в пределах установленной квоты влечет наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от 5 000 до 10 000 руб. Также указанная санкция предусмотрена и для должностных лиц за необоснованный отказ в регистрации инвалида в качестве безработного (п. 2 ст. 5.42)⁵.

Подчеркнем, что согласно предписаниям существующего российского законодательства штрафы взыскиваются только в том случае, если на руководителя предприятия, отказавшего инвалиду в трудоустройстве, был составлен протокол об административном правонарушении. Причем аргументировать вину нанимателя в судебном порядке оказывается практически невозможно, поскольку инвалиду необходимо получить письменный отказ работодателя в заключении трудового договора и подать заявление в соответствующие правоохранительные органы, осуществляющие государственный контроль и надзор за соблюдением трудового законодательства (Госинспекцию труда, органы службы занятости и социальной защиты населения).

Изложенное выше позволяет сделать вывод о том, что сегодняшние реалии подтверждают следующее: нанимателю лиц со слабым здоровьем в качестве трудовых ресурсов удобнее заплатить незначительный штраф, чем взять на работу инвалида.

Примечателен тот факт, что при квотировании рабочих мест для инвалидов в правовое поле зрения в качестве работодателей подпадают лишь юридические лица. Хотя, как показывает практика, у физических лиц – индивидуальных предпринимателей – в управлении может находиться значительно большее количество работающего персонала, чем у юридических лиц.

Однако следует отметить, что в Ставропольском крае ситуация с квотированием рабочих мест для инвалидов иная. Так, в ст. 2 Закона Ставропольского края «О квотировании рабочих мест для инвалидов» квота устанавливается работодателям, осуществляющим деятельность на территории Ставропольского края, у которых в организации трудятся не менее 35 человек⁶. Снижение пороговой численности работников для установления квоты позволило увеличить в крае количество организаций, квотирующих рабочие места для инвалидов, с 948 в первом полугодии 2013 г. до 1899 организаций по итогам 2013 г., т.е. в 2 раза.

В январе 2014 г. в организациях края для трудоустройства инвалидов заквотировано 11364 рабочих места, на которых трудятся 11872 человека, в том числе 8382 инвалида и 3480 человек из числа других слабозащищенных категорий граждан.

В целом квота по Ставропольскому краю за январь 2014 г. выполнена на 104,5%⁷.

Также следует подчеркнуть, что квотирование рабочих мест для инвалидов, закрепленное в Федеральном законе «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», никак не решает проблемы поиска работы инвалидами, проживающими в сельской местности, где отсутствуют предприятия с численностью свыше 100 работников. В настоящее время нет продуманных государственно-экономических рычагов, оказывающих влияние на предприятия малого и среднего бизнеса, имеющих меньшую численность работников. Таким образом, право на труд инвалиды имеют, а реальная возможность устроиться на работу есть не у всех.

⁵ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 21.07.2014) (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.08.2014).

⁶ Закон Ставропольского края от 10 октября 2013 г. №76-кз «О квотировании рабочих мест для инвалидов» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2013/10/16/stavropol-zakon76-reg-dok.html> – comments#comments

⁷ О реализации Закона Ставропольского края № 14-кз «О квотировании рабочих мест для инвалидов от 13 февраля 2014 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://sv.stavregion.ru/news/2014/02/13/o-realizacii-zakona-stavropolskogo-kрая-14-kz-o-k/>

Если говорить о правовом поле прав и гарантий инвалидов, то можно отметить, что в Российской Федерации трудовая деятельность указанных лиц регламентируется лишь упомянутым выше Федеральным законом от 24.11.1995 №181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» и некоторыми положениями Трудового кодекса. Причем, как показывает практика, эти нормативные документы в полной мере не регулируют отношения по трудоустройству и занятости людей с ограниченными возможностями.

Так, Трудовой кодекс РФ включает в себя ряд глав, регулирующих особенности трудовых отношений таких категорий работников, как женщины, лица с семейными обязанностями, несовершеннолетние, надомники, лица, работающие в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях. Но нет специальной главы, предусматривающей особенности законодательного регулирования трудовых взаимоотношений инвалидов с работодателем. А ведь таких особенностей наблюдается множество, их регламентация имеет разрозненный характер, иными словами, «разбросана» по всему нормативному документу. Неужели законодателю нельзя их «воссоединить» в отдельную главу?

К другим недостаткам российского законодательства в сфере регулирования труда лиц с ограниченными возможностями относятся:

- ст. 64 ТК РФ не относит инвалидность к обстоятельству, в соответствии с которым нельзя отказывать в принятии на работу;
- в ст. 70 ТК РФ инвалиды не включены в перечень лиц, которым не устанавливается испытательный срок;
- ст. 60 и 97 ТК РФ не содержат каких-либо ограничений по применению труда инвалидов, хотя в иных случаях они четко проговариваются. (Так, например, при привлечении инвалидов к сверхурочным работам (ст. 99 ТК РФ), к работам в ночное время (ст. 96 ТК РФ), в выходные и нерабочие праздничные дни (ст. 113 ТК РФ) законодатель установил ограничения. При этом выполнение инвалидами работ за пределами нормальной продолжительности рабочего времени возможно при наличии письменного согласия и при отсутствии запрета на подобные работы в медицинском заключении). Таким образом, отсутствие в указанных статьях ограничений означает возможность принятия инвалидов на работу по совместительству, совмещению профессий (должностей), а также к работе с ненормированным рабочим днем;
- ст. 167 ТК РФ не содержит гарантии инвалидам при направлении в служебные командировки;
- ст. 179 ТК РФ не относит инвалидов к числу работников, которым отдается привилегированное право на сохранение рабочего места за инвалидом при сокращении численности штата;
- глава 31 ТК РФ не содержит гарантии инвалидам при проведении работодателем профессиональной подготовки, переподготовки и повышении квалификации и т.д.

Также следует отметить, что в ч. 2 ст. 23 Федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» предусмотрен запрет на установление в коллективных или индивидуальных трудовых договорах условий труда инвалидов, ухудшающих их положение по сравнению с другими работниками. Как видно из содержания указанной части статьи, законодатель не называет локальные нормативные документы нанимателя, посредством которых как раз ст. 135 и 189 ТК РФ и предусматривают разрешать подобного рода вопросы.

И, к сожалению, вышеуказанный закон не учел тот факт, что лиц с ограниченными возможностями нельзя привлекать к трудовой деятельности, связанной с вредными (опасными) условиями труда.

Если касаться вопроса обязанностей работодателей по реабилитации, то здесь следует подчеркнуть, что в ст. 224 ТК РФ указывается, что работодатель обязан создать для инва-

лидов условия труда в соответствии с индивидуальной программой реабилитации. Форма программы реабилитации пострадавшего в результате несчастного случая на производстве и профессионального заболевания утверждена Постановлением Минтруда России от 18.07.2001 № 56 «Об утверждении временных критериев определения степени утраты профессиональной трудоспособности в результате несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, формы программы реабилитации пострадавшего в результате несчастного случая на производстве и профессионального заболевания»⁸.

Это сложный комплекс реабилитационных мероприятий, включающий в себя отдельные виды, формы, объемы, сроки и порядок реализации медицинских, профессиональных и других мер, направленных на восстановление, компенсацию нарушенных или утраченных функций организма, восстановление, компенсацию способностей инвалида к выполнению определенных видов деятельности. Форма программы реабилитации пострадавшего разрабатывается на основе решения государственной службы медико-социальной экспертизы. Но, как показывает российская действительность, подобного рода законодательно закреплённая обязанность работодателя зачастую им не выполняется.

С учетом изложенного необходимо внесение серьезных поправок в российское трудовое законодательство таким образом, чтобы правотворческие установки могли действительно повлиять на сложившуюся ситуацию и на эффективную реализацию инвалидами права на труд.

Список литературы

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 21.07.2014) (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.08.2014).
2. Федеральный закон от 24.11.1995 №181-ФЗ (ред. от 28.06. 2014) «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» // Российская газета. 24 ноября 1995 г. URL: <http://www.rg.ru/1995/11/24/invalidy-dok.html>
3. Закон Ставропольского края от 10 октября 2013 г. №76-кз «О квотировании рабочих мест для инвалидов» [Электронный ресурс] <http://www.rg.ru/2013/10/16/stavropol-zakon76-reg-dok.html> – comments#comments// URL: <http://www.rg.ru/2013/10/16/stavropol-zakon76-reg-dok.html>
4. Обеспечение жизнедеятельности инвалидов [Электронный ресурс] // СПС «Консультант-плюс» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164915/
5. О реализации Закона Ставропольского края № 14-кз «О квотировании рабочих мест для инвалидов от 13 февраля 2014 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://sv.stavregion.ru/news/2014/02/13/o-realizacii-zakona-stavropolskogo-kraya-14-kz-o-k/>
6. *Парягина О.А.* Концептуально-правовые основы и проблемы занятости инвалидов // Право и политика. – 2007. – № 4.
7. Постановление Минтруда России от 18.07.2001 № 56 «Об утверждении временных критериев определения степени утраты профессиональной трудоспособности в результате несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, формы программы реабилитации пострадавшего в результате несчастного случая на производстве и профессионального заболевания»// Информационно-правовой портал «Гарант» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/12123934/>

⁸ Постановление Минтруда России от 18.07.2001 № 56 «Об утверждении временных критериев определения степени утраты профессиональной трудоспособности в результате несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, формы программы реабилитации пострадавшего в результате несчастного случая на производстве и профессионального заболевания»// Информационно-правовой портал «Гарант» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/12123934/>

8. Уровень занятости среди инвалидов увеличат в 2014 году // Российская газета. 26 декабря 2013 г. URL: <http://www.rg.ru/2013/12/26/mesta-anons.html>

Reference list

1. About the realization of the Law of the Stavropol Territory №. 14-LC " About employment quotas for persons with disabilities from 13th of February, 2014. [Electronic resource]. URL: <http://sv.stavregion.ru/news/2014/02/13/o-realizacii-zakona-stavropolskogo-kрая-14-kz-o-k/>
2. Code of the Russian Federation about administrative offences from 30.12.2001 № 195-FL (revised on 21.07.2014) (amended and revised, came into effect in 06.08.2014).
3. Decree of the Ministry of Labor and Social Security of Russia dated 18.07.2001 № 56 "On approval of the interim criteria for determining degree of loss of occupational capacity in a result of accidents at the placement of production and occupational diseases , the form of the program of rehabilitation for the injured in an accident at the placement of production and occupation disease" // Legal Information Portal Garant [Electronic resource]. URL: <http://base.garant.ru/12123934/>
4. Federal law dated 24.11.1995 №181-FL (revised on 28.06. 2014) "About social protection of persons with disabilities in the Russian Federation" // Rossiyskaya Gazeta. November of 24th, 1995. URL: <http://www.rg.ru/1995/11/24/invalidy-dok.html>
5. Life support for persons with disabilities [Electronic resource] // Legal Reference System "ConsultantPlus" // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164915/
6. *Paryagina O.* The conceptual-legal frameworks and problems of employment of persons with disabilities // Law and politics. – 2007. – № 4.
7. The Law of the Stavropol Territory dated 10th of October, 2013. № 76-LC «About employment quotas for persons with disabilities» [Electronic resource]. URL: <http://www.rg.ru/2013/10/16/stavropol-zakon76-reg-dok.html>
8. The level of employment among persons with disabilities will increase in 2014 // Rossiyskaya Gazeta. 26th of December, 2013. URL: <http://www.rg.ru/2013/12/26/mesta-anons.html>

УДК 341

Чеботарева А.А.,

кандидат юридических наук, доцент, доцент юридического института
Московского государственного университета путей сообщения

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ И ДИСБАЛАНСА МЕЖДУНАРОДНОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

С беспрецедентным распространением высоких технологий, а также с быстрым ростом распространения информации и создания информационного общества связано немало проблем. Автором акцентируется внимание на проблемах обеспечения информационной безопасности личности. Подчеркивается неоднозначность подходов к регулированию информационных отношений в разных странах, что определяет наличие явного дисбаланса международной информационной политики. В статье поднимаются такие актуальные вопросы, как возможность регламентации современным законодательством права на «цифровое забвение», проблемы реализации права на неприкосновенность частной жизни, неоднозначность решения вопроса хранения персональных данных российских граждан зарубежными интернет-сервисами. Автором подчеркивается, что развивающееся национальное законодательство в сфере регулирования информационных правоотношений должно быть ориентировано прежде всего на человека как основного, первичного их участника.

Ключевые слова: информационное общество, электронное государство, информационные права и свободы, информационная безопасность, информационная безопасность личности, кибербезопасность, интернет-сервисы, международная информационная политика

Chebotareva A.,

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of Law Institute
of Moscow State University of Railway Engineering

INFORMATION SECURITY OF THE PERSONALITY IN THE CONDITIONS OF CONTEMPORARY CHALLENGES AND THE IMBALANCE OF THE INTERNATIONAL INFORMATION POLICY

A lot of problems are associated with unprecedented distribution of high technologies as well as with rapid growth of information dissemination and creation of information society. The author is focused attention on the problems of provision of information security of the personality. The ambiguity of approaches to the regulation of information relations in the different countries determining the presence of obvious imbalance of international information policy is emphasized. The article deals with such topical issues as possibility for the regulation by the current legislation on the right for "digital oblivion", the problems of realization of the right to privacy, the ambiguity of the solution of the issue of storing private information of the Russian citizens on foreign Internet services. Especially, the author is accentuated that the developing national legislation in the field of regulation of information legal relations should be focused on the individual as the main, primary participant of them.

Keywords: information society, electronic state, information rights and freedoms, information security, information security of personality, cyber-security, Internet services, international information policy

Информационная безопасность является неотъемлемой частью национальной безопасности. Это связано с тем, что информация во все времена играла ключевую роль в обеспечении стабильности и безопасности любого государства. В свете бурного развития информационных технологий информационный ресурс превратился в важнейший актив государства, который нуждается в надежной защите.

В свою очередь, международная информационная политика современности весьма неоднозначна, причем в том числе подвержена и политическому влиянию. Разнонаправленность подходов разных стран к регулированию информационных отношений, к взаимоотношениям «государство – личность – другие субъекты информационных отношений» зачастую затрудняют правовое регулирование в данной сфере.

Так, до настоящего времени не определен подход российского законодателя к праву на так называемое «цифровое забвение». В то же время на территории Евросоюза этот вопрос уже нашел свое решение. Необходимо заметить, однако, что данное решение не было «простым», поскольку, несмотря на то, что такое право было заложено в Директиве 95/46/ЕС о защите персональных данных, на практике оно не соблюдалось и стало возможным только после постановления Европейского суда по жалобе испанца Марио Костеха Гонсалеса на действия Google. Отсутствие единообразного подхода среди стран Евросоюза, тем не менее дает возможность Google и сегодня исполнять директиву далеко не во всех странах. Сама возможность такой личной цензуры воспринимается Европой неоднозначно.

Вопрос возможности правовой регламентации права на забвение в России требует серьезного обсуждения. Безусловно, в отношении персональных данных, информации, затрагивающей сугубо личные интересы конкретной личности возможность права на забвение не должна исключаться.

В формирующемся информационном обществе сфера частной жизни должна найти четкое осознание. Внимание законодателя к сфере неприкосновенности частной жизни граждан должно быть самым пристальным. Согласно действующему законодательству ст. 152.2 ГК РФ устанавливает запрет на сбор, хранение, распространение и использование без согласия гражданина любой информации о его частной жизни, в частности сведений о его происхождении, о месте его пребывания или жительства, о личной и семейной жизни.

С беспрецедентным распространением высоких технологий, а также с быстрым ростом распространения информации и создания информационного общества связано немало проблем. Право на неприкосновенность частной жизни имеет прямое отношение к понятию «информационная безопасность личности», которая, согласно положениям Доктрины информационной безопасности РФ, определяется как состояние защищенности ее интересов в информационной сфере.

Право на неприкосновенность частной жизни относится к числу основных прав человека и защищено Всеобщей декларацией прав человека и Конституцией РФ.

Соблюдение конституционных прав и свобод человека и гражданина – задача любого государства, позиционирующего себя в мировом сообществе как демократическое. Перечень и содержание основных прав и свобод человека закреплены во Всеобщей декларации прав человека, которую называют совестью мира, нравственным эталоном человечества. В этом историческом документе, как и в Уставе ООН, подтверждена истина: все люди рождаются свободными и равными в своем человеческом достоинстве и основных, естественных правах. Во всеобщей декларации утверждается право каждого человека на жизнь без нужды и страха, на личную неприкосновенность, свободу слова и убеждений.

С беспрецедентным распространением высоких технологий, а также с быстрым ростом распространения информации и создания информационного общества связано немало проблем. Единое мировое информационное пространство, создавая условия безграничной свободы и отсутствия должного правового регулирования, ставит под сомнение ряд закрепленных основным законом государства прав и свобод.

Информационное общество, т.е. общество, в котором информационные процессы осуществляются, главным образом, на основе использования информационно-коммуникационных технологий, информационные ресурсы доступны всем слоям населения, при этом полноценно решена проблема признания, реализации и защиты прав и свобод субъектов информационных правоотношений, переживает сегодня один из самых активных этапов своего развития.

На повестке дня вопрос: право каждого гражданина на частную жизнь и возможность ограничения этого права. Необходимо учитывать правовую позицию Конституционного Суда РФ, высказанную в Постановлении Конституционного Суда РФ от 30 октября 2003 г. № 15-П:

а) ограничения конституционных прав должны быть необходимыми и соразмерными конституционно признаваемым целям таких ограничений;

б) при допустимости ограничения того или иного права в соответствии с конституционно одобряемыми целями государство, обеспечивая баланс конституционно защищаемых ценностей и интересов, должно использовать не чрезмерные, а только необходимые и строго обусловленные этими целями;

в) публичные интересы, перечисленные в ст. 55 (ч. 3) Конституции РФ, могут оправдать правовые ограничения прав и свобод, только если такие ограничения отвечают требованиям справедливости, являются адекватными, пропорциональными, соразмерными и необходимыми для защиты конституционно значимых ценностей, в том числе прав и законных интересов других лиц, не имеют обратной силы и не затрагивают само существо конституционного права с тем, чтобы исключить возможность несоразмерного ограничения прав и свобод человека и гражданина в конкретной правоприменительной ситуации.

С проблемой информационной безопасности государства, общества, личности тесно взаимосвязаны термины «информационная безопасность» и «защита информации».

Защита информации включает комплекс мероприятий, способствующих обеспечению информационной безопасности.. Защита информации представляет собой принятие правовых, организационных и технических мер, направленных:

- на обеспечение защиты информации от неправомерного доступа, уничтожения, модифицирования, блокирования, копирования, предоставления, распространения, а также от иных неправомерных действий в отношении такой информации;
- соблюдение конфиденциальности информации ограниченного доступа;
- реализацию права на доступ к информации.

Стандартная модель безопасности, в том числе информационной, состоит в обеспечении доступности, целостности и конфиденциальности информационных ресурсов и поддерживающей инфраструктуры¹. Это три важнейших базовых принципа, которые должны обеспечивать информационную безопасность.

Доступность информационных ресурсов является важнейшим элементом информационной безопасности и представляет собой гарантию получения требуемой информации или информационной услуги пользователем за определенное время. Информационные системы создаются и приобретаются для получения определенных информационных услуг. Если

¹ Информационная безопасность: конспект лекций / У.М. Шереметьева. – Томск: Издательство ТГПУ, 2009. – С. 87.

по тем или иным причинам предоставить эти услуги пользователям становится невозможно, это наносит ущерб всем субъектам информационных отношений.

Целостность подразумевает собой актуальность и непротиворечивость информации, ее защищенность от разрушения и несанкционированного изменения.

Конфиденциальность – это гарантия доступности конкретной информации только кругу лиц, для которых она предназначена.

При обеспечении информационной безопасности участники информационных систем должны стремиться к реализации именно данных понятий, так как они составляют основу защиты информации².

В современных условиях проблема информационной безопасности личности приобретает новое звучание. Решение проблемы обеспечения информационной безопасности личности находится в прямой взаимосвязи с реализацией задачи формирования информационного общества в условиях государства демократического, правового, социального.

Анализ основных правомочий человека электронного государства позволяет сделать вывод о приоритетности решения вопроса информационной безопасности личности.

К сожалению, в свете проблем «информационной безопасности государства», «информационной безопасности госструктур», «информационной безопасности бизнеса» и т.п. предмет нашего исследования остается как бы «в тени», за рамками внимания как законодателя, так и многих исследователей. Однако можно с уверенностью утверждать, что постепенно эта проблема выйдет на первый план и будет требовать скорейшего решения.

Формирующееся глобальное информационное пространство, в котором циркулируют информационные потоки, создаваемые всей человеческой цивилизацией, ставит в повестку дня решение не только технических, но и нравственных проблем, порождаемых самим фактом существования этого пространства. Активизация и глобализация информационных взаимодействий в современном обществе предъявляют все более высокие требования к обеспечению информационной безопасности личности.

Поскольку сегодня человек – хочет он этого или нет – начинает жить в электронной России, необходим целый комплекс специальных мер для обеспечения допустимого уровня безопасности жизни и деятельности человека в таком государстве. Данный комплекс должен включать мониторинг всех аспектов электронного государства, осуществляемый в режиме реального времени с целью своевременного выявления существующих и возникающих в нем информационных угроз, их предотвращения и нейтрализации, а также ликвидации негативных последствий этих угроз. Такой мониторинг станет возможным, если основная масса субъектов электронного государства станет сознательно в нем участвовать и возьмет на себя долю ответственности за безопасность этого государства. Это означает, что должна быть соответствующая этика – этика электронного государства, которой будут следовать субъекты данного государства и без которой безопасность человека в информационном обществе будет практически недостижима.

При этом, безусловно, должен соблюдаться определенный баланс интересов личности, интересов общества в целом и интересов самого электронного государства.

Формирование электронной России как электронного государства по-новому расставляет акценты в вопросе реализации прав субъектов информационных отношений, и, прежде всего, человека как основного, первичного их участника.

² Информационная безопасность: Учебное пособие. Ч. 1 / А.М. Блинов. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2010. – С. 15.

Немаловажное значение приобретают гарантии прав и интересов в информационной сфере. Так, в качестве таковых гарантий в Модельном информационном кодексе для государств-участников СНГ названы:

1. Обеспечение информационных прав и свобод человека в информационной сфере, обеспечение информационной безопасности является важнейшей функцией государства.

2. Обеспечение права каждого человека на свободу поиска, получения, использования, создания, распространения и хранения информации любыми законными способами и средствами возлагается на органы государственной власти и местного самоуправления.

3. Органы государственной власти и органы местного самоуправления, юридические лица обязаны предоставлять информацию по запросу субъектов информационных отношений и информационно-инфраструктурных отношений, за исключением информации, доступ к которой ограничен законом³.

Государственная программа Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)» констатирует наличие проблем в области защиты прав и свобод человека в информационном обществе российского государства и подчеркивает, что в настоящее время наблюдается неконтролируемый рост объемов информации о гражданах, об организациях и объектах хозяйственного оборота, содержащейся в государственных информационных системах, что в условиях отсутствия эффективных механизмов контроля ее использования создает также угрозу нарушения прав граждан; сохраняется высокий уровень различия в использовании информационных технологий различными слоями общества, и недостаточно развита базовая инфраструктура информационного общества.

Механизм предоставления государственных и муниципальных услуг, заложенный в Федеральном законе от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», система введения универсальных электронных карт, многофункциональных центров выводит на одно из первых мест задачу обеспечения информационной безопасности личности, прежде всего, задачу обеспечения защиты персональных данных.

Неслучайно с каждым годом идея защиты персональных данных находит свое воплощение в увеличении внимания со стороны законодателя, субъектов законодательной инициативы, правоприменителей. Современное российское законодательство в этой сфере, в связи с ратификацией конвенции Совета Европы «О защите частных лиц в отношении автоматизированной обработки данных личного характера», создает серьезные трудности в реализации его норм. Проблема неоднозначна, ее решение требует серьезного, учитывающего интересы всех субъектов информационных отношений, подхода. С одной стороны, безусловно, предписание закона с 1 сентября 2015 г. хранить персональные данные российских граждан исключительно на территории России, будет способствовать обеспечению информационной безопасности личности, с другой – более верным следует признать подход возможности самому субъекту персональных данных решить «судьбу» своих персональных данных в вопросе их хранения, в том числе и зарубежными интернет-сервисами, не только в России, но и в любой другой стране.

Пока же глобальные интернет-сервисы начинают «подстраиваться» под новые правила. По заявлению главы Роскомнадзора Александра Жарова, на расширенном заседании коллегии ведомства компании Google, eBay и AliExpress уже согласились хранить персональные данные своих российских пользователей на серверах в России⁴.

³ Модельный информационный кодекс для государств – участников СНГ. Часть первая (Санкт-Петербург, 3 апреля 2008 г.). – URL: <http://www.ifap.ru/ofdocs/rus/rus003.pdf>

⁴ Google, eBay и AliExpress будут хранить персональные данные россиян на серверах в РФ // Интерфакс. Режим доступа: <http://www.interfax.ru/russia/437263> (дата обращения 01.05.2015).

В данном случае, и в подобных других, информационная политика Российской Федерации тесно соприкасается с международной информационной политикой, информационной политикой отдельных государств. В этом вопросе далеко не всегда государственные интересы будут отвечать интересам личности, а международная информационная политика оказывает не всегда положительное влияние на национальную информационную политику.

Тем не менее развивающееся национальное законодательство в сфере регулирования информационных правоотношений должно быть ориентировано прежде всего на человека как основного, первичного их участника. Этот самый «главный» участник – человек электронного государства, человек информационного общества – не должен оставаться в стороне, и его права и свободы, которые в условиях развития электронного государства актуализируются как никогда, законодателем в полной мере должны быть обеспечены.

Список литературы

1. Информационная безопасность: Конспект лекций / У.М. Шереметьева. – Томск: Издательство ТГПУ, 2009. – 142 с.
2. Информационная безопасность: Учебное пособие. Ч. 1 / А.М. Блинов. –СПб.: Изд-во СПбГУ-ЭФ, 2010. – 96 с.
3. Модельный информационный кодекс для государств – участников СНГ. Часть первая (Санкт-Петербург, 3 апреля 2008 г.). URL: <http://www.ifap.ru/ofdocs/rus/rus003.pdf>
4. Чеботарева А.А. Информационное право: Учебное пособие. – М.: Юридический институт МИИТ, 2014 – 162 с.
5. Google, eBay и AliExpress будут хранить персональные данные россиян на серверах в РФ // Интерфакс. URL: <http://www.interfax.ru/russia/437263> (дата обращения 01.05.2015).

Reference list

1. *Chebotareva A.* Information law: Textbook. – M.: Law Institute of Moscow State University of Railway Engineering, 2014. – P. 162.
2. Google, eBay, AliExpress will store private information of the Russian citizens on servers in the Russian Federation // Interfax. – URL: <http://www.interfax.ru/russia/437263> (accessed of 01.05.2015).
3. Information security: Textbook. Part 1 / A. Blinov. – SBR: Publishing office of Saint Petersburg State University of Economics, 2010. – P. 96.
4. Information security: Outline of lectures / U. Sheremet'eva. – Tomsk: Publishing office of Tomsk State Pedagogical University, 2009. – P. 142.
5. Modeling Information Code for member states of the CIS. First part. (Saint Petersburg, April of 3d, 2008 year). – URL: <http://www.ifap.ru/ofdocs/rus/rus003.pdf>

УДК 343

Куксин И.Н.,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Московского городского педагогического университета, заслуженный юрист Российской Федерации

Мичулис Э.Ф.,

кандидат юридических наук, профессор, старший научный сотрудник Института правовых исследований НЦЗПИ Республики Беларусь, заслуженный юрист Республики Беларусь

ФОРМИРОВАНИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА РОССИИ И БЕЛАРУСИ

В статье рассматривается формирование правового пространства и уголовно-правовой системы Союзного государства России и Беларуси. Отмечается, что образование Евроазиатского экономического союза (ЕАЭС) не снижает актуальности и значимости Союзного государства как уникального интеграционного объединения на постсоветском пространстве. Анализируются вопросы, связанные с построением правовой системы Союзного государства, в том числе и системы уголовного законодательства Союзного государства и государств-участников, исходя из опыта Советского Союза и Соединенных Штатов Америки.

Ключевые слова: Союзное государство, Евразийский экономический союз, договор, правовая система Союзного государства, Основы уголовного законодательства, система уголовного законодательства, интеграция, атторней.

Kuksin I.,

Doctor of Law, Professor, Professor of Chair of Criminal-Legal Disciplines, Moscow City Pedagogical University, Honored Jurist of the Russian Federation

Michulis E.,

PhD in Law, Professor, Senior Researcher of Institute of Legal Research, National Centre of Legislation and Legal Research of the Republic of Belarus, Honored Jurist of the Republic of Belarus

THE FORMATION OF THE CRIMINAL-LEGAL SYSTEM OF THE UNION STATE OF RUSSIA AND BELARUS

The article is examined the formation of legal space and criminal-legal system of the Union State of Russia and Belarus. In the paper it is noted that the formation of the Eurasian Economic Union (EEU) does not reduce relevance and importance of the Union State as a unique integrative uniting on the post-Soviet space. The authors are analyzed the issues associated with construction of the legal system of the Union State, including the system of criminal legislation of the Union State and member-states, as a matter of experience of the Soviet Union and the United States of America.

Keywords: Union State, Eurasian Economic Union, treaty, legal system of Union State, fundamentals of criminal legislation, system of criminal legislation, integration, attorney

В современном мире отдельные страны для более эффективного решения стоящих перед ними задач в различных сферах жизни общества вынуждены создавать или вступать в различные союзы. Не явились исключением и страны, находящиеся на постсоветском пространстве. Уже в середине 90-х годов XX столетия, после распада СССР, Беларуссией и Россией были подписаны: Договор об образовании Сообщества России и Беларуссии 1996 г.¹, Договор о Союзе Беларуси и России 1997 г.², Декларация о дальнейшем единении России и Беларуси от 25 декабря 1998 г.³ Наконец, 8 декабря 1999 г. был заключен Договор о создании Союзного государства⁴. В соответствии со ст. 1 Договора Российская Федерация и Республика Беларусь создают Союзное государство, которое знаменует собой новый этап в процессе единения народов двух стран в демократическое правовое государство.

Формирование Союзного государства является многоэтапным процессом. Примечательно, что после подписания 21 февраля 1995 г. Договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между Российской Федерацией и Республикой Беларусь⁵, 26 мая 1995 г. у белорусской деревни Речка был убран символический пограничный знак, что ознаменовало ликвидацию границы между двумя странами⁶. Союзное государство не будет заменой СНГ. Оно станет связкой между Европой и Азиатско-Тихоокеанским регионом, взяв на себя координацию, прежде всего, вопросов экономической политики.

Таким образом, Россия и Беларусь стали первыми странами, которые на основе исторической общности, близости культурных традиций и стремлении народов вместе продвигаться к экономическому и социальному развитию стран, стали первопроходцами интеграционных процессов.

Анализ союзного Договора показывает, что он охватывает все сферы государственного строительства, закрепляет основные принципы разграничения предметов ведения и полномочий между Союзным государством и государствами-участниками, подробно регулирует полномочия союзных органов, порядок их формирования, а также основные функции и структуру государственных органов. Договор подтвердил статус россиян и белорусов как граждан единого Союзного государства.

В настоящее время Союзное государство наращивает свою роль и значимость. Подтверждением этому служит подписанный 29 мая 2014 г. Россией, Беларуссией и Казахстаном Договор о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС), который вступил в силу с 1 января 2015 г.⁷ Согласно ст. 1 государства – участники Договора, обеспечивают свободное перемещение товаров, услуг, капиталов и рабочей силы, осуществляют согласованную политику в ключевых отраслях экономики: в энергетике, промышленности, сельском хозяйстве, транспорте.

Таким образом, завершилось формирование крупнейшего рынка на пространстве СНГ, который становится новым мощнейшим центром экономического развития⁸. Приступившие к работе интеграционные структуры в рамках СНГ нацелены на решения, в первую очередь,

¹ URL: <http://www.zaki.ru/pagesnew.php?id=1092> (Дата обращения: 14.02.2015 г.).

² URL: <http://docs.cntd.ru/document/1902007> (Дата обращения: 14.02.2015 г.).

³ URL: <http://www.lawmix.ru/abrolaw/9181> (Дата обращения: 14.02.2015 г.).

⁴ Договор от 8 декабря 1999 года «О создании Союзного государства». <http://www.consultant.ru/>

⁵ URL: <http://belarus.news-city.info/docs/1995by/crxfnm-tcgkfnj66465.htm> (Дата обращения: 14.02.2015 г.).

⁶ Воронина Н.А. Союзное государство Россия – Беларусь: Опыт правового регулирования. – URL:http://e-notabene.ru/wl/article_9061.html (Дата обращения 14.02.2015).

⁷ Договор о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014 (ред. от 10.10.2014, с изм. от 23.12.2014). URL: – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_170264/

⁸ Штаб-квартира Евразийской комиссии будет находиться в Москве, финансовый регулятор – в Алма-Ате, а суд ЕАЭС будет расположен в Минске. Процесс вхождения новых стран в ЕАЭС набирает силу. Так в октябре 2014 г. Армения подписала документ, который уже ратифицировали парламенты РФ, Беларуссии и Казахстана. Кроме того, в 2015 г. к ЕАЭС может присоединиться Киргизия, которая подписала соответствующий договор в конце декабря 2014 г.

экономических задач. Вместе с тем, несмотря на то, что в Договоре о Союзном государстве предусмотрено сотрудничество в политической, социальной, культурной и гуманитарной областях, этим направлениям уделяется недостаточное внимание и в дальнейшем они нуждаются для последующих этапов интеграции. В настоящее время действует единое миграционное пространство, отсутствует пограничный контроль и граждане России и Белоруссии имеют свободное передвижение через их границы, все это заставляет формировать единое правовое пространство Союзного государства и его уголовно-правовой системы для охраны жизни, здоровья, прав граждан, интересов общества и государства.

Сказанное дает основания сделать вывод, что Союзное государство как интеграционное объединение двух стран не только существует, но и активно функционирует, продолжает формироваться как самостоятельное государственное образование. А это означает, что должна вестись работа по формированию недостающих атрибутов государственности. Одним из таких атрибутов является наличие своей собственной правовой системы. И поэтому не случайно в ст. 1 Договора среди других целей отдельно выделено формирование единой правовой системы, в которой органически были бы интегрированы правовые установления Союза и государств-участников. В первую очередь предусмотрено создание единого правового пространства в сфере экономики, обороны, охраны общественной безопасности и общественного порядка, государственных границ, окружающей среды и в некоторых других сферах. Первоочередной задачей является формирование системы мер уголовно-правовой защиты в целом Союзного государства и государств-участников, их граждан. Не может существовать ни государство, ни государственное образование, безопасность которого не обеспечена в правовом отношении. Государство, как универсальный регулятор жизни общества, с использованием правовых механизмов пресекает как открытые, так и скрытые посягательства на его безопасность.

Несмотря на то, что за время существования Союзного государства принято более 150 межгосударственных и межправительственных договоров и соглашений, что свидетельствует о создании обширной правовой базы для сотрудничества, до конца не решен ряд проблем, касающихся деятельности самого Союзного государства. Ключевыми вопросами являются выстраивание правовой системы Союзного государства и принятие решений, имеющих юридическую силу. Вопросы о том, как унифицировать, как выстраивать наднациональную правовую систему, как она должна развиваться и соотноситься с национальными правовыми системами России и Белоруссии должны стать предметом новых исследований⁹. В развитии этих проблемных вопросов авторы предприняли попытку предложить пути формирования уголовно-правовой системы в рамках Союзного государства.

Встает вопрос, какие шаги необходимо предпринять для того, чтобы сформировать правовую составляющую Союзного государства? Свой анализ начнем с того, насколько указанные вопросы отражены в основополагающем документе – договоре о создании этого Союзного государства, который закрепил новый этап процесса единения народов Беларуси и России в демократическое правовое государство.

В статье 2 Договора закреплены цели этого государственного образования. В ней определено, что целями Союзного государства, в частности, являются обеспечение мир-

⁹ См.: Куксин И.Н. Уголовно-правовые нормы о контрабанде государств – членов Таможенного союза: Проблемы унификации / И.Н. Куксин, В.К. Кузьменко // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». – 2014. – № 2 (14). – С. 44–55.

ного и демократического развития братских народов государств-участников, укрепление дружбы, повышение их благосостояния и уровня жизни; создание единого экономического пространства; проведение согласованной внешней политики и политики в области обороны; формирование единой правовой системы демократического государства; проведение согласованной социальной политики; обеспечение безопасности Союзного государства и борьба с преступностью; укрепление мира, безопасности и взаимовыгодного сотрудничества в Европе и во всем мире; развитие Содружества Независимых Государств.

Строительство как самого Союзного государства, так и его правовой системы – процесс непростой. В Договоре зафиксировано, что достижение указанных целей не одноактное действие, а длительный процесс, когда в зависимости от приоритетов поэтапно решаются экономические, социальные или иные задачи государственного строительства. На сегодняшний день сформированы законодательные¹⁰ и исполнительные¹¹ органы Союзного государства, бюджет, разрабатываются и реализуются союзные программы, проводятся иные союзные мероприятия. Так, в рамках мероприятий Союзного государства ведется активная работа по подготовке третьей по счету программы комплексной защиты информации. Составной частью этой работы явилась и научно-практическая конференция Союзного государства «Комплексная защита информации», которая состоялась в мае 2014 г. во Пскове. В центре внимания участников конференции были вопросы обеспечения информационной безопасности Союзного государства¹².

В Договоре закреплено, что по мере становления Союзного государства будет решен вопрос о принятии конституционного акта. Несмотря на то, что такой акт отсутствует, процесс формирования правовой системы должен вестись, ибо Союзное государство функционирует (хотя, может быть, не столь эффективно, как хотелось бы), и такое функционирование не может осуществляться без правового опосредования.

На страницах юридических изданий высказаны различные подходы к пониманию правовой системы Союзного государства. Первый из них сводится к тому, что эта система должна базироваться на принципах систем права межгосударственных объединений, основанных на договорном регулировании возникающих в них общественных отношений. Второй состоит в том, что, по мнению его сторонников, данная система должна формироваться на принципах национальных правовых систем, когда регулирование соответствующих общественных отношений осуществляется нормативными правовыми актами прямого действия. Встречаются попытки сформировать третий подход, в соответствии с которым право Союзного государства представляет некую надгосударственную систему, где взаимодействуют нормы как международного, так и национального права¹³. Думается, попытка обосновать тезис, что право Союзного государства должно представлять надгосударственную систему, является малопродуктивной. Если речь идет о государстве, то оно должно иметь свою соб-

¹⁰ Органами Союзного государства являются Высший Государственный Совет, Парламент, Совет Министров, Суд, Счетная палата. Парламентское собрание Союза состоит из двух палат. Палата Союза состоит из 36 членов Совета Федерации, депутатов Государственной Думы, делегированных палатами парламента России, и 36 членов Совета Республики, депутатов Палаты Представителей, делегированных палатами парламента Беларуси. Члены Палаты Союза работают на непостоянной основе и получают вознаграждение за свой труд по месту постоянной работы. Палата Представителей состоит из 75 депутатов от России и 28 депутатов от Беларуси, избираемых на основе всеобщего избирательного права при тайном голосовании.

¹¹ Исполнительным органом Союзного государства является Совет Министров. В него входят Председатель Совета Министров, главы правительств Беларуси и России, министры иностранных дел, экономики и финансов государств-участников, руководители основных отраслевых и функциональных органов управления Союзного государства, Государственный секретарь Союзного государства (на правах заместителя Председателя Совета Министров).

¹² Бушев А. Информация под надежной защитой / А. Бушев // Союз. Беларусь – Россия. – 2014. – 22 мая. – С. 1.

¹³ Дашкевич А.Л. Правовые основы Союзного государства: История и современность: Учеб. пособие / А.Л. Дашкевич. – Минск: Частн. ин-т управления и предпринимательства, 2006. – С. 21.

ственную систему права. Суверенитет государства предполагает, что над ним не должны довлеть какие-то внешние рычаги управления, естественно, кроме тех, которые оно добровольно приняло по международным договорам. Это особенно остро проявляется при формировании системы законодательства, направленного на борьбу с преступностью, прежде всего уголовно-правовой системы, имеющей своей целью защиту основ государственного и общественного строя и других интересов Союзного государства и его субъектов.

Анализ закрепленных в Договоре положений, накопленной практики союзного строительства позволяет сделать вывод, что наиболее приемлемым подходом к пониманию и определению содержания правовой системы Союзного государства является подход, в соответствии с которым его правовая система должна формироваться как система, обеспечивающая регулирование общественных отношений нормативными правовыми актами прямого действия. Состоять эта система должна из двух подсистем: подсистемы, направленной на регулирование вопросов, относящихся к ведению Союзного государства, и подсистемы, регулирующей вопросы, отнесенные к ведению государств-участников. Самостоятельную проблему составляет взаимодействие этих подсистем, о чем речь пойдет ниже.

Содержание обозначенных правовых подсистем целиком и полностью зависит от распределения юрисдикции между Союзным государством и его субъектами, то есть государствами-участниками.

В соответствии со ст. 17 Договора к исключительному ведению Союзного государства относятся создание единого экономического пространства и равных основ общего рынка; единая денежно-кредитная, валютная, налоговая и ценовая политика; единые правила конкуренции и защиты прав потребителей; объединенные транспортная и энергетическая системы; разработка и размещение совместного оборонного заказа, объединенная система технического обеспечения вооруженных сил государств-участников; единая торговая и таможенно-тарифная политика; единое законодательство об иностранных инвестициях; разработка, утверждение и исполнение бюджета Союзного государства; управление собственностью Союзного государства; международная деятельность и международные договоры Союзного государства по вопросам, отнесенным к исключительному его ведению; функционирование региональной группировки войск; пограничная политика Союзного государства; стандарты, эталоны, гидрометеорологическая служба, метрическая система и исчисление времени, геодезия и картография; статистический и бухгалтерский учет, единые банки данных; установление системы органов Союзного государства, порядок их формирования и деятельности. Правовое регулирование всех этих вопросов должно обеспечиваться исключительно правовой подсистемой Союзного государства. Нормы данной подсистемы должны найти свое закрепление в законах, декретах, постановлениях и резолюциях, принимаемых законодательными и исполнительными органами Союзного государства. В соответствии со ст. 60 Договора законы и декреты Союзного государства после их опубликования подлежат прямому применению на территории каждого государства-участника. В случае коллизии норм этих нормативных правовых актов с нормами внутреннего закона государства-участника действует норма закона или декрета Союзного государства, кроме случаев, когда такая коллизия имеет место с нормами конституции или конституционных актов государств-участников. Исходя из общепризнанной в государствах-участниках концепции, что нормы уголовного права могут устанавливаться только в законах, борьба с посягательствами на общегосударственные интересы должны обеспечиваться законами Союзного государства.

Другой блок вопросов, касающихся деятельности Союзного государства, отнесен к совместному ведению. Согласно ст. 18 Договора они, в частности, охватывают координацию и

взаимодействие в сфере внешней политики, связанные с осуществлением Договора о создании Союзного государства; совместную оборонную политику, координацию деятельности в области военного строительства, развитие вооруженных сил государств-участников, принятие иных мер по поддержанию обороноспособности Союзного государства; взаимодействие в международном сотрудничестве по военным и пограничным вопросам; взаимодействие в области осуществления демократических преобразований, реализацию и защиту основных прав и свобод граждан Союзного государства; гармонизацию и унификацию законодательства государств-участников; охрану окружающей среды; развитие науки, образования, культуры; формирование общего научного, технологического и информационного пространства; обеспечение равных прав граждан в трудоустройстве и оплате труда, в получении образования, медицинской помощи; борьбу с терроризмом, коррупцией, распространением наркотиков и другими видами преступлений и некоторые другие вопросы. Регулирование этих вопросов должно обеспечиваться нормативными правовыми актами, как Союзного государства, так и государств-участников. По указанным вопросам Союзное государство в пределах своей компетенции издает Основы соответствующего законодательства, директивы и резолюции. При этом в соответствии с ч. 3 ст. 59 Договора нормативные правовые акты Союзного государства реализуются путем принятия государствами-участниками национальных нормативных правовых актов по соответствующим вопросам. По нашему мнению, при определении юрисдикции Союзного государства и государств-участников необходимо исходить из того, чьи интересы в первую очередь затрагиваются. Если конкретные общественные отношения непосредственно связаны с интересами в целом союза, значит, их регулирование должно обеспечиваться законодательством Союзного государства, а если они касаются интересов государств-участников, то национальным законодательством этих государств. В соответствии с данной концепцией должны решаться вопросы криминализации общественно опасных посягательств на интересы в целом Союзного государства и государств-участников. Сложности при решении указанных вопросов состоят в том, как конкретно определить, когда в такое регулирование должны включаться общесоюзные правовые механизмы, а когда механизмы государств-участников. Пока критерии такого разграничения не разработаны. Это задача для последующего союзного строительства. Роль Союзного государства в формировании в целом правовой системы данного государственного образования состоит и в том, чтобы, издавая соответствующие основы, обеспечить унификацию законодательства государств-участников в определенных областях.

Что же касается вопросов, не отнесенных ни к предмету исключительного ведения Союзного государства, ни к предметам совместного ведения, они в соответствии со ст. 19 Договора остаются в полной юрисдикции государств-участников, в том числе установление уголовной ответственности за преступления, посягающие на интересы государств-участников и их граждан.

Из изложенного выше следует, что борьба с преступностью в Союзном государстве должна вестись на основе системы уголовно-правовых норм, установленных законами Союзного государства и государств-участников. Без формирования единой интегрированной, четко выстроенной системы уголовного законодательства Союзное государство не имеет перспектив. И не случайно в ст. 62 Договора закреплено, что после вступления в силу Конституционного Акта Союзного государства должна поэтапно формироваться его правовая система. Создание такой системы – это не одноактное мероприятие, а довольно длительный процесс гармонизации и унификации уголовного законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации. Процесс этот, хотя медленно, но идет. Встает вопрос, на каких принципах рассматриваемая система должна строиться?

В соответствии с Договором (ст. 3, б) Союзное государство основано на разграничении предмета ведения между создаваемым государственным образованием и государствами-участниками, при сохранении последними своего суверенитета, кроме той его части, которая в добровольном порядке передается Союзному государству. Что касается сферы борьбы с преступностью, в том числе уголовного законодательства, то полномочиями в этой сфере наделены как государства-участники, так и в целом Союзное государство. В соответствии с этим система уголовного законодательства может быть построена на принципе равных суверенов в сфере борьбы с преступностью: как союзного государственного образования, так и его субъектов. Каждый из этих суверенов создает не только свою систему уголовного законодательства, но и систему правоохранительных органов, реализующих указанное законодательство в сфере борьбы с преступностью. В качестве примера можно обратиться к сформированной в Соединенных Штатах Америки системе уголовного права как федеративного государства.

В соответствии с официальной доктриной система уголовного права Соединенных Штатов состоит из двух, относительно самостоятельных систем: федеральной системы и системы отдельных штатов. Федеральная система представляет собой систему уголовно-правовых норм, закрепленных в 18 разделе Кодекса Соединенных Штатов (The United States Code) и других федеральных законодательных актах, в том числе и таких, как Единый кодекс военной юстиции, уголовный кодекс для округа Колумбия, уголовное законодательство «свободно присоединившегося государства» Пуэрто-Рико. Что касается штатов, то их уголовное законодательство состоит из своих уголовных кодексов и других источников, в частности, норм общего права и судебных прецедентов. На сегодня каждый штат имеет свой уголовный кодекс, который действует самостоятельно либо в составе какого-либо консолидированного источника права. Каждая из указанных систем уголовного законодательства реализуется своей системой правоохранительных органов. Применение федеральных уголовных законов осуществляется федеральной полицией (ФБР), федеральной службой атторнеев¹⁴ и федеральными судами. Реализация норм уголовного законодательства штатов обеспечивается соответственно правоохранительными органами штатов, включая суды¹⁵. Правовая система, подобная американской, громоздкая и дорогостоящая. На одной и той же территории действуют две системы уголовного права. В реальной жизни нередко возникают коллизии между нормами федеральных законов и законов штатов, преодоление которых сопряжено со значительными трудностями как правового, так и организационного порядка.

Другим вариантом возможного построения уголовно-правовой системы Союзного государства могла стать модель, которая в свое время была выработана в бывшем Советском Союзе. В ее основе также лежали суверенитеты Союза и союзных республик. Издание уголовных законов и их реализация были отнесены к совместному ведению федерации и республик. Однако в отличие от американской модели в Советском Союзе была создана и функционировала единая система уголовного законодательства. На территории отдельной союзной республики действовал только уголовный кодекс данной республики, созданный с учетом положений Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик. Что же касается законов Союза, устанавливающих ответственность за определенные виды преступлений, то они интегрировались в уголовные кодексы союзных республик и действо-

¹⁴ Атторней – в США атторней округов, районов, городов – консультанты органов власти по вопросам права, осуществляют также функции уголовного преследования и обвинения по уголовным делам.

¹⁵ См.: Козочкин И.Д. Уголовное право США: успехи и проблемы реформирования / И.Д. Козочкин.– СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007. – С. 17–30; Давид Р. Основные правовые системы современности / Р. Давид, К. Жоффре-Спинози; Пер. с фр. А.А. Туманов. – М.: Междунар. отношения, 1996.– С. 276–285.

вали как их органическая составная часть. Исключение составляли единичные случаи, когда появилась срочная необходимость применения общесоюзного закона до его инкорпорации в конкретный уголовный кодекс. Данная модель позволяет достаточно успешно обеспечить унификацию уголовного законодательства, избежать коллизий между федеральным законодательством и законодательством отдельных субъектов федерации. Не менее важно и то, что при таком построении системы уголовного законодательства союзного государства не потребуется формирования двух правоприменительных систем.

Если внимательно вчитаться в содержание Договора о создании Союзного государства, можно сделать вывод, что при его подписании имелось в виду создание именно правовой системы, в том числе уголовно-правовой, по модели, в свое время выработанной практикой строительства федеративного государства в Советском Союзе. На это указывает не только сформулированная в ст. 2 цель – создание единой правовой системы Союзного государства, но и положения о том, что борьба с преступностью отнесена к совместному ведению, что, наряду с законами, актами Союзного государства являются Основы законодательства. При этом в Договоре специально оговаривается, что нормативные правовые акты Союзного государства по предметам совместного ведения, а борьба с преступностью относится к такому предмету, реализуются путем принятия национальных нормативных правовых актов государств-участников. Законы и декреты Союзного государства, касающиеся предмета его исключительного ведения, подлежат прямому применению на территории каждого государства-участника. Однако механизм такого применения в Договоре даже приблизительно не определен.

Изложенное позволяет сформулировать некоторые выводы и высказать предложения по постепенному, поэтапному формированию системы уголовного законодательства Союзного государства Беларуси и России.

1. Несмотря на то, что с 1 января 2015 г. на постсоветском пространстве начало функционировать новое интеграционное объединение – Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Союзное государство как единение народов Беларуси и России не потеряло своего значения. Оно продолжает функционировать и развиваться. Дальнейшее формирование этого государственного образования предполагает поэтапное углубление интеграции, одним из очередных шагов которой является формирование единой интегрированной правовой системы, включая систему уголовного законодательства.

2. При формировании системы уголовного права Союзного государства следует ориентироваться на модель, которая была выработана практикой строительства федеративного государства в Советском Союзе, внося в нее коррективы, предопределенные особенностями строительства государственного образования народов Беларуси и России в новых исторических условиях.

3. В Договоре определен механизм реализации нормативных правовых актов Союзного государства, в том числе уголовно-правовых, по вопросам, отнесенным к совместной компетенции. Однако такой механизм не определен в отношении нормативных правовых актов Союзного государства по вопросам его исключительной компетенции. Его проработка является одной из первоочередных задач, ибо без такого механизма бесполезными будут сами эти нормативные акты.

4. Одной из первоочередных задач в сфере формирования правовой системы Союзного государства является унификация законодательства, в том числе уголовного. Без

создания и использования соответствующих инструментов она будет малопродуктивной. Если в рамках Содружества Независимых Государств в качестве одного из таких инструментов выступают модельные законы, в том числе Модельный уголовный кодекс, то для Союзного государства таким инструментом должны стать Основы законодательства, принимаемые на общегосударственном уровне. Поэтому в строительстве данного государственного образования настало время начинать работу по разработке и принятию Основ уголовного законодательства Союзного государства, а также Основ борьбы с отдельными видами преступлений, представляющими опасность в целом для Союзного государства и его участников.

Список литературы

1. Договор о Евразийском экономическом союзе от 29.05 2014 (ред. от 10.10.2014, с изм. от 23.12.2014). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_170264/
2. Декларация о дальнейшем единении России и Беларуси от 25.12.1998. – URL: <http://www.lawmix.ru/abrolaw/9181>.
3. Договор о Союзе Беларуси и России 1997. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/1902007>.
4. Договор об образовании Сообщества России и Белоруссии от 02.04.1996 г. – URL: <http://www.zaki.ru/pagesnew.php?id=1092>
5. Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между Республикой Беларусь и Российской Федерацией 1995 г. – URL: <http://belarus.news-city.info/docs/1995by/crxfnm-tcgkfnj66465.htm>
6. Бушев А. Информация под надежной защитой / А.Бушев // Союз. Беларусь – Россия. – 2014. – 22 мая.
7. Воронина Н.А. Союзное государство Россия – Беларусь: опыт правового регулирования. – URL: http://e-notabene.ru/wl/article_9061.html
8. Давид Р. Основные правовые системы современности / Р.Давид, К. Жоффре-Спинози; Пер. с фр. А.А. Туманов. – М.: Междунар. отношения, 1996. – 400 с.
9. Дашкевич А.Л. Правовые основы Союзного государства: История и современность: Учеб. пособие / А.Л. Дашкевич. – Минск: Частн. ин-т управления и предпринимательства, 2006. – 58 с.
10. Козочкин И.Д. Уголовное право США: Успехи и проблемы реформирования / И.Д. Козочкин. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007. – 478 с.
11. Куксин И.Н. Уголовно-правовые нормы о контрабанде государств – членов Таможенного союза: Проблемы унификации / И.Н. Куксин, В.К. Кузьменко // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». – 2014. – № 2 (14). – С. 44–55.

Reference list

1. Bushev A. Information under solid security / A. Bushev // Union. Belarus-Russia. 2014. May of 22.
2. Dashkevich A. The legal fundamentals of the Union State: History and contemporaneity: Textbook / A. Dashkevich. Minsk: Private Institute of Management and Business, 2006. P. 58.
3. David R. Major legal systems of contemporaneity / R. David, C. Jauffret- Spinosi; Translated from French by A. Tumanov. M.: International relations, 1996. P. 400.
4. Kozochkin I. American criminal law. Successes and challenges of reform / I. Kozochkin. SBR., Publishing office of R. Aslanov "Juridical Centre Press", 2007. P. 478.

5. *Kuksin I.* The criminal-legal standards about contraband of member-states of the Custom Union: The problems of unification / I. Kuksin, V. Kuz'menko // Bulletin of Moscow City Pedagogical University. Series "Juridical sciences". 2014. № 2(14). P. 44–55.
6. The Declaration on the further integration of Russia and Belarus from 25.12.1998. URL: <http://www.lawmix.ru/abrolaw/9181>
7. The Treaty of friendship, neighborliness and cooperation between the Republic of Belarus and the Russian Federation of 1995 year. URL: <http://belarus.news-city.info/docs/1995by/crxfnm-tcgkfnyj66465.htm>
8. The Treaty on the Eurasian Economic Union from 29.05.2014 (Revised on 10.10.2014, as amended on 23.12.2014). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_170264/
9. The Treaty on the formation of Community of Russia and Belarus from 02.04.1996. URL: <http://www.zaki.ru/pagesnew.php?id=1092>
10. The Treaty on the Union of Belarus and Russia of 1997 year. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1902007>
11. *Voronina N.* The Union State of Russia – Belarus: Experience of legal regulation. URL: http://e-notabene.ru/wl/article_9061.html

Суровень Д.А.,

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории государства и права
Уральского государственного юридического университета

ПОНЯТИЕ, СОДЕРЖАНИЕ, ВИДЫ, ОБЕСПЕЧЕНИЕ И ПРЕКРАЩЕНИЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В ДРЕВНЕМ И РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОМ ЯПОНСКОМ ПРАВЕ

В статье рассматриваются такие институты обязательственного права древней и раннесредневековой Японии как обязательство, виды обязательств, содержание обязательств, обеспечение обязательств, прекращение обязательств.

Ключевые слова: Япония, Яматай, Ямато, древнеяпонское право, обязательственное право, обязательство, содержание обязательств, виды обязательств, неустойка, поручительство, гарантия, удержание, залог, заклад, обращение взыскания на вещи должника, надлежащее исполнение обязательства, замена исполнения, освобождение от долга

Surowen' D.,

PhD in History, Associate Professor of Chair of History of State and Law, Ural State Law University

THE CONCEPTION, CONTENT, TYPES, PROVIDING AND TERMINATION OF OBLIGATIONS IN ANCIENT AND EARLY MEDIEVAL JAPANESE LAW

The article is discussed such institutions of the law of obligations of ancient and early medieval Japan as the obligation, the types of obligations, the content of obligations, the providing of obligations, the termination of obligations.

Keywords: Japan, Yamatai, Yamato, ancient Japanese law, law of obligations, obligation, content of obligations, types of obligations, penalty, pledge, guarantee, deduction, pledge, mortgage, recovery proceedings against debtor's properties, appropriate execution of obligation, accord and satisfaction, debt relief

В Японии (как и везде в мире) *обязательственное право*, как *подотрасль* гражданского права, представляет собой совокупность правовых норм, регулирующих имущественные отношения, складывающиеся в связи с передачей имущества, оказанием услуг, выполнением работ, причинением вреда или неосновательным обогащением (а в некоторых случаях регулирующих определенные неимущественные отношения), путем установления правовой связи между конкретными субъектами права, в силу которой один из них (*кредитор*) вправе требовать от другого (*должника*) совершения определенных действий или воздержания от них.

Древнеяпонское право, в силу присущей ему *казуистичности*, не даёт **понятия** (определения) **обязательства**. Но, исходя из содержания древнеяпонских источников, мы видим, что под *обязательством* понималось гражданское правоотношение, в силу которого одно лицо (*должник*) обязано совершить в пользу другого лица (*кредитора*) определенное действие, либо воздержаться от определенного действия, а *кредитор* имеет право требовать от *должника* совершения определенных действий или воздержания от них. Таким образом,

сторонами обязательства в Японии, так же как и в других странах, являлись строго определенные лица: *должник* (сторона, обязанная совершить определенное действие либо воздержаться от совершения действия) и *кредитор* (сторона, управомоченная требовать совершения определенного действия или воздержания от действия).

По древнеяпонским источникам удается проследить и **содержание обязательства** – права и обязанности его субъектов, как-то: право требования и обязанность передать вещь, уплатить деньги, оказать услугу, выполнить работу. Соответственно, *объектами обязательств* были определенные *действия* по передаче вещи, уплате денег, оказании услуг, выполнению работ. *Предметом обязательства*, таким образом, выступали вещи и продукты творческой деятельности, на которые были направлены такие действия.

Передача вещей и уплата денег фиксируется по китайским источникам, рассказывающим о древней Японии. «Хоу-хань-шу» и «Вэй-чжи» упоминают о морских поездках японцев в Китай, в том числе связанных с «приобретением богатства» [Хоу-хань-шу, гл. 115, VIII¹; Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во²]³. О жителях островов Цусима (кит. *Дуйма-го*) и Ики (кит. *Ида-го*) сообщается, что они, «садясь на суда, закупают зерно [кит. *ди*⁴] на юге и севере», «также на южных и северных рынках покупают зерно»⁵ [Саньго-чжи, Вэйчжи, гл. 30, Во, Дуйма-го, Ида-го⁶]. При этом происходила, с одной стороны, передача вещей, с другой – денег, что подтверждают археологические находки, в том числе находки китайских монет (I века до н.э.⁷, периода династии Синь китайского императора Ван Мана [9–25 гг. н.э.]⁸). В японских источниках *деньги* (яп. *сэн / дзэни*)⁹ как всеобщий эквивалент в сделках упоминается во 2-й год правления Кэндзō (в 486 году): «Одну меру риса можно было купить за 1 *мон*¹⁰ *серебра*»¹¹ [Нихон-сёки, св. 15-й, Кэндзō, 2-й год пр., 10-й месяц].

Оказание услуг и выполнение работ фиксируется в 22-й статье X закона «Тайхō-рĕ»¹² [Тайхō-рĕ, X, ст. 22 «Наём работников»]. Оказание услуг описывается и в более древних слоях японских источников: обязанная сторона должна была поддерживать огонь, петь песни, обрабатывать землю. В «фудоки» рассказывается о событиях конца V века: «Оба царевича (Окэ и Вокэ. – С.Д.)... нанялись в дом Итоми – старосты деревни Сидзими. А Итоми... заставил обоих

¹ См.: Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в древнейшее время в Средней Азии. М., 1950. Т. II. С. 35.

² См.: Кюнер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.: Изд. вост. лит., 1961. С. 246.

³ Об источниках см.: Суrowень Д.А. Возникновение права и источники права древней Японии // Проблемы курса истории государства и права. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 2004. С. 198–226; Суrowень Д.А. Источники познания права древней Японии // Источники права и источники познания права: Теоретические, методологические и методические проблемы исследования. Материалы круглого стола. 21–22 июня 2013 г. / Отв. ред. С.В. Кодан. Екатеринбург: Рос. гуманитар. научный фонд, УрГЮА, 2013. С. 246–250; Суrowень Д.А. Систематизация права Японии во второй половине VII – начале VIII веков // Проблемы истории общества, государства и права. Вып. 1-й. Екатеринбург: УрГЮА, 2013. С. 117–172.

⁴ кит. *ди* – гл. заготавливать (ввозить) зерно; закупать (ввозить) хлеб; закупка зерна; покупка риса. – Большой китайско-русский словарь. М.: Наука, 1983. Т. II. С. 366 (далее: БКРС).

⁵ *Маки Кэндзи*. Дай-ни-сан-сэйки-ни окэру вадзин-но сякай (Общество вадзин во II–III веках н.э.) // Сирин. Киото, 1970. Т. 53, № 5. С. 18; Воробьев М.В. Япония в III–VII веках. М.: Наука, 1980. С. 100; Нихон дзэнси (Всеобщая история Японии). Токио, 1958. Т. I. С. 199; Мацумото Сэйтё. Сэйтё-цуси (История знатока Сэйтё). Токио, 1978. Т. III. С. 173.

⁶ См.: Кюнер Н.В. Китайские известия ... С. 243.

⁷ Воробьев М.В. Древняя Япония. М.: Изд. вост. лит., 1958. С. 37; Сано Ямато. Нихон-но акэбоно (Япония на заре). Токио: Сёхō сётэн, 1959. С. 46.

⁸ Мацумото С. Сэйтё-цуси. Т. III. С. 10.

⁹ яп. *сэн / дзэни* – деньги; мелочь; *денежная единица* = 1/100 *иены*; деньги, монета; плата. – Фельдман-Конрад Н.И. Японско-русский учебный словарь иероглифов. М.: Русск. яз., 1977. С. 608 (далее: ЯРУСИ); то же что кит. *ц'янь* – 1) деньги; монета... – БКРС. Т. IV. С. 227.

¹⁰ яп. *мон* – 1) старинная мелкая монета = 0,1 *сэн*. – ЯРУСИ. С. 285.

¹¹ Нихон-сёки: Анналы Японии. СПб.: Гиперион, 1997. Т. I. С. 387. «Мера риса [в] серебряных деньгах [стоила] один *мон*». – Нихон-сёки (из серии «Кокуси-тайкэй»). Токио: Ёсикава кобункан, 1957. Ч. I. Т. I. С. 411.

¹² Свод законов «Тайхорё». М.: Наука, 1985. Т. I. С. 108.

царевичей поддерживать огонь¹³. Затем он велел им спеть песню...»¹⁴ [Харима-фудоки, уезд Минаги, село Сидзими]. Беглые царевичи, будучи в услужении, должны были разжигать костер и поддерживать в нем огонь, т.е. выполнять работу низших слуг. В «Нихон-сёки» сказано: хозяин «...приказал им находиться около очага (*камадо*) и держать свет слева и справа»¹⁵. Эти слуги обязаны были поддерживать огонь в костре перед домом и готовить на нём пищу¹⁶.

«Харима-фудоки» приводит случай *оказания услуг* по перевозке. «Когда царь (Отараси-хико / Кэйко, 337–343 гг. испр. хрон.¹⁷ – С.Д.) ...пожелал переправиться через реку. ...*Перевозчик*, получив плату, *переправил* царя через реку...»¹⁸ [Харима-фудоки, уезд Како, переправа Аги]. На основе норм *обычного права* (правового обычая) регулировалось *оказание услуг* по содержанию лошадей: «платят... чтобы те *кормили* лошадей», а также *охраняли* лошадей¹⁹.

В древнеяпонском праве можно выделить следующие **виды обязательств**. 1. *Односторонние* и *взаимные (двусторонние)* обязательства. В том случае, когда одной стороне обязательства принадлежит только право (права), а другой – только обязанность (обязанности), обязательство является односторонним. Таковым было правоотношение по договору *займа*²⁰ [Тайхō-рѐ, ХХХ, ст. 19 «Ссуда и заем»; ст. 20].

Если же каждая сторона имеет права и обязанности, то обязательство будет *взаимным*. Таковые обязательства по договорам *поставки, подряда, купли-продажи* и др. Источники описывают случаи, когда продавец был *обязан* предоставить вещь и имел *право* требовать уплаты денег; в свою очередь покупатель был *обязан* уплатить деньги и имел *право* требовать предоставления вещи. А именно: при покупке зерна [Саньго-чжи, Вэйчжи, гл. 30, Во, Дуйма-го, Ида-го²¹; Хань, Чэньхань²²] и покупке риса: «Одну меру риса можно было купить за 1 *мон*²³ *серебра*»²⁴ (в 486 году) [Нихон-сёки, св. 15-й, Кэндзō, 2-й год пр., 10-й месяц²⁵; также см.: Тайхō-рѐ, ХХIII, ст. 20²⁶]; при покупке оружия: «В древности, во времена правления царя Ōми (Тэнти, 662–671²⁷. – С.Д.), жил человек по имени Ванибэносоуна; он был жителем села Накацугава. Этот человек купил меч у жителя деревни Тоноки, что в провинции Кавати»²⁸ [Харима-фудоки, уезд Саё, село Накацугава]; при покупке лошадей²⁹ [Тайхō-рѐ, ХХIII, ст. 20 «Осмотр и покупка лошадей»].

Двусторонние обязательства возникали также при договоре *перевозки*: «...царь... пожелал переправиться через реку. ...Царь изволил сказать: “...*перевези меня*”, – так он сказал.

¹³ «...Итоми... заставил обоих царевичей поддерживать огонь» (яп. *Итоми-га... фўтари-но микотати-ни хитомо-сасимэ...*) Акимото Китирō истолковывает слово *хитомо* (кит. *чжу* «светильник», «освещать») как огонь костра. В «Нихон-сёки» говорится, что царевичи держали светильники (очевидно, в доме), но в «Харима-фудоки» говорится: «[Услышав песню], все люди почтительно выбежали [из дома] на улицу», т.е. совершенно ясно, что царевичи находились вне дома. Да и вряд ли самые низшие слуги допускались в дом во время пиршества. – Древние фудоки. М.: Наука, 1969. С. 210, прим. 5.

¹⁴ Древние фудоки. С. 108.

¹⁵ Цит. по: Древние фудоки. С. 210, прим. 5.

¹⁶ Там же.

¹⁷ О нем см.: *Суровень Д.А.* Экспансия государства Ямато в Южной Японии в конце 30-х годов IV века н.э. в правление Отараси-хико (государя Кэйко) // Проблемы отечественной и зарубежной истории, теории и методики обучения истории. Екатеринбург: УрГПУ, 2002. С. 180–196; *Суровень Д.А.* Объезд Восточных территорий государем Отараси-хико и административно-территориальные реформы начала 40-х годов IV века в Ямато // Уральское востоковедение. Международный альманах. Екатеринбург: Изд-во Уральск. ун-та, 2011. Вып. 4. С. 10–39.

¹⁸ Древние фудоки. С. 69.

¹⁹ Нихон-сёки: Анналы Японии. Т. II. С. 158.

²⁰ Свод законов... Т. II. С. 155.

²¹ См.: Кюнер Н.В. Китайские известия... С. 243.

²² См.: Кюнер Н.В. Китайские известия... С. 242.

²³ 文 яп. мон 1) старинная мелкая монета = 0,1 сэн. – ЯРУСИ. С. 285.

²⁴ «Мера риса [в] серебряных деньгах [стоила] один мон». – Нихон-сёки. Ч. I. Т. I. С. 411.

²⁵ Нихон-сёки: Анналы Японии. Т. I. С. 387.

²⁶ Свод законов ... Т. II. С. 156.

²⁷ Древние фудоки. С. 250, 240.

²⁸ Древние фудоки. С. 93.

²⁹ Свод законов ... Т. II. С. 96.

Перевозчик ответил: «Ну, уж если ты хочешь переправиться, то плати³⁰ за проезд» (досл. «изволь дать [мне] плату за переправу»)»³¹ [Харима-фудоки, уезд Како, переправа Аги].

В таких случаях каждая из сторон считается должником другой стороны в том, что она обязана сделать в ее пользу, и одновременно ее кредитором в том, что она имеет право от нее требовать.

2. *Обязательства с выполнением точно определенных действий и альтернативные.* Как правило, в обязательстве кредитор имеет право требовать от должника совершения одного строго определенного действия (или нескольких действий). Однако в древнеяпонском праве встречаются обязательства, содержанием которых является право требования и соответствующая ему обязанность совершения одного из нескольких действий на выбор, причём совершение одного из них составляет исполнение обязательства – это *альтернативное обязательство*: «Было речено: «Запрещается брать проценты по займам, взятым до года *киното-тори* [14-й год Тэмму³²]. Если же должник уже начал *возвращать долг отработкой*, он не должен отрабатывать проценты [по долгу]»»³³ (687 г.) [Нихон-сёки, св. 30-й, Дзитё, 1-й год пр., 7-й месяц, 2-й день]. Сходная норма была закреплена в «Тайхё-рё»: «Если средства семьи (*кэси*) [должника] истощились, то *отрабатывать* (займ. – *С.Д.*) *личным трудом (сияку)*...»³⁴ [Тайхё-рё, ХХХ, ст. 19]. Таким образом, вместо уплаты денег предусматривалась возможность возмещения долга отработкой.

Возможно, в древнеяпонском праве существовали *факультативные обязательства* (предоставление иной вещи вместо обусловленной), но японские источники их не упоминают.

3. *Обязательства личного характера.* В древнеяпонском праве последний вид обязательства обозначался термином *частное обязательство, обязательство частного лица*³⁵ (яп. *сикэй*)³⁶ [Тайхё-рё, ХХХ, ст. 19].

4. *Обязательства договорные* (из договоров) и *внедоговорные* (из причинения вреда и из неосновательного обогащения).

Обязательства из договора. Группа *договорных обязательств* особенно многочисленна: таковые возникали из целого ряда договоров, известных древнеяпонскому праву (из купли-продажи, мены, ссуды, займа, найма и т.д.).

Обязательства из причинения вреда: «Если при пользовании керамической утварью³⁷ она *разбивается*³⁸, то разрешать в течение года списывать ее в размере двух долей из десяти. За всё, что сверх этого, *взыскивать компенсацию*»³⁹ [Тайхё-рё, ХХ, ст. 10 «Керамическая утварь»]. Другой пример *обязательства из причинения вреда* даёт статья 27-я «Компенсация за падёж скота» ХХIII закона «Тайхё-рё». «Если [чиновник] едет по государственным делам на казенных [или] частных лошадах [или] волах и если [они] падут... Если [лошадь или вол] падет по необоснованной причине, то *взыскивать компенсацию*» (яп. *тёбай*)⁴⁰ с чинов-

³⁰ яп. *ватари-но тин* – досл. «плата за переправу»; где яп. *тин* – плата. – ЯРУСИ. С. 564; яп. *ватару*, кит. *дү – гл.* 1) переходить, переплывать... 3) передвигать, перемещать, перевозить (*что-л.*)... – БКРС. Т. III. С. 1004, 1005; яп. *ватару* – 1) переходить, пересекать; переправляться; переезжать... яп. *ватари* – 1) переправа... – ЯРУСИ. С. 360, 361.

³¹ Древние фудоки. С. 69; Харима-но куни-но фудоки // Фудоки (из серии «Бунгаку-тайкэй»). Токио, 1958. С. 25, строки 806–809.

³² Нихон-сёки: Анналы Японии. Т. II. С. 382.

³³ Нихон-сёки: Анналы Японии. Т. II. С. 270.

³⁴ Свод законов ... Т. II. С. 155.

³⁵ Свод законов ... Т. II. С. 155.

³⁶ яп. *сикэй* – частное обязательство; обязательство частного лица. – Свод законов... Т. II. С. 247.

³⁷ яп. *гаки* – общее наименование глиняной, фаянсовой, фарфоровой посуды. – Свод законов ... Т. II. С. 177, прим. 1 к ст. 10. С. 215.

³⁸ яп. *сонкай-суру* – 1) разрушать; 2) разрушаться. – ЯРУСИ. С. 274.

³⁹ Свод законов ... Т. II. С. 53; Рё (из серии «Кокуси-тайкэй»). Токио, б.г. С. 223, строки 4–5.

⁴⁰ яп. *тёбай* – взыскание (взимание) компенсации. – Свод законов ... Т. II. С. 191, прим. 3 к ст. 27; С. 254.

ника⁴¹ [Тайхō-рѐ, XXIII, ст. 27]. «Необоснованной причиной» в этом случае считалась, например, беспричинно быстрая езда, когда лошадь загоняли до смерти⁴².

5. *Главные* (основные) и *дополнительные* (акцессорные) обязательства. *Главные обязательства* (например, при купле-продаже, займе) могут существовать самостоятельно без дополнительного обязательства. *Дополнительные обязательства* (например, при неустойке, поручительстве, залоге [Тайхō-рѐ, XXX, ст. 19]⁴³) – могут существовать только при наличии *главного* (основного) обязательства, в неразрывной взаимосвязи с ним.

Обеспечение обязательств

В гражданском праве – это специальные меры имущественного характера, побуждающие стороны к точному и реальному исполнению обязательств.

Задаток в японских источниках данного периода не упоминается.

1. Древнеяпонское право, возможно, знало такой вид обеспечения обязательств как **неустойка**. Так, в «Нихон-сѐки» приводится содержание императорского закона от 22-го дня 3-го месяца 2-го года правления Котоку (646 г.), по которому при договоре найма услуг по содержанию и охране лошадей за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств должником удерживалась сумма в размере наемной платы⁴⁴.

2. В своде законов «Тайхō-рѐ» упомянуто и **поручительство**. «Если должник сбежит, то вместо [него] обязаны возместить [долг] *поручители*»⁴⁵ [Тайхō-рѐ, XXX, ст. 19]. «Рѐ-но гигэ» поясняет, что *поручителей* (яп. *хонин*)⁴⁶ обычно было два⁴⁷.

3. Другой способ обеспечения обязательств – это **гарантия**. «Когда продаются рабы (*нухи*), то [их хозяин] всегда должен [предварительно] обратиться в основное казенное управление [с ходатайством], заверенным гарантами (*хосѐ*)⁴⁸, получить [там] письменное казенное разрешение (*риккэн*)⁴⁹, где проставлена цена [на рабов]»⁵⁰ [Тайхō-рѐ, XXVII, ст. 16].

4. **Удержание** как способ обеспечения обязательства состоит в том, что *кредитору*, у которого находится вещь, подлежащая передаче должнику или указанному им лицу, предоставлено право, в случае неисполнения должником в срок обязательства, удерживать ее у себя до тех пор, пока соответствующее обязательство не будет исполнено должником. В ст. 19-й XXX закона сказано, что залоговая вещь может удерживаться *кредитором* и не возвращаться *должнику*⁵¹, видимо, в случае неисполнения обязательства [Тайхō-рѐ, XXX, ст. 19].

5. Законы «Тайхō-рѐ» упоминают регулировавшийся нормами обычного права **залог**. По нормам этого свода законов, древнеяпонское право знало такой вид залога, как **заклад**, при котором залоговая вещь передавалась в обладание залоговому *кредитору*, т.к. сказано, что залоговая вещь находится у *кредитора*, который её удерживает до исполнения обязательства⁵² [Тайхō-рѐ, XXX, ст. 19]. Закладываться могли как *недвижимые*, так и *движимые вещи*⁵³:

⁴¹ Свод законов ... Т. II. С. 97.

⁴² Там же. С. 191, прим. 2 к ст. 27.

⁴³ Свод законов ... Т. II. С. 155.

⁴⁴ Нихон-сѐки: Анналы Японии. Т. II. С. 158.

⁴⁵ Свод законов ... Т. II. С. 155.

⁴⁶ Свод законов ... Т. II. С. 263; Японско-русский словарь. М.: Русск.яз., 1984. С. 168.; яп. *хонин* то же что кит. *бǎо 'ж' энь (жэнь)* – поручитель... *бǎо – ж' энь* – поручаться за (кого-л.). – БКРС. Т. III. С. 713.

⁴⁷ Свод законов ... Т. II. С. 207, прим. 1 к ст. 19.

⁴⁸ яп. *хосѐ*, кит. *бǎо 'чжэн* – ручаться, поручиться, заверять, обеспечивать, гарантировать; обязываться; гарантия; залог; обеспечение; порука. – БКРС. Т. III. С. 712.

⁴⁹ См.: Свод законов ... Т. II. С. 240.

⁵⁰ Свод законов ... Т. II. С. 120; см.: Рѐ. С. 300, строка 6.

⁵¹ Свод законов ... Т. II. С. 155.

⁵² Свод законов ... Т. II. С. 155.

⁵³ Однако, видимо, в тот период вещи делились на *землю* и *остальные вещи*, т.к., судя по ст. 18-й XXX закона, можно было отдельно закладывать землю, отдельно *строения* – и они не считались единым и неразрывным хозяйственным комплексом,

«...закладывать... рабов, домашний скот, земли, строения и другое имущество»⁵⁴ [Тайхō-рѐ, ХХХ, ст. 18].

Залоговому кредитору принадлежало основное право, заключавшееся в том, что в случае неполучения от должника удовлетворения в срок, он мог *реализовать (продать)* заложенную вещь. Однако кредитору самовольно продавать вещь не дозволялось. «Если залог не возвращается владельцу вещей, то нельзя [их] самовольно продавать...»⁵⁵ [Тайхō-рѐ, ХХХ, ст. 19]. Это право ограничивалось определенными условиями: продажа *залоговой вещи* разрешалась только тогда, когда *проценты* по договору займа, который обеспечивался залогом, выросли до основной суммы долга, в противном случае требовалось специальное разрешение властей на продажу вещи. «Если [вещи] *не выкуплены* до того, как *проценты* возрастут до основной суммы [долга], то [заимодавцу] следует обратиться к властям, которые должны разрешить продажу»⁵⁶ [Тайхō-рѐ, ХХХ, ст. 19]. При этом, как и везде: «Если [после продажи вещей] остаются *излишки* [сверх долга], то [их] возвращать [должнику]»⁵⁷ [Тайхō-рѐ, ХХХ, ст. 19].

Данная норма 19-й статьи ХХХ-го закона «Тайхō-рѐ» подразумевала также и то, что в случае, если денег от продажи *залоговой вещи* не хватало для покрытия долга, то недостающее взыскивалось с прочего имущества должника.

б. В связи с вышесказанным, можно предполагать существование в древнеяпонском праве и такого способа обеспечения обязательства как **обращение взыскания на вещи должника** в случае, когда он был не в состоянии уплатить долг.

Кроме того, до отмены долгового рабства в 691 году, существовала не только имущественная, но и **личная ответственность должника**, при которой или члены семьи должника, или он сам **продавались в рабство за долги** с тем, чтобы покрыть задолженность. В 691 году в Японии, в связи с отменой долгового рабства, личная ответственность должника была отменена: «Было речено: "...Если кто-то взят в рабство за неуплату долгов, считать его свободным. Его детей, пусть даже они рождены в рабстве, тоже считать свободными"»⁵⁸ [Нихон-сѐки, св. 30-й, Дзитō, 5-й год пр., 3-й месяц, 22-й день].

Прекращение обязательств

Под *прекращением обязательств* понималось погашение прав и обязанностей его участников, которые составляют содержание обязательств.

1. Чаще всего это происходило при достижении главной цели, т.е. при **надлежащем исполнении обязательств**. В «Кодзики» описывается ситуация, когда царевич *Ямато-такэру* (в конце 30-х гг. IV века [испр. хрон.]) предложил обменяться мечами с Идзумо-такэру: «Ямато-такэру-но микото... взял меч, который отвязал Идзумо-такэру... сказав: "Обменяемся-ка мечами"...»⁵⁹. Далее сообщается, что Идзумо-такэру «потом вышел из реки Идзумо-такэру и привязал к поясу ...меч Ямато-такэру-но микото»⁶⁰, т.е. взял меч Ямато-такэру, тем самым исполнив обязательство по договору мены.

Другой пример *исполнения обязательств по договору перевозки пассажира* приводит «Харима-фудоки»: государь Отараси-хико (337 – ок. 343 г. [испр. хрон.]) «...прибыл к перепра-

т.е. *недвижимыми вещами*, сделки с которыми нельзя было осуществлять раздельно. Об этом подробнее см.: Суровень Д.А. О древнейших категориях вещей в гражданском праве древности и средневековья // История государства и права. 2013. № 10. С. 17–21; Суровень Д.А. К вопросу о древнейших категориях вещей в гражданском праве древности и средневековья // Проблемы истории общества, государства и права. Вып. 1-й. Екатеринбург: УрГЮА, 2013. С. 25–35.

⁵⁴ Свод законов ... Т. II. С. 154.

⁵⁵ Свод законов ... Т. II. С. 155.

⁵⁶ Свод законов ... Т. II. С. 155.

⁵⁷ Свод законов ... Т. II. С. 155.

⁵⁸ Нихон-сѐки: Анналы Японии. Т. II. С. 282.

⁵⁹ Кодзики: Записи о деяниях древности. СПб.: Шар, 1994. Т. II. С. 70.

⁶⁰ Кодзики: Записи о деяниях древности. Т. II. С. 70.

ве Такасэ в провинции Цу и пожелал переправиться через реку. ...Царь изволил сказать: “...перевези меня”, – так он сказал». «Перевозчик ответил: “Ну, уж если ты хочешь переправиться, то плати за проезд”. Царь, сняв свое головное украшение *отокадзура*, которое он надел в дорогу, бросил его в лодку... *Перевозчик, получив плату, переправил царя через реку*»⁶¹ [Харима-фудоки, уезд Како, переправа Аги].

2. В раннесредневековом законодательстве Японии был закреплен такой способ *прекращения обязательств* как **замена исполнения**.

В указе государыни Дзитō 687 года упомянут случай **замены исполнения с согласия кредитора**, когда возвращение денег по договору *займа* заменялось отработкой долга: «...Должник уже начал *возвращать долг отработкой*...»⁶² [Нихон-сёки, св. 30-й, Дзитō, 1-й год пр., 7-й месяц, 2-й день].

Прекращение обязательств заменой исполнения против воли кредитора было закреплено в «Тайхō-рѐ»: «Если средства семьи (*кэси*) [должника] истощились, то *отрабатывать* (займ. – С.Д.) личным трудом (*сияку*)...»⁶³ [Тайхō-рѐ, XXX, ст. 19].

Таким образом, в обоих случаях вместо уплаты денег предусматривалась возможность *замены исполнения* отработкой долга.

3. Известен такой случай *прекращения обязательств* как **освобождение от долга** актом государственной власти. В «Нихон-сёки» приведён указ главы государства – императора Тэмму об отмене долгов от 19-го дня 7-го месяца 686 года: «Было речено: “Пусть те бедные люди в Поднебесной, которые взяли займы рис или же вещи, будут *освобождены от* уплаты долга как государству, так и частным лицам, начиная с 30-го дня 12-й луны года *кинототори*”»⁶⁴ [Нихон-сёки, св. 29-й, Тэмму, Сютѐ 1-й год, 7-й месяц].

Другие способы *прекращения обязательств* (зачет, прекращение обязательства смертью одной из сторон, совпадение должника и кредитора в одном лице, новация [обновление обязательства], невозможность исполнения, *цессия* [уступка права требования], принятие на себя чужого долга) в японских источниках не указаны.

Таким образом, древнее и раннесредневековое японское право, в силу казуистичности, не давало *понятия обязательства*. По древнеяпонским источникам удастся проследить и *содержание обязательства*, заключавшееся в праве требования и обязанности передать вещь, уплатить деньги, оказать услугу, выполнить работу. В древнеяпонском праве можно выделить следующие *виды обязательств*: *односторонние* и *двусторонние* обязательства, обязательства с *выполнением точно определенных действий* и *альтернативные*, обязательства *личного характера*, обязательства *из договоров* и *из причинения вреда*, *главные* и *дополнительные* обязательства. К *обеспечению обязательств* относились *неустойка*, *поручительство*, *гарантия*, *удержание*, *залог* (в виде *заклада*), *обращение взыскания на вещи должника*. *Прекращение обязательств* происходило при *надлежащем исполнении обязательств*, при *замене исполнения*, при *освобождении от долга*⁶⁵.

⁶¹ Древние фудоки. С. 69.

⁶² Нихон-сёки: Анналы Японии. Т. II. С. 270.

⁶³ Свод законов ... Т. II. С. 155.

⁶⁴ Нихон-сёки: Анналы Японии. Т. II. С. 264, 381, прим. 392.

⁶⁵ О регулировании договорных отношений см.: *Суровень Д.А.* Регулирование договорных отношений в древнем и раннесредневековом японском праве // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. 2011. Вып. 3. С. 115–129.

Список литературы

1. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в древнейшее время в Средней Азии. М., 1950. Т. II.
2. БКРС – Большой китайско-русский словарь. М.: Наука, 1983–1984. Т. II–IV.
3. Воробьев М.В. Древняя Япония. М.: Изд. вост. лит., 1958.
4. Воробьев М.В. Япония в III–VII веках. М.: Наука, 1980.
5. Древние фудоки. М.: Наука, 1969.
6. Кодзики: Записи о деяниях древности. СПб.: Шар, 1994. Т. I–II.
7. Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.: Изд. вост. лит., 1961.
8. Маки Кэндзи. Дай-ни-сан-сэйки-ни окэру вадзин-но сякай (Общество вадзин во II–III веках н.э.) // Сирин. Киото, 1970. Т. 53, № 5. С. 1–36.
9. Мацумото Сэйтё. Сэйтё-цуси (История знатока Сэйтё). Токио, 1978. Т. III.
10. Нихон дзэнси (Всеобщая история Японии). Токио, 1958. Т. I.
11. Нихон-сёки (из серии «Кокуси-тайкэй»). Токио: Ёсикава кобункан, 1957. Ч. I. Т. I–II.
12. Нихон-сёки: Анналы Японии. СПб.: Гиперион, 1997. Т. I–II.
13. Рё (из серии «Кокуси-тайкэй»). Токио, б.г.
14. Сано Ямато. Нихон-но акэбоно (Япония на заре). Токио: Сёхё сётэн, 1959.
15. Свод законов «Тайхорё». М.: Наука, 1985. Т. I–II.
16. Суровень Д.А. Возникновение права и источники права древней Японии // Проблемы курса истории государства и права. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 2004. С. 198–226.
17. Суровень Д.А. Источники познания права древней Японии // Источники права и источники познания права: Теоретические, методологические и методические проблемы исследования. Материалы круглого стола. 21–22 июня 2013 г. / Отв. ред. С.В. Кодан. Екатеринбург: Рос. гуманитар. научный фонд, УрГЮА, 2013. С. 246–250.
18. Суровень Д.А. К вопросу о древнейших категориях вещей в гражданском праве древности и средневековья // Проблемы истории общества, государства и права. Вып. 1-й. Екатеринбург: УрГЮА, 2013. С. 25–35.
19. Суровень Д.А. О древнейших категориях вещей в гражданском праве древности и средневековья // История государства и права. 2013. № 10. С. 17–21.
20. Суровень Д.А. Объезд Восточных территорий государем Ќтараси-хйко и административно-территориальные реформы начала 40-х годов IV века в Ямато // Уральское востоковедение. Международный альманах. Екатеринбург: Изд-во Уральск. ун-та, 2011. Вып. 4. С. 10–39.
21. Суровень Д.А. Регулирование договорных отношений в древнем и раннесредневековом японском праве // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. 2011. Вып. 3. С. 115–129.
22. Суровень Д.А. Систематизация права Японии во второй половине VII – начале VIII веков // Проблемы истории общества, государства и права. Вып. 1-й. Екатеринбург: УрГЮА, 2013. С. 117–172.
23. Суровень Д.А. Экспансия государства Ямато в Южной Японии в конце 30-х годов IV века н.э. в правление Ќтараси-хйко (государя Кэйко) // Проблемы отечественной и зарубежной истории, теории и методики обучения истории. Екатеринбург: УрГПУ, 2002. С. 180–196.
24. Харима-но куни-но фудоки // Фудоки (из серии «Бунгаку-тайкэй»). Токио, 1958.
25. ЯРС – Японско-русский словарь. М.: Русск. яз., 1984.

26. ЯРУСИ – Фельдман-Конрад Н.И. Японско-русский учебный словарь иероглифов. М.: Русск. яз., 1977.

Reference list

1. *Bichurin N.* The Collection of information about the folks who lived in ancient times in the Central Asia. M., 1950. Vol. II.
2. GCRD – The Great Chinese-Russian Dictionary. M.: Nauka, 1983–1984. Vol. II–IV.
3. *Vorobiev M.* Ancient Japan. M.: The Oriental literature publishing office, 1958.
4. *Vorobiev M.* Japan in the III–VII centuries. M.: Nauka, 1980.
5. The ancient fudoki. M.: Nauka, 1969.
6. The Kojiki: The papers of the deeds of antiquity. SBR.: Shar, 1994. Vol. I–II.
7. *Kiihner N.* Chinese news about the folks of Southern Siberia, the Central Asia and the Far East. M.: The Oriental literature publishing office, 1961.
8. *Kenji Maki.* Dai-Ni-San Seiki-Ni Okeru Wajin-No Shakai (Wajin society in the II–III centuries A.D.) // *Sirin.* Kyoto, 1970. Vol. 53, No 5. P. 1–36.
9. *Seicho Matsumoto.* Seicho-Tsushi (History of an expert of Seicho). Tokyo, 1978. Vol. III.
10. *Nihon dzenshi* (The General history of Japan). Tokyo. 1958. Vol. I.
11. *Nihon Shoki* (From the series “Kokushi-taiki”). Tokyo: Yoshikawa kobunkan, 1957. Part I. Vol. I–II.
12. *Nihon Shoki: The Chronicles of Japan.* SBR.: Hyperion, 1997. Vol. I–II.
13. *Ryo* (From the series “Kokushi-taiki”). Tokyo. B.g.
14. *Sano Yamato.* *Nihon-no akebono* (Japan at crack of day). Tokyo. Shoho shoten, 1959.
15. Code of laws “Taiho”. M.: Nauka, 1985. Vol. I–II.
16. *Surowen’ D.* The origin of law and sources of law of ancient Japan // Issues of the course of history of state and law. Yekaterinburg: Publishing office of the Ural State Academy of Law, 2004. P. 198–226.
17. *Surowen’ D.* The sources of knowledge of the law of ancient Japan // The sources of law and the sources of knowledge of law: Theoretical, methodological and methodical issues of research. Files of the Round Table of June 21–22, 2013 / The executive editor S. Kodan. Yekaterinburg: Russian Humanitarian Scientific Fund, Ural State Academy of Law, 2013. P. 246–250.
18. *Surowen’ D.* On the issue about the most ancient categories of things in the civil law of ancient times and the middle ages // Issues of history of society, state and law. Number 1. Yekaterinburg. Ural State Academy of Law, 2013. P. 25–35.
19. *Surowen’ D.* About the most ancient categories of things in the civil law of ancient times and the middle ages // History of state and law. 2013. No. 10. P. 17–21.
20. *Surowen’ D.* The bypass of Eastern territories by Otarashi-Hiko emperor and administrative-territorial reform in the early 40-ies of the IV century in Yamato // Ural Oriental studies. International almanac. Yekaterinburg: Publishing office of Ural University. 2011. Number 4. P. 10–39.
21. *Surowen’ D.* The regulation of contractual relations in the ancient and early medieval Japanese law // Bulletin of the Udmurtiya University. Economics and law. 2011. Number 3. P. 115–129.
22. *Surowen’ D.* The systematization of law of Japan in the second half of the VII to early VIII centuries: Issues of history, society, state and law. Vol. 1. Yekaterinburg: Ural State Academy of Law, 2013. P. 117–172.
23. *Surowen’ D.* The expansion of the state Yamato in Southern Japan in the late 30-ies of the IV century A.D. in the reign of Otarashi-Hiko (Emperor Keiko) // Issues of domestic and foreign history, theory and methodology of training history. Yekaterinburg. Ural State Pedagogical University, 2002. P. 180–196.

24. Harima-no Kuni-no Fudoku // Fudoku (From series "Bungaku taikei"). Tokyo, 1958.
25. JRD – Japanese-Russian Dictionary. M.: Russian language, 1984.
26. JRLDH – *Feldman-Konrad N.* Japanese-Russian Learners Dictionary of Hieroglyphics. M.: Russian language, 1977.

УДК 343.265

Ефремова И.А.,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии, докторант

К ВОПРОСУ О ПРЕДУПРЕДИТЕЛЬНОМ ХАРАКТЕРЕ ОТСРОЧКИ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ

Статья посвящена предупредительному аспекту отсрочки отбывания наказания. В ней рассматриваются проблемы правового регулирования данного вида освобождения и практики его реализации.

Ключевые слова: предупредительный характер, отсрочка отбывания наказания, основания отсрочки отбывания наказания, условия отсрочки отбывания наказания

Efremova I.,

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of Chair of Criminal and Criminal-Executive Law of the Saratov State Academy of Law, Doctoral student

REVISITING THE ISSUE ABOUT PREVENTIVE NATURE OF DELAY OF SERVING PUNISHMENT

The article is devoted the preventive aspect of delay of serving punishment. It is discussed the issues of legal regulation of this kind of a release and realization practice of it.

Keywords: preventive nature, delay of serving punishment, grounds of delay of serving punishment, conditions of delay of serving punishment

Согласно УК РФ предупреждение преступлений представляет собой не только одну из основных задач уголовного права, но и цель наказания. Согласно Уголовно-исполнительному кодексу РФ предупреждение преступлений – это цель законодательства. Предупреждение имеет общее и частное направление превентивного характера и направлено как на лиц, совершивших общественно опасные деяния, так и на все общество в целом.

Деятельность по предупреждению преступлений является частью политики государства по национальной безопасности и борьбе с преступностью. В свою очередь, решение комплексной задачи осуществления предупредительной деятельности в нашей стране возможно лишь на основе согласованных усилий законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти, каждая из которых призвана внести свой вклад в рамках своих возможностей и полномочий¹. В криминологии разработана целая система мер борьбы с преступностью. Так, предупреждение преступности – это целенаправленное воздействие государства, общества, физических и юридических лиц на процессы детерминации и причинности преступ-

¹ Величко А.Н., Шатилович С.Н. Место деятельности суда по предупреждению преступлений в системе предупреждения преступлений // Научный вестник Омской академии МВД России. 2005. № 2 (22). С. 39.

ности в целях недопущения вовлечения в преступность новых лиц, совершения новых криминальных деяний, расширения криминализации общественных отношений².

Не вдаваясь в дискуссию по данному вопросу, мы должны отметить, что наличие отсрочки отбывания наказания в УК РФ также выступает одним из направлений, позволяющим удерживать лиц от совершения преступлений, и предполагает их применение к лицам, которые встали на путь исправления и ведут положительный посткриминальный образ жизни.

Так, УК РФ предусматривает отсрочку отбывания наказания в ст. 82 УК РФ:

1. Осужденным – беременной женщине, женщине, имеющей ребенка в возрасте до четырнадцати лет, мужчине, имеющему ребенка в возрасте до четырнадцати лет и являющемуся единственным родителем, кроме осужденных к ограничению свободы, к лишению свободы за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста, к лишению свободы на срок свыше пяти лет за тяжкие и особо тяжкие преступления против личности, к лишению свободы за преступления, предусмотренные статьями 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, ч. 3 и 4 ст. 206, ч. 4 ст. 211 настоящего Кодекса, и сопряженные с осуществлением террористической деятельности преступления, предусмотренные ст. 277, 278, 279 и 360 настоящего Кодекса, суд может отсрочить реальное отбывание наказания до достижения ребенком четырнадцатилетнего возраста.

2. В случае если осужденный, указанный в части первой настоящей статьи, отказался от ребенка или продолжает уклоняться от обязанностей по воспитанию ребенка после предупреждения, объявленного органом, осуществляющим контроль за поведением осужденного, в отношении которого отбывание наказания отсрочено, суд может по представлению этого органа отменить отсрочку отбывания наказания и направить осужденного для отбывания наказания в место, назначенное в соответствии с приговором суда.

3. По достижении ребенком четырнадцатилетнего возраста суд освобождает осужденного, указанного в части первой настоящей статьи, от отбывания наказания или оставшейся части наказания со снятием судимости либо заменяет оставшуюся часть наказания более мягким видом наказания.

4. Если до достижения ребенком четырнадцатилетнего возраста истек срок, равный сроку наказания, отбывание которого было отсрочено, и орган, осуществляющий контроль за поведением осужденного, в отношении которого отбывание наказания отсрочено, пришел к выводу о соблюдении осужденным, указанным в части первой настоящей статьи, условий отсрочки и его исправления, суд по представлению этого органа может принять решение о сокращении срока отсрочки отбывания наказания и об освобождении осужденного от отбывания наказания или оставшейся части наказания со снятием судимости.

5. Если в период отсрочки отбывания наказания осужденный, указанный в части первой настоящей статьи, совершает новое преступление, суд назначает ему наказание по правилам, предусмотренным ст. 70 УК РФ.

Из толкования представленной нормы следует, что она применяется к таким категориям лиц: беременной женщине, женщине, имеющей ребенка в возрасте до четырнадцати лет, мужчине, имеющему ребенка в возрасте до четырнадцати лет и являющемуся единственным родителем. Не применяется отсрочка к осужденным к ограничению свободы, к лишению свободы за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста, к лишению свободы на срок свыше пяти лет за тяжкие и особо тяжкие преступления против личности, к лишению свободы за преступления террористической направленности (ст. 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, ч.3,4 ст. 206,

² Криминология: Учебник для вузов / Под общ. ред. А.И. Долговой. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2007. С. 435.

ч. 4 ст. 211, ст. 277, 278, 279 и 360 УК РФ). Период отсрочки связан с достижением ребенком четырнадцатилетнего возраста. Так, в предоставлении отсрочки было отказано Б. при следующих обстоятельствах. Приговором от 17.03.2014 Б. осуждена по п. «а», «г» ч. 2 ст. 242.1 УК РФ к 3 годам 6 месяцам лишения свободы, по п. «а» ч. 2 ст. 242.1 УК РФ к 3 годам 3 месяцам лишения свободы, в соответствии с ч. 3 ст. 69 УК РФ к 3 годам 7 месяцам лишения свободы, на основании ст. 82 УК РФ в связи с беременностью к Б. применена отсрочка отбывания наказания до достижения младшим ребенком четырнадцатилетнего возраста. Применяя к Б. отсрочку, суд не учел требования УК РФ, характер и обстоятельства преступления, предусмотренного п. «а» «г» ч. 2 ст. 242.1 УК РФ, совершенного виновной против половой неприкосновенности несовершеннолетних. Кроме того, основанием для изменения приговора относительно квалификации действий Б. в резолютивной части приговора послужило следующее. Верно указав в описательно-мотивировочной части приговора о совершении Б. приобретения, хранения в целях распространения и публичной демонстрации материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних, с использованием сети Интернет, то есть преступления, предусмотренного п. «г» ч. 2 ст. 242.1 УК РФ, в резолютивной части приговора суд признал ее виновной по п. «а» ч. 2 ст. 242.1 УК РФ, при том что квалифицирующий признак совершения преступления в отношении лица, не достигшего четырнадцатилетнего возраста, Б. не вменялся. Судебной коллегией приговор изменен, из описательно-мотивировочной и резолютивной частей приговора исключено указание на применение положений ст. 82 УК РФ об отсрочке отбывания наказания, Б. назначено наказание в соответствии со ст. 6, 60 УК РФ, внесено изменение в резолютивную часть относительно правильной квалификации содеянного осужденной по п. «г» ч. 2 ст. 242.1 УК РФ³.

Важным аспектом предупредительного характера отсрочки выступает правопослушное поведение осужденных после совершения преступления, что выступает положительным фактором, в первую очередь, в отношении малолетних детей, самих осужденных и общества в целом. Применение отсрочки возможно в отношении лиц, которые заботятся о своих детях, занимаются их воспитанием и не нарушают условий отсрочки, исправление которых возможно без изоляции от общества, когда предоставленная отсрочка используется в интересах ребенка. К лицам, ведущим противоправный образ жизни, не занимающимся воспитанием ребенка, находящегося на их иждивении, отсрочка не применяется. Так, например, Г. признана виновной в совершении мошенничества, то есть хищении чужого имущества путем обмана или злоупотребления доверием, с причинением значительного ущерба гражданину (ч. 2 ст. 159 УК РФ). В кассационной жалобе осужденная Г. указала, что полностью признала вину в совершенном преступлении, раскаялась в содеянном и возместила причиненный потерпевшей ущерб, имеет малолетнего ребенка, в связи с чем просила изменить приговор суда и применить отсрочку отбывания наказания, предусмотренную ст. 82 УК РФ. Оснований для применения положений ч. 1 ст. 82 УК РФ, то есть отсрочки отбывания наказания осужденной Г. до достижения ребенком четырнадцатилетнего возраста, судебная коллегия не усмотрела, поскольку из материалов дела следовало, что до совершения преступления она два раза привлекалась к административной ответственности за неисполнение обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних⁴. Другой пример. Приговором суда Б. признана виновной в том, что она совершила 11.01.2011 покушение на незаконный сбыт наркотического средства – смеси, содержащей героин (диацетилморфин),

³ Дело № 22-924 Сыктывкарского городского суда. Обзор апелляционной практики по уголовным делам за май 2014 г. (подготовлен Верховным судом Республики Коми) // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Кассационное определение Ленинградского областного суда от 26.04.2012 № 22-922/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

массой 0,207 гр., пытаясь передать данное наркотическое средство, спрятанное в батон, задержанному и содержащемуся в дежурной части А., однако не смогла довести свой умысел до конца в связи с изъятием наркотического средства в помещении дежурной части. В кассационной жалобе осужденная просила приговор суда изменить и применить отсрочку отбывания наказания. В обоснование своих требований она указывала, что имеет несовершеннолетнего ребенка – дочь 2001 г. рождения, собственное жилье и средства для обеспечения ребенка. Проверив материалы уголовного дела и доводы кассационной жалобы, судебная коллегия пришла к выводу, что приговор суда является законным и обоснованным. Доводы осужденной о применении на основании ст. 82 УК РФ отсрочки исполнения приговора до достижения ребенком 14-летнего возраста удовлетворению не подлежат. Из материалов уголовного дела следовало, что дочь осужденной проживала и проживает с бабушкой, в то время как осужденная жила по другому адресу, не работала и не имела официального источника дохода для содержания себя и своей дочери. Также Судебная коллегия учла, что Б. совершила тяжкое преступление в период условного осуждения⁵. Таким образом, оснований для применения ст. 82 УК РФ Судебная коллегия не усмотрела.

В отношении осужденных, отказавшихся от ребенка или продолжающих уклоняться от обязанностей по воспитанию ребенка после предупреждения уголовно-исполнительной инспекции, суд имеет право по представлению уголовно-исполнительной инспекции отменить отсрочку отбывания наказания и направить их для отбывания наказания в место, назначенное в соответствии с приговором суда. В соответствии с ч. 3 ст. 178 УИК РФ осужденный считается уклоняющимся от воспитания ребенка, если он, официально не отказавшись от ребенка, оставил его в родильном доме или передал в детский дом, либо ведет антиобщественный образ жизни и не занимается воспитанием ребенка и уходом за ним, либо оставил ребенка родственникам или иным лицам, либо скрылся, или совершает иные действия, свидетельствующие об уклонении от воспитания ребенка.

По достижении ребенком четырнадцатилетнего возраста или в случае смерти ребенка уголовно-исполнительная инспекция по месту жительства осужденного с учетом характера и степени общественной опасности совершенного преступления, поведения осужденного, его отношения к воспитанию ребенка, отбытого и неотбытого сроков наказания направляет в суд представление об освобождении осужденного от отбывания наказания или оставшейся части наказания либо о замене оставшейся неотбытой части наказания более мягким видом наказания (ч. 4 ст. 178 УИК РФ). Следовательно, суд может освободить осужденного от отбывания наказания или оставшейся части наказания со снятием судимости либо заменить оставшуюся часть наказания более мягким видом наказания. Если до достижения ребенком четырнадцатилетнего возраста истек срок, равный сроку наказания, отбывание которого было отсрочено, и орган, осуществляющий контроль за поведением осужденного, в отношении которого отбывание наказания отсрочено, пришел к выводу о соблюдении осужденным условий отсрочки и его исправлении, суд по представлению этого органа может принять решение о сокращении срока отсрочки отбывания наказания и об освобождении осужденного от отбывания наказания или оставшейся части наказания со снятием судимости. Если в период отсрочки отбывания наказания осужденный совершает новое преступление, суд назначает ему наказание по правилам, предусмотренным ст. 70 УК РФ.

На основании изложенного можно констатировать, что отсрочка отбывания наказания имеет в своем содержании общее и частное предупреждение, что реализуется как в отно-

⁵ Кассационное определение Санкт-Петербургского городского суда от 25.08. 2011 № 22-5194. Дело № 1-308/2011 // СПС «КонсультантПлюс».

шении осужденных, которым предоставлена отсрочка отбывания наказания, так и в отношении общества в целом. Предупредительный характер отсрочки отражается и в условиях ее возможной отмены в отношении лиц, не участвующих в воспитании своих малолетних детей и уклоняющихся от их воспитания.

Список литературы

1. *Величко А.Н., Шатилович С.Н.* Место деятельности суда по предупреждению преступлений в системе предупреждения преступлений // Научный вестник Омской академии МВД России. 2005. № 2 (22). С. 39.
2. Дело № 22-924 Сыктывкарского городского суда. Обзор апелляционной практики по уголовным делам за май 2014 г. (подготовлен Верховным судом Республики Коми) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Кассационное определение Ленинградского областного суда от 26.04.2012 № 22-922/2012 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Кассационное определение Санкт-Петербургского городского суда от 25.08.2011 № 22-5194. Дело № 1-308/2011 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Криминология: Учебник для вузов / Под общ. ред. А.И. Долговой. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2007. С. 435.

Reference list

1. Criminology: Textbook for higher education institutions / Under the general editorship of A. Dolgova. 3rd edition, Revised and enlarged edition. M., 2007. P. 435.
2. The Case № 22-924 in Syktyvkar city court. The overview of appellate practice on criminal cases for May of 2014 (prepared by the Supreme court of the Republic of Komi) // Legal Reference System "ConsultantPlus".
3. The cassation ruling of Saint Petersburg city court of 25.08.2011 № 22-5194. Case № 1-308/2011 // Legal Reference System "ConsultantPlus".
4. The cassation ruling of the Leningrad regional court of 26.04.2012 № 22-922/2012 // Legal Reference System "ConsultantPlus".
5. *Velichko A., Shatilovich S.* The place of court activity for the crime prevention in the system of crime prevention // Scientific bulletin of Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2005. № 2 (22). P. 39.

УДК 330

Шкодинский С.В.,

доктор экономических наук, профессор, начальник отдела Государственного НИИ
системного анализа Счетной Палаты РФ

Болотов Ю.Ю.,

аспирант Государственного НИИ системного анализа Счетной Палаты РФ

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ТЕОРИЙ КУМУЛЯТИВНОГО РОСТА

В статье рассмотрены вопросы развития теорий кумулятивного роста. Представлены взгляды на теорию полюсов роста таких ученых, как Ж.-Р. Будвиль, Ф. Перру, Дж. Фридман, Т. Хагерстранд, Г. Шотье. Изучен их вклад в развитие упомянутой теории на общегосударственном и региональном уровне. Раскрыта область практического применения положений теории полюсов роста и обоснована возможность успешного формирования и развития «полюсов роста» в российской экономике.

Ключевые слова: теория, экономика, эффективность, кумулятивный рост, полюс роста, развитие, регион

Shkodinskiy S.,

Doctor of Economics, Professor, Head of Department of the State Research Institute of System Analysis
of the Account Chamber of the Russian Federation

Bolotov Yu.,

Postgraduate student of the State Research Institute of System Analysis of the Account Chamber
of the Russian Federation

THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF THEORIES OF CUMULATIVE GROWTH

The article is examined the issues of the development of theories of cumulative growth. The views on the theory of growth poles of such scholars as J.R. Boudevillie, F. Perroux, J. Friedman, T. Hagerstrand, G. Shote are presented in this work. Their contribution to the development of the mentioned theory on national and regional levels is studied. The article is discovered the area of practical application of provisions of the theory of growth poles and it is substantiated the possibility of successful formation and development of "growth poles" in the Russian economy.

Keywords: theory, economy, efficiency, cumulative growth, growth pole, development, region

Происходящие в последние годы в мировой экономике процессы серьезно повлияли на общее социально-экономическое развитие современной России. Не секрет, что после восстановления объемов производства и преодоления последствий мирового кризиса 2008 г., в 2013–2014 гг. российская экономика характеризуется нежелательным снижением темпов экономического роста. По мнению многих экспертов, такая динамика объясняется значительным падением мировых цен на энергоносители и общемировой политической нестабильностью. Первопричинами стагнации в экономике РФ могут быть слабости в качестве системных институтов, следствием чего становится невозможным существенно улучшить предпринимательский климат, заинтересовать инвесторов.

«Чтобы двигаться дальше, России необходимо серьезное обновление большинства сложившихся институтов и процедур», – считает премьер-министр РФ Д.А. Медведев [2]. «В связи с существующими бюджетными ограничениями необходимо делать упор по основным направлениям», – добавил глава правительства [2].

Действительно, в основе предлагаемых действий лежит одна из существующих в экономической науке концепций антикризисного управления – «теория кумулятивного роста». Базовое положение теории состоит в формировании полюсов (центров) роста путем сосредоточения экономических ресурсов в определенной территориальной точке региона. Результатом такого новообразования становится распространение импульсов развития на окружающую территорию, активизация региональных периферий, рост агломерационного эффекта в хозяйственной деятельности.

К числу основателей теории кумулятивного роста принадлежат известные ученые-экономисты: Г. Мюрдаль, Ф. Перру, Ж.-Р. Будвиль, Х.Р. Ласуэн, Х. Ричадсон, Дж. Фридман, Х. Гирш, Т. Хагерstrand и др. Ими были разработаны ряд моделей, в частности, модель «полюсов роста» (Ф. Перру, Ж.-Р. Будвиль, Х.Р. Ласуэн), модель роста городских агломераций (Х. Ричадсон), теория «центр-периферия» (Дж. Фридман), модель «вулкана» (Х. Гирш), модель «волн нововведений» (Т. Хагерstrand). С целью поиска оптимального варианта развития отечественной экономики следует более детально рассмотреть особенности каждой из моделей, их эффективность и применимость в практике регионального развития.

Если проанализировать идеи Г. Мюрдаля о кумулятивном росте, то становится понятно, что именно ему принадлежит авторство базовой концепции. Используя примеры отдельных стран, он попытался показать, как с помощью эффекта масштаба и специализации может вырасти, пусть даже и незначительно, преимущество территории, а со временем и приумножено. Рассматривая действие этого фактора на регионы можно сделать вывод, что определенные местности, которые можно назвать «центрами или полюсами роста», имеют преимущества, обусловленные особенностями их развития и темпами роста, в то время как на других территориях может наблюдаться слабое экономическое развитие. Формальный вид такая концепция находит свое отражение в трудах английского экономиста Н. Калдора [6. С. 25].

Еще в начале пятидесятых годов прошлого века была выдвинута концепция «полюсов роста», автором которой стал французский экономист Франсуа Перру (1903–1987). Он развивает идею о том, что экономический рост страны в региональном аспекте происходит неравномерно [6. С. 26]. Территории, которые развиваются более быстрыми темпами, можно назвать условно «полюсами роста», другие же территории развиваются более слабо или находятся в стадии стагнации. Присутствует эффект неравномерного развития, который может быть характерен для всех отраслей экономики.

Рассматривая в качестве примера реальную экономику, французский экономист Ф. Перру под «полюсами» или «точками роста» понимал «компактно размещенные и динамично развивающиеся отрасли промышленности, которые порождают цепную реакцию возникновения и роста промышленных центров» [5. С. 35]. С точки зрения экономической науки «точки роста» по Ф. Перру можно определить как «объект, обладающий способностью вызвать рост другого объекта» [5. С. 37].

Можно сделать вывод, что «полюса роста» необходимо создавать для активизации экономической деятельности в стране, вернее в ее отдельных, проблемных (чаще всего – периферийных) регионах. В таких «полюсах роста» необходимо концентрировать инвестиционные ресурсы, запускать новые инвестиционные проекты, стимулировать экономическую и предпринимательскую активность.

Отметим, что в качестве фундамента своей теории Ф. Перру использовал исследования Й. Шумпетера о роли инноваций и крупных фирм в развитии экономики. Основной идеей данной теории являются инновации предпринимателей, которые становятся движущей силой экономического прогресса. Следуя логике Шумпетера, динамичные фирмы, ведущие отрасли, которые он называет «продвижные объекты» являются самыми важными функциональными элементами «полюсов роста», поскольку они и вызывают генерацию и последующее распространение импульсов развития [1. С. 102]. Ф. Перру при этом пояснял, что наиболее перспективные предприятия будут «доминировать» над другими – более отсталыми, предопределяя установку, что экономический рост не идет повсеместно, а имеет очаговый характер [4. С. 37]. Согласно «эффекту доминирования» выделяются три структурных компонента полюса роста: ведущая отрасль, группа отраслей местного значения, пространственная агломерация производства.

Сторонники теории утверждают, что в качестве полюсов роста можно рассматривать не только совокупности предприятий лидирующих отраслей, но и конкретные территории (населенные пункты), выполняющие в экономике страны или региона функцию источника инноваций и прогресса. В соответствии с идеями экономиста Ж. Будвилья, «...региональный полюс роста представляет собой набор развивающихся и расширяющихся отраслей, размещенных в урбанизированной зоне и способных вызывать дальнейшее развитие экономической деятельности во всей зоне своего влияния» [3]. Он подчеркивает: «Лучше всего обрисовать полюса роста как географические агломерации активности... Полюса роста представляют собой города, располагающие комплексом пропульсивных отраслей» [3].

В результате исследований сущности рассматриваемых экономических явлений, Ж. Будвилья вводит новое понятие «региональный полюс роста – набор развивающихся и расширяющихся отраслей, размещенных в урбанизированной зоне и способных вызывать дальнейшее развитие экономической деятельности во всей зоне своего влияния» [8]. С позиции региональной экономики, полюс роста становится географической агломерацией экономической активности, располагающей комплексом быстро развивающихся производств. Особенность данной теории состоит в том, что не каждый региональный центр является полюсом роста, а только тот, в котором сложились отрасли, способные дать толчок к развитию всей региональной экономической системы.

В качестве результата своих исследований теории «полюсов роста» Ж.-Р. Будвилья предложил их иерархию:

- мелкие и «классические» города, специализированные на отраслях третичного сектора;
- «промышленные города среднего размера» – города с диверсифицированной структурой хозяйства, развивающегося за счет внешних вливаний;
- «крупные городские агломерации» – включают «пропульсивные» (передовые) отрасли, обеспечивающие автономность развития;
- «полюса интеграции» – охватывают несколько городских систем и определяют эволюцию пространственных структур.

В современной экономической науке выделяют два термина: полюс (точка) роста и центр роста. Под полюсом роста понимается набор отраслей, а под центром роста – географическая интерпретация полюса, то есть конкретная территория, населенный пункт. Этими терминами определяется граница функциональной и географической части исследуемого процесса.

При изучении теорий формирования «полюсов роста» следует отметить ключевые положения испанского ученого Х. Ласуэна. Он считает:

1) в первую очередь региональный узел предприятий, который напрямую связан с экспортными отраслями всего региона; расположен такой полюс роста может быть в нескольких географических концентрациях всего региона;

2) развитие полюса роста осуществляется за счет общенациональных импульсов потребительского спроса, которые обязательно передаются через экспортный сектор экономики региона и распределяются между полюсами в процессе конкуренции;

3) импульс роста обязательно передается от центра к периферийным отраслям региона. По существу осуществляется это через рыночные связи, а не через связи по поставкам и потреблению между отдельными предприятиями. Если рассматривать передачу импульса роста географически, то передается он с учетом факторов размещения.

Концепция полюсов роста стала толчком для развития теории П. Потье об осях развития. В своей работе автор обращал внимание на то, что территории, которые расположены между полюсами роста, обеспечивают транспортную связь или зависимость и автоматически получают дополнительный импульс роста, так как увеличивается грузопоток, на территорию распространяются инновации, осуществляется развитие инфраструктуры. Такие территории постепенно превращаются в «оси (коридоры) развития», в пространственный каркас, от которого и зависит экономическое процветание всей страны и отдельно взятого региона.

Теория Х. Ричардсона о «городской агломерации» в качестве основного фактора роста определяет скопление производственной деятельности в городах, являющихся крупными промышленными центрами, своеобразными «полюсами роста». По мнению автора, именно региональная агломерационная экономика играет ключевую роль, стимулируя технический прогресс и рост производительности труда.

Отличительной чертой модели Ричардсона можно считать локализационную составляющую. Необходимость ее введения в модель объясняется отсутствием мобильности природных ресурсов, наличием крупных городов и неоднородностью географической среды. Следствием этих факторов явился «эффект агломерации», а именно транспортные издержки консервируют локализацию ресурсов в определенных центрах, при этом личные предпочтения инвесторов выступают ключевыми элементами регионального роста [5. С. 42]. В своих научных исследованиях Ричардсон особое внимание уделяет влиянию социально-политических процессов, технического прогресса на изменение составляющих предлагаемой модели.

В 1966 г. в своей книге «Политика регионального развития: опыт Венесуэлы» Дж. Фридман предлагает изучить модель «Центр-Периферия». Ядром модели считается «Центр», доминирующий над «Периферией» за счет агломерационного эффекта. Ближайшая периферия находится под влиянием и постепенно перенимает новации. Удаленная периферия консервативна и самостоятельна. Фридман выделяет четыре типа регионов:

- регион-ядро – район концентрации передового производства с лучшим инновационным потенциалом;
- регион растущих ядер – соседи ядер, быстроразвивающиеся благодаря индустриализации, развития инфраструктуры;
- регион нового освоения – район, в котором развивается сельское хозяйство, лесозаготовка, добыча природных ископаемых;
- депрессивный регион – район со старой системой расселения, стагнацией всех отраслей хозяйствования, обострение социально-экономических проблем, активная миграция в развитые регионы.

Для моделирования развития периферийных территорий в экономической науке используется схема «диффузии нововведений», предложенная Т. Хэгерстрандом. Сущность данной теории состоит в определении стадийности «волн нововведений». Автор выделяет следующие стадии:

- первоначальная стадия, характеризуется началом диффузионного процесса и резким контрастом между центрами, источниками распространения нововведений и периферийными территориями;
- стадия подлинной диффузии – начало действия мощных центробежных сил;
- стадия конденсации, при которой происходит одинаковое расширение во всех местах;
- стадия насыщения, характеризуется медленным подъемом до максимума, при существующих условиях.

Впервые концепция «полюсов (точек) роста» начала использоваться в странах объединенной Европы. Постепенно были разработаны подобные стратегии во многих регионах мира. Успешно они работают в Австралии и Ирландии, Швеции и Хорватии, Дании и Финляндии, Испании и Бельгии, Италии, в Нидерландах и Словении. Начали использовать концепцию полюсов роста и в Бразилии. С 1995 г. в Германии существуют кластеры в сфере транспорта и авиастроения, в энергетике, а также в других областях народного хозяйства, которые напрямую связаны с развитием новых технологий.

В Испании последние несколько лет некоторые провинции начинают активно развиваться благодаря реализации на их территории технологического и научного потенциала на основе концепции полюсного развития. Так, Каталония – отсталый некогда регион Испании – сегодня считается одним из самых развитых и даже мировым лидером в сфере телекоммуникаций и микроэлектроники.

В Дании с конца 80-х годов прошлого века некоторые предприятия малого и среднего бизнеса начали объединяться в так называемые «сети». На сегодняшний день по отношению к ним проводится целенаправленная политика государственной поддержки, как на национальном, так и на интернациональном уровне.

Взяв за образец экономические процессы, которые происходят в Италии, французское правительство начало объединение территорий в технологические округа. Такая полюсная стратегия во Франции включена в государственную политику, основным принципом которой является формирование «полюсов конкурентоспособности». Ключевая роль при этом отводится научным разработкам в промышленности, новым образовательным программам, которые стали внедряться на конкретных территориях.

В современной российской практике пространственного экономического развития идеи полюсов роста реализуются путем создания особых экономических зон, технополисов, инновационных центров, кластеров, бизнес-инкубаторов. Однако эти процессы носят разовый характер и в настоящее время не получили широкого развития на региональном уровне.

Учитывая общемировую практику развития точек экономического роста, отечественные и зарубежные эксперты сошлись во мнении, что современная концепция должна учитывать:

- особенности географического и природного расположения территории или региона;
- необходимость выделения более перспективных и наименее затратных отраслей народного хозяйства для конкретной территории;
- выбор конкретных предприятий, которые будут базовыми для отраслей региона, которые отличаются стабильностью и устойчивостью развития;
- программы, которые реализуются на территории, являются определяющими для долгосрочного развития.

Рассматривая нашу проблему с позиции региональной экономики, стоит заметить, что, принимая решение о создании «полюсов экономического роста» необходимо учитывать базовые условия для развития региона. К ним можно отнести:

- особенности производственного потенциала региона;
- инвестиционную привлекательность региона, сформированный бизнес-климат;
- уровень развития транспорта, логистики, инфраструктуры территории;
- наличие минерально-сырьевой базы, трудовых и информационных ресурсов;
- наличие научно-исследовательских институтов, высших учебных заведений, квалифицированных кадров;
- участие региона в международной кооперации;
- уровень урбанизации территории;
- перспективный спрос на продукцию приоритетных отраслей народного хозяйства на внутреннем и на внешнем рынке.

Отметим, что принципиальным для развития и становления точек роста может стать вопрос, определяющий взаимоотношения бизнес-сообщества и государственных институтов. При этом важно учесть, что:

- существуют успешно функционирующие предприятия на территории региона, которые способны к самостоятельному развитию и являются самодостаточными в финансовом отношении;
- существуют предприятия, которые имеют экономический потенциал развития, однако могут реализовать его только при условии государственной поддержки.

Ряд ученых и специалистов считают рынок самодостаточным компонентом, определяющим экономическую эффективность региона и страны в целом. Их оппоненты не отрицают важнейшей роли рыночных стимулов, в то же время настаивают на созидательной роли «внешних» компонентов для экономической системы региона – государственные институты и (или) компании-доноры, осуществляющие поддержку перспективных точек роста, даже с учетом введения на территории особого статуса экономического порядка. В современной науке данная позиция получила статус «ордолиберальной» («ордо» – порядок). В отличие от кейнсианцев, ордолибералы в качестве объекта вмешательства государства считают не сам процесс воспроизводства, а институциональные основы механизма прибыли и конкуренции [7. С. 40]. По их мнению, внешняя государственная активность должна быть направлена только на обеспечение свободной конкуренции. Остальные полномочия должны регулировать рынок.

Исходя из представленных положений, автор предлагает рассматривать под «полюсом (точкой) экономического роста» с одной стороны динамичный центр развития постиндустриальной экономики, в котором ведущая роль принадлежит высокотехнологичному производству. С другой стороны, территориально-производственные объединения с регулируемой отраслевой структурой и стимулируемые государством. Регулирующая функция государственной политики должна быть направлена на обеспечение согласованного развития полюсов роста в интересах достижения максимальных темпов экономического развития, ликвидации дифференциации между отраслями и регионами в целях удовлетворения интересов различных социально-экономических групп.

Обобщая результаты нашего анализа, можно сделать вывод, что, во-первых, с научной точки зрения в теории полюсов и центров роста сделан значительный шаг к созданию комплексного и специфического направления в региональной экономике. Главным достоинством данной теории является попытка решить проблему соотношений между эффектив-

ностью и выравниванием, между общенациональными целями и целями собственно регионального развития. Теория эта максимально практична, близка к действительности, сочетает динамический и пространственный подходы.

Во-вторых, с практической стороны, современная российская экономика остро нуждается в инструментах и механизмах создания и развития региональных «точек роста». На наш взгляд, для этого необходимо разработать комплекс системных мер в данной области с учетом положительного зарубежного опыта и особенностей протекания экономических процессов в России, выделить проблемные территориальные зоны и определить вектор развития каждой из них.

Список литературы

1. *Высоцкий В.Н.* О зарубежных концепциях поляризованного развития / В.Н. Высоцкий, А.Я. Якобсон // Изв. СО АН СССР. Сер. общ. наук. – 1976. – №6. – Вып. 2. – С. 100–106.
2. Ключи к качеству. Дмитрий Медведев обозначил точки роста для экономики // Российская газета. – № 6279. – 16.01.2014.
3. *Кудинов А.* Полюсы роста. Информационно-политический портал. Электронный ресурс: // <http://www.doc22.ru/information/analysis/462-2009-06-02-02-19-20>.
4. *Павлов К.В.* Теория экономического ядра / К.В. Павлов, М.И. Шишкин. – Ижевск: Удмуртия, 1996. – 88 с.
5. *Павлов Ю.М.* Региональные исследования за рубежом / Ю.М. Павлов. – М.: Наука, 1973. – 303 с.
6. *Шкодинский С.В., Черных Ю.В.* Эволюция теорий экономического роста и развития // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Экономика». – 2015. – № 1. – С. 24–29.
7. *Эльканов Р.Х.* Полюса развития и точки роста инновационной экономики: российский и зарубежный опыт // Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. Серия «Экономика и право». – 2012. – № 2. – С. 39–43.
8. *Эргашев Б., Хашимов А., Давыдова З.* Полюса роста: какими им быть? Экономическое обозрение. Электронный ресурс: <http://www.review.uz/ru/article/175>.

Reference list

1. *El'kanov R.* The poles of development and growth points of the innovation economy: The Russian and foreign experience // Modern science: Actual issues of theory and practice. Series "Economics and law". – 2012. – № 2. – P. 39–43.
2. *Ergashev B., Khashimov A., Davydova Z.* The growth poles: What they should be? Economic review. Electronic resource: <http://www.review.uz/ru/article/175>.
3. Key to quality. Dmitry Medvedev made the growth points of the economy // Rossiyskaya Gazeta. – № 6279. – 16.01.2014.
4. *Kudinov A.* The growth poles. Information-political portal. Electronic resource: // <http://www.doc22.ru/information/analysis/462-2009-06-02-02-19-20>.
5. *Pavlov K.* The theory of the economic core / K. Pavlov, M. Shishkin. – Izhevsk: Udmurtiya, 1996. – P. 88.
6. *Pavlov Yu.* The regional research in foreign countries / Yu. Pavlov. – M.: Nauka, 1973. – P. 303.

7. *Shkodinskiy S., Chernykh Yu.* The evolution of theories of economic growth and development // Bulletin of Moscow State Regional University. Series "Economics". – 2015. – № 1. – P. 24–29.
8. *Vysotskiy V.* About the foreign conceptions of polarized development / V. Vysotskiy, A. Jacobson // Izvestiya of Academy of Sciences of the USSR. Series "Social sciences". – 1976. – № 6. – Number 2. – P. 100–106.

УДК 330.1

Данилина Е.И.,

доктор экономических наук, профессор Московского института государственного управления
и права

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ УПРАВЛЕНИЯ СОСТАВЛЯЮЩИМИ КАТЕГОРИИ «КАПИТАЛ»

В статье показаны основные понятия и тенденции развития категории «капитал» с точки зрения отечественных и зарубежных исследователей. Дана характеристика экономических категорий и экономических законов и их особенностей в современных условиях. Доказана необходимость выделения глобальной и национальной составляющих в понятии «капитал».

Ключевые слова: экономические категории, экономические законы, кризис, стоимость

Danilina E.,

Doctor of Economics, Professor of the Moscow Institute of Public Administration and Law

THE MAIN TRENDS IN THE MANAGEMENT COMPONENTS OF THE "CAPITAL" CATEGORY

The article is shown the main conceptions and trends in the development of the "Capital" category from the point of view of domestic and foreign researches. The characteristic of the economic categories and economic laws as well as their special aspects in current conditions is given. The necessary for the provision of global and national components in the "Capital" conception is proved in the article.

Keywords: economic categories, economic laws, crisis, value

Переход от индустриального общества к постиндустриальному и на инновационный путь развития, а также радикальное обновление отношений собственности и значительное расширение прав хозяйствующих субъектов предполагает существенное изменение системы производственных отношений и сущности отдельных экономических категорий, а также системы хозяйственного механизма, непосредственно влияющей на выполнение поставленных народнохозяйственных задач.

При этом под экономическими категориями понимаются ступени выделения и познания экономической действительности, узловые пункты сети, общие фундаментальные понятия, отражающие наиболее существенные и закономерные связи и отношения этой действительности, воспроизводящие их во всеобщей и наиболее концентрированной форме. Поэтому развитие этих категорий и законов может осуществляться в двух формах. Во-первых, движение в этой сфере есть соотнесение сущности с собой самой, бесконечное углубление от явления к сущности, от сущности первого, так сказать, порядка к сущности второго порядка и так далее без конца. В процессе этого движения, которое является процессом ее определения, сущность не переходит в другую, а соотносится сама с собой, как менее глубокая с более глубокой¹. Становление новой формы производства позволяет

¹ Смирнов И.К. Метод исследования экономического закона движения капитализма в «Капитале» К. Маркса. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. – 152 с. – С. 30.

уточнить и углубить определение законов развития общественно-экономической формации.

Во-вторых, речь идет о развитии и обогащении содержания законов по мере развития бытия. Экономические категории – объективно мыслительные формы для производственных отношений данного исторически определенного общественного способа производства, они столь же вечны, как выражаемые ими отношения, и представляют собой исторический и преходящий продукт. Эти замечания К. Маркса² верны не только для периодов смены одного способа производства другим. Развитие в рамках перехода от индустриальной к постиндустриальной инновационной экономике также можно выразить только через развитие и превращение понятий. Это развитие приводит к изменению структуры капитала. Возрастает роль авансированных затрат (капиталовложения в производственные фонды, затраты на исследования и разработки, подготовку, переподготовку и повышение квалификации кадров, разведку, охрану и воспроизводство природных ресурсов) по сравнению с текущими, расходов на эксплуатацию продукции по сравнению с ее себестоимостью. В результате модифицируются формы стоимости. Цены все больше базируются не на средневзвешенной себестоимости изделий, а на сопоставлении совокупных затрат и объема удовлетворяемых общественных потребностей. При этом учитываются не только затраты на изготовление продукции, а все затраты капитала. Превращение кластеров в основное звено мезоэкономики позволяет обеспечить в их рамках сопоставление полных издержек и конечных результатов производства.

Капитал (фр., англ. – *capital*, лат. – *capitalis* – главный) определяется в экономической литературе как богатство, используемое для его собственного увеличения, самовозрастающая стоимость. Его материальным содержанием традиционно признавалось материальное имущество, ценные бумаги, денежные средства³.

Марксистская политическая экономия рассматривает капитал прежде всего не как вещь, а как производственное отношение, специфичное для капитализма, – общественного строя, основой которого является частная собственность на средства производства и противостояние двух классов – владельцев средств производства (буржуазия) и пролетариата (наемных рабочих и служащих). В соответствии с этим капитал определяется как стоимость, которая посредством эксплуатации наемной рабочей силы приносит прибавочную стоимость.

Основой воспроизводства капитала является капитализация, т.е. превращение прибыли (по марксистской методологии – прибавочной стоимости) в дополнительный капитал.

При этом следует различать глобальный капитал, функционирующий на мировом финансовом рынке в форме конвертируемых валют, первичных (выпущенных под реальные активы и секьюритизирующих их стоимость) и производных ценных бумаг (деривативов), секьюритизирующих другие ценные бумаги, и производственный капитал – комплекс активов, используемый производственными организациями (фирмами) для реализации своих стратегических и тактических целей по производству товаров и услуг.

Главной особенностью глобального капитала как воспроизводящегося мирового богатства является то, что в его основе лежит система мировой валюты, механизм ее генерации и обращения. Такой валютой в последние десятилетия стал доллар США. Однако существующая де-факто мировая валюта в отсутствие Закона, ратифицированного большинством парламентов мира, не является легитимной мировой валютой. Народы мира не участвуют в деятельности ФРС США как эмитента долларов, механизм баланса спроса и предложения

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения Т. 23, С. 86; Т. 4, с. 133.

³ Словарь иностранных слов. – СПб., 2004, С. 274.

фактической мировой валюты не является конкурентным и свободным, ее эмиссия не контролируется основными субъектами-пользователями, ФРС США перед ними не отчитывается и не несет ответственности. В результате само существование эффективного глобального капитала, стабильность мирового социально-экономического развития в результате системного кризиса, начавшегося в 2007–2008 гг., оказалась под угрозой.

Как было отмечено на саммите глав 20 ведущих государств мира (апрель 2009 г.)⁴, радикально новый мировой капитал должен базироваться на новой, легитимной мировой валюте или системе региональных валют и общих правилах макроэкономического и финансового регулирования. Региональные интеграционные объединения должны стать, как уже сделало ЕС, региональными зонами глобального капитала со своими эмиссионными центрами межгосударственных наднациональных расчетно-валютных единиц. Проектируется создание таких единиц в АСЕАН (ACU – Asian Currency Unit), в арабских странах Персидского залива (динар или джуман), в Латинской Америке (Sucre – Sistema Unitario de Compensacion Regional), в ЕвразЭс и СНГ. Формирование всемирной сети регионально-континентальных центров эмиссии и формирования капитала открывает путь к единой мировой валюте, развивающей идею специальных прав заимствования МВФ.

Глобальный финансово-экономический кризис сделал необходимым создание системы функционирования глобального капитала, заменяющей нынешнюю систему монопольного господства США. Хронический дефицит их бюджета, торгового и платежного баланса, избыточная эмиссия долговых обязательств послужили причиной кризиса (*portfolio shock*)⁵. Как показали последние исследования⁶, классическая и неоклассическая монетарная, а также неокейнсианская теория, модели Ландор-Робинсона, Калески и другие модели сбережения инвестиций не объясняют достаточно адекватно механизм функционирования глобального капитала и причины нынешнего кризиса.

Вторая главная сущностная черта современного капитала – расширение его содержания. Марксистская концепция, включавшая в капитал средства производства, соответствовала условиям индустриальной экономики. Она определяла философские и политические основы марксизма⁷. Наука, образование, культура рассматривались как общественные производительные силы, не включаемые в капитал. Главной особенностью постиндустриальной, информационной, инновационной экономики является формирование таких категорий, как социальный (человеческий) и инновационный (венчурный) капитал. Они играют определяющую роль в самовозрастании стоимости, приросте ВВП. В последних монографиях по структуре капитала показано, что этот нематериальный капитал определяет конкурентоспособность фирм. В связи с этим изменяется структура собственности и критерии оптимизации капитала⁸. Венчурный капитал и новые методы управления рисками создают новые модели поведения и управления высокотехнологичным производством⁹.

Интеграция различных ресурсов и общественных производительных сил, нерыночных по своей природе и не имеющих однозначной стоимостной оценки в связи с невозможностью (природные ресурсы) или общественным характером (наука и т.д.), требует формализации прав собственности. В ряде монографий развиваются идеи Э. де Сото о необ-

⁴ Назарбаев Н. Ключи от кризиса // Российская газета. Центральный выпуск. – № 4839 от 02.02.2009.

⁵ Gros D., Mayer T., Ubide A. A world out of balance?: Special report of the macroeconomic Policy Group. – Brussels, Centre for European Policy Studies, 2006. – 87 p.

⁶ Hein E. Money, distribution conflict and capital accumulation: contributions to monetary analysis. – N.Y., 2008. – 214 p.

⁷ Pridet J. Exploring Marx Capital: Philosophical, economic and political dimensions. Leiden, 2007. – 327 p.

⁸ Ghosh A. Capital structure and firm performance. – New Brunswick, 2008. – 131 p.

⁹ Reid G., Smith S. Risk appraisal and venture capital in high technology new ventures. – L., 2008. – 220 p.

ходимости превращения «мертвого капитала» (термин А. Смита), который не прошел учет, регистрацию и оценку на базе действующих законов и потому не признается банком в качестве залога для кредитования, в «живой капитал». Главным условием этого превращения является признание и закрепление прав собственности.

В России 70% землепользователей не обладают надежными правами собственности. Под эти участки нельзя взять кредит, включить их в качестве вклада в капитал, получить адекватную компенсацию при национализации и т.д. Решение этой проблемы в Японии, Тайване, Южной Корее позволило резко увеличить оборот капитала, создать надежную контрактную систему, стабильное налогообложение. В Германии и Франции единая система прав собственности на все виды ресурсов была создана после наполеоновских войн. В Швейцарии до 1908 г. действовало около 180 способов владения имуществом, и страна была беднейшей в Европе. В США до середины XX в. действовало до 800 таких способов.

В условиях, когда объекты интеллектуальной собственности не включаются в состав капитала, это оказывает отрицательное влияние на эффективность воспроизводства оборотного капитала, особенно в высокотехнологичных отраслях, в которых в основном создается интеллектуальный капитал. Однако он в настоящее время капиталом не признается, не оценивается в составе активов и не может служить залогом при получении кредита. Кроме того, в высокотехнологичных отраслях затраты на заработную плату занимают более высокий удельный вес в себестоимости продукции по сравнению с другими отраслями. Поскольку заработная плата входит в состав добавленной стоимости, то налог на ее величину в этих отраслях в наибольшей степени уменьшает источники для формирования собственного оборотного капитала. Кроме того, высокотехнологичные отрасли понесут наибольший ущерб в связи с увеличением с 2011 г. страховых платежей пропорционально фонду оплаты труда.

В ряде работ исследуются способы создания стоимости и формирования капитала с помощью оценки и защиты прав собственности на бренд и другие нематериальные активы¹⁰, формы международной отчетности, позволяющие оценить и защитить права собственности на все виды активов¹¹. Специальные исследования посвящены многофакторному моделированию риска, связанного с расширением состава оборотного капитала за счет различных финансовых потоков и кредитных отношений. Теория принятия решений в области управления оборотными активами стала важным разделом финансовой науки¹².

Можно привести пример о рыбном комплексе. В условиях кризиса рыбопромышленные компании не могут получить кредит на строительство и оснащение современных судов (их средняя цена – 150 тыс. долл.) из-за отсутствия соответствующего залога. Переход с 2009 г. с ежегодного на 10-летний срок выдачи квот на добычу биоресурсов позволяет выпустить под эти квоты ценные бумаги, выступающие в качестве надежного залога. Таким образом, секьюритизация превращает мертвый капитал в живой. Такой же эффект даст выпуск ценных бумаг под зарегистрированную и оцененную интеллектуальную собственность, природные ресурсы, в том числе экологически чистые участки для отдыха, туризма, охоты, рыболовства и т.д.

В последние годы вышел ряд монографий по теории оценки, прогнозирования, легализации и защиты материальных и нематериальных активов, которые до сих пор не включались в состав капитала. Предложены методы оценки их балансовой (*book value*) и рыночной стоимости (*market value*) с учетом инфляции и различных рисков¹³.

¹⁰ Neal W. Value creation: the power of brand equity. – Mason, Ohio, 2008. – 353 p.

¹¹ Applying international financial reporting standards. K. Alfredson et al (eds.). – Milton, Australia, 2007. – 1235 p.

¹² Guerard S., Schwartz E. Quantitative corporate finance. – N.Y., 2007.

¹³ Long M., Bryant T. Valuing the closely held firm. – Oxford, 2007. – 267 p.

Термин «капитал» имеет неоднозначную трактовку в отечественной и зарубежной научной литературе. Согласно первому подходу капитал – имущество собственников предприятия, оцененное в балансе в виде акционерного капитала, эмиссионного дохода и нераспределенной прибыли. Величина капитала рассчитывается как разница между стоимостной оценкой актива фирмы и ее задолженностью перед третьими лицами (кредиторы, государство, собственные работники и др.). В зависимости от того, какие оценки используются в расчете – учетные или рыночные – величина капитала может быть исчислена по-разному.

Согласно второму подходу, под капиталом понимают материальные активы предприятия (основные средства, инвентарь и т.д.). В более широкой трактовке под капиталом понимают все долгосрочные источники средств. Здесь термин «капитал» используется по отношению как к источникам средств, так и к активам. Характеризуя источники, говорят о «пассивном капитале», подразделяя его на собственный и привлеченный (заемный), а характеризуя активы – об «активном капитале», подразделяя его на основной (долгосрочные активы, включая незавершенное строительство) и оборотный капитал¹⁴.

В более узкой трактовке капитал – сумма средств, принадлежащих лицу или группе лиц, выраженная в стоимости зданий, оборудования, земли (основной капитал), сырья, топлива, заработной платы работников (оборотный капитал). Капитал как совокупные ресурсы, используемые в бизнесе¹⁵, представляет его материально-вещественную трактовку.

Управление использованием оборотного капитала составляет наиболее обширную часть управления использованием производственного капитала. Это связано с большим количеством элементов активов, формируемых за счет оборотного капитала, требующих индивидуализации управления; высокой динамикой трансформации видов оборотного капитала, его высокой ролью в обеспечении платежеспособности, рентабельности и других целевых результатов финансовой деятельности предприятия.

В современной теории выделяются два подхода к понятию «оборотный капитал». Часть экономистов считает, что оборотный капитал характеризует сумму оборотных активов предприятия, уменьшенную на сумму его финансовых обязательств в форме совокупной кредиторской задолженности (часть оборотных активов, сформированных за счет кредиторской задолженности, уменьшает потребность в оборотном капитале предприятия). «Оборотный капитал определяется как часть производительного капитала, стоимость которого полностью переносится на произведенный товар и возвращается в денежную форму после его реализации, а также как превышение текущих активов над краткосрочными обязательствами, позволяющее компании финансировать свои постоянные операции (фонды), которые могут быть быстро трансформированы в деньги. Оборотный капитал формируется из денежных средств, легко реализуемых ценных бумаг, дебиторской задолженности, материально-производственных запасов, готовой продукции, незавершенного производства, комплектующих изделий и расходов будущих периодов»¹⁶. В оборотный капитал здесь не включена краткосрочная задолженность. Чистый оборотный капитал определяется как разница между текущими активами и текущими обязательствами.

В.В. Ковалев¹⁷ определяет оборотные средства и оборотный капитал как синонимы, как активы предприятия, возобновляемые с определенной регулярностью для обеспече-

¹⁴ Ковалев В.В. Введение в финансовый менеджмент. – М.: Финансы и статистика, 1999. – С. 517.

¹⁵ Рынок: Бизнес. Коммерция. Экономика: Толковый терминологический словарь / Сост. В.А. Калашников; Под общ. ред. Л.П. Дашкова. М.: Информационно-внедренческий центр «Маркетинг», 1998. – 404 с. – С. 47.

¹⁶ Большой экономический словарь / Под ред. А.Н. Азрилиян. – М., 1998. С. 76.

¹⁷ Ковалев В.В. Финансовый анализ: Управление капиталом. Выбор инвестиций. Анализ отчетности. – М.: Финансы и статистика, 1997. – 330 с.

ния текущей деятельности, вложения в которые как минимум однократно оборачиваются в течение года или одного производственного цикла. По его мнению, использование термина «капитал» для характеристики активов имеет серьезное обоснование, так как характеризует не предметно-вещественную природу оборотных активов, а величину денежных средств, вложенных в эти активы. Аналогичную позицию занимают и другие авторы¹⁸. Другие исследователи¹⁹ усматривают различие между ними в том, «...что под оборотным капиталом следует понимать стоимость, полностью включаемую в цену производимой продукции, а под оборотными средствами – всего лишь сумму средств, необходимую для нормальной организации производства». Данное утверждение нам представляется некорректным, поскольку в цену производимой продукции входит и стоимость основного капитала в виде амортизационных отчислений с той лишь разницей, что ее включение в затраты, а через них и в цену, происходит в течение нескольких производственных циклов.

На бухгалтерском языке оборотным капиталом обычно называют разность оборотных средств и краткосрочных обязательств. Однако это определение включает статьи, которые могут быть недоступны для нужд оборотного капитала (например, денежные средства или краткосрочные финансовые вложения, сохраняемые для срочной оплаты основных средств или других долгосрочных капиталовложений). Иногда оборотные средства сами по себе называются валовым оборотным капиталом, а разность между оборотными средствами и краткосрочными обязательствами – чистым оборотным капиталом. При этом в суммарном выражении объем оборотного капитала и оборотных активов предприятия совпадают, хотя выделяются обязательства корпорации, подлежащие уплате в течение одного года или одного операционного цикла (в зависимости от того, что продолжительнее). Недостаток этого определения в том, что оборотный капитал не отличается от чистого оборотного капитала. Так, Б.А. Райзберг и Л.Ш. Лозовский²⁰ определяют оборотный капитал как наиболее подвижную часть капитала предприятия, которая, в отличие от основного капитала, является более текущей и легко трансформируемой в денежные средства. Оборотный капитал отождествляется с оборотными фондами предприятия, а с точки зрения бухгалтерского баланса представляет собой превышение текущих активов компании над ее краткосрочными обязательствами. Это определение исходит из узкого, микроэкономического понимания природы предприятия.

Вторая часть экономистов считает, что оборотный капитал характеризует общую сумму капитала, авансированного во все виды оборотных активов предприятия. Это мобильные активы предприятия, которые являются денежными средствами или могут быть обращены в них в течение года или одного производственного цикла. При этом как синонимы рассматриваются оборотные средства, оборотный капитал и оборотные активы, собственные оборотные средства, чистые оборотные активы и чистый оборотный капитал²¹. По нашему мнению, отождествление оборотных средств с оборотным капиталом может быть правомерным, если в их состав будут включены, кроме оборотных фондов, также фонды обращения, перенесенная стоимость основного капитала, трудовых ресурсов и вновь созданная стоимость.

Традиционно оборотные средства трактуются как «совокупность денежных средств, авансируемых для создания оборотных производственных фондов и фондов обращения,

¹⁸ Мирошник Н.В., Гришина Е.А., Осипов А.В. Управление оборотным капиталом в переходной экономике. – Волгоград: Издательство ВолГУ, 2000. – 104 с.

¹⁹ Короткова В.В., Залевская Н.А. Анализ оборотного капитала в организациях потребительской кооперации: Монография. – М.: Кооперативное образование, 2005. – С. 14.

²⁰ Словарь современных экономических терминов: около 2500 экономических терминов / Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш. – М.: Айрис-пресс, 2008. – 480 с.

²¹ Ковалев В.В. Введение в финансовый менеджмент. – М.: Финансы и статистика, 1999. – 515 с.

обеспечивающих непрерывный кругооборот денежных средств»²². Данное определение встречается у многих других авторов и с некоторыми модификациями вошло в разные учебники. Некоторые исследователи данной экономической категории отождествляют оборотные средства с активами или с оборотными фондами. Так, А.С. Паламарчук²³ утверждает, что «Активы предприятия, которые в результате его хозяйственной деятельности полностью переносят свою стоимость на готовый продукт, принимают однократное участие в процессе производства, изменяя или теряя при этом натурально-вещественную форму, называются оборотными средствами». Аналогичную позицию занимают и другие экономисты, которые исключают из состава оборотных средств фонды обращения. Мнение о том, что оборотные средства переносят свою стоимость на создаваемую продукцию и, следовательно, расходуются, поддерживают также О.Е. Ефимова и С.В. Палкин²⁴, а также Л.А. Хаматова²⁵, А. Золотарев²⁶. В экономической литературе указанная точка зрения была подвергнута, как нам представляется, убедительной критике. В отличие от оборотных фондов, «оборотные средства не расходуются, не затрачиваются, а авансируются, возвращаясь после окончания одного кругооборота и вступая в следующий»²⁷.

Указанной точки зрения придерживаются и многие другие авторы, в том числе Н. Лисициан²⁸, О.А. Мищенко²⁹, М.И. Литвин³⁰, В.В. Короткова, Н.А. Залевская³¹. Если бы оборотные средства расходовались и потреблялись в течение одного производственного цикла, то их следовало бы возобновлять к началу каждого кругооборота средств. Свойством переносить свою стоимость обладают, наряду с основными, оборотные производственные фонды. Что же касается оборотных средств, то они должны постоянно сохраняться в обороте, изменяясь в объеме в соответствии с изменениями условий производства, тогда как их иммобилизация считается негативным моментом в деятельности предприятий. Таким образом, в данном случае имеет место смешивание двух родственных, но различных экономических категорий, а именно оборотных производственных фондов и оборотных средств.

В экономической литературе появились такие понятия, как «постоянный оборотный капитал» и «переменный оборотный капитал». Они встречаются у таких авторов, как Л.А. Хаматова³², И.В. Пещанская³³, А.Б. Покровский³⁴, Н.В. Мирошник³⁵, Е.А. Гришина и др. Причем

²² Ковалев В.В. Финансовый анализ. – М.: Финансы и статистика, 1996. – 432 с.

²³ Паламарчук А.С. Оборотные средства предприятия // Справочник экономиста. – 2005. – № 3(21). – С. 27–34; № 4(22). – С. 21–28.

²⁴ Ефимова О.В., Палкин С.В. Балансовый способ оценки потребности в оборотных средствах на предприятиях по ремонту подвижного состава // Экономика железных дорог. – 2003. – № 1. – С. 45–50.

²⁵ Хаматова Л.А. Экономический аспект управления оборотными средствами в кооперативной торговле: Монография. – Самара: ООО «НТЦ», 2001. – 202 с. – С. 21.

²⁶ Рациональное использование оборотных средств в промышленности // Экономика Украины. Киев. 2001. № 7. С. 29–32.

²⁷ Короткова В.В., Залевская Н.А. Анализ оборотного капитала в организациях потребительской кооперации: Монография. – М.: Кооперативное образование, 2005. – 243 с.

²⁸ Лисициан Н. Оборотные средства, процесс обращения стоимости капитала, неплатежи // Вопросы экономики. – 1997. – № 9. С. 44–45.

²⁹ Мищенко О.А. Проблемы формирования и использования оборотных средств перерабатывающих предприятий АПК: Монография. – Барнаул: АГУ, 2004. – 137 с.

³⁰ Как определять плановую потребность предприятия в оборотных средствах // Финансы. – 1996. – № 10.

³¹ Короткова В.В., Залевская Н.А. Анализ оборотного капитала в организациях потребительской кооперации: Монография. – М.: Кооперативное образование, 2005. – 243 с.

³² Хаматова Л.А. Экономический аспект управления оборотными средствами в кооперативной торговле: Монография. – Самара: ООО «НТЦ», 2001. – 202 с.

³³ Пещанская И.В. Кредит и оборотный капитал // Финансы. – 2003. – № 2. – С. 20–22.

³⁴ Покровский А.Б. Внутрифирменное управление оборотным капиталом: Учебное пособие. – СПб: Изд-во СПбГУЭФ, 2001. – 134 с.

³⁵ Мирошник Н.В., Гришин И.А., Перфилов И.Г. Финансово-экономические аспекты управления оборотным капиталом в предпринимательской среде региона. – Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2000. – 148 с.

под постоянным оборотным капиталом в одном случае понимается «часть оборотного капитала, потребность в котором относительно постоянна в течение всего операционного цикла». Во втором случае он трактуется как «минимум оборотного капитала, необходимый для осуществления текущей деятельности». Что касается переменного оборотного капитала, то он характеризуется как «часть оборотного капитала, дополнительная потребность в котором возникает в пиковые периоды или в качестве страхового запаса»³⁶ (рис.).

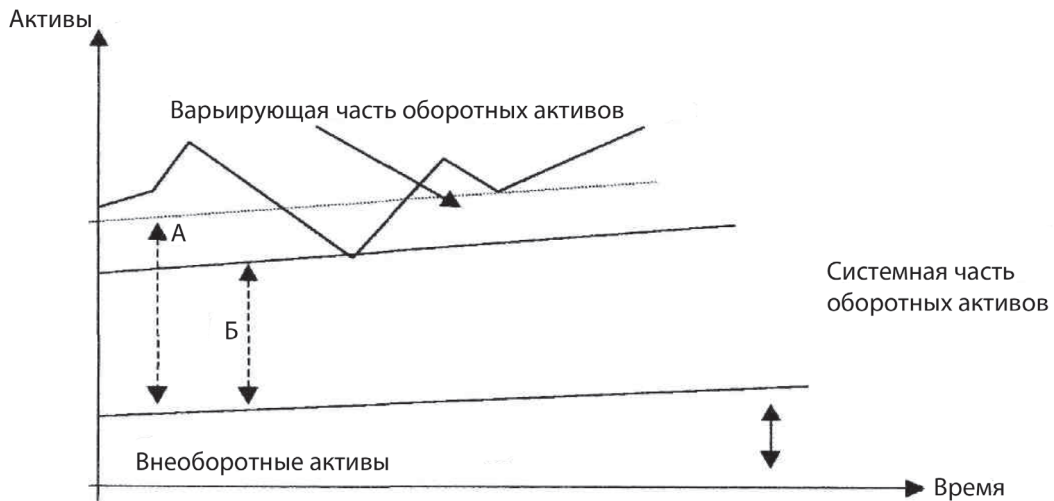

Рис. Классификация оборотного капитала

По нашему мнению, постоянный оборотный капитал в указанной трактовке представляет не что иное, как норматив оборотных средств в том понимании, которое существовало во времена плановой экономики, т.е. это минимальная сумма средств, которая необходима для обеспечения непрерывности производства. Одновременно возмещение дополнительных, разовых потребностей, должно осуществляться за счет привлечения заемных средств. Таким образом, в данном случае имеет место подмена понятий, что, видимо, объясняется исключением в последние годы нормирования из практики хозяйственной деятельности предприятий и что уже отмечалось в экономической литературе³⁷.

Для раскрытия сущности экономических категорий «оборотный капитал» и «оборотные средства» необходимо обосновать их цель и назначение, а также их общность и различие, и возможность включения в их состав различных элементов. В настоящее время большинство авторов усматривает назначение оборотных средств в обеспечении непрерывности производства. Объясняется это особенностями движения оборотных фондов как составного элемента оборотных средств. Потребность в них возникает гораздо чаще, поскольку они переносят свою стоимость в течение одного цикла, должны возобновляться в натуральной форме после завершения каждого кругооборота средств и должны быть наготове перед началом каждого производственного цикла. Что касается основных фондов, то они переносят свою стоимость постепенно, многократно участвуют в производственных циклах и необходимость их замены возникает гораздо реже. Однако если принять во внимание достаточно длительный период, то потребность в обновлении основных фондов существует и в случае неудовлетворительного решения этого вопроса может стать причиной остановки производства. Аналогичное можно сказать и в отношении рабочей силы, сроки участия которой в

³⁶ Покровский А.Б. Внутрифирменное управление оборотным капиталом. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2001. – 134 с.

³⁷ Мальцева А.В. Анализ эффективности использования оборотного капитала: Препринт. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2002. – 18 с.

производственном процессе обусловлены договором найма. На основе изложенного можно сделать вывод, что наличие указанных особенностей в функционировании оборотных средств не дает оснований возводить непрерывность в число закономерностей, характеризующих рассматриваемую экономическую категорию. Эту особенность следует считать определяющей применительно к оборотным фондам, а точнее, к производственным запасам как важнейшей составной части оборотных средств, а не ко всей этой категории.

Среди ученых-экономистов отсутствует единство взглядов на причины объединения оборотных производственных фондов с фондами обращения в единую категорию «оборотные средства». Среди причин включения в состав оборотных средств их различных элементов называют единство социально-экономического содержания оборотных фондов и фондов обращения, единые требования учета, планирования и финансирования, предъявляемые к различным составным частям, входящим в состав оборотных средств, а также необходимость платежно-расчетного обслуживания кругооборота стоимости и усиление общественного характера современного производства. При этом функция непрерывности производства, осуществляемая с помощью производственных запасов, переносится на все оборотные средства, в чем и усматривается их основное предназначение, а также в необходимости ускорения оборота.

Нам представляется, не это является главным в определении рассматриваемой категории, а как раз еще существующая обособленность предприятий, в рамках которых и осуществляются индивидуальные обороты средств. В пользу такого вывода свидетельствует значительная зависимость пополнения оборотных средств, как, впрочем, и других фондов, не входящих в рассматриваемую категорию, из получаемых результатов работы предприятия.

Оборотный капитал можно классифицировать в зависимости от фазы производственного цикла (постоянный и переменный) и от принадлежности оборотного капитала – собственный уставной (средства от продажи акций и паевые взносы); прибыль, остающаяся в распоряжении предприятия; резервы, накопленные предприятием; прочие взносы юридических и физических лиц, заемный оборотный капитал, краткосрочные и долгосрочные заемные средства.

При организации фирмы ее капитал формируется не только из взносов в денежной форме. Все чаще в качестве вкладов вносятся материально-вещественные факторы производства, включая земельные участки, ценные бумаги и нематериальные активы, прежде всего лицензии на право использования интеллектуальной собственности (патентов на изобретения и т.д.), ноу-хау, промышленных образцов, товарных знаков и т.д.

Оплаченный уставный капитал определяет размер собственных финансовых ресурсов фирмы, которые используются на приобретение средств труда и нематериальных активов, финансирование текущих затрат на производство и реализацию продукции, приобретение акций, облигаций и других ценных бумаг. В условиях глобализации все более важным источником финансовых ресурсов становятся заемные средства. Их отношение к собственным – кредитное плечо (леверидж) – в современных условиях определяет потенциальные источники поступления капитала в виде прибыли от реализации продукции и имущества, доходов от финансовых операций, дивидендов и процентов по ценным бумагам. В то же время леверидж определяет финансовый риск, т.е. вероятность неполучения ожидаемых доходов и утраты капитала.

В отечественной теории и практике сложилась классификация производственного капитала исходя из его материально-вещественного состава. При этом выделяются оборотные

средства – денежные ресурсы, авансируемые в оборотные производственные фонды (производственные запасы, незавершенное производство, расходы будущих периодов) и фонды обращения (готовая и отгруженная продукция, денежные средства, дебиторская задолженность), и основные средства, инвестированные на приобретение и создание средств труда и нематериальных активов.

Этот подход соответствует условиям индустриальной экономики, когда фирма выступала как микроэкономическая категория. Ее функции состояли в производстве и реализации товаров (работ, услуг) в соответствии с планом (при административно-командной экономике) или собственной маркетинговой программой. В постиндустриальной экономике фирма все чаще выступает как мезоэкономическая категория. Она организует межотраслевые технологические цепи (сети, кластеры), которые реализуют конечную продукцию, удовлетворяя, часто в комплексе, запросы определенной группы потребителей, либо заключает с организаторами цикла (сети) долгосрочные контракты на разработку и производство комплекующих изделий, услуг и т.д. В результате фирма выступает не только как товаропроизводитель, но и как участник целого спектра финансово-хозяйственных отношений со многими, в том числе зарубежными, финансовыми и нефинансовыми организациями.

В теории и практике хозяйственной деятельности необходимо различать основные и оборотные производственные фонды, критерием деления которых является характер перенесения стоимости, постепенный в течение многих производственных циклов, соответственно, у первых и в течение одного производственного цикла – у вторых.

Одновременно в современных условиях разделение капитала на основной и оборотный определяется не их материально-вещественным составом, а условиями воспроизводства. Их характеризуют два основных критерия: ликвидность, т.е. возможность обращения в наличность, завершения воспроизводственного цикла в течение срока финансовой отчетности (одного года) и лимитированный правилами этой отчетности срок эксплуатации. Развиваемая в данной работе концепция воспроизводства оборотного капитала исходит из того, что условия воспроизводства капитала определяет длительность его авансирования (иммобилизации), т.е. невозможности использования по другим направлениям до завершения периода обращения капитала.

С этих позиций производственный капитал фирмы представляют ее активы – хозяйственные средства, имеющие способность к самовозрастанию стоимости. Они делятся на внеоборотные (основные средства, нематериальные активы, долгосрочные инвестиции в основные средства и нематериальные активы) и оборотные. Внеоборотные средства являются основным капиталом фирмы. К нему относятся не только средства труда (здания, машины, оборудование и т.д.), но и все действующие амортизируемые активы (их срок воспроизводства и обращения превышает один год), затраты на приобретение таких активов и затраты на незавершенное строительство.

Соответственно, оборотный капитал – денежные средства, авансируемые на покрытие текущих расходов фирмы, связанных с производством продукции (работ, услуг), и на ее финансовую деятельность, цикл воспроизводства (обращения) которых не превышает одного года. В состав оборотного капитала входят, таким образом, все краткосрочные по длительности воспроизводства активы – не только запасы, незавершенное производство, готовая продукция, денежные средства и дебиторская задолженность, но и краткосрочные финансовые вложения – займы другим организациям, приобретение ценных бумаг с целью их продажи в течение года, покупка собственных акций и облигаций на фондовом рынке и у акционеров (инвесторов), инвестиции в зависимые (аффилированные) компании.

Как будет показано далее, доля этих элементов оборотного капитала в условиях глобализации и кластеризации экономики резко увеличивается. Кластеризация означает переход от отраслевой организации, при которой критерием специализации фирм является производимая продукция (исходное сырье, технологии его обработки, состав оборудования), к кластерной (сетевой) организации, при которой критерием специализации становится круг потребителей, обслуживаемый сегмент рынка.

Современные американские экономисты исходят из расширенного по сравнению с российскими традициями понимания оборотного капитала, предлагая более дробное, развернутое перечисление его элементов. Российские экономисты также все чаще относят к основному капиталу все внеоборотные активы, а не только средства труда (основные фонды, сохраняющие свою материально-вещественную форму, многократно участвуя в производственном процессе и постепенно, по мере износа, перенося свою стоимость на готовую продукцию). Под основным капиталом при этом понимаются основные средства, инвестированные на приобретение и создание не только средств труда, но и нематериальных активов³⁸. Оборотные средства при этом становятся адекватными оборотным активам и включают не только оборотные фонды и фонды обращения, но и краткосрочные финансовые вложения³⁹. Это конкретизирует определение оборотного капитала как экономической категории.

Экономические категории – ступени выделения и познания экономической действительности, узловые пункты сети, общие фундаментальные понятия, отражающие наиболее существенные и закономерные связи и отношения этой действительности, воспроизводящие их во всеобщей и наиболее концентрированной форме. Поэтому развитие этих категорий и законов может осуществляться в двух формах. Во-первых, движение в этой сфере есть соотнесение сущности с самой собой, бесконечное углубление от явления к сущности, от сущности первого, так сказать, порядка к сущности второго порядка и т.д. без конца. В процессе этого движения, которое является процессом ее определения, сущность не переходит в другую, а соотносится сама с собой, как менее глубокая с более глубокой⁴⁰. Становление новой формы производства позволяет уточнить и углубить определение законов развития общественно-экономической формации.

Во-вторых, речь идет о развитии и обогащении содержания законов по мере развития бытия. Экономические категории – объективно мыслительные формы для производственных отношений данного исторически определенного общественного способа производства, они столь же вечны, как выражаемые ими отношения, и представляют собой исторический и преходящий продукт. Эти замечания К. Маркса⁴¹ верны не только для периодов смены одного способа производства другим. Развитие в рамках перехода от индустриальной к постиндустриальной инновационной экономике также можно выразить только через развитие и превращение понятий. Это развитие приводит к изменению структуры капитала. Возрастает роль авансированных затрат (капиталовложения в производственные фонды, затраты на исследования и разработки, подготовку, переподготовку и повышение квалификации кадров, разведку, охрану и воспроизводство природных ресурсов) по сравнению с текущими, расходов на эксплуатацию продукции по сравнению с ее себестоимостью. В результате модифицируются формы стоимости. Цены все больше базируются не на средневзвешенной себе-

³⁸ Ван Хорн Дж.К. Основы управления финансами. – М.: Финансы и статистика, 1996. – 800 с. – С. 222.

³⁹ Экономика фирмы: Учебник / Под общ. ред. проф. Н.П. Иващенко. – М.: Инфра-М, 2006. – 528 с. – С. 130–132, 167–169.

⁴⁰ Смирнов И.К. Метод исследования экономического закона движения капитализма в «Капитале» К. Маркса. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. – 152 с. – С. 30.

⁴¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 23, с. 86; Т. 4, с. 133.

стоимости изделий, а на сопоставлении совокупных затрат и объема удовлетворяемых общественных потребностей. При этом учитываются не только затраты на изготовление продукции, а все затраты капитала. Превращение кластеров в основное звено мезоэкономики позволяет обеспечить в их рамках сопоставление полных издержек и конечных результатов производства.

Таким образом, в понятии «капитал» следует выделить глобальную и национальную составляющие. При этом в основе функционирования глобального капитала должна находиться мировая легитимная валюта или система региональных валют.

Список литературы

1. Большой экономический словарь / Под ред. А.Н. Азрилияна. – М., 1998. – 1280 с.
2. Ван Хорн Дж.К. Основы управления финансами. – М.: Финансы и статистика, 1996. – 800 с.
3. Ефимова О.В., Палкин С.В. Балансовый способ оценки потребности в оборотных средствах на предприятиях по ремонту подвижного состава // Экономика железных дорог. – 2003. – № 1. – С. 45–50.
4. Ковалев В.В. Введение в финансовый менеджмент. – М.: Финансы и статистика, 1999. – 768 с.
5. Ковалев В.В. Финансовый анализ. – М.: Финансы и статистика, 1996. – 432 с.
6. Ковалев В.В. Финансовый анализ: Управление капиталом. Выбор инвестиций. Анализ отчетности. – М.: Финансы и статистика, 1997. – 330 с.
7. Короткова В.В, Залевская Н.А. Анализ оборотного капитала в организациях потребительской кооперации: Монография. – М.: Кооперативное образование, 2005. – 243с.
8. Лисициан Н. Оборотные средства, процесс обращения стоимости капитала, неплатежи // Вопросы экономики. – 1997.– № 9. С. 44–45.
9. Литвин М.И. Как определить плановую потребность в оборотных средствах // Финансы. 1996. – № 10. – С. 10–13.
10. Мальцева А.В. Анализ эффективности использования оборотного капитала: Препринт. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2002. – 18 с.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. – 908 с.
12. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 4. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. – 616 с.
13. Мирошник Н.В., Гришин И.А., Перфилов И.Г. Финансово-экономические аспекты управления оборотным капиталом в предпринимательской среде региона. – Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2000. – 148 с.
14. Мищенко О.А. Проблемы формирования и использования оборотных средств перерабатывающих предприятий АПК: Монография. – Барнаул: АГУ, 2004. – 137 с.
15. Мирошник Н.В., Гришина Е.А., Осипов А.В. Управление оборотным капиталом в переходной экономике. – Волгоград: Издательство ВолГУ, 2000. – 104 с.
16. Назарбаев Н. Ключи от кризиса // Российская газета. Центральный выпуск. – № 4839 от 02.02.2009.
17. Паламарчук А.С. Оборотные средства предприятия // Справочник экономиста. – 2005. – № 3(21). – С. 27–34; № 4(22). – С. 21–28.
18. Пещанская И.В. Кредит и оборотный капитал // Финансы. – 2003.– № 2. – С. 20–22.
19. Покровский А.Б. Внутрифирменное управление оборотным капиталом. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2001. – 134 с.

20. Рациональное использование оборотных средств в промышленности // Экономика Украины. Киев. – 2001. – № 7. – С. 29–32.
21. Рынок : Бизнес. Коммерция. Экономика: Толковый терминологический словарь / Сост. В.А. Калашников; Под общ. ред. Л.П. Дашкова. М.: Информационно-внедренческий центр «Маркетинг», 1998. – 404 с.
22. Словарь иностранных слов. – СПб., 2004.
23. Словарь современных экономических терминов: около 2500 экономических терминов / Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш. – М.: Айрис-пресс, 2008. – 480 с.
24. *Смирнов И.К.* Метод исследования экономического закона движения капитализма в «Капитале» К. Маркса. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. – 152 с.
25. *Хаматова Л.А.* Экономический аспект управления оборотными средствами в кооперативной торговле: Монография. – Самара: ООО «НТЦ», 2001. – 202 с.
26. Экономика фирмы: Учебник / Под общ. ред. проф. Н.П. Иващенко. – М.: Инфра-М, 2006. – 528 с.
27. *Hein E.* Money, distribution conflict and capital accumulation: contributions to monetary analysis. – N.Y., 2008. – 214 p.
28. *Long M., Bryant T.* Valuing the closely held firm. – Oxford, 2007. – 267 p.
29. *Pridet J.* Exploring Marx Capital: philosophical, economic and political dimensions. – Leiden, 2007. – 327 p.
30. *Reid G., Smith S.* Risk appraisal and venture capital in high technology new ventures. –L., 2008. – 220 p.

Reference list

1. Dictionary of foreign words. SBR., 2004. P. 274.
2. Economy of the firm: Textbook / Under the general editorship of Professor N. Ivashchenko. M.: Infra-M, 2006. P. 528.
3. *Efimova O., Palkin S.* Balance method to evaluate the necessary for current capital in enterprises on maintenance of equipment // Economics of Railways. 2003. №. 1. P. 45–50.
4. *Hein E.* Money, distribution conflict and capital accumulation: contributions to monetary analysis. N.Y., 2008. 214 p.
5. *James C. Van Horne.* Fundamentals of financial management. M.: Finances and Statistics, 1996. P. 800.
6. *Khamatova L.* The economic aspect of current capital management in cooperative trade: Monograph. Samara: LLC "NTTs", 2001. P. 202.
7. *Korotkova V., Zalevskaya N.* The analysis of current capital in the organizations of consumer cooperation: Monograph. M.: Cooperative education, 2005. P. 243.
8. *Kovalev V.* The financial analysis. M.: Finances and Statistics, 1996. P. 432.
9. *Kovalev V.* The financial analysis: Capital management. The choice of investments. Analysis of disclosure. M.: Finances and Statistics, 1997. P. 330.
10. *Kovalev V.* The introduction to financial management. M.: Finances and Statistics, 1999. P. 768.
11. *Lisitsian N.* Current capital, the process of circulation of capital value, defaults of payment // Issues of Economics. M., 1997. №.9. P. 44–45.
12. *Litvin M.* How to determine the planning necessity for current capital // Finances. 1996. № 10. P. 10–13.
13. *Long M., Bryant T.* Valuing the closely held firm. Oxford, 2007. 267 p.

14. *Mal'tseva A.* The analysis of efficiency of use of current capital: Preprint. SBR.: Publishing office of Saint Petersburg State University of Economics and Finances, 2002. P. 18.
15. Market: Business. Commerce. Economy: Explanatory terminological dictionary / Redactor V. Kalashnikov; Under the general editorship of L. Dashkov. M.: Information-Innovation Center "Marketing", 1998. P. 404.
16. *Marx K., Engels F.* Works. Vol. 23. M.: State publishing office of political literature, 1960. P. 908.
17. *Marx K., Engels F.* Works. Vol. 4. M.: State publishing office of political literature, 1955. P. 616.
18. *Miroshnik N., Grishin I., Perfilov I.* The financial-economic aspects of current capital management in the business environment of the region. Volgograd: Publishing office of Volgograd State University, 2000. P. 148.
19. *Mishchenko O.* Issues of formation and use of current capital of the processing enterprises of agro-industrial complex: Monograph. Barnaul: ASU, 2004. P. 137.
20. *Miroshnik N., Grishina E., Osipov A.* Current capital management in transition economy. Volgograd: Publishing office of Volgograd State University, 2000. P. 104.
21. *Nazarbayev N.* The key to crisis // Rossiyskaya Gazeta, the Central edition. №. 4839 dated 02.02.2009.
22. *Palamarchuk A.* Current capital of the enterprise // Economist Guide. 2005. № 3(21). P. 27–34; № 4(22). P. 21–28.
23. *Peshchanskaya I.* The credit and current capital. Finances. №. 2, 2003. P. 20–22.
24. *Pokrovskiy A.* The intra-corporate current capital management. SBR.: Publishing office of Saint Petersburg State University of Economics and Finances, 2001. P. 134.
25. *Pridet J.* Exploring Marx Capital: philosophical, economic and political dimensions. Leiden, 2007. 327 p.
26. Rational use of current capital in the industry // Economy of Ukraine. Kiev. - 2001. №. 7. P. 29-32.
27. *Reid G., Smith S.* Risk appraisal and venture capital in nigh technology new ventures. L., 2008. 220 p.
28. *Smirnov I.* The method of the study of economic law of floating of capitalism in the K. Marx "Capital". L.: Publishing office of Leningrad State University, 1984. P. 152.
29. The Big Dictionary of Economics / Under the editorship of A. Azriliyan. M., 1998. P. 1280.
30. The modern dictionary of economic terms: About 2,500 economic terms / Raisberg B., Lozovskiy L. M.: Airis-Press, 2008. P. 480.

УДК 33.06

Бердышев А.В.,

кандидат экономических наук, доцент кафедры денежно-кредитных отношений и монетарной политики Финансового университета при Правительстве РФ

Елесина М.В.,

студентка, заместитель председателя Научного студенческого общества факультета «Государственное и муниципальное управление» Финансового университета при Правительстве РФ

Рашкеева И.В.,

студентка факультета «Государственное и муниципальное управление» Финансового университета при Правительстве РФ

БАНКОВСКАЯ СИСТЕМА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ЕЕ УКРЕПЛЕНИЯ

В статье представлен анализ современной банковской системы России, сформулированы наиболее острые проблемы в этой сфере. Авторами предлагаются меры по укреплению банковского сектора; наглядно показано влияние на банковскую систему РФ такого фактора, как санкции со стороны США и Европы.

Ключевые слова: банковская система РФ, денежно-кредитная политика Банка России, ресурсная база, дефицит капитала, экономические санкции

Berdyshev A.,

PhD in Economics, Associate Professor of Chair of Money-and-Credit Relations and Monetary Policy of the Financial University under the Government of the Russian Federation

Elesina M.,

Student, Vice-Chairman of Student Scientific Association of the Faculty "Public and Municipal Management" of the Financial University under the Government of the Russian Federation

Raksheeva I.,

Student of the Faculty "Public and Municipal Management" of the Financial University under the Government of the Russian Federation

THE BANKING SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION: CHALLENGES AND OPPORTUNITIES OF ITS STRENGTHENING

The article is presented the analysis of the contemporary banking system of Russia, articulated the most burning needs in this area. The authors are suggested measures to strengthen the banking sector; the impact of such factor as sanctions from the side of the USA and Europe on the banking system of the Russian Federation is clearly shown in the article.

Keywords: banking system of Russian Federation, money-and-credit policy of Bank of Russia, funding base, capital deficit, economic sanctions

Банковская система, будучи одним из важнейших звеньев рыночной экономики, оказывает огромное, разностороннее воздействие на жизнедеятельность общества в целом. Она не только обеспечивает механизм межотраслевого и межрегионального перераспределения денежного капитала, но и является ключевым элементом расчетного и платежного механизмов хозяйственной системы страны. От состояния банковской системы государства существенным образом зависит защищенность и устойчивость национальной валюты.

Самостоятельная банковская система в России была создана в связи с распадом СССР в начале 1991 г., после принятия 2 декабря 1990 г. двух Законов РСФСР – «О Центральном банке РСФСР (Банке России)» и «О банках и банковской деятельности в РСФСР».

Банковская система представляет собой совокупность различных видов национальных банков и кредитных учреждений, действующих в рамках общего денежно-кредитного механизма. Банковская система Российской Федерации включает в себя Банк России, кредитные организации, а также филиалы и представительства иностранных банков. Современная банковская система РФ состоит из двух уровней. Первый уровень представлен Центральным банком РФ, второй – кредитными организациями, филиалами и представительствами иностранных банков.

Количество банков в России за последние годы постоянно снижается. В соответствии с данными Банка РФ по состоянию на 01.01.2014 количество коммерческих банков и небанковских организаций в России составляет 923, из них только 418 (45,3%) можно твердо отнести к крупным или соответствующим требованиям по величине уставного капитала. За 2013 г. количество банков сократилось еще на 33 (с 956 до 923). А количество банков за последние 6 лет (с 2007 по 2014 гг.) сократилось уже на 213 банков (с 1136 до 923), что составляет 18,8%¹.

Денежно-кредитная политика Банка России, направленная на контроль над инфляцией, способствует достижению таких экономических целей, как обеспечение ценовой стабильности, что означает достижение и поддержание устойчивой низкой инфляции. Банк России с 2015 г. будет проводить денежно-кредитную политику в рамках режима таргетирования инфляции. Целью денежно-кредитной политики является снижение инфляции до 4% в 2017 г. и дальнейшее ее поддержание вблизи указанного уровня².

Российские банки в ближайшее время столкнутся с очевидной дилеммой. Средств для финансирования по-прежнему высокого спроса на розничные и корпоративные кредиты не хватает, так как возможность наращивать внешние займы резко сократилась. Соответственно, имеет место выбор между корпоративным и розничным кредитованием. Привлекательность первой стратегии ясна: несколько крупных клиентов позволяют вести бизнес с минимальными издержками на персонал. Второй стратегией будет, напротив, углубление в сегменты розничного кредитования и кредитования мелких и средних компаний. Преимущество этой стратегии заключается в том, что заемщики будут готовы согласиться на повышенные процентные ставки в отличие от избалованных крупных клиентов. Издержки для проникновения на этот сегмент достаточно высоки, но они могут быть оправданы ростом доходов. Очевидно, что государственные банки начнут кредитовать крупнейшие российские компании.

Рост розничного кредитования в последние годы часто рассматривается с точки зрения изменения структуры бизнеса российских банков, но достаточно редко с точки зрения

¹ Обзор банковского сектора Российской Федерации. Аналитические показатели. 2014. № 146 // Центральный банк Российской Федерации. Департамент банковского надзора // http://cbr.ru/analytics/bank_system/obs_ex.pdf

² Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2015 год и период 2016 и 2017 годов // Центральный банк Российской Федерации (Банк России) // [http://www.cbr.ru/today/publications_reports/on_2015\(2016-2017\).pdf](http://www.cbr.ru/today/publications_reports/on_2015(2016-2017).pdf)

изменения потребительских настроений. По статистике в России банковскими кредитами пользуется 10% населения – это около 15 млн человек или пятая часть экономически активного населения. На отдельных рынках, например на автомобильном, роль кредитов очень значима. По последним данным почти 43% продаж на первичном рынке автомобилей приходится на сделки, оплаченные кредитами. Эти аспекты повседневной жизни в целом настолько значимы, что находят отражение в структурных изменениях экономических индикаторов. Если в 2004 г. доля розничных кредитов в финансировании роста потребления домохозяйств составляла только 14%, то в последние три года устойчиво превышает 40%³.

В условиях ужесточения международной обстановки финансовые ресурсы в ближайшем времени станут более дефицитным фактором. Процентные ставки идут вверх, некоторые банки приостанавливают розничное кредитование.

Таким образом, можно выделить следующие проблемы развития российской банковской системы, требующие системного решения.

1. Устранение системной недоразвитости банковской системы в части консолидации (комплексное управление банковской системой, совершенствование требований к универсальным банкам), законодательного регулирования, технологического развития (модернизация платежных систем, развитие систем банковских и кредитных карт, внедрение новых продуктов и услуг).

2. Обеспечение пропорционального развития банковской системы в интересах расширения кредитования реальной экономики и населения.

3. Укрепление капитальной базы банковской системы. Формирование эффективных схем привлечения ресурсов в капитал банков.

4. Решение проблемы эффективного регулирования финансовых институтов. Повышение информационной прозрачности для обеспечения устойчивого долговременного развития.

5. Развитие категории независимой оценки бизнеса в интересах принятия бизнес-решений и управления рисками.

6. Проблема формирования ресурсной базы.

Проблема формирования ресурсной базы является одной из ключевых для российской банковской системы. При этом для развития экономики крайне важно стимулирование формирования ресурсных фондов для ее модернизации. С этой целью можно рассматривать:

– привлечение ресурсов государственных фондов (золотовалютного, развития и др.) для стимулирования модернизации (в форме гарантий, софинансирования проектов, участия в создании целевых фондов и др.);

– развитие целевого внутреннего заимствования, для чего могут быть использованы механизмы облигационных займов и формирования фондов, причем основной является проблема доверия, меры по формированию которого станут ключевыми (участие или гарантии государства, крупных компаний и др.);

– стимулирование сбережений населения за счет целевого их использования в виде первоначальных накоплений на решение жилищных и бытовых проблем, участия в фондах, стимулирующих процентов при безотзывном размещении средств на депозитах;

– упорядоченное и регулируемое привлечение иностранного капитала преимущественно на прямое финансирование инвестиционных проектов.

³ Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2015 год и период 2016 и 2017 годов // Центральный банк Российской Федерации (Банк России) // [http://www.cbr.ru/today/publications_reports/on_2015\(2016-2017\).pdf](http://www.cbr.ru/today/publications_reports/on_2015(2016-2017).pdf)

Следует также отметить, что назрела необходимость модернизации самой банковской системы в части структурной модернизации, регуляторных новаций, модернизации банковских технологий.

Меры для укрепления банковского сектора можно условно сгруппировать по следующим направлениям:

- монетарные меры;
- повышение капитализации банковской системы;
- консолидация банковского сектора;
- формирование базы пассивов банков за счет источников внутреннего рынка;
- расширение спектра государственных гарантий;
- упорядочение рынка проблемных активов;
- повышение прозрачности и технологичности банковской системы.

Так, например, мерами по повышению капитализации банковской системы могут быть: введение нулевой ставки налога на прибыль в случае ее реинвестирования в собственный капитал банка, освобождение от налогообложения части прибыли инвесторов, направляемой на формирование уставного капитала банков, законодательное упрощение регулирования капитала банков.

Государственные гарантии – одно из важнейших направлений укрепления отечественной банковской системы. Объектами защиты с помощью государственных гарантий должны быть не только предприятия, но и граждане. Эти меры должны способствовать повышению внутреннего спроса, снижению панических настроений и негативных социальных последствий. Использование государственных гарантий может быть реализовано за счет:

- поддержки внутреннего спроса через финансирование программ по приобретению населением товаров длительного пользования (посредством субсидирования процентных ставок по кредитам и частичной компенсации стоимости товара);
- включения 30–50 крупнейших банков в программу кредитования инфраструктурных, стратегических проектов, предприятий малого и среднего бизнеса на конкурсной основе под гарантии государства⁴;
- покрытия обязательств перед банками тех граждан, которые потеряли возможность обслуживать кредиты (в том числе ипотечные) в результате кризиса.

Важным условием укрепления банковского сектора является упорядочение рынка проблемных активов. В первую очередь, необходимо сформировать единую систему классификации проблемных активов, а затем обеспечить вывод с помощью государства проблемных активов с балансов банков и создать единую площадку для торговли ими.

Открытость и высокая эффективность российского банковского сектора – обязательные условия успешной работы в рамках глобальной экономики. К мерам, направленным на повышение инвестиционной привлекательности и конкурентоспособности банковского сектора, можно отнести:

- установление для 30–50 крупнейших банков обязательной подготовки отчетности в полном соответствии с МСФО на ежеквартальной основе⁵;
- введение дифференцированной системы надзора за банками;

⁴ Количество банков в России – динамика за 2007–2014 годы, уставной капитал и количество банков в разрезе регионов // Банкирша.com // <http://bankirsha.com/kolichestvo-bankov-v-rossii-na-konec-goda-finansovyi-krizis-ustavnoi-kapital-i-chislennost-bankov.html>

⁵ Количество банков в России – динамика за 2007–2014 годы, уставной капитал и количество банков в разрезе регионов // Банкирша.com // <http://bankirsha.com/kolichestvo-bankov-v-rossii-na-konec-goda-finansovyi-krizis-ustavnoi-kapital-i-chislennost-bankov.html>

- передачу контрольных функций Роспотребнадзора в области потребительского кредитования Банку России;
- разработку Банком России специальных нормативных актов для банков по риск-менеджменту;
- переход на электронный формат подачи отчетности банков;
- совершенствование законодательства в области регулирования технологий дистанционного банковского обслуживания клиентов. В частности, следует разрешить банкам открывать новые счета (вклады) физических лиц без их личного присутствия, с использованием технологий дистанционного банковского обслуживания.

Еще до начала глобальных проблем на валютном рынке и введения санкций Запада Центробанк провел стресс-тестирование банковской системы. Его результаты, основанные на использовании макромодели по состоянию на 01.01.2014 г., особенно актуальны сейчас, когда системная устойчивость финансового сектора находится под угрозой.

«Отчет о развитии банковского сектора и банковского надзора в 2013 году», опубликованный Центробанком и содержащий результаты стресс-теста, свидетельствует о способности банковской системы противостоять шоковым явлениям в экономике. Тем не менее кризис банковской системы, который разгорается в результате падения курса национальной валюты и введения финансовых санкций, может привести к потерям, которые будут исчисляться триллионами.

Центробанк рассчитал основные показатели деятельности системы по двум сценариям развития кризиса: пессимистическому и экстремальному. Напомним, исходные данные брались по состоянию на 01.01.2014. За основу пессимистического сценария было взято однопроцентное снижение ВВП, связанное с падением цен на определенные группы экспортируемой продукции, в частности на нефть – на 25–30%. При экстремальном сценарии ВВП должен снизиться на 6,1%, инвестиции в основной капитал сократятся почти на 10%, реальные доходы населения уменьшатся на 0,5%, а стоимость бивалютной корзины вырастет на 30%. Доход, полученный банками в условиях пессимистического сценария, может составить 0,5 трлн рублей, а при экстремальном – всего 0,1 трлн рублей. При пессимистическом сценарии дефицит капитала может возникнуть у 184 банков, из них у 18 банков значение норматива может опуститься ниже 2%. При экстремальном сценарии на грани банкротства могут оказаться 285 финансовых учреждений, при этом у 53 банков значение норматива будет ниже 2%⁶.

Таблица

Положительные и отрицательные последствия введения санкций США и Европы

Отрицательные последствия санкций	Положительные последствия санкций
В долгосрочной перспективе наиболее негативные последствия для России будут иметь ограничения, накладываемые на экспорт в Россию высоких технологий и доступ российских банков к дешевым кредитным ресурсам.	Россия начнет полномасштабную кампанию по импортозамещению всего американского и европейского.
Инфляция в России увеличится и составит в 2014 г. более 9 %.	Начата работа по созданию единой платежной системы в рамках набирающего силу интеграционного объединения.

⁶ ЦБ: банки России способны выдержать кризис // Вести: экономика // <http://www.vestifinance.ru/articles/42747>

Замедлится приток иностранных инвестиций в Россию, 75% которых приходятся на страны – члены Европейского Союза.	Россия выведет все сбережения из европейских и американских банков, национализирует ЦБ и расстанется с долларом.
С начала 2014 г. национальная валюта в России подешевела на 17,5%. Обменный курс наличного рубля к доллару США вырос с 32 рублей 65 копеек до 53 рублей 27 копеек; что касается евро, курс поднялся с 45 рублей и 5 копеек до 65 рублей и 90 копеек.	Российские компании начали переводить свои накопления в гонконгские доллары и размещать их в китайских банках. А Евразийский экономический союз (ЕАЭС) начинает создание единого финансового рынка. Интеграционные процессы на севере евроазиатского континента приведут к вытеснению доллара из структуры взаимных расчетов стран.

Вводить экономические санкции против России невыгодно, так как здесь переплетаются интересы и частного бизнеса, и власти. Точечно воздействовать на Россию возможно, но в таком случае последует ответная реакция со стороны России через Президента или Роспотребнадзор. В то же время не стоит забывать, что, несмотря на подобную невозможность и невыгодность санкций, Россия остается к ним уязвима.

Таким образом, введение экономических санкций оказало существенное влияние на банковскую систему РФ, которое в долгосрочной перспективе может привести к возникновению серьезного кредитного кризиса по причине ограничения западными странами внешнего финансирования российских банков. Однако многие отечественные банки намерены расширять свое сотрудничество с банками стран АТЭС, что вполне может значительно уменьшить негативные последствия от воздействия санкций на банковскую систему РФ.

Список литературы

1. Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ (ред. от 04.11.2014) «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (10 июля 2002 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон «О банках и банковской деятельности» от 02.12.1990 № 395-1 (действующая редакция от 04.11.2014) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» (действующая редакция от 04.11.2014) // СПС «КонсультантПлюс».
4. *Ананьев Д.Н.* Банковский сектор России: итоги и перспективы развития // Деньги и кредит. 2009. № 3. С. 3–9
5. Количество банков в России – динамика за 2007–2014 годы, уставной капитал и количество банков в разрезе регионов // Банкирша.com // <http://bankirsha.com/kolichestvo-bankov-v-rossii-na-konec-goda-finansovyi-krizis-ustavnoi-kapital-i-chislennost-bankov.html>
6. Обзор банковского сектора Российской Федерации. Аналитические показатели. 2014. № 146 // Центральный банк Российской Федерации. Департамент банковского надзора // http://cbr.ru/analytics/bank_system/obs_ex.pdf
7. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2015 год и период 2016 и 2017 годов // Центральный банк Российской Федерации (Банк России) // [http://www.cbr.ru/today/publications_reports/on_2015\(2016-2017\).pdf](http://www.cbr.ru/today/publications_reports/on_2015(2016-2017).pdf)

8. *Пронин А.В.* О правовой природе санкций ЕС в отношении РФ // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 2 (24). С. 33–36.
9. ЦБ: банки России способны выдержать кризис // Вести: экономика // <http://www.vestifinance.ru/articles/42747>

Reference list

1. Federal Law dated 10.07.2002 № 86-FL (as amended on 04.11.2014) "On the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia)" (July 10th, 2002) // Legal Reference System "ConsultantPlus".
2. Federal Law "On banks and banking activity" dated 02.12.1990 № 395-1 (the current version of 04.11.2014) // Legal Reference System "ConsultantPlus".
3. Federal Law dated 10.12.2003 № 173-FL "On currency regulation and currency control" (the current version of 04.11.2014) // Legal Reference System "ConsultantPlus".
4. *Anan'ev D.* The banking sector of Russia: results and prospects of development // Money and credit. 2009. № 3. P. 3–9.
5. Central Bank: The Russian banks are able to survive the crisis // News: Economy // <http://www.vestifinance.ru/articles/42747>
6. Overview of the banking sector of the Russian Federation. Fundamentals. 2014. № 146 // The Central Bank of the Russian Federation. Banking Supervision and Regulation Department // http://cbr.ru/analytics/bank_system/obs_ex.pdf
7. *Pronin A.* On the legal nature of the EU sanctions against the Russian Federation // Historical and socio-educational thought. 2014. № 2 (24). P. 33–36.
8. The number of banks in Russia – dynamics for 2007–2014 years, the further capital and the number of banks in the regions – wise // bankirsha.com // <http://bankirsha.com/kolichestvo-bankov-v-rossii-na-konec-goda-finansovyi-krizis-ustavnoi-kapital-i-chislennost-bankov.html>
9. The primary areas for the single state monetary-and-credit policy for 2015 and the period of 2016 and 2017 years // Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia) // [http://www.cbr.ru/today/publications_reports/on_2015\(2016-2017\).pdf](http://www.cbr.ru/today/publications_reports/on_2015(2016-2017).pdf)

УДК 321

Тихонов А.В.,

доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра социологии и социальных технологий Института социологии Российской академии наук

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМ РЕФОРМИРОВАНИЯ ВЛАСТНО-УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ВЕРТИКАЛИ

Статья представляет собой краткое изложение результатов исследования, проведенного Центром социологии управления и социальных технологий ИС РАН в 2011–2013 гг. в рамках мета-проекта «Гражданская экспертиза сферы управления». В фокусе внимания проекта – проблема реформирования отечественной системы управления в связи с новыми вызовами и стратегиями развития страны в XXI в. Об этом многие пишут и говорят, но мало кто начинает свои рассуждения с диагноза состояния системы управления и заканчивает анализом последствий различного рода вмешательств. В статье предпринята попытка соединить социологический и культурологический подходы для экспликации оценок гражданами страны различных аспектов функционирования властно-управленческой вертикали. Эта вертикаль перманентно находится в неустойчивом динамическом равновесии с внешней и внутренней средой, выполняя при этом сложные и противоречивые функции воспроизводства государственно-общественных отношений и, одновременно, инициирования их изменений. Социологический подход дает возможность измерить степень электоральной поддержки гражданами действий органов власти и управления, а культурологический – позволяет учесть весь диапазон оценок, свидетельствующих о способности граждан принимать рациональные решения. В этой связи был предложен триплекс-анализ как новый способ измерения различных аспектов функционирования властно-управленческой вертикали на основе оценок граждан. Он включает в себя как манихейские критерии (только «за» и только «против» в отношении работы органов власти и управления), так и критерий медиации («срединности»), трактуемый как возможность участия граждан в поисках более рационального и взвешенного «третьего пути». Помимо обоснования научной и практической актуальности данного исследования, в статье представлены примеры эмпирической проверки гипотез о факторах, влияющих на формирование различных диспозиций населения, и выводы о возможностях прогнозирования перспектив трансформации властно-управленческой вертикали на основе процедур триплекс-анализа.

Ключевые слова: социетальная регуляция, властно-управленческая вертикаль, реформирование, социологический и культурологический подходы, ментальность, оппозиции массового сознания, манихейство, медиация, триплекс-анализ

Tikhonov A.,Doctor of Sociology, Professor, Head of the Center of Sociology and Social Technologies,
Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences

RESEARCH OF THE ISSUES OF REFORMING OF POWER-MANAGERIAL VERTICAL

The article has the form of an executive summary of the results of research, conducted by the Center of Management Sociology and Social Technologies of Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences within the

frameworks of the meta-project named as "Civil expert review of the scope of management", which was actualized from 2011 to 2013 years. The focus of the project is the issue of reforming of the national system of management in connection with new challenges and development strategies of the Country in the XX century. Many people write and say about the issue, but few people begin their reasonings with the diagnosis of the condition of the system of management and complete the analysis of the implications of various interventions. In this article there is an attempt to combine sociological and culturological approaches to the explication of assessments of various aspects of functioning of power-managerial vertical by the citizens of the Country. This vertical belongs in unstable dynamic equilibrium with the external and internal environment permanently, while carrying out the complex and controversial functions of reproduction of state-social relations and initiation of their changes simultaneously. A sociological approach provides an opportunity to measure the degree of electoral support of the activity of the authorities of power and management by the citizens, but culturological approach allows considering the complete range of assessments demonstrating the ability of the citizens to make rational decisions. In this regard, the triplex-analysis as a new method of measuring of various aspects of functioning of power-managerial vertical based on the assessments of the citizens was proposed. It is involved Manichaeic criteria (only "pro" and only "con" as for the work of authorities of power and management), and the criteria of mediation (the median), interpreted as the ability of participation of the citizens to search a more rational and balanced "third way". Besides the provision of a rationale for scientific and practical justification of this research, the article is contributed the examples of empirical testing of hypotheses about factors, influencing to the formation of various dispositions of the population and conclusions about possibilities of forecasting the prospects of transformation of power-managerial vertical based on the procedures of triplex-analysis.

Keywords: societal regulation, power-managerial vertical, reforming, sociological and culturological approaches, mentality, oppositions of mass consciousness, Manichaeism, mediation, triplex-analysis

Научная и практическая актуальность исследования

Проблемы социетальной регуляции отношений в обществе, к которым относятся генезис и функционирование властно-управленческой вертикали, теоретически рассматриваются в работах Т.И. Заславской, Н.И. Лапина, Ж.Т. Тощенко и целого ряда других российских исследователей. В последнее время всплеск внимания к политическому аспекту этих проблем возник в связи с протестными движениями в период выборов в Государственную Думу и Президента РФ (на который пришелся и эмпирический этап нашего исследования) и в связи с 20-летием проводимых в стране реформ. Последнему посвящен, например, целый номер журнала научно-исследовательского комитета университета «Высшей школы экономики»¹. Здесь, наряду с выступлениями известных экономистов, непосредственных участников реформ 1990-х годов (Я.М. Уринсон, С.Ю. Глазьев, М.Л. Григорьев), напечатана и статья М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой и М.Е. Петухова «Юбилей российских реформ, социологический диагноз»². В ней представлены уже не откровения очевидцев и не самооправдание причастных, а эмпирические данные двух исследований: 1) «Новая Россия: десять лет реформ» (2001, ИС РАН) и 2) «Двадцать лет реформ глазами россиян» (2011, ИС РАН), где динамика событий представлена одновременно и как история противостояния двух лагерей: сторонников и противников реформ. Если в 2001 г. их соотношение составляло 47 и 37%, то сегодня разрыв сократился (34 и 29% соответственно) при увеличении слоя «срединников»

¹ Мир в 2030 году: прогнозы американских экспертов (о докладе Национального разведывательного совета США «Глобальные тенденции 2030: альтернативные миры»). Аналитические доклады ИМИ. Вып. 3 (38). – М.: МГИМО, 2013. – 36 с.

² Горшков М.К., Петухов В.В., Тихонова Н.Е. Юбилей российских реформ: Социологический диагноз // Мир России. – 2012. – № 1. – С. 79–122.

или, по-нашему, медиаторов, не придерживающихся крайних позиций. При этом не может не настораживать странная закономерность: реформы у нас идут все эти годы одна за другой, но нельзя назвать ни одной, которая закончилась бы общепризнанным положительным результатом.

Случайно ли это? Какую роль при этом играет сама «властно-управленческая вертикаль»? Трудно ответить однозначно. Возможно, дело в том, как пишут авторы статьи, что необходимые «преобразования в стране начались как реформирование “сверху”, – без учета не только мнения населения, но и позиции депутатского корпуса». Приход к власти «умеренных реформаторов» во главе с В.В. Путиным только частично устранил отрицательные последствия этой политики, оставляя без изменения «не поддающиеся пока решению проблемы неэффективного государственного управления, чрезмерного роста социальной дифференциации, неработающие законы и отстающую в развитии социальную сферу»³. Все это, вроде бы, дает веские основания говорить о провале такого типа реформирования. Но никто, кроме крайних противников, такого заключения пока не делает.

Остается добавить к выводам уважаемых коллег, что формирование властно-управленческой вертикали происходило не только без участия общества, но и с нарушением хорошо известных кибернетических законов: о необходимом информационном разнообразии субъекта и объекта управления, о действии положительной и отрицательной обратной связи и др., не говоря уже о медицинском законе «не навреди». При этом у нас отсутствуют примеры того, чтобы наши реформы обеспечивались каким бы то ни было научным или, тем более, социологическим сопровождением.

Казалось бы, все понятно. Есть исчерпывающий ответ: виноват традиционный для России авторитарный стиль управления, для которого жесткая вертикаль власти и есть управление. Но и после такого, вполне правдоподобного утверждения, подлинные проблемы конструирования в России механизма социетальной регуляции происходящих у нас процессов не проясняются. Стили, кроме того же авторитарного, бывают еще, например, либеральными (в смысле попустительства), демократическими и смешанными. При этом они могут быть более или менее адекватными реальным проблемам выживания и развития страны, отвечать интересам всех, большинства или только отдельных слоев общества. Но кто может с уверенностью сказать, какой стиль или способ управления адекватен внешним и внутренним вызовам в конкретных исторических условиях, а какой нет? Кто скажет, как, на самом деле, складываются эти стили: спонтанно, снизу или только конструируются органами власти и управления сверху? Может ли быть гарантией адекватности стиля управления реальным вызовам и угрозам та или иная поддержка его населением? Какой процент поддержки достаточен, чтобы власть и управление были и легитимны и эффективны? Во всем этом нет ясности. Несомненно, что без научных исследований ответить на эти и подобные вопросы не представляется возможным.

Похоже, что и у нас, и за рубежом только сейчас наметился серьезный поворот политиков к решению проблем управления: социально-политическими, экономическими, экологическими и др. процессами на научной основе. За последние годы эти процессы не раз показывали свою неукротимую стихийно-разрушительную силу, несмотря на то, что начинались из самых благих намерений или, во всяком случае, представлялись такими. Не случайно, в последнем докладе Национального разведывательного совета США под названием «Глобальные тенденции 2030: альтернативные миры» говорится, что сегодня в основу про-

³ Горшков М.К. Профессиональный праздник как повод для раздумий // Социологическая наука и социальная практика. – 2013. – № 1. – С. 5–11.

гнозных оценок специалисты кладут как традиционные показатели типа ВВП, численность населения, уровень технологических инноваций и т.п., так и критерий развитости систем управления в отдельных регионах и странах⁴. Последнее хочется подчеркнуть двумя жирными линиями.

«Развитость систем управления» сегодня действительно становится стратегическим ресурсом, который учитывается экспертами при формировании прямых и альтернативных сценариев на глобальном, региональном и местном уровнях. Но на вопрос, учитывают ли такую «развитость» субъекты принятия решений наших властно-управленческих структур, трудно ответить определенно. Будем считать, что они не вполне учитывают или даже не вполне знают, что это надо учитывать, поскольку заказов на разработку индикаторов «развитости» мы в Российской академии наук не получали.

Директор ИС РАН, академик М.К. Горшков, подчеркивая сложность, противоречивость и конфликтность процессов развития нашей страны, обращает внимание на то, что эта ситуация должна в скором времени кардинально измениться, и что социолог, в этих условиях, все в большей степени должен становиться востребованным как эксперт. «По сути дела, – пишет он, – на нас возлагается никем не заменимая роль научно-исследовательской экспертизы и прогнозирования возможных социальных результатов политико-управленческих решений»⁵. С этим нельзя не согласиться. Возлагается. Но в планах фундаментальных исследований государственных академий на 2013–2020 гг., где говорится о необходимости решения методологических проблем анализа трансформации российского общества и разработок социальных технологий управления, специального финансирования таких разработок не предусмотрено.

Мы предлагаем обратить внимание на некоторые, пусть еще и не окончательные, результаты измерений степени «развитости отечественной системы управления» по совокупности социологических и культурологических критериев, на основе материалов нашего пилотного исследования 2010–2013 гг. в рамках мета-проекта «Гражданская экспертиза сферы управления», в надежде на его полномасштабную реализацию в ближайшем будущем.

Цель, задачи и этапы исследования

Система властно-управленческой вертикали состоит из отношений органов власти и управления и населения как субъекта, делегировавшего этим органам полномочия на сохранение и развитие общества как целого с учетом его интересов и потребностей. Неотъемлемыми элементами, или «клетками» этой системы выступают социальные группы, структурированные по характеру отношения к результатам деятельности вполне определенных органов власти и управления – от их полной поддержки до полного неприятия. Понятно, что крайние позиции («полная поддержка» и «полное неприятие») идеальны, в духе модели М. Вебера. Реальные диспозиции содержат элементы того и другого и, в определенной степени, отражают напряженность отношений между государством и обществом.

Целью нашего исследования выступает диагностика состояния властно-управленческой вертикали на основе экспликации структуры и содержания этих диспозиций. Диагностика здесь понимается в буквальном смысле слова как процедура оценки степени под-

⁴ Мир в 2030 году: прогнозы американских экспертов (о докладе Национального разведывательного совета США «Глобальные тенденции 2030: альтернативные миры»). Аналитические доклады ИМИ. Вып. 3 (38). – М.: МГИМО, 2013. – 36 с.

⁵ Горшков М.К. Профессиональный праздник как повод для раздумий // Социологическая наука и социальная практика. – 2013. – № 1. – С. 5–11.

держки населением способности властно-управленческой вертикали осуществлять свои функции. Отсюда ее название – «гражданская». Задачами являются:

- 1) опробовать диагностические возможности оценки властно-управленческой вертикали на основе использования полной диспозиционной шкалы: сторонники – «срединники» – противники;
- 2) определить, каким социально-смысловым содержанием наполняются отношения между органами власти и управления, с одной стороны, и населением – с другой, в зависимости от характера решаемых социальных и политических проблем (вызовов);
- 3) выяснить степень социальной сензитивности (чувствительности) населения к решению органами власти и управления внешних и внутренних проблем как угроз нашему выживанию и развитию;
- 4) на основе социальной диагностики плюсов и минусов функционирования властно-управленческой вертикали сделать экспертное заключение о перспективах радикального реформирования этой сферы;
- 5) оценить познавательные возможности нового измерителя (триплекса), а также сочетания полевого и дистанционного способов сбора первичной социологической информации.

Исследование проводилось в пять этапов. 1. Концептуальное обоснование методологического подхода к исследованию функционально-дисфункциональных проявлений властно-управленческой вертикали. 2. Проведение репрезентативного опроса населения в полевом режиме и в режиме онлайн для сравнения и оценки возможностей дистанционного сбора информации с традиционными (полевыми) методами. Проверка гипотез о факторах, влияющих на состав функциональных диспозиций населения (так называемых «триплекс-групп»). 4. Экспертное заключение о проблеме и дальнейшей работе над проектом.

*Теоретико-методологическое обоснование диагностики состояний
и перспектив трансформации властно-управленческой вертикали*

В специальной литературе сегодня идет жаркая полемика относительно специфики трансформационных процессов российского общества. Известны термины, введенные в работах С.Г. Кирдиной («институциональные матрицы»), О.Э. Бессоновой («раздаточная экономика»), С.Г. Кордонского, М.Ф. Черныша («сословная структура российского общества»), О.И. Шкаратана и В.В. Радаева («этакратизм российского социума»), Ю.С. Пивоварова, А.И. Фурсова («отношение к государственной и частной собственности») и др. авторов. Полемизируя с ними, А.И. Липкин, например, утверждает, что для оценки трансформационных процессов в современной России наиболее подходит теория взаимопроникновения двух моделей социальной организации общества: «приказной», основанной на централизованном механизме мобилизации населения на преодоление внешних и внутренних угроз, и «договорной», идущей от принципов «общественного договора» Гоббса и Локка⁶. На самом деле, в общетеоретическом плане позиции всех авторов достаточно интересны, но важно все же и им и нам всем научиться соотносить масштаб теоретизирования и свои возможности эмпирической проверки тех или иных гипотез.

Наибольшим потенциалом в этом отношении, на наш взгляд, обладает социокультурный подход в общей социологии, разрабатываемый Н.И. Лапиным и другими авторами, кото-

⁶ Липкин А.И. Россия между несовременными «приказными» институтами и современной демократической культурой // Мир России. – 2012. – № 4. – С. 40–62.

рый исходит из того, что сегодня на авансцене появляется человек как социальный субъект, деятельность которого сопоставима с действиями социальных институтов⁷. Этот субъект не только интернализует нормы и ценности общества, но и воздействует на его компоненты в соответствии с новыми потребностями и интересами при непрерывном возрастании (за счет научно-технологического прогресса) обеспеченности ресурсами как групповой, так и персональной деятельности.

Этот подход позволяет лучше понять, и, главное, эмпирически исследовать реальные и возможные тренды трансформации российского общества в исторически заданных обстоятельствах. Логика такой трансформации раскрывается при анализе теоретически выделенных инверсионных пар происходящих процессов типа спад – подъем, экстенсивное – интенсивное (развитие), конфронтация – согласие, мобильность – стабильность, организованность – дезорганизованность и т. п. По этой логике, сама властно-управленческая вертикаль является реальным компромиссом между «приказной» и «договорной» моделями организации общественной жизни, между так называемыми «вертикалью» и «горизонталью». Любые реформы – тоже компромиссы между инструментальными результатами и социальной устойчивостью правящей вертикали. Если реформы односторонние, то они неминуемо будут порождать контрреформы, что невольно возвращает наше развитие на старые «манихейские» круги: от красных к белым, от левых к правым, от архаики к инноватике и обратно. В этой связи следует более глубоко изучать механизмы согласования – рассогласования позиций противоборствующих сторон и выведения их на конструктивные решения. Эта проблема была поставлена в свое время в работах П. Сорокина, А. Ахиезера и сегодня развивается А.П. Давыдовым как проблема социокультурных трансформаций через образование «срединных» социоментальных групп.

Гипотеза такова: существование в нашем обществе постоянно враждующих лагерей «сторонников» и «противников» реформ есть следствие исторически сложившегося социокультурного раскола. К нему мы привыкли как к должному состоянию и традиционно пытаемся решать новые задачи старым способом: уничтожать противников, наивно полагая, что хорошее и справедливое общество сразу наступит, как только убьем последнего «дракона». То, что такое состояние ментальности неизбежно приводит к печальным катастрофам, многократно отмечалось в работах А. Янова, И. Клямкина, И. Яковенко, Г. Тульчинского, И. Кондакова, В. Межуева, И. Ионова, В. Федотовой и того же А.П. Давыдова. При этом решение возникающих в обществе острых проблем-оппозиций, начиная со времен борьбы западников и славянофилов, уважаемые авторы как не связывали, так и не связывают с изменениями способов функционирования властно-управленческой вертикали. Возможно поэтому проблема перспектив формирования в России «срединной» культуры повисает в затяжных культурологических спорах и не выходит на эмпирическую стадию.

В концептуальной схеме нашего исследования используется такая единица измерения, как группы респондентов, связанных различными отношениями к одному и тому же предмету – к действиям конкретного властно-управленческого органа, призванного одновременно учитывать содержание задачи как проблемы социетального, группового и индивидуального уровней. Мы назвали эту единицу «социоментальным триплексом» (от лат. «triplex» – тройственность, тройной). Под ментальностью (лат. «mentalis» – умственный) понимается комплекс образа мыслей (духовных установок, эмоциональных построений), определяющих способ принятия решений в условиях альтернатив. Известно, что люди могут не отличаться друг от друга по многим социальным показателям (по полу, возрасту, образованию, социальному положению), но различия по ментальности очень часто разводят их по разные

⁷ Лапин Н.И. Пути России. – М.: ИФ РАН, 2000. – 194 с.

стороны баррикад. Социологи знают, что поведение в конкретных обстоятельствах определяется теоремой У. Томаса, которая, однако, не учитывает, что социальная реальность эксплицируется нашим сознанием не непосредственно, а опосредовано, через согласие или несогласие с другими. Логика «либо – либо» формирует своего рода «диктатуру статичного мышления» (А.П. Давыдов), консервирует наше мышление на одной из сторон противоположности, а логика развития идет через формирование (открытие) новых смыслов, через творческий поиск альтернативной позиции в условной середине.

Ниже (в таблице) мы назвали традиционно «колеблющихся» между крайними позициями «медиаторами», поскольку особенность середины, на наш взгляд, не в колебаниях, а в дистанцировании от крайностей и, в этом смысле, в вольном или невольном выполнении функции регуляции отношений между сторонниками и противниками, поддержания конструктивного диалога. Триплексы называются у нас «функциональными диспозициями», поскольку ни одна позиция не рассматривается в изоляции от двух других. Триплексы – подвижные, динамичные социоментальные образования. Может со временем меняться их персональный состав, а с ним целый набор социальных и личностных качеств, но структурно это довольно устойчивые соотношения групп людей по их поведению в конкретных социально значимых ситуациях. В аналитических целях мы различаем шесть видов триплексов.

1. Уравновешенное плато (все три позиции примерно равны).

2. Отрицательная динамика (число противников выше, чем число колеблющихся и сторонников).

3. Положительная динамика (число сторонников выше, чем число колеблющихся и противников).

4. С «выгнутой» серединой («медиаторы» выполняют основную регулирующую функцию между сторонниками и противниками). Единицу измерения – группы респондентов, связанные различными отношениями к действиям конкретного властно-управленческого органа, призванного одновременно учитывать содержание задачи как проблемы социетального, группового и индивидуального уровней – мы назвали «социоментальным триплексом».

5. С «вогнутой» серединой (между крайними позициями возможна усиленная конфронтация).

6. Коленчатая (либо отрицательная, либо положительная динамика количественно поддерживается «медиаторами»).

В итоге, помимо количественного анализа, исследователь получает возможность графического рассмотрения отношения населения к вертикали с помощью пиктограмм. В нашем исследовании потенциал методики проверялся при анализе четырех ситуаций: 1) оценивание состояния властно-управленческой вертикали (по соотношению противников, «медиаторов» и сторонников – см. таблицу) и распределению оценок в отношении необходимости радикального реформирования вертикали; 2) влияние различных факторов на структуру и содержание триплексов в поле действия властно-управленческой вертикали; 3) социальная сензитивность населения к способности органов власти и управления адекватно реагировать на внешние и внутренние вызовы; 4) обеспокоенность респондентов трудно устранимыми (и органическими для российского социума) «недостатками» современной модели управления.

Ниже мы рассмотрим некоторые результаты анализа эмпирического материала в каждой из этих ситуаций (см. таблицу). Справочно: опрошено 3078 респондентов, из них полевой опрос по анкете – 1734, интернет-опрос – 1344 человека. Эмпирическая проверка валидности исследования дана в коллективной монографии⁸.

⁸ Социология управления: фундаментальное и прикладное знание. – М.: Канон+, 2014. – 560 с.

Триплекс-анализ состояния и перспектив властно-управленческой вертикали

Властно-управленческая вертикаль – это совокупность формальных и неформальных механизмов регуляции институциональных отношений в обществе (прежде всего власти, собственности и управления) в целях поддержания социального порядка и достижения инструментальных результатов.

Вертикаль состоит из нескольких уровней, каждый из которых отвечает за свой участок социума и одновременно за сохранение себя в структуре вертикали: 1) федеральный, 2) региональный, 3) местный (поселенческий), 4) уровень отдельной организации, критерием деятельности которой является производство конечного продукта (результата).

По способности поддержания социального порядка в самых экстремальных условиях и обеспечения при этом участия всех групп и категорий населения в принятии социетальных, институциональных и менеджериальных решений, определяется, на наш взгляд, «развитость» и самих систем управления. Как пишет Н.И. Лапин, власть для одних представляет желаемую ценность, для других – антиценность, а третьи проявляют к ней безразличие. По его данным, в России ценность власти признают около 20% населения, безразличие проявляют 14%, а негативное отношение испытывают 66%⁹. Не удивительно, что народ нередко пассивно относится к выборам в органы власти. Однако это совсем не значит, что респонденты с негативным отношением к власти как к ценности не выражают ей поддержку в определенных ситуациях. В нашей ментальности «власть» и «управление» – синонимы. Проблема в связи с этим – не столько в «дефиците демократии», сколько в «дефиците управления» в работе органов власти и в низкой социокультурной компетентности кадров, благодаря чему даже самым демократическим способом избранный руководитель завтра может превратиться в местного «наполеончика». Как и в случае с данными исследованиями об отношении россиян к реформам¹⁰, важно знать, кто стоит за отношением к власти и как это отношение связано с выполнением органом власти функций управления.

Показатели электоральных предпочтений населения (число проголосовавших за определенного кандидата) оставляют в тени и другой важный вопрос: что представляют собой те, кто не принял участия в голосовании или проголосовал против? Не говоря уже о том, является ли легитимной власть, избранная меньшинством населения, пришедшем на выборы? При одностороннем подходе к исследованию социально-политических процессов мы упускаем из вида более фундаментальные явления, а именно: кто те, кто на самом деле вершат социетальную политику за спинами избирателей и населения? Это беспокойство нашло свое выражение в работах известных западных социологов (Т. Адорно, Х. Арендт, Э. Фромм, У. Бек, П. Бурдьё и др.), на которых ссылается З. Бауман в предисловии к русскому изданию своей увлекательной книги «Индивидуализированное общество»: «В наше время, – пишет он, – возникает новая форма власти, порывающая с традиционным методом управления на основе правил и соглашения с народом и использующая дерегулирование (считай, непрерывное реформирование. – *Авт.*) в качестве своего главного рычага. Человек может быть в гораздо большей степени зависим от институциональных сил, о существовании которых он даже не подозревает, но, несмотря на это, ему все равно придется расплачиваться за принятие или не принятие ими решений»¹¹. Это так. И чем больше власть подминает под себя управление,

⁹ Лапин Н.И. Пути России. – М.: ИФ РАН, 2000. – 194 с.

¹⁰ Горшков М.К., Петухов В.В., Тихонова Н.Е. Юбилей российских реформ: Социологический диагноз // Мир России. – 2012. – № 1. – С. 79–122.

¹¹ Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ; Под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2005. – 390 с.

тем больше вероятность того, что келейно принятые решения приобретут надличностный характер. При фактическом переплетении функций власти и управления мы более полно сможем судить о состоянии социетальной системы, если возьмем за основу социоментальные триплексы, где одновременно представлены позиции «за», «против» и «середины» (см. таблицу). Остается чисто методический вопрос, который мы сейчас не обсуждаем: как эти триплексы сконструировать, чтобы измерение оставалось научным?

Общий анализ властно-управленческой вертикали

Обращаем внимание, прежде всего, на правую сторону таблицы, на категорию «не ответившие». Таких по всей иерархии властно-управленческой вертикали оказалось от 14 до 20%. Это те, кто по разным причинам не захотел давать оценку органам власти и управления. По западным меркам, это те категории людей, которые не верят в добрые намерения своего государства. У нас они составляют пока меньшинство, а остальные (левая сторона таблицы), все еще верят, что наша власть способна выполнять свои обязательства перед населением (это ее сторонники). По-своему верит и средний слой: «медиаторы» занимают взвешенную позицию, не вступая в конфронтацию с одними и не сливаясь с другими.

Что показывает анализ триплексов? Оказалось, что на федеральном уровне самая слабая позиция у законодательных органов. Здесь не только сильная отрицательная динамика, но и превышение в два раза числа противников над числом сторонников. Наиболее показательными являются и крайние проявления своей позиции: среди противников 25,6% у Думы и 23,6% у Совета Федерации. У исполнительной власти наихудшее положение в руководстве отраслями народного хозяйства. Здесь наибольший процент «не ответивших» (20,4%). Основная масса населения, скорее всего, плохо знает, чем занимаются отрасли. Здесь тоже довольно высокий процент противников (43,5%) – в два раза больше, чем сторонников. В целом у этой структуры тоже обнаруживается ярко выраженная отрицательная динамика.

Президентская и правительственная власти отличаются профилями триплексов. У первой довольно устойчивое распределение противников, сторонников и «медиаторов» (почти поровну), а у Правительства «коленчатое плато» – заметная отрицательная динамика. Эту динамику повторяет уровень управления регионами и уровень администрации городов и сел, где также видна отрицательная динамика. Последнее всегда означает, что срединная часть воздерживается от социальной поддержки управленцев определенного уровня. Чем больше власть подминает под себя управление, тем больше вероятность того, что келейно принятые решения приобретут надличностный характер.

Отдельного комментария требует оценка респондентами работы самого широкого по охвату, близкого и понятного любому гражданину уровня управления конкретной организацией.

Это то место, где действует непосредственная связь личного и общественного, индивидуального и институционального. Мы обнаружили, что именно здесь властно-управленческая вертикаль в нашей стране имеет положительную динамику, т.е. большое (больше половины) и растущее число сторонников. Качественный анализ состава триплекс-структур, приведенный ниже, свидетельствует о наибольшей концентрации на этом уровне инновационного социального потенциала страны. Это обнадеживающее обстоятельство говорит о том, что у России есть естественная и мощная социальная база реформ «снизу».

Наш анализ показывает, что в целом властно-управленческая вертикаль находится в неустойчивом состоянии. Она имеет интенцию к глубоким изменениям как на уровне пред-

ставительной власти, так и на уровне правительства и отраслевых министерств. Управление в городах, поселках и селах в общем процессе трансформации вертикали пока существенной роли не играет.

Система управления в стране, по нашим данным, поддерживается в рабочем состоянии с двух сторон: сверху – стабильной (равновесной) позицией Президента РФ, и снизу – положительной динамикой в управлении организациями, поддерживающей общий оптимистический настрой в стране. Кроме того, что не вполне очевидно, особую стабилизирующую роль выполняет категория «медиаторов» (треть опрошенных), которая в численном соотношении достаточно велика, чтобы поддержать, в случае изменения социально-политической конъюнктуры, сторонников конструктивной программы реформирования властно-управленческой вертикали одновременно и снизу, и сверху, или поддержать противников нынешнего политического курса, если дело дойдет до радикальных перемен «снизу». Эти выводы сделаны нами в «первом приближении», поскольку требуется более детальное рассмотрение состава и ориентаций выделенных нами социоментальных групп по другим параметрам и продолжение исследований в регионах на основе мониторинга.

Таблица

Функционально-диспозиционные структуры (триплексы) отношения населения к властно-управленческой вертикали, %

Триплексы (СМГ) Уровни системы управления	Противники (в т.ч. «ярые»)	«Медиаторы»	Сторонники (в т.ч. безусловно)	Неответившие
1. Президент РФ	34,6 (15,1)	33,4	32 (7,3)	16,4
2. Правительство РФ	36,8 (16,4)	35,1	28 (5,0)	13,8
3. Государственная Дума	49,8 (25,6)	31,6	18,6 (4)	19,8
4. Совет Федерации	47,7 (23,6)	35,4	19,9 (4)	14,1
5. Отраслевые министерства	43,5 (16,5)	34,9	21,6 (5)	20,4
6. Управление регионами	39,5 (13,3)	35,2	28,9 (6,8)	14,8
7. Администрация города, поселка, села	38,1 (15,7)	35,8	26,1 (5,1)	13,6
8. Администрация предприятия, организации	26,9 (11,4)	32,1	41 (11,5)	16,9

Проверка гипотез о факторах, влияющих на формирование функциональных диспозиций населения

В соответствии с поставленными задачами мы проверили влияние восьми групп факторов на распределение респондентов в триплексах по всей властно-управленческой вертикали. Содержание этих факторов в основном хорошо известно социологам. Предполагалось, что каждый из восьми исследуемых факторов влияет на формирование функциональных диспозиций респондентов, что позволяет, с одной стороны, создать обобщенные портреты сторонников и противников органов власти и управления, а с другой – ранжировать эти факторы по степени их влияния. Покажем возможности этого подхода на примере двух крайних уровней: анализа триплекс-групп в отношении 1) работы аппарата Президента РФ и 2) администрации низовых организаций (предприятий). Каждый из этих уровней представ-

ляет собой обширный предмет исследований. Их разработка является плановой темой отдельных сотрудников нашего Центра. В данной статье гипотезы о факторах носят эмпирический характер.

Портрет противников Президента РФ

Это мужчины в возрасте до 30 лет, неважно какого семейного положения, с высшим образованием, занятые преимущественно умственным трудом, имеющие опыт участия в управлении, высокий уровень достатка, принципиально не участвующие в федеральных, региональных и муниципальных выборах, достаточно активные в общественном и коммуникативном поле, с высокой инновационной ориентацией, в основном работающие в организациях со смешанной формой собственности; из тех, кто обращался с просьбами и предложениями в органы власти местного и регионального значения и не получал удовлетворительных ответов. Портрет сторонников Президента РФ. Это преимущественно женщины в возрасте от 40 лет и старше, разведенные, среднего и ниже среднего образования, занятые преимущественно физическим трудом, не имеющие опыта в управлении, активно участвующие в федеральных, региональных и местных выборах, с невысоким достатком, но с собственной жилой площадью, не бывавшие за рубежом, не проявляющие особой общественной и коммуникативной активности, с умеренными ориентациями на инновационность, с повышенной психологической тревожностью, проживающие в основном в поселках городского типа и в сельской местности, редко обращающиеся в органы власти по месту жительства, но при этом удовлетворенные результатами их деятельности.

Теперь рассмотрим по такой же схеме портреты противников и сторонников администрации предприятий (организаций), в которых непосредственно работают респонденты. Напомним, что это единственный элемент властно-управленческой вертикали, который имеет явно выраженную положительную динамику и «подпирает» своим существованием властно-управленческую вертикаль «снизу».

Портрет противников администрации организаций (предприятий)

Здесь нет гендерного фактора. Возраст – 50 лет и более; семейное положение и образование не играют роли; занятость неполная; не имеют опыта управления; жилищные условия – квартира; уровень достатка не влияет на отношение к администрации; участие или не участие в федеральных или других выборах не имеет большого значения в отношении к администрации. Проявление или не проявление активности также не имеет значения. Главное личностное качество – консервативность. Форма собственности организации, где работают – государственная и муниципальная; отрасль не имеет значения. Не обращались с просьбами в органы местного самоуправления.

Портрет сторонников

Имеет прямо противоположные черты. Это, в основном, мужчины до 35 лет, семейные, образование высшее, заняты преимущественно умственным трудом, имеют опыт в управлении, высокий достаток, свой дом, опыт заграничных поездок, не участвуют в выборах, активные пользователи интернета, с высокой степенью общественной и коммуникативной актив-

ности; основное качество личности – инновационность, при этом – высокая психологическая тревожность. Работают в организациях частной и смешанной форм собственности; не обращались в органы местной власти и управления.

По такой же схеме нами составлены портреты социально-ментальных групп по каждому уровню вертикали, на которых мы здесь не можем останавливаться. Уже по приведенным примерам видно, что за количественными величинами стоят заметные качественные различия между сторонниками, медиаторами и противниками работы органов власти и управления. Дальнейшая работа над категоризацией и индикацией признаков оценки деятельности властно-управленческих структур позволит повысить научную и прикладную ценность предложенного подхода для экспертных целей.

*Возможность количественной оценки влияния факторов на структуру
и содержание триплексов*

В качестве методического правила берем размах отклонения от средней величины признака в плюсовую и минусовую стороны. Приблизительная оценка показала, что на первом месте по вкладу в структуру отношения населения к органам власти и управления выходит отрицательный опыт обращения респондентов в местные органы. Этот факт сказался на составе противников и сторонников. На втором месте оказался фактор электоральной активности. Практически все самые низкие оценки Президента и Госдумы идут от респондентов, которые не участвовали в федеральных, региональных и муниципальных выборах. На третьем месте по влиянию находится такой необычный фактор, как опыт управленческой деятельности у респондентов. Он вводится нами впервые. Все, имеющие такой опыт, дают более низкие оценки деятельности органов власти и управления, чем не имеющие такого опыта. Далее идут факторы образования и пола. Респонденты с высшим образованием, не говоря уже о тех, кто имеет научную степень, дают наиболее низкие оценки всем уровням вертикали, кроме последнего (организации) и больше всех поддерживают противников органов власти и управления. Это же относится и к отраслевому аспекту деятельности респондентов: наиболее критичны те, кто занят научной деятельностью и работает в сфере образования. Такие демографические признаки, как пол и возраст, играют важную роль только в некоторых случаях, о которых следует говорить в контексте ситуации.

Заключение

Разумеется, эти данные – еще далеко не полная картина отношения респондентов к иерархии структуры власти и управления. Это иллюстрация возможностей получить новое знание с помощью анализа триплекс-групп в процессе исследования специфических проблем трансформации властно-управленческих структур российского общества. Более обстоятельный ответ на поставленные вопросы может быть получен на основе представительных мониторинговых исследований по регионам с разным уровнем цивилизационного развития.

К сожалению, мы опускаем из описания интересные, но уводящие несколько в сторону данные о степени соответствия деятельности властей различных уровней внешним и внутренним угрозам. Скажем только, что число обеспокоенных неудовлетворительным положением дел по отдельным направлениям внутренней и внешней политики среди сторонников и противников доходит до 60–80%. Во внешней политике, еще до присоединения Крыма

и западных санкций, наибольшее беспокойство вызывали действия США и НАТО, а во внутривластной жизни коррупция в органах власти и жилищный вопрос.

В этом проявляется общее понимание критической ситуации в стране и в мире и сторонниками, и противниками существующих властно-управленческих структур. Различными являются способы решения, вплоть до категорического неприятия планов и программ противоборствующими сторонами. Однако есть и большой потенциал выработки в обществе компромиссных (срединных) решений, что в отдельных случаях набирает до 40 процентов голосов, что не может не содействовать разработке оптимальных процедур работы всей властно-управленческой вертикали.

Список литературы

1. Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ.; Под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2005. – 390 с.
2. Горшков М.К. Профессиональный праздник как повод для раздумий // Социологическая наука и социальная практика. – 2013. – № 1. – С. 5–11.
3. Горшков М.К., Петухов В.В., Тихонова Н.Е. Юбилей российских реформ: Социологический диагноз // Мир России. – 2012. – № 1. – С. 79–122.
4. Лапин Н.И. Пути России. – М.: ИФ РАН, 2000. – 194 с.
5. Липкин А.И. Россия между несовременными «приказными» институтами и современной демократической культурой // Мир России. – 2012. – № 4. – С. 40–62.
6. Мир в 2030 году: Прогнозы американских экспертов (о докладе Национального разведывательного совета США «Глобальные тенденции 2030: альтернативные миры»). Аналитические доклады ИМИ. Вып. 3 (38). – М.: МГИМО, 2013. – 36 с.
7. Социология управления: Фундаментальное и прикладное знание. – М.: Канон+, 2014. – 560 с.

Reference list

1. Bauman Sigmund. The Initialized Society / Translated from English; Under the editorship of V. Inozemtsev. – M.: Logos, 2005. – P. 390.
2. Gorshkov M. The professional holiday as an occasion for mediations // Sociological science and social practice. – 2013. – № 1. – P. 5–11.
3. Gorshkov M., Petukhov V., Tikhonova N. Anniversary of Russian reforms: Sociological diagnosis // World of Russia. – 2012. – № 1. – P. 79–122.
4. Lapin N. Ways of Russia. – M.: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, 2000. – P. 194.
5. Lipkin A. Russia between traditional “mandative” institutions and modern democratic culture // World of Russia. – 2012. – № 4. – P. 40–62.
6. Management sociology: Fundamental and applied knowledge. – M.: Kanon+, 2014. – P. 560.
7. The World in 2030 year: Forecasts of American experts (On the report of the National Intelligence Council of the USA “Global trends of 2030: Alternative worlds”). Analytical reports. Institute for International Research (IIR). Number 3 (38). – M.: MGIMO, 2013. – P. 36.

УДК 338

Горелов Д.В.,

кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента
Московского института государственного управления и права

Маликова Я.И.,

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента
Вологодского государственного университета

ОСОБЕННОСТИ ИННОВАЦИОННО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО КОМПЛЕКСА: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

В статье показаны основные черты и особенности инновационно-образовательного комплекса в России и за рубежом. Дана характеристика инновационно-образовательного комплекса, научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, современная модель инновационного процесса. При исследовании применен метод сравнительного анализа, учтен опыт и показатели зарубежных стран. Проанализированы особенности модели инновационного процесса. Выделены и исследованы основные направления создания инновационной системы, доказана необходимость ее совершенствования. Выявив недостатки современного инновационно-образовательного комплекса, авторы формулируют предложения по созданию современной системы отбора технологий, развитию научно-технического менеджмента.

Ключевые слова: инновационно-образовательный комплекс, инновационный процесс, модели инновационного процесса.

Gorelov D.,

PhD in Economics, Associate Professor of Chair of Management
of the Moscow Institute of Public Administration and Law

Malikova Ya.,

PhD in Economics, Associate Professor, Associate Professor of Chair of Management
of the Vologda State University

THE FEATURES OF INNOVATIVE-EDUCATIONAL COMPLEX: DOMESTIC AND FOREIGN EXPERIENCE

The article is shown the main features and characteristics of innovative-educational complex in Russia and foreign countries. Characteristic of innovative-educational complex, scientific-research and design – experimental works, advanced model of innovation process is provided. While study the method of comparative analysis was applied, taking into account the experience and performances of foreign countries. The authors are analyzed features of the innovation process model. The main areas of creating of the innovation system were studied and distinguished, the necessity of its improvement was established. Having discovered the incompletes of contemporary innovative-educational complex, the authors are formulated proposals for creating of a modern system of selection of technologies, development of scientific-technical management.

Keywords: innovative-educational complex, innovation process, innovation process models

Предприятия и учреждения инновационно-образовательного комплекса (ИОК) ведут инновационный маркетинг, фундаментальные, поисковые и прикладные исследования, организационно-технические разработки и проектирование, освоение нововведений и подготовку кадров высокой квалификации. Выделяется: выпуск новой продукции, освоение новых технологий, современного сырья и синтетических материалов, методов организации производства, труда и управления, видов эколого-социальных связей, новых рынков¹.

При этом высокие и низкие технологии присутствуют и в новых, и в уже сложившихся отраслях². Так как вложения в инновационно-образовательный комплекс весьма рискованны и приносят отдачу только через длительный срок, поддержка государства в финансировании фундаментальных и прорывных поисково-прикладных научно-исследовательских работ необходима. Особенно важна эта поддержка для России и других стран, где частный капитал пока не способен финансировать науку.

В развитых странах в среднем доля государственной поддержки при финансировании фундаментальных исследований не превышает 75%, прикладных исследований – 50%, при поддержке НИОКР, выполняемых в интересах малых предприятий – 25%, а НИОКР, выполняемых крупными компаниями – 10%.

В США государство – основной заказчик высокотехнологичных компаний и прорывных инноваций в университетах. Основными инструментами фискальной политики США в науке являются: налоговые вычеты на инновационную деятельность при налогообложении и налоговые скидки на исследовательскую и экспериментальную деятельность.

В Китае за 20 лет расходы на НИР выросли с 2 до 50 млн дол. Доля НИОКР, в ВВП по данным ОЭСР, в 2000-х годах составляла в Японии – 3,3%, в ФРГ и США – 2,5–2,6%, в Англии, Канаде, Франции – 1,3–2%, в Китае – 1,5%, в России – 1,1%.

Рассмотрим особенности модели инновационного процесса.

Во-первых, современная модель инновационного процесса имеет четко выраженную рыночную ориентацию, начинается не с научно-исследовательской работы, а с научно-технического маркетинга, выявления существующих у потенциальных потребителей проблем, которые могут быть решены за счет нововведений, определения оптимальных параметров и предельной цены этих нововведений.

Во-вторых, модель учитывает механизм обратных связей и взаимозависимостей, межфирменных связей, учитывая условия эксплуатации нововведения у потребителя, появление конкурирующих нововведений. Инновационный процесс при этом превращается в совокупность взаимосвязанных инвестиционных проектов.

В-третьих, наряду с традиционными фундаментальными научно-исследовательскими работами (basis research), направленными на приращение научного знания, выделяются пионерные (поисковые) научно-исследовательские работы как первый этап конкретных инновационных процессов.

Большинство инновационных организаций в развитых странах действует в качестве некоммерческих, и вся их прибыль расходуется на финансирование поисковых НИОКР, помощь малому инновационному бизнесу (частичная оплата услуг по маркетингу, поиску информации, сертификации, страхованию технологических и коммерческих рисков и т.д.), стипендии для наиболее способных студентов, аспирантов и исследователей. Прибыль не

¹ Экономика государственного и муниципального сектора: Учебник для бакалавров / Е.И. Данилина, Д.В. Горелов, Я.И. Маликова. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2015. – 218 с.

² Маликова Я.И. Алгоритм расчета многофакторной производительности // Вестник Московского института государственного управления и права. – 2014. – № 8. – С. 169–172.

может расходоваться на выплату дивидендов и бонусов. Инновационные фонды предоставляют на конкурсной основе гранты, поступающие в распоряжение авторов и исполнителей проектов, которым гарантируется доля прибыли от реализации нововведения. В результате проекты превращаются в самостоятельные дочерние инновационные некоммерческие фонды, действующие в качестве филиала материнского фонда и выделяющие гранты конкретным исследователям.

Объектом бюджетного финансирования являются не НИИ и темы НИР, а лишь комплексные инновационные проекты по критически важным технологиям, имеющие признанного лидера и заканчивающиеся конкретным результатом. Поэтому заказ заключается на конкурсной основе лишь с генеральным подрядчиком, т.е. фирмой или консорциумом, способным представить не научный отчет, а новую продукцию, технологическую линию и т.д.

В России НИИ получали доходы от сдачи в аренду помещений, а не профильных работ. При этом они не учитывали в своем капитале нематериальные активы, т.е. результаты ранее выполненных НИОКР. Нередко разработки передавались за рубеж во время командировок в частном порядке, без лицензий и за бесценок, поскольку продавцы не могли подтвердить свое право собственности. При низкой средней зарплате сотрудники выживали за счет вторичной занятости в малых фирмах, ремонтно-наладочных работ, производства нестандартного оборудования на экспорт и т.д.

Многие заводы до сих пор получают заказы, ориентированные на использование только иностранных разработок.

Преобразование включает следующие основные направления.

1. *Переход от информационной (накопление новых знаний) к инновационной парадигме развития* (обновление и повышение конкурентоспособности производства).

Центральной проблемой формирования в России постиндустриальной информационной экономики является создание инновационной системы – организационно-экономической формы соединения науки и производства, основанной на создании платежеспособного спроса на нововведения со стороны крупного, среднего и малого бизнеса и предложения экономически эффективных инновационных проектов³.

Инновационная система – социальный институт постиндустриальной информационной экономики, предполагающий поисковую и производственную направленность научных исследований, повышение наукоемкости производства, формирование глобального рынка научно-технической продукции, возрастание роли государственного целеполагания и регулирования развития инновационной системы.

Инновационная система включает в себя правовые нормы создания, регистрации, движения и использования интеллектуальной собственности, инновационную инфраструктуру, новые правила и стимулы инновационного поведения. Ее субъектами выступает государство, государственные, частные и некоммерческие научно-технические организации (НТО) при особой роли малого инновационного бизнеса, частно-государственного партнерства и межфирменных альянсов⁴.

Анализ соотношения государственного и рыночного регулирования инновационной системы показал неправомочность крайних точек зрения – о наделении государственных органов правом установления и финансирования широкого круга инновационных приоритетов и о расширении экономической свободы субъектов этой системы в качестве главного фактора повышения их конкурентоспособности и рентабельности.

³ Маликова Я.И. Особенности управления имуществом предприятий АПК // Журнал гуманитарных наук. 2014. – № 8. – С. 123–124.

⁴ Маликова Я.И. Показатели оценки выбора форм хозяйствования // Право и общество. – 2013. – № 8. – С. 319–327.

Можно выделить следующие направления создания инновационной системы – выделения стратегических технологий и сфер развития:

- в России до сих пор государственные инвестиции направлялись на 182 приоритета фундаментальных и 3700 – прикладных исследований. Государство должно создать условия, чтобы приоритет нашел и показал с участием государства частный бизнес, однако число этих приоритетов необходимо резко сократить;

- создание эффективных механизмов рыночного перехода капиталов в сочетании с государственной системой страхования технологических рисков и оценки затрат, наукоемкости производств; но прежде всего результатов вложений. Уровень конкурентоспособности российских товаров обратно пропорционален глубине их переработки; монополизация рынков за счет административного ресурса неизмеримо выгоднее освоения результатов НИОКР;

- акционирование государственных НИИ, позволяющее им вести коммерческую деятельность, приватизация организаций научного общества и неэффективных псевдонаучных организаций, что позволит поднять уровень оплаты в 2–2,5 раза, сохранение в государственной собственности лишь центров, развивающих приоритетные научно-технические направления. Ядром инновационной системы могут стать лишь крупные компании, консорциумы, альянсы, способные взять на себя финансовые и технологические риски долгосрочных инвестиций и активно сотрудничать с НИИ;

- передача собственности и разработок НИИ, не имеющих оборонного значения, коммерческим структурам, созданным с участием ученых.

Инновационная система требует коренного изменения законодательства об интеллектуальной собственности, организационно-правовых формах бизнеса, правил взаимодействия научных и производственных бюджетных, коммерческих и некоммерческих организаций, социальных стандартов и эколого-технических нормативов⁵.

2. *Реформирование высшего образования.* Доля его финансирования в федеральном бюджете составляет в США 7%, во Франции – 6%, в России – 3% (2010 г.).

Основные направления реформирования включают:

- изменение содержания и методов школьного образования с целью развития навыков поиска и анализа информации, социальной адаптации и общения;

- воссоздание системы современного начального и среднего профобразования. Бюджет тратит, по оценке Минобрнауки, около 200 млрд руб. в год на содержание 4,4 тыс. училищ, однако обучение в них не соответствует современным требованиям. Предприятия тратят на обучение и переобучение кадров 100 млн руб. в год, 70% рабочих посещают лишь внутрифирменные курсы раз в 12 лет (в развитых зарубежных фирмах – раз в 2–3 года). В большинстве регионов дефицит квалифицированных рабочих кадров.

Развитие профобразования определяют новые профессиональные стандарты, создается национальный совет профессиональной квалификации, расширяется профиль обучения – по 400 программам вместо семи по действующему законодательству.

Современные предприятия нуждаются в качественно новой по уровню своей подготовки рабочей силе – работниках, овладевших знаниями (knowledgeworker)⁶. Их характеризует:

⁵ Danilina E., Gorelov D., Malikova Y. The real sector of economy peculiarities // European Journal of Natural History. –2014.– № 5. – С. 19–22.

⁶ Маликова Я.И. Особенности внутрихозяйственных отношений предприятий АПК // Вестник Московского института государственного управления и права. – 2014. – № 8. – С. 173–176.

- длительная и высококачественная общеобразовательная и профессиональная подготовка – организовано 11–12-летнее школьное и 2–3-летнее профессиональное обучение;
- высокая деловая культура, позволяющая обходиться без непрерывного текущего руководства, самостоятельно или в составе автономной бригады решать оперативные вопросы организации труда и производства;
- способность к самообразованию и непрерывному обучению, эффективному освоению новых технологий, методов организации производства и других нововведений, участие в организационном и техническом творчестве;
- универсализация подготовки на основе овладения современными компьютерными и информационными технологиями, обеспечивающая мобильность рабочей силы, совмещение профессий и т.д.;
- инициативность и самостоятельность мышления, участие в реализации стратегии компании.

Главная цель реформ – развитие человеческого капитала.

Характерная для индустриальной экономики система стандартного образования и профессиональной подготовки с ее дроблением на узкие специальности и ориентацией на массовое производство уже непригодна. Реформа образовательной системы включает индивидуализацию и междисциплинарный подход к обучению, универсализацию и развитие систем непрерывного образования.

Человеческий капитал – сформированный в результате инвестиций и накопленный человеком запас здоровья, знаний, навыков, способностей, мотиваций, которые целесообразно используются в общественном воспроизводстве, содействуя росту производительности труда⁷, эффективности производства и заработков (доходов) работника.

Инвестиции в человеческий капитал отличаются от других видов инвестиций.

1. Отдача от инвестиций в человеческий капитал зависит от трудоспособного периода.
2. Человеческий капитал не только подвержен физическому и моральному износу, но и способен накапливаться и умножаться. Износ человеческого капитала определяется, во-первых, естественным старением человеческого организма, а во-вторых, моральным износом вследствие устаревания знаний.
3. По мере накопления человеческого капитала его доходность повышается до определенного предела, ограниченного верхней границей активного трудоспособного возраста, а потом снижается.
4. В процессе обучения возрастают способности не только у обучаемого, но и у того, кто обучает, что впоследствии приводит к росту их заработков.
5. Характер и виды вложений в человеческий капитал обусловлены историческими, национальными, культурными особенностями и традициями. Эти инвестиции наиболее выгодны как с точки зрения отдельного человека, так и с точки зрения всего общества.

Для стран с либеральной системой образования (США и др.) характерно усиление роли государства в разработке и финансировании образовательных программ, оценке качества обучения, содействии в освоении информационных технологий в школах и вузах. Страны с высокой ролью государства в управлении образованием, напротив, расширяют самостоятельность учебных заведений, вводят частичную оплату обучения в вузах, стимулируют их частичную самоокупаемость.

Компетенция современного специалиста включает в себя:

- фундаментальные знания, которые формируют экономическое мышление и мировоззрение;

⁷ Маликова Я.И. Показатели оценки выбора форм хозяйствования // Журнал гуманитарных наук. – 2014. – № 8. – С. 119–122.

- профессиональные знания в предметной области, необходимые для работы по специальности;

- освоение методов поиска и анализа информации, необходимой для принятия управленческих решений (знание иностранных языков, владение методами качественного и количественного анализа информации, умение работать с компьютерными программами);

- коммуникативные характеристики (умение общаться с людьми, ясно излагать свои мысли, адекватно реагировать на изменения).

Вместо сессионной системы целесообразно по зарубежному опыту принимать зачеты и экзамены после завершения соответствующего блока дисциплин, широко используя тесты, кейсы и другие письменные формы проверки знаний.

Число вузов в 2000–2014 гг. выросло в Азербайджане, Киргизстане, но особенно в России и Украине, сократилось в Армении, Беларуси, Казахстане, Молдове. Выпуск специалистов в России вырос более чем вдвое. Такая же ситуация в Армении, Беларуси, Казахстане, Молдове, Украине. По данным исследований, в странах СНГ этот выпуск является избыточным и не соответствует требованиям современного производства по качеству образования.

В России, по данным ГУ ВШЭ, более 50% студентов очных отделений вынуждены работать полный рабочий день, как правило, не по профессии и пропускают занятия, нередко получая оценки за плату. Реально учится лишь 15–20% студентов.

По специальности работают лишь около 50% выпускников, 15–25 выбирают другие специальности, а 25–26% (в том числе 1/3 инженеров) становятся рабочими, 25–27% выпускников гуманитарных вузов – продавцами, официантами и т.п.

По данным опросов Head Hunter (2011 г.), 47% офисных работников хотели бы сменить профессию, 57% – среди госслужащих, в том числе 12%, финансистов и трейдеров. Через 5 лет только 7% хотели бы работать и повысить квалификацию по той же специальности, 28% – получить образование по новой специальности, 43% – уйти в другую организацию, 27% – уехать в другую страну.

Во многом это связано с нерациональной отраслевой спецификацией вузов. В 2000-х годах число студентов, обучавшихся работе в промышленности и строительстве, сократилось в России, Армении, Беларуси, Казахстане; для сельского хозяйства – в Беларуси, Казахстане, Киргизстане, Узбекистане, в экономике, напротив, выросло в России, Азербайджане, Беларуси, Украине, республиках Средней Азии.

В 2000-х годах увеличилось число студентов, прибывавших на обучение из других стран СНГ в Россию, Украину, Казахстан, Беларусь и другие страны. Однако до создания единого образовательного пространства СНГ еще далеко. По общему числу студентов вузов (на 10 000 занятых) Россия превосходит все страны СНГ, Японию, Германию, Италию и т.д., но уступает США, Финляндии и Польше.

3. *Развитие инновационной инфраструктуры*, включающей центры контрактных исследований и передачи технологий, технико-внедренческие зоны и наукограды (технополисы), бизнес-инкубаторы, производственные (предпринимательские) и технологические парки⁸.

Инновационно-технологические центры помогают развитию создаваемых с участием центров трансфера технологий малых инновационных предприятий при обязательном условии их ротации, а также для размещения высокотехнологичных предприятий, способных без прямой государственной поддержки развиваться в условиях рынка.

⁸ Danilina E., Gorelov D. The integrated assessment of the local government activity using the system of indicators // American Journal of Applied Sciences. – 2014. – Т. 11. – № 8. – P. 1274–1278.

Целевая подготовка кадров работодателями позволила создать 400 региональных и межрегиональных центров профобразования, более 300 техникумов и колледжей. В США, ФРГ, Ю. Корею и т.д. большинство рабочих окончило двухгодичные коммунальные колледжи, действующие в каждом районе и сочетающие теоретическую (с правом поступления в университет) и практическую подготовку рабочих-техников, а также среднего квалифицированного персонала, управленцев, работников ЖКХ и т.д.

Объединения работодателей участвуют в разработке образовательных программ, представители бизнеса и местной власти входят в попечительские советы.

Главная проблема реформы – интеграция исследовательских и федеральных университетов с академическими и отраслевыми НИИ соответствующего профиля, развитие послевузовского непрерывного образования. Как показали специальные исследования, из-за отрыва высшего образования и науки реформы до сих пор не привели к повышению качества и эффективности образования, не соответствуют сложившейся в России институциональной среде, лишь внешне похожи на реформы в наиболее динамичных странах.

Экономические вузы также могут зарабатывать на науке, если устранить административные барьеры, улучшить менеджмент.

4. Формирование новой системы показателей, выделяющей потенциальный и фактический эффект инноваций, не сводимый к внутренней рентабельности проектов.

В ряде регионов организованы корпорации развития как некоммерческое общественно-частное партнерство, финансируемое с помощью льготных кредитов, грантов и благотворительных вкладов. Эти корпорации (агентства) помогают использовать ресурсы и ноу-хау предприятий региона, управляют инновационными проектами, венчурными фондами, инновационной инфраструктурой, в первую очередь технопарками, способствуют развитию форм кооперации между общественным и частным секторами, крупным и малым бизнесом.

В экономической литературе технопарк определяется как организационная форма взаимодействия науки и производства, создаваемая для производства новой продукции и разработки новой технологии во взаимодействии с университетскими и другими научно-техническими центрами или как компактно расположенный комплекс, занятый коммерциализацией инноваций. Он выступает как объединенная вокруг мощного научного центра научно-производственная и социокультурная зона, призванная обеспечить непрерывное практическое использование нововведений.

Технико-внедренческие зоны с особыми экономическими, правовыми и социальными условиями для инвесторов предусматривают бюджетные вложения в создание инфраструктуры. Формируется фонд развития, залоговый фонд по обеспечению кредитов и фонд страхования технологического риска. Подобные зоны действуют в Китае, Сингапуре, на Тайване, в ряде штатов США, а также в Финляндии и Эстонии.

Как показал анализ мирового и отечественного опыта, технопарк, льготы которому выделяются преимущественно на региональном уровне, представляет собой более развитую форму по сравнению с инкубаторами малого бизнеса, а также центрами контрактных исследований, передачи технологий и инжиниринга. Развитие технопарков приводит к формированию технико-внедренческих и промышленных экономических зон и наукоградов (технополисов). Наиболее целесообразна организация технопарков как некоммерческих партнерств местной администрации, коммерческих и общественных организаций.

Технопарк – юридическое лицо, регистрируемое обычно в форме некоммерческого партнерства для обслуживания не только малых, но и средних, а также крупных инновационных предприятий, которым оказывается широкий спектр информационно-образователь-

ных, финансовых, организационно-административных и технических услуг на постоянной основе (в период становления – на льготной базе, а затем на условиях самокупаемости). Частные компании могут стать соинвесторами и совладельцами технопарка, функционирующего как инновационный бизнес-центр, при этом не допускается спекуляция недвижимостью, т.е. ее покупка с целью перепродажи.

Статистика располагала в основном данными о числе законченных разработок (опытно-конструкторских и технологических) открытий и изобретений по областям науки и отраслям хозяйства, объеме затраченных на них средств, числе исполнителей, сроках разработки и реализации. Оценка соответствия разработок мировому техническому уровню, проводимая самими разработчиками на основе публикаций зарубежных фирм, не могла претендовать на объективность. В развитых зарубежных странах проводятся достаточно точные расчеты рыночной стоимости патентов, учитывается длительность научно-производственного цикла (от начала прикладного исследования до коммерческого освоения), удельный вес запатентованных разработок и продукции, потенциальная стоимость ноу-хау, объем продаж научно-технической продукции и ее доля в общем объеме продаж и экспорта страны, отрасли, фирмы и т.д.

Учитывается доля госрасходов на НИОКР (%), доля высоких технологий в товарном экспорте (%), доля страны в мировом экспорте информационного оборудования и услуг (%), а инноваций – в приросте ВВП и общественного богатства.

Критерием наукоемкости является процентное отношение затрат на НИОКР к объему продаж. Наибольшая интенсивность НИОКР наблюдается в сферах биотехнологий (47% в среднем объеме продаж), в авиакосмической индустрии – 23%.

Россия уступает по числу занятых в НИОКР в расчете из 10 000 чел. Японии (110), Сингапuru, США (97), Франции (80), Канаде (77), но находится впереди Великобритании (58), Италии (34), на уровне ФРГ (68–69). Производительность труда сотрудников таких фирм, как Яндекс, мейл.ру, Parallels, Acronis, лаб. Касперского, В Контакте, Центра Финансовых Технологий и т.д., находится на европейском уровне, но в целом в НИИ гораздо ниже его.

5. Переход к инновационному отбору и организации нововведений.

Глобальный индекс инноваций учитывает не только традиционные показатели потенциального эффекта (количество публикаций, индекс цитирования, число патентов, технопарков, специалистов с ученой степенью, затраты на НИОКР), но и 12 групп показателей затрат (inputs) и результатов (outputs). Первые места по результатам среди 125 стран заняли Швейцария, Швеция, Финляндия, Дания, Нидерланды, Великобритания, Сингапур, Гонконг, США и Канада. Россия занимает 56-е место, 34–38-е по качеству человеческого потенциала и научных результатов, но крайне низкое – по качеству управления наукой и развитию рынка инноваций.

6. *Реформирование управления наукой и инновациями.* Российская наука по организации управления до сих пор отделена от экономики. В США инновационной деятельностью занимается 75%, а в России – лишь 6% НИИ. Доля общей суммы затрат на НИОКР на предприятиях, по оценке правительства, составляет в Японии и США 70–75%, в ЕС – до 65%, в России – 6%. В ряде публикаций обобщен мировой и российский опыт развития инновационного бизнеса и стратегического управления им⁹. Этим опытом должны овладеть выпускники российских вузов.

⁹ Пахомова Л.А. Эволюция концепций стратегического управления инновационной деятельностью компаний // Проблемы современной экономики. – 2013. – № 4; Иванова Н.Г. Инновационный бизнес в России: Проблемы и перспективы // Проблемы современной экономики. – 2013. – № 4.

Интересен опыт агентства DARPA (США) и королевской инженерной академии в Англии, заключающими контракты на 4–6 лет со 140 руководителями проектов, которые приходят со своими идеями из НИИ, университетов и компаний, а по окончании проектов возвращаются в прежние организации или открывают свои фирмы. Патент получает компания, проводящая НИОКР, но она передает лицензию инновационной фирме.

В России в машиностроении преобладают принадлежащие конгломератам концерны, монополизировавшие рынок. По данным Росстата, всего 50 предприятий производили 20% промышленной продукции, занимая по отдельным видам машин 35–100% рынка. Они стремились к вертикальной интеграции и максимальной автономии, не были органично связаны с малым и средним бизнесом.

Россия занимает 3-е место после США и Китая по инновационной привлекательности рынка. За счет ПИИ за последние годы создано 2% новых рабочих мест, в том числе на заводах сантехники в Подмоскowie (мощность – 1 млн единиц в год), автокомпонентов в Ульяновске и др.

При выборе приоритетов инновационного развития не обосновываются принципы и критерии их выбора. В качестве приоритетов назывались отдельные виды техники, научные дисциплины (биотехнологии и т.д.), отрасли экономики (информатика), социально-экономические процессы и элементы мирового пространства (освоение Мирового океана, арктического шельфа и т.д.). Из-за этого перечни научно-технических приоритетов на различных уровнях управления несопоставимы и включали чрезмерное число позиций, что дезориентировало инновационную систему.

Нововведение с высокими параметрами может оказаться избыточным для конкретных условий эксплуатации или неэкономичным в сравнении с альтернативными вариантами. В литературе предлагаются принципы комплексной оценки конкурентоспособности нововведения и выбора направления инвестиций. Они включают:

- а) нормативные показатели, регламентирующие процесс реализации нововведения (патентная чистота; сертификация, удостоверяющая безопасность применения; экономические параметры и требования охраны труда);
- б) технические параметры, определяемые с учетом сферы использования инноваций и условий эксплуатации;
- в) цена потребления (стоимость эксплуатации за один год или весь срок службы при проектной загрузке) с учетом затрат на монтаж, наладку, ремонт, оплату обслуживающего персонала, электроэнергию, сырье и материалы;
- г) цена передаваемой инновации с учетом издержек и прибыли разработчика и посредников;
- д) технологический риск, учитывающий опыт применения данной технологии, наличие особых требований к качеству (чистоте) сырья и материалов, сложность ремонта и эксплуатации, гарантии обучения персонала, авторского надзора, поставки запчастей, ремонта в течение определенного срока и за его пределами;
- е) коммерческий риск, связанный с типом предоставляемой лицензии (простая, предполагающая возможность передачи технологии конкурентам; исключительная, обеспечивающая монополию покупателю на данной территории; полная, дающая ему возможность перепродажи лицензии и т.д.);
- ж) форма оплаты (включая роялти, с полной или частичной оплатой компенсационными поставками или передачей прав собственности).

Разработка инновационных проектов и программ включает коммерческое использование инновации. Ее этапы – проведение ФИ и разработка на их основе принципиаль-

но новых конструкций оборудования, технологических процессов, изделий; разработка новых конструкций изделий и основных технологических процессов, в том числе нестандартного технологического оборудования; инновационный маркетинг – изучение и определение перспективной потребности рынка в продукции, подготовка предложений о новых проектах с обоснованием окупаемости инвестиций, баланса потребления, объема и структуры капитальных вложений, потребности в комплектующих изделиях, материалах, услугах и т.д.; разработка технических заданий на новые виды изделий и технологических процессов, проектов стандартов, нормалей, технических условий и т.д., определение патентной чистоты изделий; проектирование новых, реконструкция и модернизация действующих предприятий; обеспечение менеджеров необходимой информацией о техническом уровне конкурирующих изделий и технологий, о передовом опыте эксплуатации нововведений; кадровый маркетинг, изучение, определение и обоснование перспективной потребности в кадрах специалистов с высшим и средним специальным образованием и научных работников; разработка предложений о совместных инновационных проектах с другими фирмами, университетами и т.д., а также координация работ в рамках альянсов, консорциумов и т.д.

Главным недостатком существовавшей системы отбора технологий является ее ориентация в основном на интересы разработчиков. К продаже предлагаются технологии, которые уже получены как результаты НИОКР. Маркетинговая концепция означает переход от принципа «продаем то, что произведено» к принципу «продаем то, что может быть полезно». Применительно к сфере отбора технологий это означает:

1. развитие научно-технического маркетинга, т.е. выявление проблем у потенциальных потребителей, которые могут быть решены с помощью нововведений, а также прогнозирование предельной цены, которую они смогут заплатить за эти новшества;
2. постоянная оценка и прогнозирование альтернативных вариантов решения проблемы, предлагаемых конкурентами;
3. оценка не только технической, но и прежде всего социальной, экономической и финансовой конкурентоспособности предлагаемых нововведений;
4. выдача заданий на разработку (доработку) инноваций и их отбор с участием маркетологов, а не только научно-технических специалистов.

Таким образом, видна необходимость совершенствования инновационной системы.

Список литературы

1. *Иванова Н.Г.* Инновационный бизнес в России: проблемы и перспективы // Проблемы современной экономики. – 2013. – № 4.
2. *Маликова Я.И.* Алгоритм расчета многофакторной производительности // Вестник Московского института государственного управления и права. 2014. – № 8. – С. 169–172.
3. *Маликова Я.И.* Особенности внутривладельческих отношений предприятий АПК // Вестник Московского института государственного управления и права. – 2014. – № 8. – С. 173–176.
4. *Маликова Я.И.* Особенности управления имуществом предприятий АПК // Журнал гуманитарных наук. – 2014. – № 8. – С. 123–124.
5. *Маликова Я.И.* Показатели оценки выбора форм хозяйствования // Право и общество. – 2013. – № 8. – С. 319–327.
6. *Маликова Я.И.* Показатели оценки выбора форм хозяйствования // Журнал гуманитарных наук. – 2014. – № 8. – С. 119–122.

7. Пахомова Л.А. Эволюция концепций стратегического управления инновационной деятельностью компаний // Проблемы современной экономики. – 2013. – № 4.
8. Экономика государственного и муниципального сектора: Учебник для бакалавров / Е.И. Данилина, Д.В. Горелов, Я.И. Маликова. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2015. – 218 с.
9. Danilina E., Gorelov D. The integrated assessment of the local government activity using the system of indicators // American Journal of Applied Sciences. – 2014. – Т. 11. № 8. – P. 1274–1278.
10. Danilina E., Gorelov D., Malikova Y. The real sector of economy peculiarities // European Journal of Natural History. – 2014. – № 5. – P. 19–22.

Reference list

1. Danilina E., Gorelov D. The integrated assessment of the local government activity using the system of indicators // American Journal of Applied Sciences. – 2014. – Vol. 11. № 8. – P. 1274–1278.
2. Danilina E., Gorelov D., Malikova Ya. The real sector of economy peculiarities // European Journal of Natural History. – 2014. – № 5. – P. 19–22.
3. Ivanova N. The innovation business in Russia: Problems and prospects // Issues of modern economy. – 2013. – № 4.
4. Malikova Ya. The computation algorithm of multi-factorial productivity // Bulletin of the Moscow Institute of Public Administration and Law. – 2014. – № 8. – P. 169–172.
5. Malikova Ya. The features of intra-entity relations of companies of the agricultural sector // Bulletin of the Moscow Institute of Public Administration and Law. – 2014. – № 8. – P. 173–176.
6. Malikova Ya. The features of management of property of companies of the agricultural sector // Journal of Humanities. – 2014. – № 8. – P. 123–124.
7. Malikova Ya. The performance evaluations of selection of forms of management // Law and society. – 2013. – № 8. – P. 319–327.
8. Malikova Ya. The performance evaluations of selection of forms of management // Journal of Humanities. – 2014. – № 8. – P. 119–122.
9. Pakhomova L. Evolution of conceptions for strategic management of innovation activity of companies // Issues of modern economy. – 2013. – № 4.
10. The economy of the public and municipal sector: Textbook for Bachelors / E. Danilina, D. Gorelov, Ya. Malikova. – М.: Publishing and Trading Corporation “Dashkov and Co”, 2015. – P. 218.

УДК 330.36

Корнилович В.А.,

кандидат социологических наук, докторант Института социологии Российской академии наук

НАУЧНОЕ И ИНФОРМАЦИОННОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье актуализирован вопрос использования действующих информационно-коммуникационных систем – ситуационных центров органов власти (СЦ) – для научного и информационного сопровождения государственного стратегического планирования в связи с принятием в 2014 г. нового федерального закона. Представлены результаты аналитического исследования процесса концептуализации СЦ в системе государственного управления Российской Федерации.

Ключевые слова: стратегическое планирование, органы государственной власти, информационно-коммуникационная система, ситуационный центр, социология управления

Kornilovich V.,

PhD in Sociology, Doctoral student of Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences

SCIENTIFIC AND INFORMATION SUPPORT OF STRATEGIC PLANNING IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article is described the issue of the use of existing information-communication systems – Situation Centers (SC) of organs of power for scientific and information support of the state strategic planning in connection with the adoption of a new Federal Law in 2014 year. The results of analytical research of the process of conceptualization of SC in the system of public management of the Russian Federation were elaborated in this article.

Keywords: strategic planning, public authorities, information-communication system, Situation Center, management sociology

Принятый в 2014 г. Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [1] является логическим продолжением политики Правительства РФ по формированию в стране целостной системы долгосрочного планирования. Новая практика разработки стратегических документов на муниципальном и региональном уровне начинает развиваться в России с 1997 г. в инициативном порядке как заимствование методов западных стран [2]. С 2009 г. эта деятельность регулируется уже утвержденными правилами [3]: в практику управления активно внедряются программно-целевые методы, методы бюджетирования, ориентированного на результат.

В поэтапном развитии системы государственного стратегического планирования можно выделить три процесса, которые постепенно приобретают самостоятельное организационное, нормативное и методическое обеспечение: а) внутренний процесс в системе органов власти – декомпозиция функций и полномочий по стратегическому управлению и планиро-

ванию; б) процесс разработки стратегических документов; в) целенаправленное формирование информационно-коммуникационной системы (распределенных ситуационных центров) как инфраструктуры управления. По сути, Федеральный закон 2014 г. выделяет из этого списка один процесс и в качестве объекта регулирования определяет отношения, возникающие между участниками стратегического планирования на федеральном, региональном и муниципальном уровне. Иными словами, он направлен на достижение организованности процесса внутреннего взаимодействия в структуре властно-управленческой вертикали по выполнению государственных функций стратегического управления. Вместе с тем два других процесса – научного и информационного обеспечения стратегического планирования – заявлены в законе, но не получили должного разрешения с точки зрения технологии их организации.

Проблема состоит в том, что органы власти всех уровней наделены полномочиями по разработке стратегических документов (ст. 10, 11), но стратегии и прогнозы являются результатом научно-исследовательской работы, которая не относится к компетенции органов власти. Установление в законе о том, что стратегические документы должны содержать «научно обоснованные представления» (п. 20, 21, 22, ст. 3; п. 9, ст. 8), требует следующего шага – определение роли и места научного, экспертного сообщества в системе принятия государственных стратегических решений. Участие в разработке стратегических документов научных, консалтинговых, специализированных организаций и т.п. закон предполагает (ст. 1), в то же время финансирование подобных мероприятий возможно только через программы. Государственных, региональных и муниципальных программ под решение таких задач не предусмотрено.

Для социологов практическая реализация принципа общественного обсуждения, «вовлечения» научных организаций в процесс разработки стратегических документов (ст. 13) приобретает особенное звучание, сформулированное академиком Г.В. Осиповым как включенность социологии в систему научного управления общественным развитием [4: 5–17].

Далее в тексте закона стоят положения об информационном обеспечении стратегического планирования (ст. 14), для реализации которых предусмотрена деятельность некой специализированной «информационной системы стратегического планирования». Вопрос, что собой представляет эта информационная система, каковы основания методологической организации ее деятельности и каким образом она вписывается в модель стратегического управления, остается открытым. Получить ответы на поставленные вопросы – значит получить исходные условия для определения роли и места научных организаций в подготовке стратегических документов, а также определения соответствующих методов организации экспертной деятельности в условиях информационной среды новой управленческой инфраструктуры.

Становление ИКТ-парадигмы в управлении мы определяли в числе трех процессов развития стратегического планирования в России, основанием чему является наблюдаемый в течение 15 лет процесс целенаправленного формирования специализированной информационно-коммуникационной системы – системы распределенных ситуационных центров (СЦ) органов власти. Эту систему СЦ мы и определяем в качестве объекта исследования и рассматриваем ее в качестве потенциальной управленческой инфраструктуры, способной обеспечить выполнение функции научного и информационного обеспечения стратегического планирования, как это предписывает Федеральный закон.

Формирование информационно-коммуникационной системы как новой управленческой инфраструктуры было практически завершено к 2011 г. Иерархическая структура СЦ

органов государственной власти является результатом реализации программы по введению в эксплуатацию таких центров в Администрации Президента РФ, Правительства, Полномочных представителей Президента в федеральных округах, администраций регионов, некоторых министерств и ведомств, начатой ФСО России в 1996 г. [5]. Поворотным для развития практики использования ситуационных центров в государственном управлении экономикой и социальной сферой стал 2005 г., ознаменовавшийся принятием новой парадигмы: проектный, программно-целевой подход к управлению. Ситуационный центр в данном контексте выступает в качестве инструмента информационно-аналитического обеспечения реализации четырех приоритетных национальных проектов (ПНП): «Здоровье», «Образование», «Доступное и комфортное жилье – гражданам России» и «Развитие АПК». Однако поразительно, что в процессе доработки «Стратегии 2020» в период 2010–2013 гг. [6] при наличии специализированной структуры ни одна из 21 экспертной группы не использовала данный ресурс.

Это противоречие задает определенный фокус выделения и анализа факторов, определяющих концептуализацию СЦ в системе государственного стратегического управления и причины возможной дисфункции управленческой инфраструктуры. В качестве источников для анализа тенденций развития системы распределенных СЦ были использованы программы и сборники материалов конференций, проводимых Российской академией государственной службы при Президенте РФ (РАГС) с 2005 по 2011 гг. [7]. Вероятность в совершении того или иного фактора, определяющего характер развития СЦ, выявляется по признаку «цитируемости» как свойства фактора [8]. Под выявлением фактора подразумевается присутствие информации в единицах анализа, в содержании источника информации (программы и доклады участников конференции). Чем больше цитируемость фактора в источниках по годам, тем больше вероятность совершения того или иного фактора.

В ходе проведенного исследования мы сделали некоторые выводы.

Существенные тенденции и задачи развития СЦ на протяжении 2006–2011 гг. проявляются, во-первых, в проблематике технического оснащения создаваемой системы распределенных СЦ, во-вторых, в анализе опыта создания и деятельности СЦ, а также в мониторинге ситуации на рынке программных продуктов (см. рис. 1).

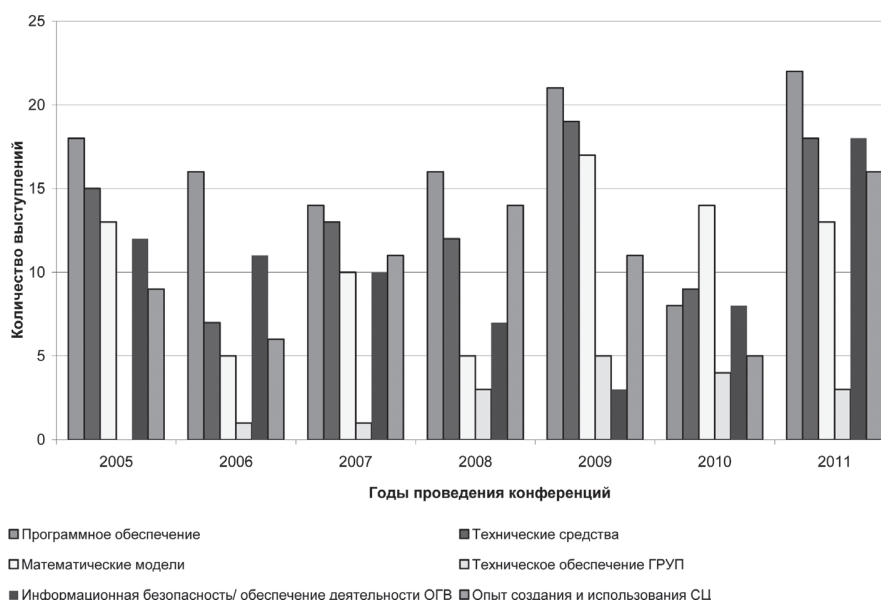

Рис. 1. Тематика выступлений на секциях (технический раздел)

По содержанию выступлений участников конференции, которых мы условно отнесли к «техническому разделу», можно сделать заключение о специфике использования информационных технологий в деятельности органов государственной власти. Это проявилось в интеграции данных из различных источников и создании информационного поля, удовлетворяющего следующим требованиям:

- 1) обеспечение высокой скорости доступа к необходимой распределенной информации, ее отображение, консолидация данных;
- 2) обеспечение анализа баз данных в различных аспектах государственного управления с учетом обеспечения информационной безопасности межведомственного обмена базами данных;
- 3) обеспечение удаленного доступа в реальном времени для участия экспертов в подготовке управленческого решения.

Темы: стратегическое планирование, социально-технологическое сопровождение, социальные технологии, условно относимые к «гуманитарному разделу» (см. рис. 2), самостоятельного звучания не получили; специальных работ в плане обоснования методологической организации деятельности управленческой инфраструктуры по стратегическому управлению и планированию нет.

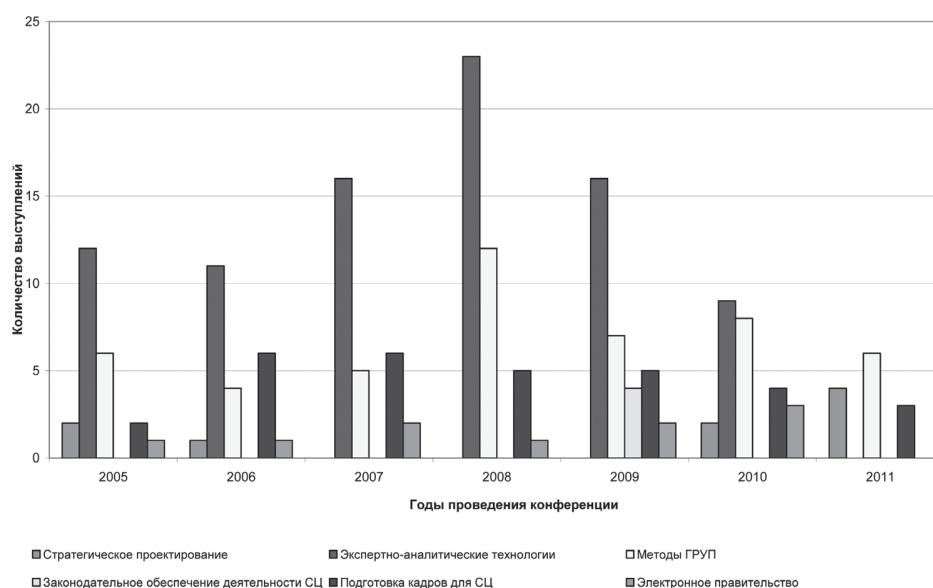

Рис. 2. Тематика выступлений на секциях (гуманитарный раздел)

Заметно выделяется на диаграмме тема экспертно-аналитических технологий, которая по содержанию находится на междисциплинарном уровне решения задач, но суть их заключается в описании математическими методами социальной реальности, в использовании стохастических методов прогнозирования и анализа общественно-политических, экономических процессов. Показательными можно считать выводы, сделанные заместителем руководителя Аналитического центра при Правительстве РФ на конференции 2010 г.: «...в настоящее время существуют в основном лишь разрозненные представления о методах и задачах, реализуемых СЦ. Необходимо перейти от существующего состояния к целостному представлению задач и места СЦ в системе управления... Законченных решений, встроенных в систему экспертно-аналитической поддержки принятия решений органами государственной власти, в России на сегодняшний день неизвестно» [9: 94–105]. Заметим, что управленческая мысль в данный период также не представила новых идей, к исключительным следует

отнести работы Тихонова А.В. по социологии управления (2007, 2009, 2010 гг.) [10]. Позже (2011 г.) появляются самостоятельные работы по стратегическому управлению – Малгана Д. и Корниловича В.А. [11].

Наш вывод относительно тенденции развития системы СЦ заключается в следующем. Развитие системы СЦ определяется как процесс информатизации органов государственной власти [12], соответствующий принятым государственным программам, концепциям и носит методический, практически ориентированный, инструментальный характер.

Особенности концептуализации СЦ в российской модели государственного управления раскрывает содержательный анализ понятий: «поддержка», «принятие» управленческих решений, «ситуация», «проектное управление», «программно-целевое управление», «экспертиза», «информационно-аналитические технологии», используемых в текстах докладов участников конференций.

Обращает на себя внимание использование в названии секций и в текстах докладов понятий «поддержка», «принятие» управленческих решений, которые имеют неоднозначный смысл в приложении к деятельности СЦ. Во-первых, информационная поддержка или информационное обеспечение процесса принятия решений предполагает наличие аппаратно-программного комплекса, который используется для сбора, обработки данных и отображения результатов аналитической работы, а также предоставление коммуникационных возможностей (обеспечение экспертным группам удаленного доступа к информации и документам в режиме реального времени), что, в общем, и обеспечивает СЦ. Во-вторых, «принятие решения» трактуется как сведение мнений экспертов по определенной проблеме, выбор одного из нескольких разработанных экспертами сценариев или стратегических направлений, моделей развития и т.п. в процессе использования экспертно-аналитических технологий. Итогом такого решения является описательный документ, который и должен послужить основанием для принятия первым лицом управленческого решения. Следовательно, в ходе групповой работы как таковое управленческое решение не принимается, оно находится вне компетенции группы разработчиков.

Опрос сотрудников региональных СЦ, проведенный Ефериной Т., Матасовой И. в 2011 г., показал, что и у руководителей, и сотрудников СЦ нет четкого понимания роли и места ситуационных мероприятий в процессе принятия управленческих решений [13]. И это несмотря на значительное количество публикаций по проблематике деятельности СЦ и продолжительный период (с 2003 по 2011 г.) проведения специализированной конференции.

Специально обращаем внимание на то, что зачастую содержание информационно-аналитического сопровождения подготовки и принятия управленческих решений в современной научной литературе подменяется формой – инструментальным обеспечением коммуникации, компьютеризацией органов государственного управления. В то же время выводы академика Н.Н. Моисеева выглядят как предостережение относительно преувеличения значимости развития информационно-коммуникационных систем в управлении. «По мере роста сложности управляемых объектов точный расчет необходимых команд, т.е. то, к чему сводится вся теория управления в технике, становится принципиально невозможным, несмотря даже на массовую компьютеризацию» [14].

Факт неустойчивости терминологии «поддержка – принятие» решений свидетельствует об отсутствии четкого концептуального видения роли экспертов и места СЦ в системе принятия государственных решений, не появилось оно и в результате многолетней научной дискуссии и практики.

По обобщенному представлению докладчиков, в деятельности СЦ комплексное, опережающее информирование, ситуационный анализ проблем является сущностным выражением «поддержки» принятия решений в условиях быстропротекающих и пространственно разнесенных ситуациях. «Ситуация» выступает как ключевое понятие и в названии СЦ, которое с позиции практики управления может трактоваться как оперативное управление. Достаточно эффективно, по мнению участников конференций, функция оперативного управления СЦ проявилась при реализации проекта «Сочи – 2014».

С оперативным характером управления связана одна из функций СЦ – мониторинг, понимаемый как технология наблюдения и анализа изменений объекта управления, характеризующая постоянством, регулярностью осуществления в течение всего управленческого цикла. Филиппович А. определяет, что если система только отображает информацию, а само понимание ситуации складывается исключительно у субъекта, то она (система) не отличается от следящих систем [15]. Соответственно, ситуационный центр определяется как «комплекс программных и аппаратных средств, которые позволяют хранить, отображать, симулировать (имитировать) или анализировать информацию на основе ситуационной модели». В данном случае игнорируется социологическая или политологическая трактовка «ситуации», когда анализ конкретной ситуации в управлении должен дать основания для разработки методов контролируемого вмешательства в спонтанные социальные процессы, прогнозирования следствий принимаемых управленческих решений.

Участники научно-практических конференций 2010 и 2011 гг., посвященных теме развития ситуационных центров, к основным проблемам развития СЦ относят тенденцию роста коммуникационной составляющей: функция общения начинает превалировать над аналитической в использовании ситуационных центров в государственном, муниципальном и корпоративном управлении. Иными словами, система СЦ оказалась не востребована органами власти и экспертными группами по основной функции.

«Проектный подход» интерпретируется специалистами СЦ и учеными из числа участников конференций как «подход к организации управления приоритетными национальными проектами» (ПНП). При этом применение проектного подхода обусловлено необходимостью решения следующих задач:

- определение конкретных социально-экономических целей реализации ПНП и их отдельных мероприятий;
- оценка потребности в ресурсах и эффективного планирования их выделения для достижения целей проекта;
- обеспечение оперативного контроля достижения целей проекта..» и т.п. [16].

Рассмотрение проектной деятельности как специфической плановой деятельности органов государственной власти в некоторой степени соответствует объектно-ориентированному подходу в социологии (Н.А. Аитов, Г.А. Антонюк, И.В. Бестужев-Лада, Н.И. Лапин, Ж.Т. Тощенко и др.). В управленческом цикле ее задачи раскрываются «в научно обоснованном определении параметров формирования будущих социальных объектов или процессов с целью обеспечения оптимальных условий для возникновения, функционирования и развития новых или реконструируемых объектов» [17].

Но, как показывает практика, управление называется «проектным» исходя из того, что оно сосредоточено на реализации одного или нескольких проектов. Обозначаемые в докладах варианты функционирования СЦ (оперативного управления, кризисный режим управления, мониторинг изменений объекта управления и т.п.) аналогичны менеджменту: оперативное управление ресурсами, управление проектами, бизнес-процессами с использовани-

ем программных продуктов. Здесь требуется четкое разграничение понятий «менеджмент» и «управление», которые в последнее время используются как синонимы. Логически также должны быть приведены в соответствие форма управляемой социальной целостности (сообщество, «общность» – по В.А. Ядову) и модель управления.

Такое рассогласование методологии и методов порождает кентавр – проблемы в управлении. По утверждению Ж.Т. Тощенко, решение подобных проблем может быть найдено только при последовательной реализации единых методологических принципов [18].

Рассмотрение вопросов развития и функционирования управленческой инфраструктуры без анализа **состояния кадров**, обслуживающих информационно-технологическую, методическую и аналитическую компоненты СЦ, будет неполным.

На существующее ассиметричное развитие и функциональные ограничения системы СЦ указывает профессиональная и организационная принадлежность участников конференций (см. рис. 3, 4).

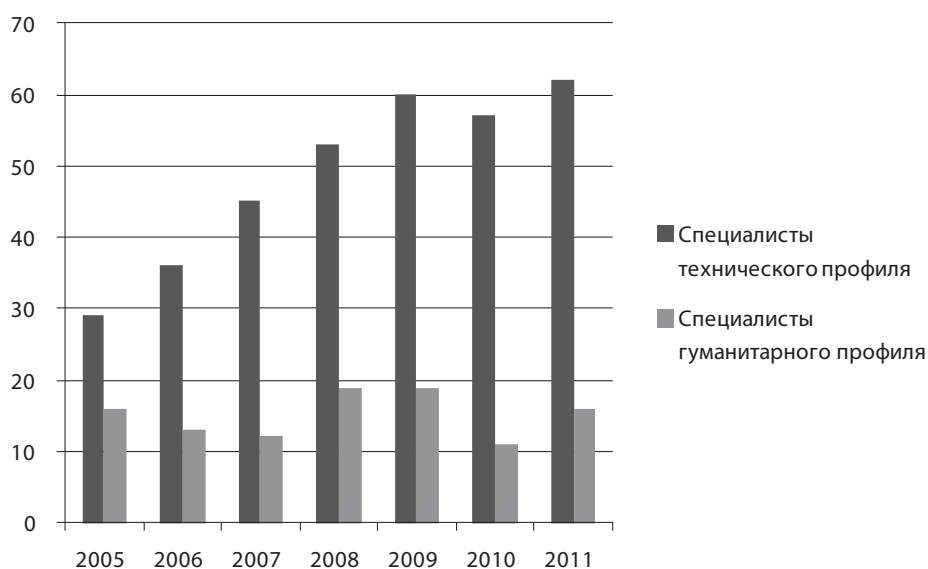

Рис. 3. Профессиональная принадлежность участников конференций

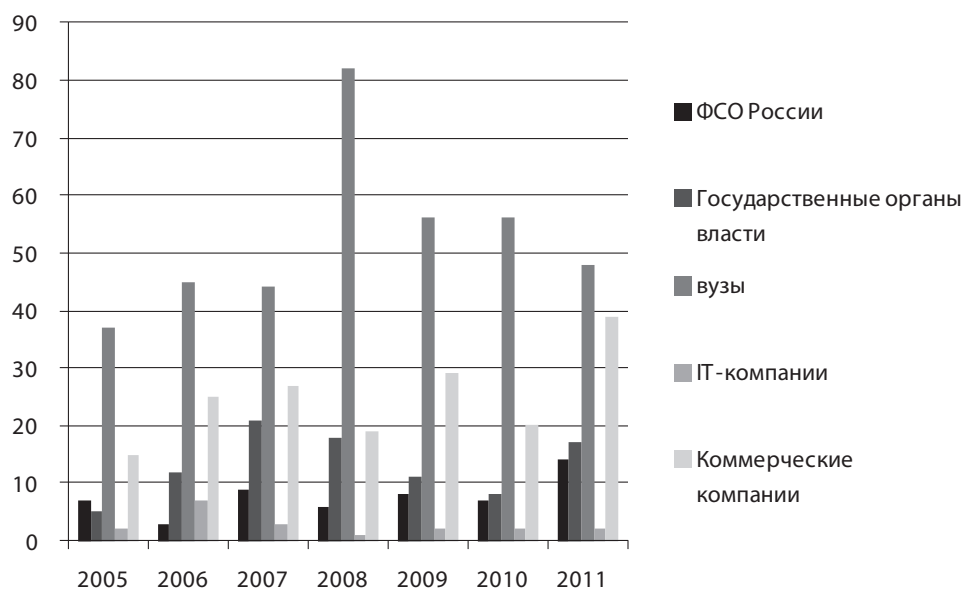

Рис. 4. Организационная принадлежность участников, выступающих на конференции

Количественные данные профессиональной принадлежности участников конференций оправдывают преобладание технических тем в научной дискуссии о развитии системы СЦ, что может быть расценено как подтверждение факта ведущей роли IT-специалистов в определении содержательного компонента функционирования данной управленческой инфраструктуры. Социологи, политологи, экономисты, получившие профессиональное образование и имеющие навыки исследования и описания социальных процессов в различных сферах жизнедеятельности общества, организации экспертных опросов, оказываются невостребованными в информационно-аналитической системе. При этом проблема диспропорции в кадровом обеспечении СЦ поднималась в 2006 г., сохраняет свою актуальность и в 2011 г.: органы государственной власти испытывают дефицит в специалистах, обладающих концептуальным мышлением, методами инновационной социально-проектной деятельности на основе новых информационных технологий.

Егоров А.И., анализируя результаты введения в 2000 г. Министерством образования РФ государственного стандарта высшего профессионального образования по направлению 553000 «Системный анализ и управление», заключает, что предпринятые усилия по подготовке специалистов по направлению «Государственное и муниципальное управление» со специализацией «Информационные технологии в государственной службе», «Информационно-аналитические технологии в государственном управлении» не дали ожидаемого результата [19].

Дополняет данные выводы наблюдаемый факт низкого интереса со стороны самих государственных гражданских служащих к теме использования СЦ в управлении (см. рис. 4). Судя по названию и содержанию докладов, для органов власти различного уровня характерным является самостоятельная разработка моделей и определения функционала информационно-аналитических служб и действующих ситуационных центров [20].

Показательными в отношении использования специализированной инфраструктуры в стратегическом планировании могут служить профессиональные компетенции государственных гражданских и муниципальных служащих. Результаты социологического исследования, представленного И.И. Бажиным в статье «Культура служащих органов власти в осуществлении социальных реформ», отражают основные проблемы: а) неструктурированность и несогласованность управленческих действий; б) трудности в проведении отдельных этапов и процедур стратегического планирования [21: 51–60].

Очевидно, что на сегодняшний день технологические возможности СЦ опережают уровень разработки вопросов методологической организации деятельности информационно-коммуникационной системы как инфраструктуры стратегического управления, в том числе организации распределенной экспертной деятельности и взаимодействия участников стратегического планирования.

Арсенал аналитических технологий СЦ позволяет решать базовый комплекс задач по информационному обеспечению стратегического планирования, но использование данной системы в стратегическом управлении требует решения нескольких задач.

В первую очередь, речь идет о представлении теоретической модели государственного стратегического управления (структура, функциональные состояния), о научном обосновании методологической организации деятельности органов власти по стратегическому планированию, реализация которой возможна в рамках действующего законодательства.

Во-вторых, необходимо дать ответ на вопросы: 1) какая информация о социальной реальности способна стать основой для разработки и принятия стратегических решений? 2) в каких условиях властно-управленческая вертикаль становится восприимчивой к внешней научной информации и способной реализовать полученное знание в управлении?

И, наконец, неотъемлемой частью механизма реализации закона о стратегическом планировании является технологизация процесса разработки и реализации стратегических решений, в том числе организация распределенной экспертной деятельности и группового решения управленческих проблем в условиях информационной среды СЦ, обеспечения устойчивости решения во времени и пространстве.

[1] Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Российская газета. 3 июля 2014 г. Федеральный выпуск № 6418. URL: <http://www.rg.ru/2014/07/03/strategia-dok.html>

[10] Тихонов А.В. Социология управления. Теоретические основы. Издание 2-е, допол. и перераб. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация, 2009; Социология управления: стратегия, процедуры и результаты исследования / Отв. ред. А.В. Тихонов и др. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация, 2010.

[11] Малган Д. Искусство государственной стратегии: Мобилизация власти и знаний во имя всеобщего блага / Пер. с англ. Ю. Каптуревского под научн. ред. Я. Охонько. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011; Корнилович В.А. Институциональное управление социальными процессами. Saarbrücken: Изд-во LAP LAMBERT, 2011.

[12] Концепция информатизации государственного правления. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20.10.2010 № 1815-р «О государственной Программе Российской Федерации "Информационное общество (2011–2020 гг.)"; Распоряжение Правительства РФ от 02.12.2011 № 2161-р «О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации "Информационное общество (2011–2020 годы)". [Электронный ресурс]. URL: http://minsvyaz.ru/ru/doc/?id_4=654; Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации от 07.02.2008 № Пр-212. [Электронный ресурс]. URL: http://minsvyaz.ru/ru/doc/index.php?id_4=15 См. также: Российская газета. Федеральный выпуск № 4591 от 16 февраля 2008 г.; Распоряжение Правительства Российской Федерации от 27.09.2004 № 1244-р «О Концепции использования информационных технологий в деятельности федеральных органов государственной власти до 2010 года и плане мероприятий по ее реализации» (в ред. распоряжений Правительства РФ от 29.07.2005 № 1068-р, от 21.11.2006 № 1599-р, от 24.12.2008 № 1913-р, Постановления Правительства РФ от 10.03.2009 № 219). [Электронный ресурс] // URL: http://minsvyaz.ru/ru/doc/index.php?id_4=52; Постановление Правительства Российской Федерации от 28.01.2002 № 65 «О Федеральной целевой программе "Электронная Россия (2002 – 2010 годы)". [Электронный ресурс] // URL: http://minsvyaz.ru/ru/doc/index.php?id_4=59 и др.

[13] Еферица Т., Матасова И. Экспертное знание в деятельности ситуационного центра // Государственная служба. 2011. № 4. С. 63–67.

[14] Цитата по: Социология управления: стратегия, процедуры и результаты исследования / Отв. ред. А.В. Тихонов и др. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация, 2010.

[15] Филиппович А. Ситуационные центры: определения, структура и классификация. [Электронный ресурс] // URL: http://iu5.bmstu.ru/~philippovicha/Articles/Sit_Centres.htm

[16] См.: Ситуационные центры и перспективные информационно-аналитические средства поддержки принятия решений: Материалы научно-практической конференции РАГС. 25–27 апреля 2007 г. / Под общ. ред. А.Н. Данчула. М.: Изд-во РАГС, 2008. С. 339–344; Ситуационные центры 2010. Современные информационно-аналитические технологии поддержки принятия решений: Материалы научно-практической конференции. РАГС. 27–28 апреля 2010 г. / Под общ. ред. А.Н. Данчула. М.: Изд-во РАГС, 2011. С. 94–105.

[17] Бестужев-Лада И.В. Прогнозное обоснование социальных нововведений. М.: Наука, 1993. С. 45.

[18] Тощенко Ж.Т. Кентавр-идеи как деформация общественного сознания // Социс. 2011. № 12. С. 3–13.

[19] Егоров А.И. Вопросы подготовки специалистов для информационно-аналитических подразделений органов государственной власти и других организаций // Ситуационные центры 2009. Перспективные информационно-аналитические технологии поддержки принятия решений: Материалы научно-практической конференции РАГС. 14–15 апреля 2009 г. / Под общ. ред. А.Н. Данчула. М.: Изд-во РАГС, 2010. С. 379.

[2] См.: Рыбалкин В.В., Сутырина Т.А. Стратегии инновационного развития российских регионов / Под ред. Т.А. Сутыриной. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2013; Клейнер Г.Б. Проблемы стратегического государственного планирования и управления в современной России // Стратегическое пла-

нирование и управление. М.: Научный эксперт, 2011; *Смирнова О.О.* Правовые основы стратегического планирования в Российской Федерации // *Власть и управление на Востоке России*. 2011. № 4 (57); *Территориальное стратегическое планирование: технологии успеха*. Вып. 4. МЦСЭИ «Леонтьевский центр», 2004; *Управление реализацией стратегий развития муниципальных образований*. МОНФ, 2004; *Территориальное стратегическое планирование при переходе к рыночной экономике: опыт городов России* / Под ред. С.А. Васильева. МЦСЭИ «Леонтьевский центр», 2003.

[20] В докладах представлены результаты работы, например «Информационно-аналитический комплекс "Интеллектуальный муниципалитет"», «Формирование вектора стратегии регионального развития на основе интеллектуального анализа данных», «Построение моделей взаимодействия общественных организаций и органов власти», «Оценка текущей фазы и определение сценария дальнейшего развития межгосударственного конфликта», «Информационное пространство виртуального центра охраны здоровья» и т.п.

[21] *Бажин И.И.* Культура служащих органов власти в осуществлении социальных реформ // *Социология власти*. 2008. № 6. С. 51–60. См. также: *Корнилович В.А., Холин А.Н.* Особенности организации группового ситуационного анализа в условиях технологической среды. 2010 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.np-nic.ru/publikatsii/filosofiya/10>

[3] Основы стратегического планирования в Российской Федерации. Утверждены Указом Президента Российской Федерации от 12.05. 2009 № 536.

[4] *Осипов Г.В.* Проблемы включения социологии в систему научного управления российским обществом // *Социс*. 2012. № 7. С. 5–17.

[5] *Ильин Н.И.* Ситуационные центры. Опыт, состояние, тенденции развития / Н.И. Ильин, Н.Н. Демидов, Е.В. Новикова. М.: МедиаПресс, 2011.

[6] Сайты Стратегии – 2020: <http://2020strategy.ru>, <http://strategy2020.rian.ru>

[7] Для проверки высказанных гипотез был применен метод контент-анализа программ конференций в период с 2005 по 2011 г., посвященных проблеме развития Ситуационных центров как особого класса информационных систем. Общий объем – 2 290 страниц, доклады участников (№ = 90). Предельные границы – 2011 г. – определены в связи с тем, что этот год является последним в серии научно-практических конференций, проводимых РАГС.

[8] Единицами анализа определены: 1) темы выступлений на пленарном заседании, определяющие сквозные направления обсуждений на секциях; 2) темы выступлений участников на секциях; 3) профессиональная принадлежность участников конференции (технический, гуманитарный профиль); 4) организационная принадлежность участников конференции (ФСО, органы государственной власти, вузы, IT-компании, коммерческие организации); 5) доклады должностных лиц – участников конференции, ответственных за определение содержания и тенденций развития системы СЦ как инфраструктуры управления органов государственной власти Российской Федерации (ФСО, органы государственной власти, РАГС); 6) доклады участников конференции, отражающих гуманитарную составляющую в деятельности СЦ.

[9] Ситуационные центры – 2010. Современные информационно-аналитические технологии поддержки принятия решений: Материалы научно-практической конференции РАГС. 27–28 апреля 2010 г. / Под общ. ред. А.Н. Данчула. М.: Изд-во РАГС, 2011. С. 94–105.

Список литературы

1. *Бестужев-Лада И.В.* Прогнозное обоснование социальных нововведений. М.: Наука, 1993.
2. *Еферица Т., Матасова И.* Экспертное знание в деятельности ситуационного центра // *Государственная служба*. 2011. № 4. С. 63.
3. *Ильин Н.И.* Ситуационные центры. Опыт, состояние, тенденции развития / Н.И. Ильин, Н.Н. Демидов, Е.В. Новикова. М.: МедиаПресс, 2011.
4. Информационно-аналитические системы и средства поддержки организационного управления: материалы научно-практической конференции РАГС. 29–30 марта 2005 г. / Под общ. ред. А.Н. Данчула. М.: Изд-во РАГС, 2005.

5. *Осипов Г.В.* Проблемы включения социологии в систему научного управления российским обществом // Социс. 2012. № 7.
6. *Пригожин А.И.* Организационные управленческие патологии // Общественные науки и современность. 1998. № 3.
7. Ситуационные центры – 2009. Перспективные информационно-аналитические технологии поддержки принятия решений: Материалы научно-практической конференции РАГС. 14–15 апреля 2009 г. / Под общ. ред. А.Н. Данчула. М.: Изд-во РАГС, 2010.
8. Ситуационные центры – 2010. Современные информационно-аналитические технологии поддержки принятия решений: Материалы научно-практической конференции. РАГС. 27–28 апреля 2010 г. / Под общ. ред. А.Н. Данчула. М.: Изд-во РАГС, 2011.
9. Ситуационные центры – 2011. Ситуационные центры и электронное правительство: материалы научно-практической конференции. РАГС. 26–27 апреля 2011 г. / Под общ. ред. А.Н. Данчула. М.: Изд-во РАГС, 2012.
10. Ситуационные центры и перспективные информационно-аналитические средства поддержки принятия решений: Материалы научно-практической конференции РАГС. 25–27 апреля 2007 г. / Под общ. ред. А.Н. Данчула. М.: Изд-во РАГС, 2008.
11. Ситуационные центры и современные информационно-аналитические технологии поддержки и принятия решений: Материалы научно-практической конференции РАГС. 7–9 апреля 2008 г. / Под общ. ред. А.Н. Данчула. М.: Изд-во РАГС, 2009.
12. Ситуационные центры: модели, технологии, опыт практической реализации: Материалы научно-практической конференции РАГС. 18–19 апреля 2006 г. / Под общ. ред. А.Н. Данчула. М.: Изд-во РАГС, 2007.
13. Социология в системе научного управления: Материалы IV Всероссийского социологического конгресса / ИС РАН, ИСПИ РАН, РГСУ. М.: ИС РАН, 2012. 1 CD ROM.
14. *Тихонов А.В.* От социологии менеджмента к социологии управления // Социс. 2011. № 2. С. 43.

Reference list

1. *Bestuzhev-Lada I.* The predictive ground of social innovations. М.: Nauka, 1993.
2. *Eferina T., Matasova I.* Expert knowledge in the work of Situation Center // Public service. 2011. № 4. P. 63.
3. *Il'in N.* Situation Centers. Experience, condition, trends of development / N. Il'in, N. Demidov, E. Novikova. М.: MediaPress, 2011.
4. *Osipov G.* Issues of the inclusion of Sociology into the system of scientific management by the Russian society // Sotsis. 2012. № 7.
5. *Prigozhin A.* Organizational management pathologies // Social sciences and contemporaneity. 1998. № 3.
6. Situation Centers – 2010. Modern information-analytical technologies of decision support: Files of scientific and practice conference of Russian Academy of Civil Service. 27th –28th of April of 2010 / Under the general editorship of A. Danchul. М.: Publishing by Russian Academy of Civil Service, 2011.
7. Situation Centers – 2011. Situation Centers and electronic government: Files of scientific and practice conference of Russian Academy of Civil Service. 26th –27th of April of 2011 / Under the general editorship of A. Danchul. М.: Publishing by Russian Academy of Civil Service, 2012.
8. Situation Centers – 2009. The prospective information-analytical technologies of decision support: Files of scientific and practice conference of Russian Academy of Civil Service. 14th –15th

of April of 2009 / Under the general editorship of A. Danchul. M.: Publishing by Russian Academy of Civil Service, 2010.

9. Situation Centers and advanced information-analytical tools of decision support: Files of scientific and practice conference of Russian Academy of Civil Service. 25th –27th of April of 2007 / Under the general editorship of A. Danchul. M.: Publishing by Russian Academy of Civil Service, 2008.

10. Situation Centers and modern information-analytical technologies of support and making decisions: Files of scientific and practice conference of Russian Academy of Civil Service. 7th –9th of April of 2008 / Under the general editorship of A. Danchul. M.: Publishing by Russian Academy of Civil Service, 2009.

11. Situation Centers: Models, technologies, experience of practical implementation: Files of scientific and practice conference of Russian Academy of Civil Service. 18th –19th of April of 2006 / Under the general editorship of A. Danchul. M.: Publishing by Russian Academy of Civil Service, 2007.

12. Sociology in the system of scientific management: Files of the IV All-Russian Sociological Congress / Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Institution of the Russian Academy of Sciences “the Institute of Socio-Political Research”, Russian State Social University. M.: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 2012. CD ROM, 1 piece.

13. The information-analytical system and support tools of managerial control: Files of scientific and practice conference of Russian Academy of Civil Service. 29th –30th of March of 2005 / Under the general editorship of A. Danchul. M.: Publishing by Russian Academy of Civil Service, 2005.

14. *Tikhonov A.* From sociology of business management to management sociology // Sotsis. 2011. № 2. P. 43.

УДК 330

Назаров А.Г.,

кандидат политических наук, специальный представитель Президента Республики Башкортостан по инвестиционному сотрудничеству

ПРИОРИТЕТЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ИНВЕСТИРОВАНИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ

В статье актуализируется проблема выбора приоритетов стратегического инвестирования регионами России, дана классификация приоритетов регионального инвестирования, представлены основные результаты оценки инвестиционного климата в Российской Федерации, обобщен положительный опыт инвестирования на региональном уровне.

Ключевые слова: инвестиции, инвестирование, регион, стратегия, приоритеты, инвестиционный климат, инвестиционные риски

Nazarov A.,

PhD in Politics, Special Representative of the President of the Republic of Bashkortostan on Investment Cooperation

THE PRIORITIES FOR STRATEGIC INVESTMENT OF THE RUSSIAN REGIONS

The article is actualized the problem of the choice of priorities for strategic investment by the Russian regions, given the classification of priorities for regional investment, proposed the main results of the assessment of the investment climate in Russian Federation, summarized the positive experience of the investment at the regional level.

Keywords: capital investments, investment, region, strategy, priorities, investment climate, investment risks

Динамичное социально-экономическое развитие регионов во многом зависит от благоприятного инвестиционного климата, качественного управления инвестиционными процессами, грамотного использования инвестиционного потенциала. Вместе с тем эффективное вложение инвестиций в экономику региона во многом обусловлено обоснованностью выбора инвестиционных приоритетов. Именно от них, на наш взгляд, зависит реализация важнейших компонентов региональной политики: промышленной, аграрной, финансовой, социальной.

По мнению отечественных экспертов, система приоритетных направлений инвестирования в регионе должна обосновываться с учетом ключевых факторов экономического развития: совокупного спроса и совокупного предложения, сбалансированности бюджета, развитости инвестиционной инфраструктуры, инновационной и предпринимательской активности, состояния социальной сферы и др. [11, С. 55].

На наш взгляд, в основе выбора приоритетов стратегического инвестирования должны лежать следующие принципы: ресурсной обеспеченности, обоснованности, целевой направленности, системности, эффективности.

Основываясь на вышеуказанных принципах, можно представить классификацию приоритетов регионального инвестирования. Так, согласно классификации Ю.С. Новикова приоритеты регионального инвестирования делятся на пять равноправных групп. К первой группе относятся приоритеты общеэкономического характера (поддержка производственного аппарата). Во вторую группу входят приоритеты межотраслевого уровня (развитие производственной инфраструктуры на основе инновационных проектов, структурная перестройка народного хозяйства). Приоритеты третьей группы носят целевой характер: обеспечение населения страны продовольственными товарами собственного производства, повышение эффективности топливно-энергетического комплекса. Четвертая и пятая группы определяют выбор вариантов инвестирования и государственной поддержки среди предприятий, нуждающихся в обновлении основных фондов [4, С. 45].

Выбор приоритетных направлений связан также с ограниченностью ресурсов. Например, Г. Татевосян предлагает классификацию приоритетов по следующим признакам:

- *неизбежные* (данные приоритеты всегда будут находиться на первом плане вне зависимости от общеэкономической политики государства);
- *наиболее вероятные* (к ним относятся направления развития отдельных отраслей и производств, в разработке которых принимают участие несколько регионов);
- *проблемные* (реализация данных приоритетов предполагает наличие определенных трудностей в рамках государственной политики) [9, С. 220].

К примеру, председатель Правительства РФ Д.А. Медведев выступая на заседании Комиссии по модернизации и технологическому развитию экономики в г. Магнитогорске, высказал мысль о том, что «необходимократно увеличить приток инвестиций, так как стране нужны технологии, нужны деньги в объемах, соразмерных огромному потенциалу России» [1, С. 8].

Д.А. Медведев сформулировал ряд проблемных вопросов, требующих незамедлительного решения. Одним из них является неэффективная инвестиционная деятельность региональных органов власти и управления. Было принято решение в каждом федеральном округе ввести специальный институт инвестиционного уполномоченного, в задачи которого войдет оказание содействия компаниям в реализации перспективных инвестиционных проектов. Задача уполномоченного будет состоять в том, чтобы максимально сократить сроки рассмотрения и реализации инвестиционных проектов. Однако на практике данный институт еще только формируется, а на региональном уровне нет единых подходов к активизации инвестиционных процессов [2, С. 3].

Существует достаточно большое количество экспертных оценок о проблемах инвестирования в регионах России. К примеру, рейтинговое агентство «Эксперт РА» ежегодно готовит рейтинг инвестиционной привлекательности регионов России. Так, по итогам 2013 г. в группу лидирующих регионов, сочетающих минимальные риски для инвесторов с максимальным потенциалом для капиталовложений, входят: Московская область, Москва, Краснодарский край, Республика Татарстан.

В тройку регионов с минимальными рисками вошли Ленинградская, Белгородская и Липецкая области (см. таблицу 1) [8].

В рейтинге 2014 г. впервые «Эксперт РА» прогнозирует рост рисков. На это указывает предварительная статистика 2013 г. В частности, объем российского экспорта, который для многих регионов является ключевым фоновым индикатором, за январь – сентябрь нынешнего года сократился на 1,3%, а рост промышленного производства остается в пределах статистической погрешности (0,1%). По большинству показателей производственного сектора ситуация в регионах худшая с 2009 г.

Ведущие регионы России по уровню инвестиционного риска в 2013 г.

Ранг риска		Ранг потенциала 2013 г.	Субъект Федерации
2013 г.	2012 г.		
1	8	27	Ленинградская обл.
2	1	18	Белгородская обл.
3	3	42	Липецкая обл.
4	4	3	Санкт-Петербург
5	2	4	Краснодарский край

По оценкам помощника президента РФ Андрея Белоусова, чистый отток капитала из России по итогам 2014 г. может достичь \$100 млрд, что, в свою очередь, будет отпугивать иностранных инвесторов в долгосрочные вложения [5]. По оценкам Всемирного Банка эта цифра может достигнуть \$150 млрд [3].

Результаты оценки инвестиционного климата в РФ, подготовленные экспертами KPMG и Российского Союза промышленников и предпринимателей за 2013 г. показывают, что бизнес-климат в российских регионах улучшается, были достигнуты определенные успехи в работе над «мягкими» и «жесткими» факторами инвестиционной привлекательности. Вместе с тем, если регионы – и вся Россия – стремятся к преодолению кризиса, необходимо уже сейчас предпринимать системные меры, основываясь на реалиях экономической ситуации, оценке своего потенциала и стратегических приоритетах инвестирования. Нестабильность мирового рынка, санкционная политика стран Запада, колебания валютного курса и его зависимость от внешнеэкономической конъюнктуры серьезно угрожают устойчивому развитию экономики регионов. Вот почему новые приоритеты регионального инвестирования могли бы быть именно тем сигналом для иностранных инвесторов, который не только обеспечил бы привлечение капитала и технологий, но и дал бы возможность снизить экономические и социальные риски.

Отметим, что, несмотря на успешность многих регионов в привлечении прямых иностранных инвестиций (ПИИ), в целом положение регионов остается сложным.

В настоящее время российский уровень распространения прямых иностранных инвестиций не превышает 10% и является достаточно низким по сравнению со средним мировым уровнем в 16%. Исправить эту ситуацию могут последовательные целенаправленные усилия инвестиционных регионов-лидеров по реализации стратегических инициатив по повышению инвестиционной привлекательности. Если в условиях современной мировой экономики в последующие годы более осторожная стратегия экспансии для иностранных инвесторов окажется выгоднее, чем выход на рынки новых стран, для многих регионов России появятся реальные шансы привлечь ПИИ [10].

Важно подчеркнуть (основываясь на примере некоторых успешных капиталовложений в регионы), что для иностранных инвесторов наша страна может стать достаточно привлекательной именно в посткризисный период. Но сам иностранный капитал к нам не придет. Много, если не все, зависит от грамотных действий властей, умения использовать инструменты региональной инвестиционной политики.

К примеру, руководство Калужской области постоянно повышает качество поддержки малого и среднего бизнеса, в том числе с участием иностранного капитала. Для этого представители местной администрации общаются с инвесторами, которые уже открыли производство на территории региона или собираются это сделать, а также с теми, кто отказался

от своих инвестиционных планов в силу различных причин. Сейчас в регионе существуют четыре института регионального развития:

- 1) Агентство регионального развития Калужской области (занимается привлечением инвестиций и общим сопровождением инвестиционных проектов);
- 2) ОАО «Корпорация развития Калужской области» (обеспечивает предоставление технической и инфраструктурной поддержки инвесторам);
- 3) ООО «Индустриальная логистика» (обеспечивает предоставление транспортных и логистических услуг, консультации по смежным вопросам);
- 4) ОАО «Агентство инновационного развития – центр кластерного развития Калужской области» (реализует мероприятия по поддержке малых и средних предприятий, технопарков).

За 2012–2013 гг. объем привлеченных инвестиций в регион составил \$2,6 млрд. Сегодня область имеет портфель согласованных инвестиционных проектов в размере порядка \$4,5 млрд. На территории данного субъекта создано шесть индустриальных парков общей площадью около 2 300 га. Полторы тысячи га уже предоставлены инвесторам. Планируется, что в 2015 г. благодаря развитию индустриальных парков будет создано 22 тыс. новых рабочих мест. По расчетам, на 1 руб. государственных вложений будет привлечено более 15 руб. частных инвестиций. Объем налоговых поступлений со стороны резидентов парков в период 2010–2016 гг., по прогнозам, составит 34 млрд руб. Затраты Калужской области на развитие парков составят около 10 млрд руб. [8].

Таким образом, в регионе сформировалась целостная система поддержки инвестиционной деятельности, основанная на приоритетах стратегического инвестирования. Ее основа – не только индустриальные парки, но и механизмы административной поддержки, включающие индивидуальную работу с каждым инвестором, создание полноценной инфраструктуры для строительства промышленных предприятий, полную свободу при выборе подрядчика, предоставление налоговых льгот.

По объему прямых иностранных инвестиций Калужская область входит в тройку лидеров среди субъектов Центрального федерального округа, значительно опережая своих соседей.

Сейчас в Калужской области реализуется инвестиционный проект автомобильного концерна Volkswagen AG. В рамках реализации проекта индустриального парка «Росва» в 2010 г. начато производство автомобилей автозаводом Peugeot Citroen. В рамках программы развития стройиндустрии реализуются крупные инвестиционные проекты по постройке цементного завода компании «Лафарж» (Франция) и завода по производству строительных материалов ООО «Этернит-Калуга» (Бельгия).

Положительный опыт стратегического инвестирования имеется и в Липецкой области [8]:

- в период с 2005 по 2011 г. общий приток инвестиций в экономику области увеличился в 2,4 раза;
- объем инвестиций на душу населения в 2006 г. превысил среднероссийский уровень, и с тех пор тенденция сохраняется;
- в период с 2005 по 2011 г. на крупных и средних предприятиях области было создано более 41 тыс. новых рабочих мест;
- диверсификация экономики области: доля налоговых поступлений от ОАО «НЛМК», которая в 2005–2007 гг. составляла около 53%, снизилась до 27% в 2012 г.;
- заложена хорошая база для развития кластеров в таких отраслях, как производство бытовой техники, строительных материалов и сельскохозяйственной техники.

В 2009–2010 гг. с целью повышения прозрачности и эффективности взаимодействия между региональными властями и инвесторами началось масштабное инвестирование Свердловской области. Стратегия, разработанная специалистами, была направлена на повышение качества и своевременности информации, которую получают инвесторы во время двух основных этапов инвестиционного процесса: первичное изучение рынка и этап строительства. Была разработана программа повышения инвестиционной привлекательности Свердловской области на 2011–2015 гг., которая устанавливает конкретные сроки, распределяет обязанности участников программы и выделяет средства на ее реализацию.

Система U2020 разработана в формате «одного окна» и предназначена для инвесторов, желающих вложить средства в экономику региона:

- потенциальный инвестор открывает на сайте личный кабинет и загружает туда информацию с кратким описанием проекта;
- по каждому проекту назначаются кураторы от органов власти, выступающие в роли консультантов;
- задачи распределяются и отслеживаются в режиме онлайн;
- если у инвестора возникают какие-либо вопросы, он также может в режиме онлайн напрямую обратиться к лицу, ответственному за решение конкретного вопроса.

Основные цели внедрения U2020:

- сократить бюрократические барьеры, отпугивающие новых инвесторов;
- повысить прозрачность процесса для всех его участников: система позволяет инвестору, всем представителям органов власти и министрам следить за прохождением документов в режиме онлайн и сразу видеть возникающие затруднения;
- внедрить более эффективный контроль и обеспечить постоянную поддержку со стороны администрации области;
- получить инструмент оценки и мониторинга развития деловой активности в регионе в динамике за тот или иной период времени.

Положительный опыт стратегического инвестирования на региональном уровне позволяет предположить, что отечественные и иностранные инвесторы станут более активно осуществлять капиталовложения.

Интерес вызывают данные о деятельности в России IFC – крупнейшего в мире финансового института, фокусирующего свою деятельность на развитии частного сектора в развивающихся странах и получившего широкое признание в качестве основного источника создания рабочих мест, экономического роста и сокращения бедности. Общий объем инвестиций IFC по оценкам 2014 г. составил \$10,2 млрд. Данная организация оказывает консультативные услуги в области энерго- и ресурсоэффективности, развития возобновляемой энергетики, укрепления региональных банков через улучшение управления рисками. В 2012 финансовом году IFC инвестировала в России \$1,2 млрд, в том числе \$465,5 млн в виде синдицированных кредитов (рис.1).

По данным IFC к приоритетным отраслям и их возможным партнерам могут быть отнесены:

- *частный сектор*: транспорт и логистика; порты, аэропорты; возобновляемая энергетика; тепло- и водоснабжение, канализация; IT и телекоммуникации; добыча полезных ископаемых;
- *региональный и муниципальный сектор*: тепло- и водоснабжение, канализация, проч. коммунальная инфраструктура; региональные и муниципальные дороги; транспорт; твердые бытовые отходы; уличное освещение; социальная инфраструктура (школы, больницы, детские сады).

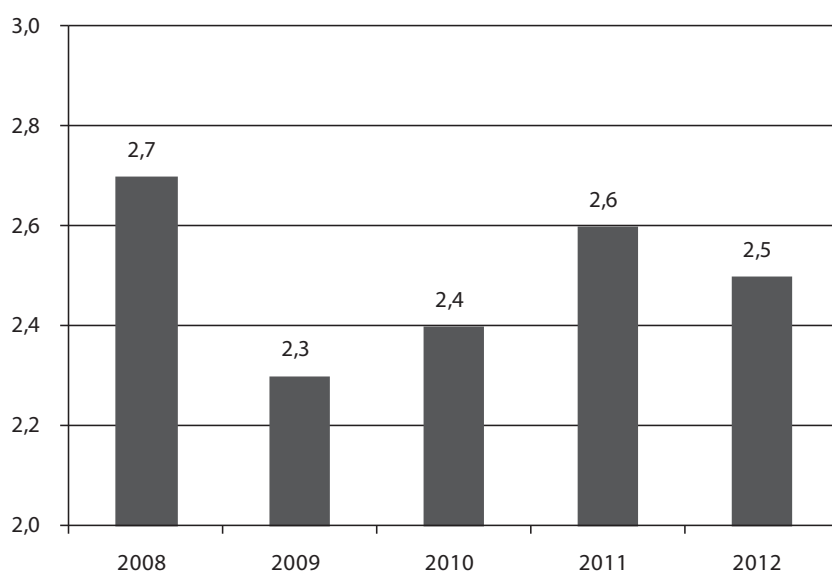

Рис. 1. Инвестиционный портфель IFC в России, млрд долл. [6].

Финансирование может быть предоставлено для поддержки отдельного проекта, нескольких проектов или программы капитальных вложений в целом. При этом участие IFC не должно превышать 50% проекта или программы. В качестве проекта могут рассматриваться новое строительство, реконструкция, капитальный ремонт, приобретение оборудования. Возможно частичное использование кредитных средств на рефинансирование существующих долговых обязательств.

Представим примеры реализованных проектов IFC в сфере муниципальной инфраструктуры.

Мытищи. Два кредита на общую сумму 450 млн рублей сроками 5 и 7 лет на приобретение и установку 158 индивидуальных тепловых пунктов в многоквартирных жилых домах и замену 14 километров тепловых сетей в городском поселении Мытищи Московской области.

МУП «Уфаводоканал». Шестилетний кредит на сумму 500 млн рублей на завершение строительства третьего блока биологической очистки в составе Городских очистных сооружений канализации, а также на рефинансирование части краткосрочной задолженности.

Петропавловск-Камчатский. Энергетическое обследование объектов социальной сферы, разработка инвестиционного плана и параметров финансирования. Кредит на сумму 700 млн рублей сроком 8 лет на финансирование ремонта дорог.

Ниже приведены примеры реализованных проектов в сфере региональной инфраструктуры.

Республика Марий Эл. Три кредита на общую сумму 1 700 млн рублей сроком от 5 до 6 лет на финансирование программы сохранения и реконструкции региональных дорог в 2009–2012 гг. (30–40 км ежегодно), а также частичное рефинансирование краткосрочной задолженности Республики.

Республика Чувашия. IFC предоставила частичную гарантию по облигациям республики, что позволило увеличить кредитный рейтинг инструмента на одну позицию. Также три долгосрочных кредита на общую сумму 2000 млн руб. на реконструкцию региональных дорог, оснащение больниц и строительство детских садов (в сотрудничестве с Всемирным банком) [7].

В заключение отметим, что в целом российские регионы способны реализовывать конкретные меры для улучшения своей инвестиционной привлекательности, в том числе за счет конкретизации стратегических приоритетов инвестирования.

Только эффективные и удачные инициативы региона могут привлечь потенциальных инвесторов. Важным здесь является не только ориентация администрации регионов на интересы иностранных инвесторов, но и меры по повышению стандартов взаимодействия с инвесторами, здоровая конкуренция за иностранные инвестиции, стимулирование роста эффективности инвестиционного процесса.

Лучшие практики из международного и российского опыта демонстрируют доступность широкого набора инструментов, которые могут способствовать существенному улучшению инвестиционной привлекательности региона. Вместе с тем существует целый ряд мер, к которым могут прибегнуть российские регионы с целью увеличения своей привлекательности для иностранных инвесторов. И, в первую очередь, это – наличие стратегии социально-экономического и инвестиционного развития. А их конкретизация в приоритетах стратегического инвестирования положительно влияет не только на формирование положительного имиджа региона, но и на долгосрочной основе решает задачи увеличения притока прямых иностранных инвестиций, повышает качество инвестиционного процесса, создает предпосылки создания эффективных институтов взаимодействия с иностранными инвесторами.

Список литературы

1. *Артамонов А.Д.* Инновации в регион // Информационный вестник Калуга. – 2010. – № 4. – С. 8.
2. *Крутиков В.К., Шахметова Е.А.* Активизация инвестиционных процессов на региональном уровне // Региональная экономика: Теория и практика. – 2011. – № 34(217). – С. 2–6.
3. Независимая газета – Электронный ресурс. URL: <http://www.ng.ru/news/461666.html>.
4. *Новиков Ю.С.* Инвестиции в регионе: проблемы теории и практики. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1998. – 219 с.
5. Отток капитала из России в 2014 г. может достичь 100 млрд долл. – Газета.ру. – Электронный ресурс. URL: http://www.gazeta.ru/business/news/2014/03/26/n_6039881.shtml
6. Официальный сайт Международной финансовой корпорации IFC. Электронный ресурс. URL: http://www.ifc.org/wps/wcm/connect/Multilingual_Ext_Content/IFC_External_Corporate_Site/Home_RU
7. Официальный сайт Всемирного банка – Электронный ресурс. URL: <http://www.worldbank.org/ru>
8. Рейтинговое агентство РА-Эксперт. Электронный ресурс. – URL: <http://raexpert.ru/releases/2013/Dec13a/>
9. *Семенов А.Н.* Обоснование и выбор приоритетов инвестирования в экономику региона // Бизнес в законе. – 2010. – № 4. – С. 220–222.
10. Точка зрения инвесторов. Инвестиционный климат в РФ глазами иностранных инвесторов. – Электронный ресурс. URL: <http://www.kpmg.com/ru/ru/fdi/pages/default.aspx>
11. *Шкодинский С.В.* Выбор отраслевых приоритетов инвестирования // Финансы и кредит. – 2005. – № 23. – С. 54–57.

Reference list

1. *Artamonov A.* Innovations in the region // Kaluga Information Bulletin. – 2010. – № 4. – P. 8.
2. Capital outflow from Russia can reach 100 billion of US dollars in 2014 year. // Gazeta.ru – Electronic resource. URL: http://www.gazeta.ru/business/news/2014/03/26/n_6039881.shtml

3. *Krutikov V., Shakhmetova E.* Mainstreaming of investment processes at the regional level // *Regional economy: Theory and practice.* 2011. № 34(217). P. 2–6.
4. *Nezavisimaya Gazeta.* Electronic resource. URL: <http://www.ng.ru/news/461666.html>.
5. *Novikov Yu.* Capital investments in the region: Issues of theory and practice. – Syktyvkar: Komi publishing house, 1998. – P. 219.
6. Rating Agency RA-Expert. Electronic resource. URL: <http://raexpert.ru/releases/2013/Dec13a/>.
7. *Semenov A.* Justification of the choice of investment priorities in the region's economy // *Business law.* – 2010. – № 4. – P. 220–222.
8. *Shkodinskiy S.* The choice of sector investment priorities // *Finance and credit.* – 2005. – № 23. – P. 54–57.
9. The official web site of the International Finance Corporation (IFC). Electronic resource. http://www.ifc.org/wps/wcm/connect/Multilingual_Ext_Content/IFC_External_Corporate_Site/Home_RU
10. The official web site of the World Bank. Electronic resource. URL: <http://www.worldbank.org/ru>.
11. The point of view of investors. The investment climate in the Russian Federation through the eyes of foreign investors. Electronic resource. URL: <http://www.kpmg.com/ru/ru/fdi/pages/default.aspx>.

УДК 311.42

Богданов В.С.,

кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Центра социологии управления и социальных технологий Института социологии Российской академии наук

Мерзляков А.А.,

кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Центра социологии управления и социальных технологий Института социологии Российской академии наук

ПРАКТИКА ДИСТАНЦИОННЫХ ОНЛАЙН-ИССЛЕДОВАНИЙ В ОНТОЛОГИЧЕСКОМ ПОЛЕ ПРОБЛЕМ СОЦИОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ (ДИСТАНЦИОННЫЙ АНАЛИЗ РЕАЛИЗАЦИИ КЛАСТЕРНОЙ ПОЛИТИКИ В РЕГИОНАХ РФ)

Статья написана по материалам исследования в рамках Программы Президиума РАН «Прогноз технологического развития России с учетом новых мировых интеграционных процессов, технологические, экономические и институциональные аспекты». Целью исследования была разработка и апробирование социологического инструментария дистанционного контроля осуществления кластерной политики.

Работа проводилась авторами в три этапа: 1. Разработка методологии анализа и методики дистанционного сбора первичной информации (2012). 2. Анализ исходной базы данных по 83 регионам страны и по нефтегазовой отрасли (2013). 3. Проверка полученных данных и выводов на основе онлайн-опроса экспертов (2014). В статье представлены основные результаты каждого этапа этой работы, делается вывод о возможности использования данной методологии не только в научных, но и в практических целях.

Ключевые слова: инновационная модернизация, кластерная политика, типология кластеров, дистанционный анализ, социотехническая технология, блок-схема исследования, базовые переменные, уровень освоения кластеров, барьеры кластерного развития, интенциональность виртуального позиционирования, латентные связи кластеризации, картирование регионов и отраслей

Bogdanov V.,

PhD in Sociology, Senior Researcher of Center of Management Sociology and Social Technologies, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences

Merzlyakov A.,

PhD in Sociology, Senior Researcher of Center of Management Sociology and Social Technologies, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences

PRACTICE OF DISTANCE ONLINE RESEARCH IN AN ONTOLOGIC FIELD OF ISSUES OF MANAGEMENT SOCIOLOGY (THE DISTANCE ANALYSIS OF REALIZATION OF CLUSTER POLICY IN REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION)

The article was written on the base of the research records in the frameworks of the Program of the Russian Academy of Sciences named as "The prediction of technological development of Russia taking into account of the new global integration processes and as well as technological, economical and institutional aspects". The aim of the

research was the development and testing of sociological tooling of distance monitoring of the implementation of cluster policy. The authors were carried out their work in three stages: 1. Development of methodology for analysis and methods of distance raw information collection (2012). 2. The analysis of the source database through 83 regions of the Country and on the oil and gas industry (2013). 3. Verification of the resulting data and conclusions based on an online survey of experts (2014). The article is elaborated the main results of each stage of this work; it is concluded about the possibility of using this methodology not only in science but for practical purposes also.

Keywords: innovation modernization, cluster policy, typology of clusters, distance analysis, social technology, block-structure of research, fundamental variables, level of clusters development, obstructions of cluster development, intentionality of virtual positioning, latent links of clustering, mapping of regions and sectors

Практика управления с каждым днем приобретает все более сложные и устойчивые формы, закрепляющиеся в реальных и виртуальных сетевых структурах при помощи динамично развивающихся аппаратных средств ИКТ.

С бурным ростом информационных технологий и динамичной пенитрацией интернета трансформируются когнитивные и онтологические границы проблемного поля социологии управления. Появляются новые социальные системы управления на менеджеральном, институциональном и социетальном уровнях, которые, в свою очередь, формируют научно-методологические вызовы перед социологией управления.

Современные информационные технологии (средства ИКТ, интернет-технологии) становятся не только средствами инструментальной регуляции процессов управления, но и средствами их изучения. Однако следует отметить, что сегодня остро стоит проблема проникновения технических приемов, интернет-технологий в практику социологических исследований под видом научных методов и методик, хотя зачастую таковые не имеют под собой научно-методологических оснований. В результате этого мы становимся свидетелями подмены реальных знаний о социальных явлениях эмпирическими данными, т.е. получаем некую тривиальную констатацию фактов вмешательства социологов в те или иные процессы общественной жизни при помощи нерепрезентативных онлайн-опросов, использования программных средств автоматизированного анализа веб-контента с сомнительными психолого-семантическими процедурами (без подключения экспертного знания) и т.п.

В Центре социологии управления и социальных технологий с 2003 г. рассматриваются важные вопросы научно-методологической организации и проведения дистанционных исследований, а также лонгитюдных онлайн-мониторингов проблем управления. В частности, рассматриваются вопросы репрезентативности, валидности, идентичности и различия получаемых данных в результате применения онлайн и традиционных количественных опросов. Ведется разработка и апробация онлайн-методов/методик сбора и анализа первичной информации.

Всего Центром проведено в 2003–2015 гг. 12 дистанционных исследований, в рамках которых разработан **Комплексный Интерактивный Продукт (КИП) дистанционного сбора и анализа данных**, поддерживающий полный цикл исследовательских работ – **от диагностики проблемы до проектирования**. Как разрабатывался КИП, можно узнать в информационных бюллетенях Центра, в которых освещаются теоретико-методологические аспекты дистанционных исследований, а также их результаты¹.

¹ Конкурентоспособность отечественных ИТ-компаний (по материалам интерактивного исследования) // ИНАБ. 2012. №1. [Электронный ресурс]. М.: Институт социологии РАН, 2012. – 53 с. URL: http://www.isras.ru/inab_2012_01; Наукограды в кризисной ситуации (по материалам интерактивного исследования) // ИНАБ. 2012. №2. [Электронный ресурс]. М.: Институт социологии РАН, 2012. – 45 с. URL: http://www.isras.ru/inab_2012_02.html

Ниже мы рассмотрим опыт отраслевой дисциплины социологии управления в изучении проблем управления и процессов «управляемости» при помощи дистанционных исследований с использованием современных информационных технологий и специализированного аппаратного обеспечения, а также обзорно представим обобщенные результаты конкретного онлайн-исследования – дистанционного анализа реализации кластерной политики в региональном и отраслевом аспектах.

Современные практики и проблемы организации дистанционных исследований

Чтобы лучше понять опыт применения онлайн-исследовательских практик в Центре социологии управления, обратимся к опыту смежных дисциплин в части разработки методологического аппарата для измерения социально-виртуальных явлений в информационном пространстве глобальной сети интернет как подсистемы виртуальной реальности, в которой эмерджентно продуцируются новые формы социокультурной реальности.

Одними из первых, кто задался в социальных науках вопросом разработки методологии измерения психологической готовности к сетевому общению и изучением его реальных особенностей (1970–1980 гг.), были социологи и психологи [1]. Их научные изыскания и организация научно-исследовательского процесса ограничивались вначале техническими возможностями сети Интернет, позволявшими передавать тогда лишь гипертекстовые данные, пересылать короткие текстовые сообщения. В середине 90-х гг., на пике бурного развития средства ИКТ и, в частности, Интернета, зародился новый междисциплинарный подход анализа проблем формирования информационного общества, становления виртуальных сетей – Информатика сообществ². Данная дисциплина уделяет особое внимание разработке методологического инструментария исследования процессов и механизмов становления коммуникационной среды в информационном обществе и описанию способов и средств формирования основных моделей коммуникации (сетевых сообществ), структуры сетевой топологии развития социального взаимодействия в современном обществе [2]. Однако, как заявляют сами последователи этого течения, информатика сообществ до конца не определилась со статусом отраслевой научной дисциплины и является на сегодняшний день составной частью социальной информатики, по сути посягая на ту же предметную область исследований и пытаясь интегрировать в свое поле когнитивного пространства социологические конструкты, т.е. способы эмпирической верификации данных конкретных исследований в логико-гносеологические концепции объяснения виртуальной реальности.

Если обратиться к уже имеющемуся опыту проведения социологических исследований с применением интернет-технологий, то можно однозначно сказать, что ИКТ не заменяют традиционные количественные и качественные методы измерения социальной реальности, а только усовершенствуют приемы и средства измерений, опираясь на классическую методологию сбора первичной информации [3]. Среди таких приемов и средств можно назвать геймификацию опросного инструментария, занимающую сегодня особое место у социологических и маркетинговых агентств в продвижении и изучении конкретных брендов (продуктов) при помощи методов компьютерных игр; технологию создания и функционирования интернет-панелей³, построенную на базе постоянного участия идентифицирован-

² Родоначальником этого направления считается М. Гурстейна и Б. Лоэдер, а последователями – названный отечественный коллектив ИСА РАН.

³ Интернет-панель или онлайн-панели представляют собой базу данных потенциальных респондентов – сообществ людей, давших согласие на регулярное участие в онлайн-исследованиях, предоставляющих о себе различные социально-демо-

ных по социально-демографическим признакам респондентов; мобильные формы опросов, проводимые при помощи мобильного интернета; интерактивные качественные методы (онлайн-фокус-группы в формате форума – BBFG, метод «электронного респондента», онлайн-интервью при помощи сервиса Skype и др.) и аналитика социальных медиакоммуникаций (СМИ, блоги, социальные сети).

Как правильно подмечает Б. Докторов, каждая новая более эффективная измерительная технология отражает определенные перемены в общественной жизни и является следствием более глубокого понимания свойств массового сознания, базируясь на достижениях в сфере конструирования измерительного инструментария социальных наук [4]. Уместно привести здесь и мнение профессора Г. Батыгина относительно использования Интернета и интернет-технологий на этапе сбора первичных данных в профессиональной деятельности социологов: «Ясно одно: это дело исключительной важности. Это совсем новая техника работы и техника жизни» [5], требующая новых теоретико-методологических подходов в логико-гносеологических программах исследований социальных наук.

Главной методологической проблемой использования интернет-технологий в социологических исследованиях остается проблема репрезентативности и валидности данных, получаемых при помощи Интернет, особенно это касается количественных исследований. Среди главных угроз реперезентативности этого типа исследований И.Ф. Девятко называет следующие: «1) отсутствие основы выборки, 2) проблем охвата, т.е. неспособности используемой выборочной процедуры охватить реальную генеральную совокупность (т.е. задать известную ненулевую вероятность попадания в выборку для каждой единицы совокупности) и 3) неответов либо отказов от участия – в описанных случаях обычно удается решить первые две» [3]. Проблемы репрезентативности и универсализации результатов онлайн-опросов поддаются пока решению лишь в тех случаях, когда онлайн-выборка получена в результате оффлайн-опроса, например в результате рекрутирования респондентов телефонного опроса со случайным дозвоном, или снабжение представителей выборочной совокупности всеми необходимыми техническими средствами для участия в опросах с применением интернет-технологий, что уже апробировано исследовательскими агентствами изучения общественного мнения США⁴. Бесспорно, большего успеха в совершенствовании дистанционных технологий применения количественных и качественных методов добились американские маркетинговые и социологические компании. Среди российских игроков, кто активно и достаточно долго работает над качеством применения программно-ориентированных интернет-технологий онлайн-опросов, являются компании РОМИР, МАСМИ, OMI RUSSIA и др.

С глубоким сожалением следует отметить, что российские исследователи, в отличие от зарубежных, сегодня имеют меньше возможностей, знаний, компетенций и инструментов для проведения социологических исследований в сети Интернет. Сбор информации по конкретной проблематике затруднен, в первую очередь, темпами и качеством российской интернетизации, которая проходит неравномерно из-за недостатка технических ресурсов в регионах, а также из-за низкого достатка самого пользователя среды Интернет, часто ограниченного дорогой модемной связью. На карте страны очень много мест, где широкополосная (выделенная) связь недоступна физически. Получается, что социетальные проблемы российского масштаба изучать при помощи интернет-технологий (без поддержки оффлайн-опросов) пока невозможно⁵, даже если использовать материальную мотивацию, как это де-

графические данные и получающих определенное вознаграждение за участие.

⁴ См.: опыт Knowledge Networks. URL: <http://www.Knowledgenetworks.com>

⁵ По данным ФОМ на осень 2012 г., 61 млн человек в возрасте 18+ выходит в сеть хотя бы раз в месяц.

ляется за рубежом и в России в маркетинговой практике. Риски остаться «за бортом» имеют важные социально-демографические, ментальные группы, актуализирующие и определяющие качество и свойства выборки, чем собственно обеспечивают репрезентативность по отношению к генеральной совокупности.

Некоторые исследователи делают ставку на методологию RDS (respondent-driven sampling – «выборка, управляемых респондентом») – модифицированный метод снежного кома. Пока RDS была апробирована при изучении институционально замкнутых сообществ – пациенты, студенты. Исследователи, опробовавшие RDS, заранее имели данные о социально-демографических характеристиках генеральной совокупности, а при помощи создания замотивированной (чаще финансово) доверительной группы из представителей выделенной совокупности, которые собственно и занимались вирусной рекламой исследования (анонсированием), смогли быстро провести рекрутинг респондентов и качественно организовать ремонт выборки. Перспектива применения метода RDS видится в социальных сетях (Facebook, «В Контакте» и т.п.), в которых динамично формируются различные сообщества по конкретному профессиональному и личностно-мотивационному признаку [3].

Другие исследователи все чаще говорят о перспективности и методологических преимуществах количественных онлайн-опросов, проводимых при помощи мобильного интернета на мобильных телефонах, смартфонах и планшетах [6]. Этот тип опроса, в отличие от других дистанционных методов сбора первичной информации, позволяет идентифицировать пользователей по телефонному номеру и использовать их в качестве основы выборки для отбора респондентов методом случайного генерирования телефонных номеров (randomdigitdialing). Плюс респонденты имеют больше возможностей заполнить анкету, не имея по сути привязки к определенному месту и времени. Однако здесь встает профессионально-этический вопрос проведения социологических исследований – получение легитимной информации: правомерность получения данных о номерах мобильных телефонов, вторжение в личное пространство его пользователя.

Все вышеперечисленные разновидности новых типов веб-опросов, основанных на прямой коммуникации с респондентами, Б. Докторов называет пост-гэллоповскими, а И.Ф. Девятко предлагает классифицировать дистанционные методы сбора первичной информации на реактивные (количественные) и нереактивные (качественные). В Центре социологии управления и социальных технологий ИС РАН в ряде исследований проблем управления были разработаны и апробированы собственные уникальные реактивные и нереактивные методы, прошедшие свою методологическую унификацию в социотехнической технологии дистанционного сбора и анализа данных, получившие название «Комплексный Интерактивный Продукт» (КИП). При помощи КИП исследовательским коллективом Центра была успешно организована система непрерывного мониторинга реализации кластерной политики в стране на основе современных информационных технологий.

Опыт дистанционного анализа реализации кластерной политики в региональном и отраслевом аспектах

Проведенные в период с 2002 по 2008 г. и с 2009 по 2011 г. в рамках программ фундаментальных исследований Президиума РАН прогнозные исследования в области инновационной модернизации экономики России позволили установить области создания и распространения в стране перспективных технологий [7]. Одним из важных результатов этой работы стала концепция инновационной индустриализации В.В. Ивантера и Н.И. Комкова, где на

основе анализа общемировых тенденций были определены перспективы и механизмы нашего технологического развития на основе кластерного подхода. Как показывает мировая практика, такой подход является наиболее эффективным инструментом стимулирования региональной экономики, средством достижения целей промышленной политики, повышения ее конкурентоспособности [8]. По М. Портеру, кластеры «лучше согласуются с самим характером конкуренции и источниками достижения конкурентных преимуществ» [9].

Интересным для разработки основ дистанционного анализа реализации кластерной политики в РФ являлся подход к диагностике кластеров в работе Ю.А. Арутюнова из Сыктывкарского ГУ [10]. Он предлагает два взаимосвязанных алгоритма анализа кластерной политики: «сверху – вниз», когда определяется привлекательность и предпосылки для развития кластера в той или иной отрасли, и «снизу – вверх», когда осуществляется идентификация конкретного кластера на определенной территории. При этом для диагностики предлагалось использовать качественные инструменты: метод Дельфи, фокус-группы, локальные опросы, анализ разрывов, стратегический межотраслевой анализ и т.д., а для оценки результатов их развития – количественные (коэффициенты локализации, методы экономического моделирования, анализ сети, таблицы межотраслевого баланса из отчетности). Автором был предложен и подробный алгоритм инновационного организационно-проектного развития отраслевого/регионального кластера, заключавшийся в выполнении ряда последовательных операций. Эта методология вполне приемлема для фундаментальной кафедральной работы, однако она не позволяла исследовать тенденции в реализации кластерной политики на уровне регионов и отраслей в мониторинговом режиме.

Мы учитывали, что переход страны на стратегию инновационной индустриализации, если для этого будет проявлена соответствующая политическая воля, потребует сверхусилий прежде всего в части оперативности в преодолении сопротивления экономических субъектов, заинтересованных преимущественно в экспорте ресурсов, а также в преодолении значительного отставания отечественной инновационной сферы от конкурентов на внешних рынках. В концепции В.В. Ивантера и Н.И. Комкова утверждается, что здесь одними директивными методами и изменением законодательства существующее отставание ликвидировать невозможно. Необходимо использовать активные средства и инструменты стимулирования спроса на разработку и применение на наших производствах современных технологий путем проведения согласованных и скоординированных действий по осуществлению кластерной политики на общероссийском, отраслевом и региональном уровнях в режиме онлайн.

Существенно и то, что в концепцию инновационной модернизации включены два непреложных императива, выполнение которых на самом деле затрагивает не только экономику, но и традиционную для нашей страны систему управления, зараженную стереотипами индустриализации «по-советски» и образцами вновь обретенной «культуры» коррупционных схем. Первый касается сути концепции инновационной индустриализации. Он постулирует полный отказ от восстановления устаревших отраслей и подотраслей в пользу создания совершенно новых, современных инновационных центров. Второй признает возможность реализации этого подхода к управлению инновационной политикой без прямого привлечения к управлению существующими министерствами и ведомствами на основе самоуправляемых инновационно-технологических кластеров. Эти императивы создают новые проблемы, выходящие за рамки существующих социально-экономических и технологических пространств, и переходят в плоскость создания адекватной институциональной и социокультурной среды, в рамках которой инновационно-технологическая политика сможет стать реально осуществимой.

В 2011 г. руководством программы Президиума РАН «Прогноз технологического развития России с учетом новых мировых интеграционных процессов (технологические, экономические и институциональные аспекты)» было принято решение о разработке системы непрерывного мониторинга реализации кластерной политики в стране на основе современных информационных технологий. Ее преимущество должно было состоять в том, чтобы все этапы такого мониторинга могли осуществляться дистанционно. Такая работа была поручена Центру социологии управления и социальных технологий Института социологии РАН [11]. Она осуществлялась в три этапа: на первом (2012 г.) были разработаны методология анализа и методики дистанционного сбора первичной информации, создана и проанализирована исходная база данных по всем участникам кластерного движения (83 региона); на втором (2013 г.) эта методика была опробована на материалах нефтегазовой отрасли; на третьем (2014 г.) был проверен вариант оценки сложившейся проблемной ситуации в осуществлении кластерной политики на основе онлайн-опроса экспертов. Ниже в сокращенном виде представлены основные результаты этой работы по каждому этапу.

Операционализация основных понятий. На основе общепринятых понятий кластерной политики мы выделили следующие *эмпирические референты нашего дистанционного исследования*, а именно главный объект изучения – КЛАСТЕР, под которым мы понимаем сконцентрированное взаимодействие территориальных административно-хозяйствующих субъектов в процессе разработки, производства и реализации товаров в определенной сфере народного хозяйства.

Кластеры дифференцируются на региональные, территориальные, инновационные. Региональные и территориальные схожи по своему функциональному назначению и задачам, единственное различие в том, что территориальный кластер, в отличие от регионального, может размещаться как на территории одного субъекта, так и на территории нескольких субъектов Российской Федерации.

Инновационный кластер – это географически сконцентрированная группа взаимосвязанных инновационных организаций и компаний, создающаяся для укрепления позиций конкурентоспособности кластерной инновационно-производственной структуры. В нашем исследовании мы ввели еще одно операциональное понятие – инновационно-технологические кластеры, так как зачастую в работе кластеров прослеживается процесс организации и внедрения двух типов кластеров в контексте реализации кластерной политики РФ – инновационных и технологических (т.е. промышленных).

Еще одним элементом кластерной политики и одновременно ее локомотивом должен стать «Центр кластерного развития», создаваемый в целях организации взаимодействия и развития различных типов кластеров.

Все перечисленные элементы, по задумке Минэкономразвития, призваны на основе документально закрепленных отношений создавать благоприятные условия для развития бизнес-среды и повышения конкурентоспособности отраслей народного хозяйства. В этом контексте нам интересно было выяснить, имеются ли механизмы реализации кластерной политики, а также оценить степень готовности регионов к созданию кластеров.

Ниже приведем общепринятые определения, употребляемые в ходе реализации кластерной политики на территории РФ и использованные в нашем исследовании.

Кластерная политика – совместные, целенаправленные, закрепленные документально действия представителей бизнеса, органов власти, образовательных и научно-исследовательских институтов, а также других элементов кластера по формированию благоприятных условий бизнес-среды для развития кластеров и повышения эффективности деятельности всех их элементов.

Кластер – сконцентрированная на определенной территории группа взаимосвязанных и взаимодополняющих друг друга хозяйствующих субъектов (предприятий, поставщиков оборудования, комплектующих, специализированных производственных и сервисных услуг), научно-исследовательских и образовательных организаций, которые находятся в отношениях функциональной зависимости в процессе производства и реализации товаров и услуг в определенной сфере.

Региональный кластер – географически близко размещенные конечные производители, поставщики, представители услуг, научные лаборатории, образовательные учреждения и другие институты, функционирующие в конкретной экономической области.

Территориальный кластер – объединение предприятий, поставщиков оборудования, комплектующих, специализированных производственных и сервисных услуг, научно-исследовательских и образовательных организаций, связанных отношениями территориальной близости и функциональной зависимости в сфере производства и реализации товаров и услуг. При этом кластеры могут размещаться на территории как одного, так и нескольких субъектов Российской Федерации.

Инновационный кластер – это географически сконцентрированная группа взаимосвязанных инновационных организаций – инновационных компаний, поставщиков и связанных организаций (компаний-разработчиков и производственных компаний; поставщиков оборудования, комплектующих, специализированных услуг; объектов инфраструктуры: научно-исследовательских институтов, вузов, технопарков, бизнес-инкубаторов и других организаций), взаимодополняющих друг друга и усиливающих конкурентные преимущества отдельных компаний и кластера в целом в результате синергетического эффекта, дополнительных выгод от внутрикластерной конкуренции и кооперации, возникающих в силу специфики взаимодействия фирм ядра кластера с другими вспомогательными организациями, участвующими в кластере посредством вертикальных и горизонтальных связей.

Центр кластерного развития – элемент кластерной инфраструктуры, создаваемый в целях развития различных типов кластеров, в которые зачастую входят компании малого и среднего предпринимательства, обеспечивающие кооперационное взаимодействие участников кластера между собой.

Центры кластерного развития для субъектов малого и среднего предпринимательства создаются в целях содействия принятию решений и координации проектов, обеспечивающих развитие кластеров субъектов малого и среднего предпринимательства и повышающих конкурентоспособность региона базирования соответствующих кластеров и кооперационное взаимодействие участников кластера между собой.

Орган управления кластером – юридическое лицо, выполняющее функцию управления реализацией кластерного проекта.

Управляющая компания – юридическое лицо, приглашенное на принципах аутсорсинга для выполнения функции управления реализацией кластерного проекта.

Типология кластеров. С учетом отраслевой специфики организаций и деятельности кластеров мы заимствовали из документа Минэкономразвития РФ «Методические рекомендации по реализации кластерной политики в субъектах Российской Федерации» [12] детальную классификацию кластеров для проверки и установления их типологических оснований, наличия барьеров, возникающих в ходе разработки и реализации региональных концепций и программ конкретных типов кластеров.

1. *Дискретные кластеры* включают предприятия, производящие продукты (и связанные услуги), состоящие из дискретных компонентов, включая предприятия автомобилестро-

ения, авиационной промышленности, судостроения, двигателестроения, иных отраслей машиностроительного комплекса, а также организации строительной отрасли и производства строительных материалов. Как правило, данные кластеры состоят из малых и средних компаний – поставщиков, развивающихся вокруг сборочных предприятий и строительных организаций.

2. *Процессные кластеры* образуются предприятиями, относящимися к так называемым процессным отраслям, таким как химическая, целлюлозно-бумажная, металлургическая отрасль, а также сельское хозяйство, пищевая промышленность и другие.

3. *Инновационные и «творческие» кластеры* развиваются в так называемых «новых секторах», таких как информационные технологии, биотехнологии, новые материалы, а также в секторах услуг, связанных с осуществлением творческой деятельности (например, кинематографии). Инновационные кластеры включают большое количество новых компаний, возникающих в процессе коммерциализации технологий и результатов научной деятельности, проводимых в высших учебных заведениях и исследовательских организациях.

4. *Туристические кластеры* формируются на базе туристических активов в регионе и состоят из предприятий различных секторов, связанных с обслуживанием туристов, например туристических операторов, гостиниц, сектора общественного питания, производителей сувенирной продукции, транспортных предприятий и других.

5. *Транспортно-логистические кластеры* включают в себя комплекс инфраструктуры и компаний, специализирующихся на хранении, сопровождении и доставке грузов и пассажиров. Кластер может включать также организации, обслуживающие объекты портовой инфраструктуры, компании, специализирующиеся на морских, речных, наземных, воздушных перевозках, логистические комплексы и другие. Транспортно-логистические кластеры развиваются в регионах, имеющих существенный транзитный потенциал.

6. *Кластеры смешанных типов* могут сочетать признаки нескольких типов кластеров.

Отдельно выделены термины процедурно-технологического аппарата исследования, в том числе единицы, категории и методы.

Информационный портал – веб-сайт, организованный как многоуровневое объединение различных ресурсов и сервисов, обновление которых происходит в реальном времени.

Официальный сайт: <http://hghltd.yandex.net/yandbtm?fmode=inject&url=http%3A%2F%2Fstatiami.com%2Fs%2Finternet%2Fchto-takoe-oficialnyy-sayt.php&text=%D0%BE%D1%84%D0%B8%D1%86%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82%20%D1%8D%D1%82%D0%BE&l10n=ru&sign=73461418-fddd66280e80f8855f028269&keyno=0> – YANDEX_9 <http://hghltd.yandex.net/yandbtm?fmode=inject&url=http%3A%2F%2Fstatiami.com%2Fs%2Finternet%2Fchto-takoe-oficialnyy-sayt.php&text=%D0%BE%D1%84%D0%B8%D1%86%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82%20%D1%8D%D1%82%D0%BE&l10n=ru&sign=73461418-fddd66280e80f8855f028269&keyno=0> – YANDEX_8 – веб-сайт компании, организации, где публикуются новости и сообщения, которые она хочет донести до общественности. Основное отличие официального сайта от обычного заключается в его официальном статусе.

Интенция сайта – виртуальная презентация (визуализация) веб-сайта, транслируемая через дизайн, качество сервисов и контента, раскрывающие, в свою очередь, реальные интересы и мотивы деятельности их владельцев.

Интернет-технологии в социологическом исследовании и методике онлайн-исследования (наряду с традиционными методами проведения социологических исследований) –

инновационные методы и методики дистанционного (онлайн) получения, обработки и анализа информации позволяют [7]:

- ускорить сбор и уточнение информации для анализа быстротекущих социальных процессов в практике управления;
- сэкономить и восполнить недостающие ресурсы, оптимизирующие ход исследования: время, трудозатраты, материальные составляющие;
- получить наиболее верифицированные данные путем их валидации через пошаговую реализацию технологических этапов социотехнической технологии, или КИП – комплексного интерактивного продукта (рис.1).

Методология и методика сбора данных. Целью поискового онлайн-исследования была проверка при помощи социотехнической технологии дистанционного сбора и анализа данных возможностей социально-организационного зонирования экономических и технологических пространств, включенных в кластерную политику в рамках концепции инновационной индустриализации [5].

Структура «КИП», социотехнической технологии

Рис. 1. Комплексный интерактивный продукт

Сбор и анализ данных осуществлялся при помощи метода «электронный респондент». В его основу положен классический в социологии метод контент-анализа. Источником информации являлся веб-сайт организаций, причастных к осуществлению кластерной политики. Для достижения цели исследования была разработана специальная информационная карточка учета с фиксацией фактических и аналитических данных. Информация собиралась на основе следующих сетевых данных:

а) фактических;

1. Тип сайта – первичный уровень фиксации информативности по названию.
2. Возраст сайта и фиксация географической привязки – регистрационная система Интернет (сервис whois).
3. Популярность и активность сайта – счетчики и статистика посещений;

4. Контактная информация владельцев сайта и экспертов в области кластерной политики регионов.

5. Качество презентации электронного ресурса как инструмента виртуального позиционирования: дизайн, удобство навигации, наличие и форма трансляции целей и задач сайта, интенции, качество контента, адресность сообщений сайта, доступные каналы обратной связи.

б) аналитических.

1. Блок поисковой информации – оценки регионов по наличию комплексных характеристик, необходимых и достаточных для создания кластеров; индексы ранжирования отраслевых кластеров по степени готовности создания в регионах.

2. Экспертные оценки включенности региона в реализацию кластерной политики (аналитическая работа интервьюера на основе компиляции анализируемой информации с сайта региона).

Первичные данные, собранные при помощи метода электронного респондента, были проанализированы и интегрированы в интерактивный экспертный опрос субъектов кластерной политики регионов.

В ходе общего исследования в КИП была внедрена методика сетевого измерения, а именно проведен сетевой анализ зонтичных брендов в кластерной политике на основе изучения 443 сайтов, владельцы которых включены в процессы реализации кластерных стратегий как на федеральном, так и на региональном уровнях.

Метод сетевого анализа зонтичных брендов – это дистанционный способ изучения позиционирования региональных инновационных кластеров посредством разработки сетевой модели организации властно-управленческой иерархии реализации кластерной политики и учета влияния на нее вершин двух типов: «персоны» и «организации».

В нашем случае для изучения сетевой структуры организации кластерного пространства была использована формула расчета центральности как посредничества, разработанная С. Вассемоном и К. Фаустом. (S. Wasseman, K. Faust. Social network analysis: methods and applications. 1994.) [13]

Блок – схема предмета исследования. В социологии управления для постановки и решения организационно-управленческих проблем используется принцип социально-организационного и социально-технологического зонирования. Социально-организационное зонирование включает в себя:

1. особый правовой статус зоны;
2. наличие достаточной материально-технической и финансовой базы;
3. ядро зонообразования (персональный состав представителей организаций, самостоятельно принимающих стратегические и ресурсные решения);
4. участников и контрагентов зоны, берущих на себя обязательство по выполнению отдельных направлений и функций в совместной работе;
5. ценностно-нормативный кодекс отношений на основе солидарности и ответственности сторон;
6. совмещение самоорганизации персонала и контроля за выполнением писанных и неписанных правил взаимодействия.

Социально-технологическое зонирование распространяется на всю цепочку НИОКР: производство – реализация продукции. Опыт такого зонирования получил положительную оценку в исследованиях Тавистокской социологической школы еще в 60-е гг. прошлого века (Англия) в исследованиях Института анализа предприятий и рынков ГГУ ВШЭ (2004–2007) и

в целом ряде других, в том числе и нашего Центра. Оказалось, что такого рода зонирование способно демпфировать авторитарные амбиции высокоресурсных групп и снимать напряжение в отношениях между участниками в цепочке технологических переделов при разработке и опробовании новых идей производства и реализации продукции. Этот опыт, как нам представляется, может оказаться чрезвычайно полезным и при создании самодостаточных холдингов и инновационно-технологических кластеров при реализации концепции инновационной индустриализации. В этой связи наше исследование проблемы влияния социально-организационного фактора на потенциал инновационной индустриализации страны можно рассматривать как актуальную научную и практически значимую задачу.

В научном плане речь идет об экспликации явных и латентных функций и структур социальных организаций, вовлекаемых в реализацию инновационной политики, способствующих или препятствующих ускорению создания и распространения конкурентоспособных технологий, а также корректировке на этой основе среднесрочных прогнозных оценок, необходимых для разработки стратегических планов и задач. Центральной проблемой здесь становится управляемость процесса инновационной индустриализации на макро-, мезо- и микроорганизационных уровнях. Предметом выступает влияние организованных (вертикально-интегрированных) и спонтанных (самоорганизующихся, горизонтально-интегрированных) факторов на тенденции в реализации кластерной политики.

Рис. 2. Блок-схема предмета исследования и обозначение базовых переменных

1. Регионы: все федеральные округа и входящие в них субъекты РФ.
2. Отрасли: только отрасли, которые упоминаются на сайтах.
3. Федеральная структура: имеются ввиду те, которые реально участвуют в создании кластеров и организации их работы.
4. Предприятия и организации: список юридических лиц, реально включенных в создание и работу кластеров.
5. Организаторы: инициаторы и ресурсодержатели (инвесторы).

6. Типы кластеров: выделены по организационно-управленческим и структурно-отраслевым основаниям.

7. Этапы создания кластеров: регион только заявляет о создании нового кластера, создание кластера находится в процессе становления, кластер функционирует.

8. Инфраструктура кластеров. Шкала: «не имеются, но требуются инфраструктурные элементы», «мощности – имеются элементы инфраструктуры для реализации задач кластера».

9. Партнерская сеть: регионы, корпорации, инвесторы.

10. Трудности и препятствия: кадровая проблема, низкая инновационная готовность организаций и предприятий, недостаточное качество инфраструктуры и т.д., ограниченный доступ к зарубежным рынкам, недостаточное финансирование.

11. Оценка готовности к инновационному развитию по комплексу критериев: низкая, средняя, высокая.

12. Тенденции реализации инновационной политики: негативные, показательные, слабоуспешные, среднеуспешные, успешные.

Основные результаты исследования. Наше исследование было разделено на три этапа:

1 этап – поисковый, на котором применяется метод электронного респондента – это модифицированный метод контент-анализа содержания сайтов (его мы и применили на первом этапе нашего исследования для изучения сайтов субъектов кластерной политики);

2 этап – основной, применяется интерактивный экспертный опрос для проверки данных первого этапа, а также для получения нового знания об объекте исследования;

3 этап – проверочный, проверка данных 1 и 2 этапа исследования при помощи интерактивного экспертного опроса «интегрированных экспертных оценок».

Ниже указаны основные результаты. Сбор и обработка данных показали, что кластерная политика в стране осуществляется, но пока еще экстенсивно и нецеленаправленно. Примерно две трети регионов на тот момент находились на низком уровне вовлеченности в кластеризацию промышленности.

Среди 83 регионов только в 30, по имеющимся сведениям, созданы и функционируют инновационно-технологические кластеры. По степени их готовности они распределились следующим образом:

- высокий уровень готовности – 9%;
- уровень готовности выше среднего – 13%;
- средний уровень готовности – 7%;
- уровень готовности ниже среднего – 8%;
- низкий уровень готовности – 63%.

В типологическом отношении по степени вовлеченности регионов в инновационный процесс получилось следующее распределение: промышленные кластеры – в 62 регионах; кластер технологических инноваций и высоких технологий – в 38 регионах; биотехнологический и медико-химический кластеры – в 32 регионах; топливно-энергетические кластеры – в 29 регионах; агропромышленные кластеры – в 29 регионах; профессионально-интеллектуальные кластеры – в 11 регионах; транспортно-логистические – в 13 регионах; туристическо-рекреационный кластер – 37 регионов.

В качестве барьеров кластеризации на первом месте оказались организационные (40%), затем недостаток кадров (38%), неразвитость инфраструктуры (20%) и, наконец, что оказалось неожиданным, недостаточное финансирование (11%). Часть нужных для оценки ситуации сведений отсутствовала, особенно по состоянию партнерской сети. В целом это

касается 66% регионов. По партнерам-инвесторам нет сведений в 91% случаев, по межрегиональным связям – 81% и т.д. Особый интерес вызывает анализ сетевых связей 443 экономических субъектов, среди которых обнаружен пул из 2–3 брендов, известных в стране организаций, тесно связанных с органами федеральной власти, реально управляющих сегодня инновационной политикой.

Все эти и другие данные дали основания для проведения дополнительного анализа наметившихся в стране тенденций кластерных форм инновационного развития на примере отдельной отрасли. В качестве таковой по рекомендации ИНП РАН был выбран нефтегазовый сектор. В ходе сбора и анализа первичной информации было обнаружено 63 кластера, которые относятся к нефтегазовой отрасли.

Для удобства анализа и систематизации полученных данных было произведено укрупнение кластеров по принципу выделения основного направления, в рамках которого создается или уже функционирует кластер. В результате такой работы окончательно было выделено 4 основных направления (рис. 3).

1. Нефтегазовый кластер – 37 кластера.
2. Нефтехимический кластер – 16 кластеров.
3. Нефтегазохимический кластер – 9 кластеров.
4. Кластер инновационной переработки топлива – 1 кластер.

Как видно на рисунке 3, наиболее распространенным в отрасли является нефтегазовый кластер. Более половины из кластеров работают в этом направлении. Каждый четвертый кластер связан с нефтехимической отраслью, а 9 кластеров работают в нефтегазохимической сфере. Был выявлен только 1 кластер, направленный на развитие инновационных технологий по переработке топлива.

Рис. 3. Структура отраслевых кластеров в нефтяной отрасли (в %)

Оказалось, что кластеры и контуры кластеров нефтяной отрасли присутствуют в 8 округах и в 41 регионе Российской Федерации. Таким образом, во всех федеральных округах и в половине регионов РФ осуществляется деятельность по освоению и развитию кластеров нефтяной отрасли. В каждом из нижеуказанных регионов ведется работа по внедрению одного или двух направлений кластерного развития.

Наибольшее представительство кластеров нефтяной отрасли располагается в Приволжском федеральном округе (16 кластеров). По 2 кластера – в Республиках Татарстан и

Башкортостан, Нижегородской, Кировской, Оренбургской и Саратовской областях и в Пермском крае. Прослеживаются контуры организации в Самарской области и Удмуртской Республике (по одному). Меньше всего освоены кластеры в Северо-Кавказском автономном округе (3 кластера), где разработана схема реализации кластерного проекта с учетом специфики условий формирования кластеров в Чеченской республике. Один кластер планируется создать в Республике Ингушетия.

Для оценки уровня освоения кластеров в регионах были использованы следующие критерии:

- *низкий уровень освоения кластеров* (отсутствие отраслевых кластеров в регионе);
- *уровень освоения кластеров ниже среднего* (заявлено о подготовке к созданию отраслевого кластера в регионе);
- *средний уровень освоения кластеров* (помимо заявления о подготовке отраслевого кластера, в регионе развивается и соответствующая инфраструктура);
- *уровень освоения кластеров выше среднего* (отраслевой кластер находится в стадии становления);
- *высокий уровень освоения кластеров* (отраслевой кластер функционирует на территории региона).

В целом оказалось, что уровень освоения кластеров в регионах находится еще только на стадии становления и формирования условий для развития соответствующей инфраструктуры (таблица 1). Около половины кластеров находятся только на этапе своего создания (25 кластеров), т.е. в настоящее время осуществляется подготовка соответствующей нормативно-законодательной базы. Для 16 кластеров уже подготовлена соответствующая инфраструктура.

Таблица 1.

Уровни освоения кластеров в нефтегазовой отрасли

Уровень освоения кластера	Количество	
	Кластеров в регионах	%
заявляет о создании нового кластера	25	40%
имеется инфраструктура для реализации задач кластера	16	26%
находится в процессе становления	11	17%
кластер функционирует, требует обновления технологической инфраструктуры	11	17%
Всего	63	100%

Одиннадцать кластеров в регионах проходят стадию своего становления и еще 11 уже функционируют, но требуют серьезного обновления своей технологической инфраструктуры (таблица 1).

Как видно из таблицы 2, наиболее развитым отраслевым кластером в отрасли оказался нефтегазовый. Доля данного кластера в общей структуре выделенных типов отраслевых кластеров наиболее представительна. Кроме того, среди кластеров данного типа больше всего кластеров, которые уже функционируют в рамках региональных и территориальных кластерных взаимодействий (7 кластеров). На втором месте по представительности – это кластеры нефтехимического направления (16 кластеров). Далее идут нефтегазохимические (9 кластеров).

Уровни освоения кластеров в соответствии с типом кластера

Тип кластера	Уровень освоения кластера			
	Ниже среднего	Средний	Выше среднего	Высокий
Нефтегазохимический	3	2	2	2
Нефтехимический	7	4	3	2
Нефтегазовый	15	10	5	7
Кластер инновационной переработки топлива	–	–	1	–
Всего	25	16	11	11

Единственный кластер инновационной переработки топлива располагается в Тамбовской области (ЦФО РФ) и находится на стадии активного становления.

Рис. 4. Структура уровней освоения отраслевых кластеров в регионах (кол-во кластеров)

Можно сделать некоторые предварительные выводы. Сбор и обработка полученных данных показали, что реализация кластерной политики в отношении нефтегазовых кластеров, как и по всей стране, осуществляется пока еще весьма нецеленаправленно. Похоже, что спонтанная самоорганизация значительно превалирует над вертикально-интегрированными факторами управления со стороны госструктур. Среди 83 регионов только в 11, по имеющимся сведениям, функционируют нефтегазовые и нефтехимические кластеры. По степени их готовности они распределились следующим образом:

- высокий уровень готовности – 17%;
- уровень готовности выше среднего – 17%;
- средний уровень готовности – 26%;
- низкий и ниже среднего уровень готовности – 40%.

В отраслевом отношении по степени вовлеченности в инновационный процесс производства разделились следующим образом: нефтегазовый – 75%, нефтегазохимический – 11%, нефтехимический – 38%, газохимический кластер – 7%, кластер инновационной переработки топлива – 2%, газовый кластер – 2%. В качестве барьеров на последнем месте оказались недостаточное финансирование (11%), недостаток кадров на первом месте (22%), низкая восприимчивость к инновациям, крайне низкая модернизация отрасли – у 22%, затем организационные причины (20%) и неразвитость инфраструктуры (18%). Часть нужных для оценки ситуации сведений отсутствует, особенно по состоянию партнерской сети. В целом

это касается 30% регионов. По партнерам-инвесторам нет сведений в 74% случаев, по межрегиональным связям – 78% и т.д. Все эти и другие данные дали основания для проведения дополнительного анализа наметившихся в стране тенденций реализации кластерных форм нефтегазовой отрасли и в ряде других отраслей с помощью экспертного опроса.

В дальнейшем было произведено обобщение полученных данных по критерию о степени готовности регионов к созданию различных типов кластеров и о тех препятствиях, с которыми они (регионы) сталкиваются в ходе реализации кластерной политики на местах. Для этого был проведен опрос экспертов, которым были предоставлены наши материалы дистанционного анализа процесса реализации кластерной политики. Экспертами в количестве 100 чел. выступили представители организаций и органов власти, принявших участие в разработке и реализации кластерной политики в 44 регионах РФ, включенных в 96 функционирующих либо прошедших организационные процедуры по разработке программ развития инновационных территориальных кластеров. Идентификация экспертов по уровню статусности и компетентности позволяет говорить о высокой степени валидности полученных оценок и возможности проведения экспликации социально-организационных и инновационно-технологических процессов на основе данных целевой экспертной группы. Тому подтверждением является уровень образования экспертов – не ниже высшего (100%), а также наличие у 40% ответивших докторских (16%) и кандидатских степеней (24%) (табл. 3).

Таблица 3.

Наличие ученых степеней у экспертов.

Ученая степень	Количество
	%
Доктор наук	16%
Кандидат наук	24%
Не имею	60%
Всего	100%

Кроме того, если говорить об управленческой компетенции экспертов и содержательных оценках организационно-управленческих процессов в ходе реализации кластерной политики и в рамках подготовки и реализации программ проектов инновационных кластеров, то можно также говорить о потенциально высоком уровне надежности оценок с учетом занимаемых экспертами должностей в иерархии управления организациями. Почти половина экспертной аудитории – это руководители высшего звена (45%), одна треть – руководители среднего и низшего звена (33%) (табл. 4). В целом 78% экспертов занимают руководящие должности и непосредственно отвечают за разработку и контроль мероприятий в рамках кластерных проектов и программ. Остальные 22% – служащие и специалисты.

Интересно отметить, что рассмотрение вопросов и достижение объективации по предложенным проблемам происходит практически в равнодолевой дифференциации по возрастным показателям. В поколенческом разрезе представлены две группы – молодое поколение до 40 лет (47%) и пожилое поколение старше 41 года (53%); и первая, и вторая группа практически в равных долях занята как на госпредприятиях (44% и 56%), так и в частных компаниях (51% и 49%), что дает возможность оценивать фоновую ситуацию кластерной политики с точки зрения ведения частного бизнеса и деятельности государственных структур почти в равных пропорциональных соотношениях.

Таблица 4.

Должность экспертов

Должность эксперта	Количество
	%
Руководитель высшего звена	45%
Руководитель среднего звена	27%
Руководитель низшего звена	4%
Специалисты и служащие	24%
Всего	100%

Если обратиться непосредственно к оценкам конкретных мероприятий региона в области кластерной политики и реализации кластерных проектов, сделанных интервьюерами-экспертами (специально погруженные в проблему и обученные интервьюеры) на основе изучения контента отобранных сайтов, то можно сказать, что чуть больше половины сайтов убедили их в том, что регион реально включен в реализацию кластерных проектов, разрабатывает программы отраслевых и инновационных кластеров при поддержке государства или силами ГЧП, планирует активно реализовывать уже наработанные проектные решения по различным направлениям отраслевой специфики на основе имеющихся заделов производственной и научно-исследовательской инфраструктуры.

Мы решили выяснить у экспертов, связывают ли они эффективные способы достижения целей кластерных инновационных проектов с виртуальным позиционированием их целей и задач. Также мы планировали рассмотреть в количественном выражении признаки виртуального позиционирования при помощи официальных сайтов кластеров. В итоге 77% экспертов высказываются за то, что кластер должен быть представлен в информационном пространстве интернета, и для этого необходимо создать официальный сайт (табл. 5).

Таблица 5.

Требуется создание сайта как ресурса виртуального позиционирования кластеров.

Требуется создание специализированного сайта проекта кластера	Количество
	%
Да	77%
Нет	4%
Уже существует	6%
Затрудняюсь ответить	13%
Всего	100%

Остается надеяться, что субъекты реализации кластерной политики не оставят без внимания возможности организации инфокоммуникационного пространства взаимодействия для успешного виртуального позиционирования целей и задач кластеров, а также расширения сетевых взаимодействий с региональными и отраслевыми субъектами кластерного развития.

Экспертами были предложены следующие рекомендации по улучшению ситуации в отношении развития инновационных кластеров в России.

- Необходимо сместить фокус внимания с менеджерских элит на средний производственный управленческий уровень. Вернуть ему престиж и ключевые функции.
- Восстановить преемственность между поколениями производственного управления и развитием старшего поколения и современного молодого поколения производственников.

- Наладить производственные структуры межотраслевого взаимодействия.
- Понять, что информационные поводы и красивые терминологические вбросы в социально-политическое пространство страны – это следствие политических притязаний на инновационность, но никак не экономический базис восстановления и развития российской промышленности.

Общие выводы. По результатам исследования удалось выйти на новое обобщение относительно возможностей дистанционного мониторинга и, в частности, на возможности использования информационных ресурсов в осуществлении кластерной политики.

Опыт регионов, обладающих высокими рейтингами инвестиционной привлекательности, убеждает, что грамотное виртуальное позиционирование при помощи информационных ресурсов (сайтов и интернет-порталов) создает предпосылки и условия для развития различных региональных структур и создания саморегулирующейся региональной инновационной системы для всех участников кластерной политики, а также позволяет выработать для них эффективные коммуникационные механизмы управления, сформировать стабильные конкурентные позиции территорий.

Создание собственного информационного ресурса, привлекательного с точки зрения содержательного наполнения и удобства поиска необходимой информации и эффективного с точки зрения продвижения преимуществ кластерных организаций, может стать необходимой составляющей деятельности субъектов кластерной политики регионов. Грамотно подобранная информация, профессионально сделанные сайты и интернет-порталы могут в определенной степени нивелировать недостатки и продвигать конкурентоспособные стороны проектных идей кластеров, в первую очередь за счет привлечения новых ресурсов и средств через инфокоммуникационное пространство взаимодействия всех заинтересованных участников кластерного развития.

При изучении интенциональности виртуального позиционирования субъектов реализации кластерной политики, еще на первом этапе исследования, мы фиксировали, что *не во всех регионах имеются сайты профильных региональных министерств*, отвечающих за подготовку и реализацию кластерных проектов. Несомненно, без применения современных инструментов и технологий, позволяющих транслировать эффективные тренды в рамках кластерного развития, уже невозможно представить себе конкурентную борьбу за внешние и внутренние инвестиции, экономические рейтинги и господдержку для эффективной реализации кластерных программ регионов.

В нашем случае отсутствие вышеназванных сайтов у субъектов кластерной политики затруднило дистанционный сбор данных. Однако компенсировать недостающую информацию удалось за счет сайтов Правительств регионов, которые в той или иной мере организовывали трансляцию своей деятельности и озвучивали планы по созданию отраслевых и территориальных инновационных кластеров.

Достаточно информативными в плане сбора поисковой информации оказались сайты Центров кластерного развития регионов, отвечающие за мероприятия по разработке и координацию проектов кластеров, а также за кооперационное взаимодействие его участников. Но таких сайтов было найдено всего двенадцать. В большинстве регионов, в которых зафиксировано их наличие, наблюдалась повышенная активность в реализации мероприятий кластерной политики. Так, в девяти регионах, где были созданы сайты ЦКТ, удалось зафиксировать функционирование различных отраслевых кластеров как при поддержке государства, так и за счет средств и ресурсов государственно-частного партнерства.

Для оценки самих сайтов как эффективного инструмента виртуального позиционирования субъектов управления мы обратились к их виртуальному целеполаганию (к их ин-

тециональности). Оказалось, что четко обозначенная цель на сайте имеется только на 20% отобранных сайтов. Интересно отметить, что практически 84% официальных порталов Правительств регионов не формулируют и не указывают свои цели и задачи, которые они планируют достичь при помощи «электронного инструмента управления». Похожая ситуация и с профильными министерствами в регионах РФ. Что касается Центров кластерного развития, то и тут лишь 50% сайтов четко декларируют цель создания Центра и сайта. Напрашивается вопрос: а для чего же были созданы остальные сайты Центров кластерного развития?

Как и с обозначением своих реальных целей, подобным образом обстоят дела и с декларированием деловых намерений, с указанием конкретных мероприятий в области кластерной политики. Только половина (51%) сайтов ссылаются на подготовку и реализацию конкретных решений в рамках реализации кластерных проектов. Практически 67% сайтов шаблонно транслируют информацию для вышестоящих государственных органов власти, не отображая реального положения дел, используя неудобные сервисы навигации по сайту, скрывая и ограничивая формы и средства обратной связи для посетителей сайта. Только 26% электронных ресурсов имеют дорогой индивидуальный дизайн, с встроенной флеш-анимацией, видеорепортажами, видеообращениями и другими мультимедийными средствами подачи информации, а также качественные и понятные сервисы для связи с конкретными ответственными лицами.

Что касается вопросов привлечения при помощи сайта партнеров и инвесторов для реализации совместных проектов в различных региональных отраслях и сферах, в том числе и бизнес-стратегий в рамках кластеров, то более половины регионов задумываются о своей инвестиционной привлекательности и делают посылы для инвесторов (62%). В большинстве случаев это происходит через подачу информации на страницах сайта о имеющихся перспективных проектах в регионах, об условиях их реализации и возможных формах включения в них заинтересованных организаций и компаний.

В результате обобщения данных по трем этапам нашего исследования можно также сделать некоторые предварительные выводы о состоянии работы в стране по реализации кластерной политики на основе дистанционного сбора и анализа данных. Просто перечислим наиболее важные из них.

1. Инновационные кластеры России уже представляют собой единую сеть, которая выстраивается «сверху» при поддержке государства и в интересах государства.

2. Тем не менее наблюдается разрыв между государственными задачами, которые должны решаться создаваемой сетью бизнес-кластеров, и целями спонтанного самовоспроизводства менеджерских элит, из которых состоит эта сеть.

3. Вся общероссийская коммуникативная сеть инновационных кластеров на самом деле замыкается на весьма небольшом количестве элитарных ресурсов и организаций.

4. Приращение коммуникаций происходит прежде всего за счет больших мероприятий. А их организация возможна только при поддержке ряда мощных игроков – федеральных структур, региональных правительств и пр.

5. Хотя формально предполагается, что инновационные бизнес-кластеры должны соответствовать производственному и/или ресурсному потенциалу региона, на настоящий момент они скорее соответствуют потенциалу и компетентности топ-менеджеров и чиновников региона.

6. Опыт старшего поколения промышленников был бы крайне полезен и востребован современными элитами, если бы их деятельность была направлена в практическую плоскость. Концентрация опыта старшего управленческого поколения происходит в РАН и

создает платформу для критической позиции по отношению к деятельности современных элит. Последние негативные выступления современных управленцев в сторону РАН связаны именно с этим «генетическим» противоречием.

7. Реально руководит процессом кластеризации оторванная от производства группа менеджерских элит, сложившаяся в последние 15 лет. Именно они сейчас показывают наибольшую активность, которая пока не заканчивается практическими результатами, а сконцентрирована в большей степени на собственных проблемах самовоспроизводства менеджерских элит.

Перспективы применения дистанционных исследований в области изучения кластеров и кластерной политики. В качестве возможных направлений дальнейшего исследования бизнес-кластеров на основе дистанционно-сетевой методологии можно выделить следующие:

- дополнение предмета исследования более подробной информацией о сайтах: регион, отрасль, период активности и др.;
- расширение списка сайтов за счет дополнения следующих субъектов: региональные правительства, федеральные структуры, иностранные агенты, персоны влияния;
- дальнейшая типологизация сетевых связей, что позволит разделить общую сеть на несколько уровней по типу ресурсов – информационные, организационные, репутационные и пр.;
- разработка показателей текущего контроля эффективности работы региональных инновационных кластеров;
- выяснение обоснованности того или иного типа кластеров в регионе по социально-экономическому профилю его развития;
- картирование регионов страны по разным аспектам деятельности кластеров, в том числе по степени соответствия реальным перспективам регионального развития.

Все эти направления, естественно, потребуют дистанционного сбора существенно большего объема данных, особенно по тем регионам России, где до сих пор остались устаревшие промышленные активы советского периода.

Отдельной проблемой является рефлексия понимания термина «инновационный бизнес-кластер». Существует ли универсальное понимание этого термина у разных участников процесса кластеризации? Ответ на это может дать дополнительное исследование качественными методами – глубинные интервью, а также дискурс-анализ публикаций на эту тему. Ведь позиционирование в информационной среде на данный момент является одним из основных достижений развития инноваций в нашей стране. Предпосылкой работы с регионами может быть созданный нами в ходе исследования рабочий вариант Глоссария процедурно-технологического аппарата исследования.

В заключение обратим внимание на наши данные относительно препятствий осуществлению кластерной политики в стране. Сегодня субъекты кластерной политики действительно вступили в активную фазу реализации программ инновационных территориальных кластеров (ИТК). От их успешной реализации, несомненно, зависят перспективы регионального развития и качество модернизации систем управления в регионах.

Регионы заявляют о своей готовности к реализации как промышленных, так и инновационных типов кластеров и активно включаются в разработку программ ИТК, которых Минэкономразвития РФ выявило более 90 в рамках конкурса по отбору лучших. По итогам конкурса не все программы пилотных кластеров были поддержаны. Только 14 проектов были одобрены. Остальные регионы вынуждены реализовывать кластерные проекты своими си-

лами при возможной государственно-частной поддержке в перспективе. Препятствия реализации кластерных проектов начинаются еще на предпроектной стадии в связи с отсутствием эффективных механизмов включения субъектов управления кластерной политики в реальные организационно-управленческие процессы и структуры региона.

На сегодняшний день установлено, что учет частных и государственных интересов в деятельности управляющих компаний кластеров, в том числе малых и средних предприятий, соблюдается при помощи восьми механизмов организационно-управленческой деятельности [13].

1. Управляющая компания назначается органами местного самоуправления.
2. Сотрудники управляющей организации выбираются или согласовываются с участниками кластера.
3. Руководитель управляющей компании выбирается с учетом мнения участников кластера.
4. Наблюдательный совет кластера (совет кластера и пр.) назначает управляющую компанию кластера.
5. Управляющая компания представляет ежегодный отчет на общем собрании участников кластера, по результатам которой принимается решение.
6. Управляющая компания назначается региональными органами государственной власти.
7. Руководитель управляющей компании назначается органами государственной власти.
8. Управляющая компания определяется на общем собрании участников кластера.

Однако ни один из них не способен организовать грамотное, консолидированное взаимодействие всех субъектов, включенных в реализацию программных мероприятий кластера. Существующие механизмы не способны воспроизвести эффективную организацию коммуникативного пространства для адекватной кооперации всех хозяйствующих субъектов на территории, с последующим включением их в системную реализацию программных инициатив и мероприятий.

Серьезные проблемы возникают и из-за отсутствия практики стратегического планирования определенного типа кластеров с учетом комплексного развития территорий регионов, хотя более половины экспертов видят перспективы регионов именно в сочетании кластерного подхода в развитии промышленности и комплексного развития всей территории.

Предложенная нами методика дистанционного мониторинга кластерной политики, если ее использовать на постоянной основе, позволяет создать современную информационную базу для контроля процесса инновационной индустриализации страны не только в научных, но и в практических целях. Президиум РАН на основе совокупности исследовательских данных за последние годы мог бы инициировать создание межведомственного совета для подготовки согласованных решений по реализации кластерной политики в стране на основе контроля процесса кластеризации с помощью дистанционного мониторинга.

[1] *Войскунский А.Е.* Психологические исследования деятельности человека в Интернете // Информационное общество. 2005. № 1. С. 36–41.

[2] *Тищенко В.И.* Информатика сообществ – методология реальности // Информатика сообществ: системный анализ и инструменты: труды ИСА РАН. М.: УРСС, 2010. С. 12–28.

[3] «Онлайн исследования в России 3.0» / Под редакцией А.В. Шашкина, И.Ф. Девятко, С.Г. Давыдова. М.: Кодекс, 2012. – 420 с.

[4] *Докторов Б.З.* Из XVII столетия в наступивший век: к становлению пост-гэллаповских опросных технологий // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2003. № 2. С. 9–17.

- [5] *Докторов Б.З.* Социология на российском Интернете: в начале долгого пути [Электронный ресурс] // Российская сеть информационного общества // URL: <http://www.isn.ru/sociology/public/sociology.htm>
- [6] *Мавлетова А.М.* Мобильные веб-опросы // Онлайн исследования в России 3.0 / Отв. ред.: И.Ф. Девятко, А.В. Шашкин, С.Г. Давыдов. М.: OMI RUSSIA, 2012. С. 59–85.
- [7] Прогнозирование перспектив технологической модернизации экономики России / Под ред. В.В. Ивантера, Н.И. Комкова. М.: МАКС Пресс, 2010.
- [8] *Тищенко А.Н.* Кластеры: признаки, диагностика и формирование // Проблемы экономики [Электронный ресурс]. Харьков, 2009. № 4 // URL: http://www.problecon.com/pdf/2009/4_0/21_28.pdf
- [9] *Портер М.* Конкуренция / Пер. с англ. М.: Изд. дом «Вильямс», 2000.
- [10] *Арутюнов Ю.А.* Формирование региональной инновационной системы на основе кластерной модели экономики региона // Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета [Электронный ресурс] // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера // URL: <http://koet.syktsu.ru/vestnik/index.htm>
- [11] *Богданов В.С., Мерзляков А.А., Тихонов А.В.* Теоретико-методологический подход и эмпирическое исследование кластерной политики // Социология управления: фундаментальное и прикладное знание / Отв. ред. А.В. Тихонов. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014.
- [12] Методические рекомендации по реализации кластерной политики в субъектах Российской Федерации (Министерство экономического развития РФ) от 26 декабря 2008 г. № 20615-ак/д19 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» // URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=113283>
- [13] *Градосельская Г.В., Просянюк Д.В.* Экспликация «зонтичных брендов» как способ обнаружения латентных механизмов управления в создании инновационных кластеров // Социология управления: фундаментальное и прикладное знание / Отв. ред. А.В. Тихонов. М.: «Канон+»; РООИ «Реабилитация», 2014.

Список литературы

1. *Арутюнов Ю.А.* Формирование региональной инновационной системы на основе кластерной модели экономики региона // Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета [Электронный ресурс]. URL: <http://koet.syktsu.ru/vestnik/index.htm>
2. *Богданов В.С., Мерзляков А.А., Тихонов А.В.* Теоретико-методологический подход и эмпирическое исследование кластерной политики // Социология управления: фундаментальное и прикладное знание / Отв. ред. А.В. Тихонов. М.: «Канон+»; РООИ «Реабилитация», 2014.
3. *Войскунский А.Е.* Психологические исследования деятельности человека в Интернете // Информационное общество. 2005. № 1. С. 36–41.
4. *Градосельская Г.В., Просянюк Д.В.* Экспликация «зонтичных брендов» как способ обнаружения латентных механизмов управления в создании инновационных кластеров // Социология управления: фундаментальное и прикладное знание / Отв. ред. А.В. Тихонов. М.: «Канон+»; РООИ «Реабилитация», 2014.
5. *Докторов Б.З.* Из XVII столетия в наступивший век: к становлению пост-гэллаповских опросных технологий // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2003. № 2. С. 9–17.
6. *Докторов Б.З.* Социология на российском Интернете: в начале долгого пути [Электронный ресурс] // Российская сеть информационного общества. URL: <http://www.isn.ru/sociology/public/sociology.htm>
7. *Мавлетова А.М.* Мобильные веб-опросы // Онлайн исследования в России 3.0 / Отв. ред. И.Ф. Девятко, А.В. Шашкин, С.Г. Давыдов. М.: OMI RUSSIA, 2012. С. 59–85.

8. Методические рекомендации по реализации кластерной политики в субъектах Российской Федерации (Министерство экономического развития РФ) от 26 декабря 2008 г. № 20615-ак/д19 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=LAW;n=113283>
9. *Портер М.* Конкуренция / Пер. с англ. М.: Изд. дом «Вильямс», 2000.
10. *Тищенко А.Н.* Кластеры: признаки, диагностика и формирование // Проблемы экономики. 2009. № 4. [Электронный ресурс]. URL: http://www.problecon.com/pdf/2009/4_0/21_28.pdf
11. Онлайн исследования в России 3.0 / Под редакцией А. В. Шашкина, И.Ф. Девятко, С.Г. Давыдова. М.: Кодекс, 2012. – 420 с.
12. Прогнозирование перспектив технологической модернизации экономики России / Под ред. В.В. Ивантера, Н.И. Комкова. М.: МАКС Пресс, 2010.

Reference list

1. *Arutyunov Yu.* The formation of regional innovation system based on cluster model of economy of a region // Bulletin of Scientific-Research Center of Corporate Law, Management and Venture Capital Investment of the Syktyvkar State University [Electronic resource] // URL: <http://koet.syktsu.ru/vestnik/index.htm>
2. *Bogdanov V., Merzlyakov A., Tikhonov A.* The theoretical-methodological approach and empirical research of cluster policy // Management sociology: Fundamental and applicative knowledge / Executive editor A. Tikhonov. M.: “Kanon +”, RPODP “Reabilitatsiya”, 2014.
3. *Doktorov B.* From the XVII centennial to the came century: To formation of post-Gallop’s survey technologies // Telescope: Observing of everyday life of Petersburgers. 2003. № 2. P. 9–17.
4. *Doktorov B.* Sociology in the Russian Internet: At the beginning of a long way [Electronic resource] // The Russian net of information society // URL: <http://www.isn.ru/sociology/public/sociology.htm>
5. *Gradosel’skaya G., Prosyanyuk D.* Explication of “umbrella brands” as a way to detect latent management mechanisms in the creation of innovation clusters // Management sociology: Fundamental and applicative knowledge / Executive editor A. Tikhonov. M.: “Kanon +”, RPODP “Reabilitatsiya”, 2014.
6. *Mavletova A.* Mobile web-surveys // Online research in Russia 3.0 / Executive editor I. Devyatko, A. Shashkin, S. Davydov. M.: OMI RUSSIA, 2012. P. 59–85.
7. Methodological recommendations on the realization of cluster policy in constituent members of the Russian Federation (Ministry of Economic Development of the Russian Federation) from 26th of December, 2008 № 20615-ак/д 19 [Electronic resource] // Legal Reference System “ConsultantPlus” // URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=LAW;n=113283>
8. Online research in Russia 3.0 / Under the editorship of A. Shashkin, I. Devyatko, S. Davydov. M.: Kodeks, 2012. P. 420.
9. *Porter M.* Competitive strategy / Translated from English. M.: Publishing house “Williams”, 2000.
10. The predictability of the prospects for technological modernization of the economy of Russia / Under the editorship of I. Ivanter, N. Komkov. M.: MAKS Press, 2010.
11. *Tishchenko A.* Clusters: Factors, diagnostics and formation // Issues of Economics. 2009. № 4. [Electronic resource]. // URL: http://www.problecon.com/pdf/2009/4_0/21_28.pdf
12. *Voiskunskiy A.* The psychological research of human activity in Internet // Information society. 2005. № 1. P. 36–41.

УДК 37.014.254

Богословский В.И.,

доктор педагогических наук, профессор Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург)

Жукова Т.А.,

кандидат педагогических наук, доцент Поволжской государственной социально-гуманитарной академии (г. Самара)

СИСТЕМА МУЛЬТИКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Одной из значимых целей, стоящих перед современной педагогикой, является развитие системы мультикультурного образования. Авторами подчеркивается необходимость отказа от ассимиляционной модели (модели плавильного котла) и перехода к мультикультурной интеграционной. В статье представлены уровни развития системы мультикультурного образования по модели мультикультурной интеграции. Ее дальнейшее совершенствование возможно в условиях оптимизации сотрудничества между государствами.

Ключевые слова: мультикультурный кризис, система мультикультурного образования, ассимиляционная модель, мультикультурная интеграционная модель, уровни развития образовательной системы

Bogoslovskiy V.,

Doctor of Pedagogy, Professor of the Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg)

Zhukova T.,

PhD in Pedagogy, Associate Professor of the Samara State Academy of Social Sciences and Humanities (Samara)

THE SYSTEM OF MULTICULTURAL EDUCATION: POSSIBILITIES AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT

One of the most important purposes facing the modern pedagogy is the development of the system of multicultural education. The authors of this article are accentuated the necessity to abandon from assimilation model (model of melting pot) and the transition to multicultural integrative model. The article is contributed the levels of development of the system of multicultural education according the model of multicultural integration. Its further improvement is possible in conditions of the optimization of cooperation between states.

Keywords: multicultural crisis, system of multicultural education, assimilation model, multicultural integrative model, levels of development of educational system

В начале нового века многими исследователями отмечается, что одна из центральных социально-педагогических проблем состоит в необходимости модернизации образовательных систем. В связи с этим можно с уверенностью говорить, что на сегодняшний день в мировой образовательной практике выделяются две тенденции. С одной стороны, неуклонно растет роль образования в жизни народов, с другой – наблюдается кризис обра-

зования и его структур. Истоком кризисности правомерно считать возникновение несоответствий в системах ценностей, отношений, поведения разных народов.

При анализе понятия «мультикультурный кризис» исследователи в основном опираются на основное положение философии о детерминизме и диалектике данного явления. Так, его рассматривают как одно из естественных состояний общества, когда происходит нарушение его стабильного развития, опосредованное различным выражением социальных культур, основными критериями проявления которого являются мобильность и неожиданность его наступления; продолжительность и непродолжительность его протекания; глубина воздействия на всю систему мультикультурных взаимодействий [11].

Также под мультикультурным кризисом следует понимать перманентный, противоречивый процесс рассогласования социального и культурного миров, к основным компонентам которого относят социальные, психологические, культурные аномии. Выход из этого кризиса – преодоление данных видов аномий [12].

Не менее интересной кажется позиция исследователей, рассматривающих мультикультурный кризис как пограничное состояние в развитии какой-либо социокультурной системы, обусловленное экономическими, антропоцентрическими, когнитивными и гендерными причинами [9,10].

Разделяя точку зрения исследователей о том, что в основе мультикультурного кризиса лежат принципы причинности его возникновения, а также историзма его развития, мы считаем, что мультикультурный кризис может быть рассмотрен как пограничное состояние взаимоотношения различных социокультурных систем, характеризующееся появлением и активным проявлением аномий и детерминированное возникновением и ростом уровня несоответствий в экономической, политической, культурной, социальной, образовательной сферах представителей различных социумов [4, 5].

Следствием мультикультурного кризиса является кризис образования, в частности высшего, который заключается в том, что современная высшая школа не в значительной степени ориентирована на формирование личности с новым типом сознания, мышления, самоорганизации, способной быстро адаптироваться к изменяющимся условиям и уметь прогнозировать ближайшие и более отдаленные последствия событий, происходящих в мультикультурном мире. Основной акцент должен быть перенесен на развитие умения «выйти» за пределы непрерывного потока повседневной практики; видеть, осознавать и оценивать различные проблемы, конструктивно разрешать их в соответствии со своими ценностными ориентациями, рассматривать любую трудность как стимул к дальнейшему развитию [2]. Для этого, несомненно, нужна новая образовательная система, основанная на большей интеграции взаимодействующих стран.

Важно отметить, что до сегодняшнего времени основное внимание в педагогике было уделено использованию американской модели (модель плавильного котла) развития образовательной системы в условиях мультикультурных процессов, в соответствии с которой приезжающие в страну мигранты могли быть любого происхождения, но, проходя через этот «котел», они вливались в американскую гражданскую нацию.

В исследованиях Р. Парка подчеркивалось, что «... каждое общество, каждая нация и каждая цивилизация представляют собой кипящий котел и таким образом вносят вклад в слияние рас, в результате чего с неизбежностью возникают новые расы и новые культуры» [7]. Ученый огромное значение придавал ассимиляции, являющейся средством развития новой мировой цивилизации. Он выдвинул модель четырехступенчатого развития процесса межэтнических взаимодействий в любом полиэтничном государстве: контакты, кон-

фликты, приспособление и ассимиляция, при этом ассимиляция являлась, по его мнению, конечным этапом в цикле межэтнических отношений. «Пройдя четырехступенчатый путь развития, национальное государство исчерпает себя и мир эволюционирует в направлении создания всемирного космополитического сообщества, тем самым, научит мир мыслить глобальными категориями» [7].

Позднее идеи этой модели были заимствованы европейцами, что привело к росту межэтнических напряжений во многих странах, придерживавшихся политики «плавильного котла», это, в свою очередь, стало означать, что привычные формы взаимодействия между принимающими и вливаемыми культурами нуждаются в трансформации, при этом в большей степени речь идет об интеграции с мусульманским населением.

Как отмечает немецкий ученый арабского происхождения Бассамом Тиби, использование этой модели построения мультикультурного общества было заранее обречено на провал. По мнению исследователя, «мусульмане отличаются от остальных категорий иммигрантов в силу распространенного среди них фундаменталистского типа религиозной идентичности, что влияет на характер их восприятия отличных от их ценностей» [13]. Тиби отмечал, что Европа неверно интерпретировала практику США, где одновременно с мультикультурностью как характеристикой многосоставного общества есть универсальная для всей гражданской нации культура – общая система ценностей, доминирующая над различиями. Вступая в гражданство такого государства, иммигрант одновременно становится и членом нации, тогда как в большинстве западных стран преобладает этнический подход к нации, в связи с чем процесс ассимиляции становится практически невозможным без специальной подготовки.

Вместе с тем проблему усугубляет осознание того факта, что «исламский мир сегодня находится в таком же положении, в каком христианская Европа находилась во время Тридцатилетней войны в семнадцатом веке: религиозная политика ведет к потенциально бесконечному конфликту, не просто между мусульманами и не мусульманами, но между различными течениями мусульман... Нахождение в постоянной войне порождает чувства нигилизма, отрицания, фрустрации, в связи с чем приезжающие мусульмане вместо благодарности принявшему их европейскому обществу продолжают исповедовать свои собственные ценности: обычно не говорят на европейских языках, совершают гигантское количество преступлений, ... делают джихад против неверных, ненавидят общество, в которое вливаются» [14].

В связи с этим в последнее время во многих странах мира появляется все большее количество исследований в различных областях науки, в том числе и педагогике, относительно новых моделей, которые возможно выстраивать в рамках диалога с мигрантами. Под новой моделью – мультикультурной интеграционной в философско-культурологическом аспекте – стоит понимать модель, в основе которой лежат следующие приоритеты: отторжение идеи этнокультурной исключительности, внимание к феномену этнокультурных идентичностей, стратегия межкультурного диалога, единство и многообразие (как сложившийся факт и результат миграционных процессов) [15].

При этом возникающий феномен «культурного многообразия» расценивается не как простая сумма культур, а качественно иная множественная идентичность. Культурное многообразие задает основу соединения различного (диаметрально противоположного, разного) этнического опыта, благодаря которому страна может стать обществом, способным к взаимодействию и обогащению. Это единство создается на основе терпимости к различиям и готовности верить, что общество укрепляется через взаимодействие различных путей развития, так как нет единственного способа мыслить или существовать, наилучшего для всех...

именно это должно стать основополагающим компонентом системы мультикультурного образования» [3].

Развитие ее идей возможно при условии жесткого соблюдения приезжающими определенных культурных традиций европейцев, иными словами, активизации принципа диалога культур, в связи с чем для большего понимания необходимо говорить об оптимизации сотрудничества и взаимодействия, в особенности в области образования.

Как сохранить единое государство, признавая право меньшинств быть «другими» и способствуя этому с помощью системы образования? До какой степени следует поощрять разнообразие и с какой целью? Вот вопросы, требующие незамедлительного решения. Ключевым вопросом также остается вопрос о нахождении способов удержания нескольких культур в органическом равновесии, их интеграции друг с другом с целью развития мультикультурного общества, соотношении ценностей.

Именно ценностные основания любой национальной образовательной системы, принимаемые различными культурными традициями, являются ориентиром дальнейшего активного взаимодействия между странами и определяют основы для разработки системы, построенной по модели мультикультурной интеграции. Полагаем, что такая система должна быть разработана при условии «смягченного варианта интеграции и адаптации в новом для личности пространстве», выражающейся в форме «сдержанной интеграции», подразумевающей сохранение основ национального образования и принятия положительного опыта сопоставимой системы.

При анализе понятия «система» выделяются два основных подхода к ее формулированию: 1) указание ее целостности в качестве существенного признака всякой системы; 2) понимание системы как множества элементов вместе с отношениями между ними. В.А. Якунин обосновывает несостоятельность второго подхода. Эта несостоятельность заключается в том, что «имеется принципиальное отличие множества от системы: при формировании множества исходными являются элементы, а для системы генетически первичным является признак целостности. Для системы элементы заранее не задаются, они выбираются. Причем каждый объект допускает возможность различных его сечений в соответствии с определенными критериями структурирования единой системы, определяя уровень ее развития» [8].

Самый «нижний» (*первый*) уровень – это уровень непосредственного простого знания, рассмотрение предмета исходя из него самого, «предметоцентризм». Иными словами, речь идет о конкретизации собственного понятия «система», выявления ее основных особенностей и понимания во всех областях научного познания. В основу этого уровня положено понятие однотипичности и однородности, отсутствие выделения интегративных связей между иными различными национальными системами, что не дает возможности полноценно оценить основные критерии системы мультикультурного образования и, соответственно, наметить тенденции ее совершенствования и развития.

Второй уровень возникает на фоне конкретизации понятий «внешнее» и «внутреннее», сопровождающий выход познания субъекта за пределы «внутреннего», детерминированный процессами глобализации и интеграции. Для данного этапа характерно открытие метасистемы, по отношению к которой изолированные до сих пор моносистемы могут быть определены как подсистемы, т.е. элементы моносистемы. Проблемы развития национальных и межнациональных отношений, с которыми ряд стран столкнулся в период так называемой «трансформации мира», имеют глубокие корни как в историческом прошлом, так и в современных деформациях, допускаемых государствами в построении отношений в своих системах, с недооценкой позитивного и негативного опыта других стран в интеграции различных социумов.

Известно, что проблемы межнациональных отношений также включают в себя вопросы возникновения и развития наций, создания и укрепления национальных государственных образований, определения границ, взаимоотношений в рамках многонационального мира, сохранения и поддержания национального суверенитета, развития языка, культуры и национального самосознания.

Переход к третьему уровню подготовлен диалектическим отрицанием второго, проявлением познания системы, при реализации которой накопилось определенное количество внутренних противоречий и сформировалось достаточное количество предпосылок для перехода на новый инновационный уровень. Иными словами, значимым компонентом становится дифференцированность, трансформация, новые механизмы управления. Необходимость эффективно управлять системой может выражаться в стремлении расширять сферу управления, моделировать данный процесс, вовремя разработать антикризисные меры.

Вслед за Э.М. Коротковым мы полагаем, что этот процесс протекает на двух уровнях. «Первый уровень (гомеостатический) связан с такими изменениями, которые отражаются только на поведении системы, но не изменяют ее структуры и элементного состава. На данном уровне возникают первые аномии, которые предопределяют необходимость дальнейших изменений. Второй уровень (инновационный) связан с такими изменениями, которые происходят в структуре и в элементном составе системы. Этот этап характеризуется активным проявлением кризисных явлений и попытками их предотвращения посредством анализа проблемных звеньев системы. Интеграционные процессы, реализуемые на этом этапе, способствуют нахождению и выработке единых механизмов действия, что предотвращает проявляемые несоответствия, возникшие в системе на предыдущем уровне» [6], а также неучтенные предлагаемые варианты решения проблемы еще на предыдущем уровне.

Считаем, что достижение этого уровня возможно в результате целенаправленной работы всех задействованных в процесс реорганизации вузов различных стран, контроля, осуществляемого на всех этапах, позволяющего максимально в совокупности оценок входов и выходов выявлять эти несоответствия и определять пути выхода и усовершенствования на каждом уровне. При этом необходимым условием формирования новой системы является разработка содержания основных, определяющих специфику иной страны особенностей «принципов теории организации» [1], таких как:

- принцип необратимости (принципиальный характер необратимости процессов развития вузов в создавшихся условиях, детерминированных проявлением мультикультурного кризиса);
- принцип фрактальности (инвариантность некоторых определяющих элементов развивающейся системы мультикультурного образования);
- принцип индетерминизма (случайный характер выбора пути эволюции системы, детерминированный спецификой каждой образовательной системы, ее развития);
- принцип универсального эволюционизма (признание эволюции интегративного мира как единого самоорганизующегося процесса).

Итак, обобщая изложенное выше, отметим, что одной из значимых целей современной педагогики должна стать оптимизация процесса развития системы мультикультурного образования. Все нарастающее количество межкультурных конфликтов, определивших в итоге несостоятельность используемой в образовательной практике ассимиляционной модели, обозначило необходимость развития новой модели (мультикультурной интеграционной), в большей степени ориентированной на сотрудничество различных стран. Оптимизация сотрудничества, несомненно, дает больше возможностей совершенствования системы мульт-

тикультурного образования, развития ее по новой модели с учетом ценностных оснований национальных образовательных систем, особенностей и специфики.

Список литературы

1. *Богословский В.И.* Научное сопровождение образовательного процесса в педагогическом университете: методологические характеристики: монография. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2000. – 142 с.
2. *Бусыгин А.Г.* Десмоэкология или теория образования для устойчивого развития. Ульяновск: Симбирская книга, 2003. – 216 с.
3. *Дюжакова М.В.* Развитие педагогического образования в поликультурном обществе: монография. Воронеж: ВГПУ, 2008. – 228 с.
4. *Жукова Т.А.* Актуальные проблемы разработки системы мультикультурного образования в высшей школе // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. СПб.: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена. 2012. № 153 (1). С. 97–103.
5. *Жукова Т.А.* Высшее образование в Германии: мультикультурный аспект: монография. СПб.: Книжный Дом, 2014. – 144 с.
6. *Коротков Э.М.* Антикризисное управление. М.: ИНФРА-М, 2000. – 432 с.
7. *Парк Р.* Избранные очерки: сборник переводов. М.: РАН ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед., 2011. – 320 с.
8. *Сарапульцев П.А.* Неотвратимость краха европейской модели мультикультурализма с точки зрения психофизиологии. URL: <http://royallib.com>
9. *Якунин В.Л., Наследов Л.Д.* Методическое сопровождение системы интенсивных технологий обучения. Л., 1990.
10. *Bertelsman Stiftung* (2010): The ELLI Index – Europe 2010: Making lifelong learning tangible, Gütersloh.
11. *Bogoslovskiy V., Zhukova T., Bebell K.* Multicultural Pedagogy in Germany and Russia: Problems and Prospects // Humanities and Science University Journal. 2013. № 6. P. 50–60.
12. *Bosse E.* (2010): Vielfalt erkunden – ein Konzept für interkulturelles Training an Hochschulen. In: H. Gwenn, & S. Vogler-Lipp (Eds.), Schlüsselqualifikation interkulturelle Kompetenz an Hochschulen. Grundlagen, Konzepte, Methoden (p. 109–133). Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften.
13. *Michaels D.L., Stevick E.D.* (2009): Europeanization in the 'other' Europe: writing the nation into 'Europe' education in Slovakia and Estonia // Journal of Curriculum Studies. № 41 (2). P. 225–245.
14. *Oelkers J.* (2005): Reformpädagogik. Eine kritische Dogmengeschichte, Weinheim/München.
15. *Tibi B.* (1998): Europa ohne Identität? Die Krise der multikulturellen Gesellschaft. München: C. Bertelsmann Verlag.

Reference list

1. *Bertelsman Stiftung* (2010): The ELLI Index – Europe 2010: Making lifelong learning tangible, Gütersloh.
2. *Bogoslovskiy V.* Scientific support of educational process in pedagogical University: Methodological characteristics: Monograph. SBR.: Publishing office of the Herzen State Pedagogical University of Russia, 2000. P. 142.

3. *Bogoslovskiy V., Zhukova T., Bebell K.* Multicultural Pedagogy in Germany and Russia: Problems and Prospects // Humanities and Science University Journal. 2013. № 6. P. 50–60.
4. *Bosse E.* (2010): Vielfalt erkunden – ein Konzept für interkulturelles Training an Hochschulen. In: H. Gwenn, & S. Vogler-Lipp (Eds.), Schlüsselqualifikation interkulturelle Kompetenz an Hochschulen. Grundlagen, Konzepte, Methoden (p. 109–133). Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften.
5. *Busygin A.* Desmo-ecology or theory of education for sustainable development. Ulyanovsk: Simbirsk book, 2003. P. 216.
6. *Dyuzhakova M.* The development of pedagogical education in a multicultural society: Monograph. Voronezh: Voronezh State Pedagogical University, 2008. P. 228.
7. *Korotkov E.* Anti-crisis management. M.: INFRA-M, 2000. P. 432.
8. *Michaels D.L., Stevick E.D.* (2009): Europeanization in the 'other' Europe: writing the nation into 'Europe' education in Slovakia and Estonia // Journal of Curriculum Studies. № 41 (2). P. 225–245.
9. *Oelkers J.* (2005): Reformpädagogik. Eine kritische Dogmengeschichte, Weinheim/München.
10. *Park Robert.* The selected essays: Collection of translations. M.: Institute of Scientific Information on Social Sciences (INION) (the Russian Academy of Sciences). The Center of Social-Scientific Information of Research, 2011. P. 320.
11. *Sarapul'tsev P.* The inevitability of the collapse of the European model of multiculturalism from the point of view of Psychophysiology. URL: <http://royallib.com>
12. *Tibi B.* (1998): Europa ohne Identität? Die Krise der multikulturellen Gesellschaft. München: C. Bertelsmann Verlag.
13. *Yakunin V., Nasledov L.* Methodological support of the system of intensive technologies of education. L., 1990.
14. *Zhukova T.* Actual issues of development of the system of multicultural education in higher school // Izvestiya of the Herzen State Pedagogical University of Russia. SBR.: Publishing office of the Herzen State Pedagogical University of Russia. 2012. № 153 (1). P. 97–103.
15. *Zhukova T.* Higher education in Germany: Multicultural aspect: Monograph. SBR.: Book House, 2014. P. 144.

Жукова Г.С.,

доктор физико-математических наук, профессор, профессор Московского государственного машиностроительного университета

Федякина Л.В.,

доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии образования

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ НЕПРЕРЫВНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПРАВОВОЙ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ

Анализируются причины, обосновывается необходимость, оценивается способность современных специалистов социальной сферы к постоянному наращиванию квалификации, уровня профессионально-правовой компетентности в рамках ранее приобретенной профессии. Обсуждаются особенности и перспективы решения этой задачи в рамках системы повышения квалификации и профессиональной переподготовки, предоставляющих человеку возможность непрерывного обучения практически в индивидуальном режиме вне зависимости от времени и места пребывания. Для контроля качества непрерывного профессионально-правового образования специалиста предлагается обязательное проведение мониторинга профессионально-личностного роста обучающихся.

Ключевые слова: социальная сфера, непрерывное образование, профессионально-правовая компетентность, качество образования, мониторинг качества

Zhukova G.,

Doctor of Physical-Mathematical Sciences, Professor, Professor of Moscow State University of Mechanical Engineering (MAMI)

Fedyakina L.,

Doctor of Pedagogy, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education

THE IMPROVEMENT OF CONTINUOUS PROFESSIONAL LEGAL TRAINING OF SPECIALISTS OF SOCIAL SPHERE

The article is analyzed the factors and substantiated the necessity as well as given the assessment of the ability of the contemporary specialists of social sphere to continually increase of the qualification, level of professional legal competence in the frameworks of previously acquired profession. The features and prospects of solving this task in the frameworks of system of improvement of qualification and professional retraining, providing the opportunity of continuous training for a person, practically in the individual mode regardless of time and place of stay are discussed. The mandatory realization of monitoring of professional-individual growth of studying persons is suggested for quality control of continuous professional legal education of a specialist.

Keywords: social sphere, continuous education, professional legal competence, quality of education, monitoring of quality

Система социального образования в Российской Федерации стала формироваться как самостоятельное направление в отечественном образовании с начала 90-х годов прошлого века, когда в России начались радикальные преобразования. На смену материалистской модели социалистического социального обеспечения пришла новая система помощи и поддержки населения. Новая социальная политика нуждалась в кадрах, способных обслуживать социальные потребности населения. В СССР специальная подготовка таких кадров не велась.

Определяя социальное образование как одно из важнейших направлений научно-педагогической деятельности высшей школы и всей системы российского образования, мы видим его основное назначение в подготовке высококлассных специалистов для системы социального обслуживания населения, а также управления всеми процессами, развивающимися в этой области. Первый вуз – Российский государственный социальный университет, ставший пионером отечественного социального образования, был создан 25 ноября 1991 г. по инициативе академика РАН В.И. Жукова, ставшего его ректором-основателем. За период 1991–2014 гг. РГСУ подготовил более трехсот тысяч специалистов для различных направлений деятельности социальной сферы России, стран СНГ и Балтии. Более 80 тысяч человек прошли в РГСУ повышение квалификации, профессиональную переподготовку, стажировку, получили рабочую профессию.

Профессиональное образование специалистов социальной сферы (социального работника, социального педагога или психолога, социолога, политолога, эколога, специалиста по организации работы с молодежью или связям с общественностью, специалиста по работе с персоналом, работника сферы обслуживания и др.) во всем мире рассматривается как непрерывный процесс, обусловленный потребностями в постоянном профессионально-личностном развитии работников в условиях динамичного и качественного изменения трудовой деятельности в постиндустриальном обществе. В последние два десятилетия значительно изменились и усложнились фундаментальные основы социального знания. Пересмотр представлений об устройстве общества привел к необходимости углубления теоретической, социально-гуманитарной и иной подготовки специалистов. Федеральные государственные образовательные стандарты третьего поколения предъявляют достаточно высокие требования к выпускнику вуза. Способность к постоянному наращиванию квалификации и уровня профессиональной компетентности в рамках некогда приобретенной профессии – необходимое качество современного специалиста. Уровень профессиональной подготовки и готовность к непрерывному образованию через всю жизнь дает возможность быть успешным в профессиональной деятельности, требующей не только владения некоторым объемом абстрактных знаний, но и умения принимать правильные оптимальные решения в разнообразных задачах, ежедневно формулируемых клиентами социальных служб, то есть практикой.

В современных условиях изменения в законодательной базе происходят практически ежедневно. Не всегда в них способны быстро и правильно сориентироваться даже юристы. Специалистам, трудовая деятельность которых – работа с людьми, постоянное взаимодействие с населением, профессионально-правовая составляющая профессионализма обязательно должна своевременно и систематически пополняться, корректироваться. Исследование проблем обеспечения качества профессионально-правовой подготовки специалистов социальной сферы подтверждает обязательность качественной реализации в вузе компетентностного подхода, предусматривающего переход от теоретической учебно-познавательной к практической профессионально-учебной деятельности, что позволяет трансфор-

мировать процессы обучения и воспитания студента в профессиональную деятельность будущего работника.

Правовую подготовку студента можно рассматривать с разных точек зрения. С содержательной позиции она необходима для анализа и обработки информации, профессионально-значимой в той или иной трудовой сфере. С точки зрения педагогики высшей школы она развивает умения определять в правовом поле последовательность профессиональных действий; выделять главное и второстепенное в любом аспекте деятельности; устанавливать причинно-следственные связи. С дидактической позиции она должна строиться на основных принципах дидактики: доступности, движения от простого к сложному, системности и целостности, связи научной теории с жизнью.

В современных условиях масштабных преобразований социальной сферы, как приоритетной в стратегии развития России на долгосрочный период, возрастает потребность в постоянном, непрерывном и адресном совершенствовании профессиональной подготовки кадров. Решению этой задачи может и должна способствовать система непрерывного качественного и систематического повышения квалификации и профессиональной переподготовки, предоставляющая человеку возможность непрерывного обучения вне зависимости от времени и места пребывания, практически в индивидуальном режиме. Дополнительное образование, развившееся на стыке передовых научно-технических достижений и прогрессивных педагогических технологий, становится неотъемлемой частью методического многообразия различных форм непрерывного социально-профессионального образования.

В настоящее время как никогда ранее актуальным направлением в педагогике профессионального образования является разработка информационных ресурсов для профессионального образования и повышения квалификации кадров социальной сферы. Такая актуальность обусловлена общими тенденциями мирового развития системы профессионального образования: формирование инфраструктуры непрерывного образования; информатизация образования; развитие систем, форм и технологий профпереподготовки трудовых кадров; увеличение доли взрослого населения в контингенте студентов вузов. Последняя тенденция приобретает сейчас все большее значение в связи с необходимостью профессионального обучения и переподготовки высвободившихся специалистов с целью опережающего кадрового обеспечения социальной сферы страны и антикризисного развития.

Понимание необходимости и способность к постоянному наращиванию квалификации, уровня профессиональной компетентности в рамках ранее приобретенной профессии – обязательное качество современного специалиста. Характер современной профессиональной деятельности специалистов социальной сферы предъявляет повышенные требования к их профессионально-правовой компетентности. Она неразрывно связана с правовой культурой, как отдельной личности, так и общества в целом. Правовое образование специалистов в настоящее время является ключевым условием формирования его профессиональной компетентности и личностного развития. Рассматривая правовую подготовку как часть профессиональной подготовки специалистов социальной сферы, считаем, что правовая компетентность работника определяется уровнем его правосознания и правовой активности. Правовая компетентность позволяет специалисту социальной сферы, как активному участнику реализации социальной политики государства, наиболее глубоко и четко реализовать свои умения по решению проблемных ситуаций правовыми средствами, выступать защитником прав и интересов клиентов социальных служб, нуждающихся в компетентном социально-правовом сопровождении.

Основными дидактическими принципами профессионально-правовой подготовки в системе непрерывного образования являются: практическая ориентация содержания профессионально-правового образования; интерактивность учебных материалов и способов взаимодействия субъектов образовательного процесса; самоорганизация деятельности обучающихся как главных субъектов образования; проблемность и диалогичность педагогического взаимодействия; рефлексивность как специально организованная педагогом деятельность обучающихся по анализу и осознанию содержания обучения; многообразие возможных решений теоретических и практических проблем; многообразие форм и методов учебной деятельности обучающихся; модульность организации содержания образования и учебной деятельности обучаемых. Дополнительное обучение соединяет преимущества и синтезирует основные идеи андрагогического, контекстного и личностно-ориентированного подходов в организации образования, наиболее полно отвечает ожиданиям заказчиков и потребителей образовательных услуг (отдельный человек, организация, государство, общество). Программы повышения квалификации профессионально-правовой направленности должны быть дифференцированы: ориентированы на состав учебной группы (уровень исходной правовой подготовленности обучаемых); отличаться по содержанию (не только в зависимости от потребностей заказчика, но для разных категорий специалистов, а также от стажа социально-профессиональной деятельности работников).

Исходя из анализа наиболее востребованных дополнительных образовательных услуг профессионально-правовой направленности для специалистов социальной сферы, имеет место их следующая дифференциация по степени значимости для жизнедеятельности обучающегося: профессионально-прикладные программы (содержание которых необходимо обучающимся «здесь и сейчас», например, «Новое в законодательстве РФ о пенсионном обеспечении населения»); опережающие программы (содержание которых дает обучающемуся «знания впрок», например, «Правовая компетентность руководителя учреждения социальной защиты населения» для резерва руководящих кадров); компенсирующие программы (содержание которых восполняет обнаруженные самим обучающимся или его работодателем «пробелы» в образовательной, общекультурной подготовке; например, «Профессионально-правовая культура социального психолога дошкольного образовательного учреждения»); сопровождающие программы (содержание которых обусловлено закономерностями развития профессиональной и жизненной проблематики, например, «Социально-правовые аспекты трудоустройства с условием неполной занятости»); коррекционно-развивающие программы (содержание которых поможет обучающемуся изменить его некоторые поведенческие проявления, например, «Профилактика и разрешение профессионально-трудовых конфликтов в социальной сфере»); поддерживающие программы (содержание которых поможет решить отдельные проблемы, успешно пройти сложные периоды жизни, преодолеть кризисные состояния, например, «Социально-правовая поддержка безработных»); дополняющие программы (содержание которых обусловлено постоянным развитием внешнего информационного поля, например, «Правовые аспекты социально-реабилитационной деятельности с несовершеннолетними»); развивающие программы (содержание которых может стимулировать обучающегося к индивидуально-личностному творческому развитию, например, «Авторское право в социальной сфере»).

Разработка образовательной программы повышения квалификации профессионально-прикладной направленности, отбор и согласование с работодателями тематики и содержания, подбор педагогов, форм и методов проведения занятий остается важнейшей творческой и дискурсивной проблемой. В качестве основных критериев отбора содержания

профессионально-ориентированной практико-прикладной правовой подготовки будущих специалистов социальной сферы являются: время; многократная применимость; внутри-предметная целостность; психологическая мотивация; междисциплинарные связи; профессиональная целесообразность. Особое значение при изучении специалистами социальной сферы правовых дисциплин в системе повышения квалификации, а также при организации их текущей правовой поддержки имеет технология профессионального интернет-консультирования – организованное взаимодействие между профессионалом педагогом-консультантом и обучающимся специалистом-практиком. Задачи такого консультирования – оказание помощи обучающимся в освоении отдельных тем или разделов правовой дисциплины; ориентации в информационном поле проблем российского законодательства; углубленном изучении интересующих вопросов; рекомендации по использованию полученной информации и учебно-методических материалов в практической деятельности; оказание помощи при подготовке к промежуточным и итоговой аттестациям. Консультации можно организовать синхронно (форум, чат, когда одновременно дается общая консультация) и асинхронно (электронная почта, форум, когда слушатели консультируются в разное удобное для них время из заранее оговоренного диапазона). Наш опыт показывает, что в учебном процессе целесообразно использовать обе формы организации профессиональных консультаций в зависимости от цели, задачи, тематики, содержания консультации (например, потребности цитирования нормативных правовых актов).

В целом дополнительное профессиональное обучение по направлениям социального образования выступает в качестве эффективного средства профессиональной подготовки и развития личности специалиста социальной сферы, потенциально обеспечивает оперативную переподготовку кадров и доступность социально-профессионального образования для всех слоев и уровней работающих взрослых. Дифференцированное содержание дополнительных профессионально-образовательных программ правовой направленности предстает как персонализированное (ориентированное на интересы и потребности конкретных людей); практико-ориентированное (интегрированное с контекстом жизнедеятельности специалистов социальной сферы); культуросообразное (отвечающее сложившимся в обществе социально-профессиональным и культурным моделям); комплексное (позволяющее освоить все стороны деятельности специалиста).

При разработке концепции системы менеджмента качества непрерывного профессионально-правового образования специалистов социальной сферы в роли базисного элемента следует использовать квалификационную характеристику выпускника, дающую работодателю квалификационный портрет работника. Такая квалификационная характеристика должна формироваться на основе исследований потребностей рынка труда, тенденций развития науки, развития инфраструктуры учреждений социальной сферы, что позволяет определить необходимые изменения в учебных планах, основных образовательных программах, принимать решение об открытии новых направлений профессионально-правовой подготовки (например, открыть для социальных педагогов специализацию «Уполномоченный по правам ребенка», для социальных психологов – «Специалист по работе с трудными подростками» или «Специалист по работе с лицами серебряного возраста»).

Обобщенными социально значимыми показателями качества непрерывного профессионально-правового образования специалистов социальной сферы в университетском комплексе выступают: профессионально-правовая подготовленность, профессионально-правовая компетентность, правовая культура выпускников различных структурных звеньев. Их существенные параметры отражены в квалификационных характеристиках следующих

уровней: социально-волонтерский и элементарно-технический (профильная школа, факультет довузовского образования); профессионально-функциональный (колледжи); профессионально-компетентностный (вуз); профессионально-исследовательский (послевузовское образование).

В понятие «профессионально-правовая компетентность специалиста социальной сферы» включаются аспекты: проблемно-практический (адекватность распознавания и понимания профессионально-правовой ситуации взаимодействия с клиентом социальной службы по решению его проблемы, адекватная постановка и эффективное выполнение профессиональных задач, правовых норм в данной ситуации); профессионально-смысловой (адекватное осмысление ситуации в более общем социокультурном контексте); профессионально-ценностный (способность к правовой оценке ситуации, ее сути, целей, задач и применения правовых норм с точки зрения общезначимых и социально-профессиональных ценностей); профессионально-технологический (правильный выбор технологий правовой защиты интересов клиента социальной службы).

В процессе определения качества непрерывного профессионально-правового образования специалистов социальной сферы особое место занимают мониторинг профессионально-личностного роста обучающихся. Педагогический мониторинг – научно обоснованная система периодического сбора, обобщения и анализа информации о процессе профессионального становления личности, принятие на этой основе стратегического и тактического решения. Мониторинг предназначен отслеживать целостный процесс профессионально-личностного развития будущего специалиста с позиций интересов студента, а также с позиций профессиональных задач, целей непрерывного социально-профессионального образования. Сущность мониторинга связана с определением влияния множества вариативных факторов единой образовательной среды вуза на профессиональный и личностный рост обучающихся. В такой трактовке мониторинга важно рассмотреть все сочетания оценок (самооценок) и ожиданий субъектов профессиональной подготовки от процесса непрерывного образования: ожидания преподавателей довузовской подготовки, колледжа, вуза, предъявляемые к профессионально-личностному росту обучающихся; ожидания обучающихся, предъявляемые к профессионально-личностным качествам преподавателей; экспертные оценки преподавателями профессионально-личностного роста обучающихся; самооценки обучающимися динамики собственного профессионально-личностного роста в условиях диверсификации образования; оценки обучающимися значимости для них фасилитаторской деятельности преподавателей; самооценки преподавателей своей роли в профессиональном становлении будущих коллег.

При разработке содержания и определения организационной процедуры мониторинга как средства глубокого изучения и научного управления профессионально-образовательным процессом, нами учитывались следующие принципы, обоснованные в исследованиях В.И. Байденко, В.П. Симонова, А.И. Субетто, Н.А. Слезневой, Н. Шиянова: *принцип непрерывности* (когда мониторинг – целостная, динамично развивающаяся система со структурно-функциональными перестройками не только количественного, но и качественного характера; мониторинг определяет моменты перехода одного качества в другое, корректирует, поддерживает или ослабляет соответствующие тенденции образовательного процесса); *принцип научности* (когда организация мониторинга построена на научно-обоснованных характеристиках образовательного процесса, исключает бытовой подход к оценке, соответствует основным закономерностям психолого-педагогического познания и управления педагогическими объектами и явлениями); *принцип воспитательной целесообразности*

сти (мониторинг не является самоцелью, а выступает средством изучения и инструментом педагогического управления образовательным процессом; в мониторинге не используются технологии, наносящие какой-либо ущерб интересам, достоинству, правам участников процесса); *принцип диагностико-прогностической направленности* (информация, полученная в ходе мониторинга, соотносится с разработанными показателями и критериями с заранее определенной нормативной картиной педагогического процесса); *принцип целостности* (преимущества процессов диагностики, прогнозирования образовательного процесса).

При проведении мониторингов мы учитывали также ряд принципов, разработанных С.Л. Братченко: *принцип экологичности* (мониторинг строится на приоритете уважения к личности участников, защиты их прав и профессиональных интересов); *принцип диалога и сотрудничества* (между субъектами мониторинга устанавливается атмосфера доверия и партнерства; результаты, полученные в ходе мониторинга, рассматриваются как промежуточные значения бесконечного процесса развития профессионального мастерства); *принцип конструктивности* (мониторинг – поиск путей усовершенствования профессионально-личностного становления будущего специалиста, поддержки обучающегося и педагога, определения потенциальных возможностей); *принцип сочетания информационной открытости и конфиденциальности* (результаты мониторинга доступны всем пользователям, однако часть информации остается конфиденциальной). В процессе исследования учитывались также акмеологические принципы организации и проведения мониторинга, сформулированные А.А. Деркачем: принцип субъективности; принцип детерминизма; принцип гуманизма.

Инструментарием мониторинга качества профессионально-правовой подготовки специалистов социальной сферы выступает совокупность диагностических методик (тестов, анкет, решения практических задач профессионально-правовой направленности и т.п.), которые используют субъекты мониторинга в своей деятельности. Этот инструментарий мониторинга должен быть максимально практико-ориентированным, профессионально-прикладным, понятным, чтобы им могли овладеть все субъекты мониторинга, а также валидным, обеспечивающим адекватность объекту мониторинга, и позволяющим объективировать достоверную информацию.

Главной задачей сегодняшнего дня в системе непрерывного профессионально-правового образования специалистов социальной сферы является не просто создание системы мониторинга качества, а внедрение и использование современных методов управления с целью повышения качества образования. Качественная и непрерывная профессионально-правовая подготовка специалистов, систематическое повышение квалификации значительно повышает конкурентоспособность этих работников на рынке труда, расширяет спектр учреждений для их трудоустройства, способствует успешному карьерному росту.

Анализ результативности дифференциации форм и технологий обучения специалистов социальной сферы в системе ДПО проводился путем анкетирования слушателей по итогам обучения. Подавляющее большинство респондентов высказываются за практико-ориентированные занятия, активные формы и методы подготовки. Особо были положительно выделены тренинги и мастер-классы, выездные занятия в различные организации социальной сферы, а также занятия по овладению современными информационными технологиями, используемыми в профессиональной деятельности обучающихся. Например, респонденты 2013–2014 гг. высказались в пользу: тренингов – 22,8%, мастер-классов – 21,2, выездных занятий – 22,1, деловых игр – 9,7%. Лекциям, практическим и семинарским занятиям отдали предпочтение 8,5%, 10 и 5,7% слушателей соответственно. Такой результат говорит о понимании необходимости и желании специалистов социальной сферы постоянно работать над

своим профессиональным ростом, повышать квалификацию, самостоятельно решать профессиональные задачи, моделировать ситуации социально-профессиональной практики, конструировать и проектировать разные подходы к профессиональной деятельности.

В системе ДПО особую значимость имеет профессионализм профессорско-преподавательского состава, готовность к качественному обучению взрослых. Перед преподавателями встают основные андрагогические задачи: осуществить диагностику типовых и индивидуальных проблем аудитории (степень мотивированности на продолжение образования, информационный запрос, актуальный уровень профессиональной компетентности и притязаний, готовность обучаться в предлагаемой форме, психофизиологические и социально-психологические особенности, образовательный и профессиональный опыт и др.); помочь в самоопределении и выборе необходимого развивающего в профессионально-личностном отношении образовательного маршрута и режима обучения; оказать помощь в адаптации к условиям обучения (состав слушателей, содержание, формы и методы занятий, способы работы с информацией и т.д.); создать условия для позитивного настроения и понимания перспектив профессионального и личностного роста; сформировать ситуацию межсубъективного взаимодействия в ходе обучения; предоставить каждому слушателю возможность самовыражения и самоутверждения в среде коллег за счет презентации своего позитивного профессионального опыта; гарантировать получение конкретного образовательного продукта для «переноса» в профессиональную деятельность (проект, технология, программа действий и др.); определить перспективы дальнейшего совершенствования профессиональной компетентности с целью успешного продвижения в профессиональном поле.

Список литературы

1. *Боковня А.Е.* Мотивация – основа управления человеческими ресурсами. М.: НИЦ Инфра-М, 2013. 144 с.
2. *Братановский С.Н., Ермаченко Д.Н.* Система управления образованием в России и организационно-правовые аспекты ее совершенствования. М.: РИОР, 2013. 202 с.
3. *Деркач А.А.* Акмеология: Пути достижения вершин профессионализма. М.: Изд-во РАГС, 2003. 196 с.
4. *Доэл М., Шардлоу С.* Обучение практике социальной работы: Международный взгляд и перспективы. М.: Аспект Пресс, 1997. 223 с.
5. *Жуков В.И., Жукова Г.С.* Методология проблемы гармонизации социальной реальности // Ученые записки РГСУ. 2011. № 1.
6. *Жукова Г.С.* Различные аспекты совершенствования системы управления образованием в целом и образовательными учреждениями // Ученые записки РГСУ. 2012. № 9. Т. 1.
7. *Жукова Г.С., Воленко О.И.* Современные педагогические парадигмы профессионального образования специалистов социальной сферы и их использование в учебном процессе университетского комплекса // Педагогическое образование и наука. 2010. № 10.
8. *Жукова Г.С., Федякина Л.В.* Об основных направлениях работ по обеспечению качества высшего образования // Ученые записки РГСУ. 2009. № 13.
9. *Жукова Г.С., Федякина Л.В.* Система менеджмента качества социально-профессиональной подготовки в университетском комплексе // Ученые записки РГСУ. 2010. № 3.
10. *Кибанов А.Я.* Оценка и отбор персонала при найме и аттестации, высвобождение персонала. М.: ИНФРА-М, 2013. 80 с.

11. Оксина К.Э., Розина Е.В. Управление персоналом: Теория и практика. Управление социальным развитием и социальная работа с персоналом организации: Учебно-практическое пособие. М.: Проспект, 2014. 64 с.
12. Федякина Л.В. Метод оценки результативности дифференциации непрерывной профессионально-правовой подготовки специалистов социальной сферы в университетском комплексе // Ученые записки РГСУ. 2013. № 5. Т. 2.
13. Федякина Л.В. Формирование информационных, математических и социально-гуманитарных знаний в образовательной среде XXI века // Человеческий капитал. 2014. № 8.
14. Федякина Л.В., Галкина Т.Э. Некоторые аспекты дистанционной профессионально-правовой подготовки специалистов социальной работы в системе повышения квалификации // Вестник Омского университета. 2011. № 2.
15. Федякина Л.В., Жукова Г.С. Анализ международного и отечественного опыта персонификации дополнительного профессионального образования специалистов социальной сферы // Ученые записки РГСУ. 2013. № 5. Т. 1.
16. Федякина Л.В. Дифференциация дополнительного профессионально-правового образования специалистов социальной сферы // Вестник Московского государственного областного университета. 2009. № 1.
17. Федякина Л.В. Менеджмент качества непрерывного социально-профессионального образования в университетском комплексе // Вестник университета (Государственный университет управления). 2009. № 6.

Reference list

1. Bokovnya A. The motivation is a management framework of human recourses. M.: NITS Infra-M, 2013. P. 144.
2. Bratanovskiy S., Ermachenko D. The control system of education in Russia and organizational-legal aspects of its development. M.: RIOR, 2013. P. 202.
3. Derkach A. Acmeology: The ways of achievements of professionalism. M.: Publishing office of the Russian Academy of Civil Service, 2003. P. 196.
4. Doel M., Shardlow S. The training of practice of social work: International look and prospects. M.: Aspekt Press, 1997. P. 223.
5. Zhulkov V., Zhukova G. The methodology of issue of harmonization of social reality // Scientific notes of Russian State Social University. 2011. №1.
6. Zhukova G. The different aspects of improvement of the system of education control in general and educational institutions // Scientific notes of Russian State Social University. 2012. №9. Vol. 1.
7. Zhukova G., Volenko O. The modern pedagogical paradigms of professional education of specialists of social sphere and their implementation in the educational process of the Multiversity // Pedagogical education and science. 2010. № 10.
8. Zhukova G., Fedyakina L. About the main directions of work on providing of quality of higher education // Scientific notes of Russian State Social University. 2009. № 13.
9. Zhukova G., Fedyakina L. The quality management of socio-professional training in the Multiversity // Scientific notes of Russian State Social University. 2010. № 3.
10. Kibanov A. The evaluation and selection of the personnel when hiring and review, employee displacement. M.: Infra-M. 2013. P. 80.
11. Oxenoid K., Rozina E. The personnel management: Theory and practice: The management of social development and social work with personnel of the organization: Study and practice textbook. M.: Prospekt, 2014. P. 64.

12. *Fedyakina L.* The method of evaluation of efficiency of differentiation of continuous professional legal training of specialists of social sphere in Multiversity // Scientific notes of Russian State Social University. 2013. № 5. Vol. 2.
13. *Fedyakina L.* The formation of informational, mathematical and socio-humanitarian knowledge in the educational environment // Human capital. 2014. № 8.
14. *Fedyakina L., Galkina T.* Some aspects of distant professional legal training of specialists of social work in the system of professional development // Bulletin of Omsk University. 2011. № 2.
15. *Fedyakina L., Zhukova G.* The analysis of international and domestic experience of personification of additional professional education of specialists of social sphere // Scientific notes of Russian State Social University. 2013. № 5. Vol. 1.
16. *Fedyakina L.* The differentiation for additional professional legal education of specialists of social sphere // Bulletin of Moscow State Regional University. 2009. № 1.
17. *Fedyakina L.* The quality management of continuous socio-professional education in Multiversity // Bulletin of the University (State University of Management). 2009. № 6.

УДК

Люсий А.П.,

кандидат культурологии, старший научный сотрудник Российского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева

Шкурко Н.М.,

кандидат психологических наук, консультант Московского института государственного управления и права

РОЛЬ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ)

В статье анализируются процессы современного культурогенеза в российских регионах, роль русского регионального самосознания и их возможных политических последствий. В качестве примера берется рефлексия ленинградской региональной идентичности и её «наложение» на петербургскую идентичность. Констатируется новый характер взаимосвязи национальной и региональной культур.

Ключевые слова: идентичность, региональное самосознание, центр, периферия, самосознание, пространство, дифференциация.

Lyusiy A.,

PhD in Culturology, Senior Researcher of the Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage named after D. Likhachev

Shkurko N.,

PhD in Psychology, Consultant of the Moscow Institute of Public Administration and Law

THE ROLE OF REGIONAL IDENTITY IN CONTEMPORARY RUSSIA (ON THE ISSUE OF FORMATION OF REGIONAL CONSCIOUSNESS)

The article is analyzed the processes of the modern culture-genesis in the Russian regions, the role of the Russian regional consciousness and their possible political implications. The reflection of the Leningrad regional identity and its "imposition" on Petersburg identity was taken as an example. A new character of interrelation of national and regional cultures is stated in the article.

Keywords: identity, regional consciousness, center, periphery, consciousness, space, differentiation

Любая индивидуальность как носитель личностной идентичности являет собой реализацию определенной общности или категории людей. То есть, каждый представитель культуры обладает одновременно и личностной, и коллективной идентичностью. Идентичность – это результат процесса идентификации, обладающего в силу своих феноменологических особенностей некоторой протяженностью во времени и пространстве. Идентичность – итог осмысления человеком себя самого в процессе социализации личности. Она является результатом идентифицирования субъекта с неким набором социально и культурно релевантных качеств. Процесс идентификации присущ любой когнитивной деятельности

человека, однако самоидентификация человека имеет одну фундаментальную особенность: «воспринимающий субъект опознает качества, на основании которых он может быть отнести себя к какому-либо определенному классу/типу или же признать уникальной, не только и не столько рационально, сколько эмоционально» [1].

В качестве психосемантического способа идентифицирования функционирует схема «символ > центр/периферия». Действие такого оператора, состоит, по предположению О. Генисаретского, в том, что принятие символа означает попадание в центр как точку идентификации, занятие центрального места некоего пространства [2]. Это обеспечивает также возможность наблюдаемости и обозримости означаемой символом реальности. Областью действия этого оператора являются любые экзистенциальные состояния человечности. Каждое наше состояние можно понимать как поставленность в определенную точку идентификации, в точку знания, действия и покоя. Однако символ может поставлять нас в пространство любой размерности, и оно при этом приобретает свойство центральности. Это может быть город, область или страна, континент (например, Европа в случае европоцентризма), планета (земля в случае геоцентризма) или какой-то из возможных мыслимых миров. Т. Мертон писал по этому поводу: «истинный символ ставит нас в центр круга» [3].

На протяжении одного столетия России второй раз навязывается изменение типа цивилизации, самоопределения в истории вне базовых структур собственной цивилизационной и национальной идентичности. В 1917-м году была поставлена задача превращения России в средство строительства новой всечеловеческой цивилизации, что стало частью цивилизационного проекта становления единого человечества поверх всех и всяких национальных различий, с опорой на принцип классово-солидарности. Однако пролетариат, как классовая, а не этническая категория, оказался лишен признаков конкретной культуры, стал субъектом формационной, а не цивилизационной исторической реальности и логики истории. Выяснилось, что необходим еще и цивилизационный объединительный потенциал, включающий разные культуры, формы социальности и духовности, способы проживания себя в истории и истории в себе [4].

Историческое развитие России было неразрывно связано с формированием на ее огромном пространстве не только этнических, но и территориальных общностей, заметно выделяющихся своей индивидуальностью, имеющих свою социокультурную специфику, которую можно определить понятием «региональная идентичность». Как отмечает Э. Смит, территориальная или региональная идентичность может быть отнесена, наряду с гендерной, к числу фундаментальных в структуре идентификационной матрицы человека [5]. Причем для этнических русских такая региональная идентификация определялась не столько национальной, сколько территориальной принадлежностью.

Характерной чертой посткоммунистической трансформации советского общества стало интенсивное формирование регионального самосознания. При этом, как отмечает Р. Туровский, в обществе определились две противоположные тенденции. С одной стороны постепенно и с большим трудом складывается российская общегражданская идентичность со своим набором «консенсусных ценностей». С другой – наблюдается регионализация общественного сознания, ставшая реакцией на кризис общенациональной идентичности в результате распада СССР [6]. Одни исследователи считают, что региональные ценности, наряду с этнонациональными, замещают в общественном сознании комплекс ценностей советского периода. Поэтому регионализация воспринимается ими как временное явление, характерное для переходного периода модернизации советского общества. Другие рассматривают за регионализацией глобальный процесс. Ведь возрождение регионального самосознания

активно идет и в европейских странах, где на месте национальных государств формируется объединенная, но многообразная и полицентричная «Европа регионов».

Любой нарратив нации включает в себя пространственные элементы, образ своей территории и своего обитаемого пространства. Одной из дискурсивных форм построения национальной идентичности является пейзаж. У.Т. Митчелл непосредственно связывает само развитие пейзажа с процессами формирования наций в Европе и одновременно колониальной экспансией европейских империй [7]. В отличие от классического искусствоведения, современная западная культурология рассматривает пейзаж не просто как жанр искусства, обладающий рефлексивной функцией, а как «социальный иероглиф», «медиум», «систему культурных кодов», механизм формирования национальной идентичности. Пейзаж, в понимании Митчелла, является «эмблемой социальных отношений, которые он маскирует», «продуктом мечты» империализма [8]. Если рассматривать пейзаж как форму национального нарратива, то европейский и российский пейзажи XIX в. будут характеризоваться как одновременно империалистические и антиколониальные, национальные. С одной стороны, пейзаж рассказывает о красотах природного ландшафта родной страны, чаще всего исчезающем, с другой – повествует о том, на чем строится экономическая мощь империи.

3. Млынар полагает, что формы территориальной идентификации оказались сильнее, чем все известные варианты транснациональных или национальных общностей. И в демократических, и в авторитарных странах, на Западе и в третьем мире происходит болезненный возврат к локальным формам. Все универсальные братства, будь то коммунизм, исламизм или христианство, доказали свою неспособность ослабить привязанность человека к своему кусочку земли, который выступает в качестве необычайно эффективного символа [9].

Тема региональной идентичности в современной России исследована недостаточно. Факт регионализации безусловно признается в национальных республиках, где региональная идентичность предстает «довеском» к национальной и нередко превалирует над общероссийской. При этом неясной и дискуссионной остается ситуация в сугубо русских регионах. Если по поводу москвичей и петербуржцев/ленинградцев устойчиво мнение об их особой общности, то по отношению к остальной России есть различные точки зрения. Крайняя позиция, заключается в том, что для русских характерна атопия, или аспатиальность (от греч. *a* – отрицательная частица, и англ. *space* – пространство). То есть, русские как будто бы не чувствуют не только национальной принадлежности, но также самого пространства, не имеют своей географии, а этнографические различия между районами страны либо незначительны, либо полностью стерты и уже никогда не смогут возродиться. Однако события последних лет показывают, что и в русских регионах России тоже происходит рост самосознания.

Наиболее внушительным «отрицательным» проявлением усиления региональной идентичности становится обострение отношений по линии «центр-провинция». Эти отношения практически всегда были непростыми, переходя в антагонизм. Но сейчас экономические и политико-культурные противоречия между Москвой и остальной Россией приобретают системный характер. Теперь появились и закрепляются различия не только в уровне и качестве жизни, но и на уровне ценностных систем, что проявляется в типах политического поведения и голосования. В стране в целом усиливаются антимосковские настроения. Провинция все чаще пытается обрести себя, доказать самой себе и всем остальным свою самость. Идет в наступление своеобразная «провинциальная идентичность», согласно которой провинция считает себя настоящей, коренной Россией, отрицая за Москвой само право называться Россией, русским городом. Вследствие углубления раскола «Москва – провин-

ция» возникло мнение о появлении особого московского субэтноса как результата культурной трансформации москвичей, утративших связь с остальной Россией [10].

В то же время очевидно, что провинция также неоднородна. Здесь существуют свои, сформировавшиеся на протяжении веков внутренние разломы. Возникают и новые противоречия. Региональная составляющая, хотя и более слабая, чем у других народов, в русской идентичности несомненно присутствует. Однако культурные границы между различными русскими ареалами сильно размыты. В России менее проявлен характерный для большинства европейских государств феномен исторических (культурных) провинций, сформировавшихся на протяжении многих веков, с определенными границами, центрами, символами и ярко выраженным самосознанием [11]. За годы советской власти культурные различия между российскими территориями стали еще меньшими, чем до революции. Однако исходная размытость культурных границ и их дальнейшее стирание в XX веке не означают отсутствие самого феномена, фундамента региональной идентичности. «В результате перестроечных процессов очевидными стали: а) деградация и дискредитация унитарной модели государственного устройства; б) падение политической дееспособности центра и соответственно развитие региональной инициативы; в) постепенная делегитимация Москвы как российской столицы и центра русской культуры. Результатом стало частичное возрождение регионального самосознания в его традиционных формах (например, казачество). Появились новые формы регионального самосознания (например, идентичность российских республик)» [12]. Значимость регионализации общественного сознания в России, конечно, не следует преувеличивать. Налицо опять-таки скорее «отрицательные» процессы роста региональной автаркии, распада единого экономического пространства, резкого снижения территориальной мобильности из-за высоких транспортных тарифов и цен на билеты, что способствует обособлению регионов.

Как развиваются процессы современного культурогенеза в российских регионах, какова в этом роль русского регионального самосознания, какими могут быть их политические последствия? Исходная культурная дифференциация русской территории обычно определяется с помощью данных лингвистическо-географических исследований. Основным можно считать деление русских на северных и южных великороссов. Между севером и югом находится обширная среднерусская переходная зона. Северные великороссы преобладают в Поволжье, на Урале и в Западной Сибири, южные – на Северном Кавказе. Смешанное население характерно для Восточной Сибири и Дальнего Востока. В то же время говорить о ярко выраженном делении русского этноса на северный и южный субэтносы в современной России не приходится. Между основными ареалами четко выраженной границы нет. Современные культурные и миграционные процессы привели к нивелированию имевшихся различий между ними. Исчезли традиционные говоры, от которых остались лишь рудименты (что-то вроде оканья и аканья). Сейчас лингвистические различия между северными и южными великороссами можно обнаружить лишь в глухих деревнях. Однако различия между северянами и южанами несколько глубже. Они включают специфику национальной психологии, которая весьма устойчива, определяется местными культурными ценностями и образом жизни. Можно выделить особые субэтнические группы, сохранившиеся до сих пор или пытающихся возродить свои традиции – казаки, поморы, потомки старообрядцев (Читинская область и Бурятия), в западной – старообрядцы-каменщики (Горный Алтай).

Местный патриотизм сегодня в большей степени свойственен для полупериферийных территорий – малых и средних городов, поселков городского типа. В сельских районах фиксируется разная степень восприимчивости к региональному патриотизму, хотя обычно она

выше средней по региону. Показателен возрастной срез отношения к региональному патриотизму. С регионом себя идентифицирует преимущественно молодежь, являющаяся главным носителем региональной идентичности на сегодняшний день, в то время как старшее поколение продолжает ориентироваться на Россию или «советскую идею». В этом проявляется слабость новой российской идентичности. Уже можно выделить регионы, в которых региональный патриотизм начинает конфликтовать с общероссийским – Дальний Восток, Сибирь, Калининградская область.

С началом рыночных реформ картина разделения России по принципу «север-юг» (промышленно развитые и богатые сырьем области севера и востока и бедные аграрные регионы юга) выявляется более четко, в значительной степени соответствуя мировым северу и югу. Это стало следствием как исторически унаследованной структуры развития экономики, так и все возрастающей с начала 1990-х годов тенденции превращения сырьевого сектора в основу российской экономики. «Результатом сырьевой ориентации стало географическое смещение оси промышленного развития на Дальний Восток, в Западную и Восточную Сибирь, на север европейской части России. Так, 11 наиболее преуспевающих российских территорий из 15 находятся именно в этих регионах. Тогда как 14 из 16 наиболее депрессивных территорий – на Северном Кавказе (5), в Центральном районе (6), в Северо-Западном (1), Поволжском (1) и на Урале (1). На Западную Сибирь – главный центр нефте- и газодобычи – приходится сейчас почти 50% ввода основных промышленных фондов, тогда как в центральном районе инвестиции главным образом идут в непроизводственную сферу» [13].

Обострение межрегиональных противоречий как следствия региональной дифференциации в условиях системного кризиса проявляется в стремлении стать экономически самодостаточными у тех провинций, что вывозят энергоресурсы, сырье и продовольствие. Усиливается социокультурный разрыв между регионами, особенно между наиболее податливыми к «западной модернизации» (Москва, Санкт-Петербург, Нижний Новгород, приморские «регионы-мосты» во внешний мир), и регионами, где преобладает «русский традиционализм».

«Таким образом, неуправляемый системный кризис в России может быть описан через процессы развивающейся регионализации государства и хаотической децентрализации власти. В этих условиях вряд ли стоит преувеличивать роль и значение межрегиональных ассоциаций (типа «Сибирское соглашение», «Большая Волга» и т. д.), особенно их сплоченность и долговечность. На ранней стадии проведения рыночных реформ некоторые из них стали механизмами для передачи региональных требований центру, заменяя недостаток административных и финансовых средств привлечением политических ресурсов: лоббирования и пр. Регионы ищут альтернативные формы взаимодействия, которые зачастую лишь подчеркивают их стремление уйти из-под сложившегося макрорегионального деления.

Приведенные примеры позволяют говорить о возможных процессах хаотической децентрализации власти и неуправляемой регионализации, результатом которых может быть спонтанная фрагментация властного пространства, размывание власти как целостного феномена, появление новых властных субъектов, а также формирование новой геополитической реальности» [14].

В феврале – апреле 2004 года «среднерусский консалтинговый центр» провел исследование проблем российской идентичности. Всего было опрошено 2814 чел., проживающих в семи регионах России, и представляющих основные географические зоны, которые отличались друг от друга уровнем социально-экономического развития: Калининградская область (северо-запад) – 396 чел.; Вологодская область (север) – 400 чел.; Калужская область (центральная Россия) – 396 чел.; Волгоградская область (Поволжье) – 405 чел.; республика

Башкортостан (Южный Урал) – 400 чел.; Алтайский край (Сибирь) – 407 чел.; Приморский край (Дальний Восток) – 410 чел.

В рамках исследования респондентам предлагалось ответить на вопрос, кем они себя ощущают в первую очередь: жителями своего региона (жителем Алтайского края, калининградцем, вологжанином и т.п.), жителями более крупного межрегионального объединения (Сибирь, центральная Россия, Русский Север, Южный Урал, Дальний Восток), россиянами или европейцами.

Выяснилось, что жители Алтайского края чаще всего считают себя «россиянами» (40%). «Регионалов» (тех, кто в первую очередь ощущают себя не россиянами, а «жителями алтайского края») чуть меньше – 33,5%.

Довольно привлекательной в качестве объекта самоидентификации оказалась Сибирь – каждый пятый житель Барнаула и края называет себя сибиряком. Столь же привлекательными для своих жителей оказались такие географические зоны как русский север (15% вологжан) и дальний восток (18,5% приморцев).

«Европейцами» назвали себя лишь 3% жителей Алтайского края. Однако и в регионах европейской части России доля респондентов с европейской идентичностью не больше. Более или менее заметная доля «европейцев» отмечена лишь в калининградской области (12%).

Интересно, что если в среднем по России «россияне» и «регионалы» составили практически равные группы (41% и 38% соответственно), то ни в одном из исследованных регионов не обнаруживается равенства в удельных весах «россиян» и «регионалов». Ни в одном регионе один тип идентичности явно не преобладает над другим.

Привлекательность общероссийской идентичности по сравнению с региональной особенно заметна в калининградской области. «Калининградцами» себя ощущают лишь 28% жителей региона, а «россиянами» – почти половина (47%). За два года ранее в калининградской области отмечалась противоположная картина – в первую очередь «калининградцами» ощущали себя 50% жителей, а «россиянами» – 43%. Очевидно, что перемена в самоощущениях жителей области вызвана прежде всего политическими факторами. После того как Литва и Польша реально вступили в ЕС, регион, с одной стороны, лишился такого преимущества, как относительно свободный въезд его жителей в Европу, а с другой стороны, действительно стал более оторванным от остальной России. Вероятно, эти потери потребовали некоторой психологической компенсации, которая и выразилась в усилении общероссийской идентичности жителей области.

Чаще других региональную идентичность проявляют жители республики Башкортостан (52%). Однако и общероссийская идентичность распространена в республике довольно заметно: 44% – больше лишь в волгоградской (46,5%) и калининградской (47%) областях. Это противоречие объясняется тесной взаимосвязью самоидентификации с национальностью респондентов. Региональная идентичность свойственна прежде всего башкирам и живущим в Башкирии татарам (73% башкир и 64% татар ощущают себя жителями Башкортостана, а россиянами – 28%). Живущие же в республике русские, чаще ассоциируют себя не с Башкирией, а со всей страной – 54% ощущают себя россиянами и 43% – жителями Башкирии.

В целом же по России и общероссийскую, и региональную идентичность проявляет примерно одинаковое количество россиян.

Однако называющие себя «россиянами» и называющие себя «жителями Алтайского края» или «вологжанами» – все же разные люди. «Возникает вопрос, не скрывается ли за разницей в самоидентификации некий социальный или социокультурный конфликт? Противостоят ли в какой-то мере «регионалы» «россиянам» и наоборот?

Результаты исследования показывают, что отличия между обеими группами респондентов очень незначительны, и говорить о каком-то социальном или идеологическом противостоянии между теми, кто отождествляет себя со своим регионом и теми, кто отождествляет себя с Россией в целом, нет никаких оснований.

Ориентация на тот или иной тип идентичности практически не зависит от возраста, пола или уровня образования респондентов, от их социального статуса или от идеологических ориентаций. В уровне ксенофобии «россиян» и «регионалов», в выборе ими путей развития России, в оценке результатов реформ 90-х годов, в оценке ситуации в стране и в регионе – различий практически нет.

Интересно, что наиболее заметным отличием между «регионалами» и «россиянами» оказалось различие в уровне их мобильности. Половина респондентов, ощущающих себя в первую очередь жителями своих регионов, в ближайшие годы не выезжала за их пределы, в то время как среди «россиян» 64% респондентов ездили либо в другой регион (29%), либо в Москву (16%), либо в страны СНГ (12%), либо в страны дальнего зарубежья (7%). «Регионалы» отличаются и тем, что заметное большинство среди них хотело бы навсегда остаться жить в своем регионе (64% против 56% «россиян»). Возможно, замкнутость в своем регионе и не является определяющим фактором выбора в пользу региональной идентичности, однако она, безусловно, имеет большое значение.

Можно также добавить, что «россияне» в целом выглядят более благополучными, чем «регионалы». Они отличаются от «регионалов» более высоким уровнем удовлетворенности жизнью (плюс 0,07 против минус 0,03), более высоким уровнем доходов и, как следствие, менее низкой оценкой своего материального положения (минус 0,01 против минус 0,12) и более высоким уровнем оптимизма в оценке перспектив материального роста (плюс 0,25 против плюс 0,16).

Так или иначе, между «регионалами» и «россиянами» гораздо больше общего, чем различного. На более широкое распространение в разных частях страны региональной или общенациональной идентичности в первую очередь влияют географические, исторические, национальные и социально-экономические особенности того или иного региона (в случае с Башкортостаном, например, национальный фактор является самым влиятельным).

Если и можно говорить о каком-то «конflikте идентичностей», то только применительно к крайне малой группе «европейцев», которые, в силу очевидной ориентации на европейские ценности, действительно по многим позициям противостоят и всем остальным жителям России» [15].

Проблема региональной идентичности в России имеет отношение к поиску различных вариантов региональной идеологии власти. Идеологические доктрины на местах формировались в виде определенных приоритетов, иерархии социальных ценностей и оценочных политических стереотипов. По словам саратовского исследователя С. Бразилова, формирующаяся в регионах идеология «как бы компенсировала жесткую и несправедливую социальную дифференциацию населения символами и заклинаниями относительно общественной солидарности и территориального сожительства» [16]. С другой стороны, региональная идеология воплощала и воспроизводила в приличных и апробированных социальных образах сугубо материальные и политические цели административной элиты. Важными функциями региональной идеологии являются «консолидация провинциального социума на основе принципов региональной солидарности», а также «концептуально-мировоззренческое обобщение недовольства провинциальных элит господством финансовой олигархии и контролем московского экономического и политического истеблишмента над сырьевыми и ма-

териальными ресурсами региона» [17]. При отсутствии общезначимых ценностей и ориентиров наше политическое мышление модифицируется в зависимости от перехода от одной ситуации к другой. Ситуацию, как правило, создает власть. Региональная идеология поэтому является важнейшим компонентом так называемого «мобилизационного типа организации политического пространства» [18]. Все это происходит на фоне общего кризиса идеологии, оттеснения ее на периферию современного бытия. Поэтому важно прояснить, в какой степени основой идентичности может стать более универсальный, чем оперативная идеология, культурный текст того или иного региона.

На нынешнем этапе истории России связь национальной и региональной культур приобретает новый характер. Не представляя себя вне «большого целого», регион ощущает собственную значимость и стремится влиять на судьбу «целого». Так он превращается в форму существования национальной культуры, одновременно обеспечивая ее развитие, сохранение внутреннего динамизма [19]. Другой формой влияния региона может стать исполнение им специфической хозяйственно-экономической роли (например, обеспечение выхода к Балтийскому морю или к Тихому океану), иногда с политическим оттенком («уральский» или «петербургский» след в политической истории и культуре современной России). Еще одно проявление подобной тенденции связано со стремлением представителей региональных культур оказывать влияние на изменение духовного климата в стране в целом. На наш взгляд, такой феномен русской культуры 70-х годов XX века, как появление сибирских писателей-«деревенщиков», стал не только явлением в искусстве, но и выступил индикатором нравственного состояния общества.

Интересно, что не всякий регион продуцирует свою региональную культуру. Так, можно говорить о региональной культуре применительно к Уралу, Сибири, югу России. Однако области центральной России не могут быть рассмотрены как феномены региональной культуры, исторически они находятся в рамках «материнской» русской культуры. Отдельными территориями можно назвать русский север, который воспринимается как квинтэссенция русской культуры и связан с другим древнерусским центром – Новгородом, и собственно столичные центры – Москву и Петербург.

Относящиеся к региональной культуре личности и произведенные в ее рамках артефакты становятся определенным образом маркированными. Они получают статус атрибутов данной культуры. Не отрицая их национальной принадлежности (как феноменов русской культуры), можно говорить, что они становятся еще и региональными репрезентантами. Это проявляется в личностных характеристиках (закрепленные в обыденном сознании обозначения – «москвич», «петербуржец», «сибиряк», «донской казак») и в артефактах (камнерезное искусство как «визитная карточка» Урала). Так региональная культура, определяемая условиями существования людей и определяющая формы их существования, становится интегрирующим началом жизни конкретной территории.

Природная среда оказывается освоенной человеком не тогда, когда начинается хозяйственная деятельность на определенной территории, но тогда, когда происходит так называемое символическое присоединение места. Исследование топохронов (определенных культурных миров в заданных пространственно-временных координатах) в логике семиотических исследований позволяет реконструировать процесс символического освоения места жизни, дает возможность обозначить «вертикали» и «горизонталы» культурного ареала, выявить закрепленные во времени и пространстве ценностно-значимые ориентиры.

Таким образом, на региональную культуру можно посмотреть не просто как на «след», но как на «текст», который становится реальностью при «осознании» и/или «прочувствована-

нии-переживании» человеком [20]. В таком «тексте» актуализируются смыслы и ценности, выработанные общенациональной культурой, но индивидуализированные и интериоризированные в ходе духовно-практической деятельности человека в конкретных условиях. И «прочитывается» этот «текст» как символическое единство элементов, ценностно-значимых для жителей той или иной территории.

Сквозь специфику функционирования региональной культуры можно по-новому взглянуть на культуру страны. Россия представляет собой единство разнородных элементов: этнокультурных и поликультурных (региональных) общностей. Сознание «россиянина» – это напластование культурных знаков и значений, усвоенных в процессе жизни. При этом особую значимость приобретает непротиворечивость универсальных и личных смыслов. Освоение культуры России каждым конкретным ее жителем ведется через обретение личных смыслов, опосредованных локальным сообществом. Региональная культура становится тем «адаптивным механизмом», который объединяет национальные и наднациональные ценности, обеспечивая идентификацию россиянина. Изучение региональной культуры и ее культурного текста как структурообразующего элемента культуры России позволяет сформировать положительную идентичность, в отличие от рассмотренные выше «отрицательных».

Интерпретация «культурного текста» довольно широка и чаще всего сводится к пониманию целостного знаково-символического конструкта, имеющего смысловое основание и выраженного вербальным способом (письменный текст, устное речевое высказывание различной формы, будь то молитва, заклинание, песня или призыв, сообщение) или невербальными средствами (например, ритуал, обряд, костюм и пр.).

Широта подобных взглядов на специфику значения культурного текста позволяет увидеть в нем форму для любого явления или феномена культуры. Понятие культурного текста устанавливает семиотическую форму любого культурного события, где содержанием выступает столь существенный для такого исследования смысл и значение события [23]. Кроме того, средства создания культурного текста являются свидетельством языка, отражающего культурную картину мира. Анализ языка в различных лингво-психологических и логико-философских преломлениях дает представление как о субъекте – авторе текста и его носителях, читателях, так и об объекте – тех событиях, явлениях, феноменах, на описании и разъяснении которых данный текст строится. В этом случае значимым компонентом культурфилософской работы выступает не только исследуемый культурный текст, но также его объекты, которые в свою очередь вновь можно рассматривать как (мета) или (пред) культурные тексты, на основании которых формируется собственно культурный текст.

Таковыми являются такие различающиеся понятия, как «*genius loci*» и «региональная идентичность». *Genius loci* на региональную идентичность не влияет. Иначе придется признать наличие этого феномена во всех местностях, где сформирована региональная идентичность. И наоборот, *genius loci* присутствует в местностях, где никакой региональной идентичности нет в силу того, что там нет массы местных жителей. К примеру, в Кижях или Плесе наличествуют пространственно-архитектурная среда, климат, природные условия, особая аура, легенды, мифология, но нет никакой региональной идентичности, так как их *genius loci* не воспроизводит социальные отношения и тип людей [24].

Региональная городская идентичность – это общность унаследованного и разделенного опыта, дискурсивно структурирующего и нормирующего социальные практики, традиции и ценности. Не всякий город имеет свою идентичность. Чтобы ее иметь, надо прежде как минимум осмыслить свою историю и соотнести ее с большой историей. Такое осмысление

приводит к наделению фактов истории смыслами. Это наделение может сопровождаться мифологизацией, хотя и не всегда. Это хорошо видно на примере Новгородской, Воронежской, Саратовской, Свердловской областей: «паттерн региональной идентичности» складывается не у всех городов и не имеет прямой связи с осознанием пути развития региона [25].

Изучение культурных текстов началось с конституирования В.Н. Топоровым Петербургского текста, породившего цепную реакцию других аналогичных текстов. Ленинградская же региональная идентичность практически не осмыслялась ни исследователями, ни горожанами-интеллектуалами. Отчасти этому мешал сильный идеологический пресс, но также и ситуация в интеллектуальной среде города. Тот факт, что не происходила интеллектуальная рефлексия ленинградской региональной идентичности, а значит, не происходило и ее осмысление в массе горожан, привел к тому, что реально существовавшая (и существующая!) Ленинградская идентичность, основанная на социальной общности блокадников, «наложилась» на существовавшую на протяжении всей советской власти петербургскую идентичность. При всей терпимости и эмпатии ленинградцев их идентичность не распространялась на мигрантов, а идентичность «петербуржества» была враждебна мигрантам, так как подавляющее большинство из них было ангажировано только индустриальным ресурсом города.

Идентичность ленинградцев, став принципиально непередаваемым социальным опытом переживших блокаду, а значит, и невоиспроизводимой/нетиражируемой/нерасширяемой региональной идентичностью, была подобна шагреновой коже: она сжималась со временем. Мигранты, естественно, ею уже не наделялись. Ленинградская идентичность включала/интегрировала потомков блокадников, но игнорировала, а чаще отторгала и отторгает приезжих петербургских жителей (неблокадников) [26].

Что касается мигрантов, то они – вне зависимости от места своего исхода, национальности и других социальных «параметров» – в силу уже самого факта жизни в Ленинграде проецировали на себя идентичность петербургскую, оппозиционную и элитарную. В ней сочетались неприязнь к массовой культуре, советскому официозу, пролетарской идеологии и т. д. Эта «оппозиционная» петербургская идентичность была толерантна к мигрантам и включала в себя как питерских Бродского, Довлатова, Гребенщикова, так и мигрировавших в город Навуменко, Цоя, «митьков» или «Африку». Миф петербуржества и Петербурга, столь пышно расцветший в позднесоветское время, создавался все годы советской власти усилиями поэтов и интеллектуалов, противопоставлявших себя официальной культуре. Это был очень важный для российских, и, прежде всего, ленинградских интеллектуалов проект противопоставления, отмежевания от официоза. В этом проекте была важна его онтологическая апелляция к утраченной, ушедшей России.

От А. Ахматовой, Н. Оцупа, Н. Агнивцева с их «блистательным Санкт-Петербургом» до Бродского и «митьков» петербургский миф «становился «ядром петербургского регионализма». Петербургский регионализм конструировался как элитарно-оппозиционный проект, поэтому он мог включать в себя и полупрофессиональных художников, и маргинальных поэтов, и рок-музыкантов, и «кружок синергетиков» при ЛГУ, и «новых православных», и либеральных диссидентов. В этом проекте главным становился синтез традиций петербуржества как элитарности на грани снобизма, с собственными вариантами оппозиционности советскому: режиму ли, изобразительному и/или массовому искусству и культуре, музыке и т. д.

Не случайно именно в позднесоветском Ленинграде, а затем и в постсоветском Санкт-Петербурге, культивируются дендизм и салоны – закрытые, элитарные неформальные объединения художников, интеллектуалов и разного рода «тусовщиков». Основными характеристиками этой салонной культуры стали (и остаются) снобизм и закрытость. Элитарность

смыкается тут с маргинальностью в роскошных и (зачастую) одновременно ободранных петербургских интерьерах.

Петербургская идентичность развивалась интеллектуалами как элитарный проект. Ленинградская идентичность формировалась как массовая идентичность всех тех, кто пережил блокаду. Проект этот, как мы видели, очерчивал общность, войти в которую можно было лишь «генеалогически» – будучи потомком блокадника. В то время как петербургская идентичность, будучи элитарной по духу, претензиям и статусу, была демократична и открыта любого рода мигрантам.

Показательно, что в структуре мигрантов произошли существенные изменения: в последнее время мигрирует в Петербург в основном городское население, в то время как среди мигрантов в возрасте 50 лет и старше преобладают селяне. Это свидетельствует о том, что если раньше, в 1940-х и 1950-х, в Ленинград приезжало в основном сельское население, то в последние десятилетия – жители других городов. Эти мигранты, часто ангажированные культурным ресурсом города, стремились стать именно горожанами уже хотя бы потому, что приехали в город Ленинград из других городов. Но описанная выше специфика ленинградской идентичности отторгала их.

Безусловно, миграция из одного крупного города в другой крупный город – часть общемировой тенденции изменения состава мигрантов, но важно, что к концу 1980-х ленинградская идентичность утратила свою значимость для полярно разных групп городского населения. Как для мигрантов, так и не ставших горожанами, так и для мигрантов, «примеривших», спроецировавших на себя «петербуржество» и петербургскую идентичность, ленинградская идентичность оказывалась чужой, чуждой, несущественной, а иногда и враждебной.

Феномен сжимающейся идентичности ленинградцев и все большее количество мигрантов сделали легким очередное переименование города в 1991 году. Дискуссии о переименовании были сугубо политическими. Согласно советской идеологии, у названия «Ленинград» было устойчивое коннотативное значение: имя города связано с именем Ленина. Это, однако, не так уж и очевидно. Корректнее говорить о том, что данная коннотация отсылает к советскому прошлому в целом, а не только к фигуре Ленина. Это прошлое очень многообразно, и поэтому здесь имеет место многообразие коннотативных значений: это и город трех революций; и город, переживший блокаду; и город с особым типом культуры; и родина советского рока; и т. д.

Актуальный смысл слова определяется его функционированием в коннотативных контекстах в данном языковом сообществе, значением, которое вкладывает в него современное сообщество. А таких значений и смыслов было очень много, и совсем не факт, что всегда доминировал официальный смысл: «город Ленина». Неготовность интеллектуалов города к дискуссии о переименовании выразилась в том, что они невольно согласились со своими оппонентами, неявно признав ленинскую и революционную этимологию имени «Ленинград» его единственной или важнейшей коннотацией. А голоса тех, кто слышал в этом названии отзвук блокадного опыта или какого-либо иного, уже не были слышны. Политическая ангажированность имени «Ленинград» была неопределенна – вернее, менее определена, чем ее подавали и «коммунисты», и «демократы». Но обе стороны сделали проблему имени сугубо политической, и тут свою роль сыграл фактор преобладания мигрантов над коренными ленинградцами.

Ленинградская идентичность была намеренно дискредитирована и как революционно-ленинская, и как советская, при этом социальный опыт консолидации и преодоления отчуждения и сословности в блокадном городе был предан забвению. Петербургская иден-

тичность как бы «перетянула», включила в себя, усвоила идентичность ленинградскую, но социальный опыт ленинградской идентичности не был ею ни усвоен, ни актуализирован.

Постсоветская петербургская идентичность не воспринимается как особо проблематизированная, так как предполагается, что она органично «усвоила»/унаследовала ленинградскую идентичность, переняла ее, получила вместе с территорией города и ее населением. Петербургская идентичность выстраивалась как идентичность интеллектуалов, тяготевших к ушедшей элитарной имперской культуре и одновременно противопоставлявших себя советской официальной и официозной культуре. И сегодня, когда противопоставлять свое «петербуржество» некому, так как нет уже советской страны и КПСС с ее инструкторами по идеологии, эта идентичность «провисает», не осуществляется.

Новую идентичность трудно сформировать, во-первых, из-за невозможности унаследовать и разделить опыт блокадного единства приезжими жителями Петербурга и, во-вторых, из-за непривлекательности, «недемократичности», элитарности «петербуржества» для мигрантов в век публичной демократии и массовой культуры. Показательно, что попасть в элитные круги Москвы много легче, чем в аналогичные среды Санкт-Петербурга, а сфера публичности в Санкт-Петербург куда менее интенсивна, чем в Москве.

Новой петербургской идентичности пока практически нет. Чтобы ее иметь, требуется обладать каким-то опытом. Как минимум - осмыслить свою общность (а ее еще нужно иметь!), соотнести себя с иными общностями, регионами и странами. Петербургская идентичность как бы «перетянула», включила в себя, усвоила идентичность ленинградскую, но социальный опыт ленинградской идентичности не был ею ни усвоен, ни актуализирован.

Изучение регионально ориентированных культурных текстов – необходимая основа для раскрытия сложно организованной системы культуры России и происходящих в ней процессов, включая идентификационные.

[1] Гришаева Л.И. Культурная идентичность и использование языка // Воронежский МИОН. С. 4. // http://www.iriss.ru/attach_download?object_id=000150073740&attach_id=000548

[2] Генисаретский О. О местном ведении и понимающем самоуправлении // <http://humanities.edu.ru/db/msg/13652>

[3] Там же.

[4] Козин Н.Г. Идентификационный кризис России // Свободная мысль-XXI, №5.

[5] Лукина А.В. Новые подходы к исследованию национальной идентичности / А. В. Лукина // Известия Уральского государственного университета. – 2004. – № 33. – С. 241.

[6] Туровский Р.Ф. Региональная идентичность в современной России // Российское общество: становление демократических ценностей? М., 1999. С 87.

[7] Лукина А.В. Новые подходы к исследованию национальной идентичности // Известия Уральского государственного университета. 2004. – № 33. – С. 240.

[8] Там же.

[9] Там же. С. 244.

[10] Туровский Р.Ф. Указ. соч. С. 88.

[11] Там же. С. 89.

[12] Там же.

[13] Большаков С. Проблемы региональной идентичности в российском политическом пространстве // Управленческое консультирование. 2003, № 1. С. 34.

[14] Там же. С. 35.

[15] Петросян Д.И., Свинцов И.В. Самоидентификация населения Алтая: региональная идентичность против общенациональной? (по материалам социологических исследований) // Дневник АШПИ (июль 2005). Барнаул. 2005.

- [16] Макарычев А.С. Регионализм и региональная культурная идентичность // Известия ТНУ. Вып. 11 (50). Симферополь, 2001. С. 57.
- [17] Там же. С.58.
- [18] Там же. С. 60.
- [19] Мурзина И.Я. Региональная культура как предмет философско-культурологического исследования // Известия Уральского государственного университета. – 2004. – № 29. – С. 89.
- [20] Там же. С. 91.
- [21] Мордовцева Т.В. Культурный текст в теории и философии культуры // http://www.auditorium.ru/v/index.php?a=vconf&c=getForm&r=thesisDesc&CounterThesis=1&id_thesis=1223&PHPSESSID=415ae41a7ac4f0e8b19fe23b89f103fa
- [22] Рабжаева М., Семенков В. В поисках петербургской идентичности // Свободная мысль-XXI, 2002, №11. С. 14.
- [23] Там же. С.15.
- [24] Там же. С. 16.

Список литературы

1. Большаков С. Проблемы региональной идентичности в российском политическом пространстве // Управленческое консультирование. 2003, № 1.
2. Генисаретский О. О месте ведении и понимающем самоуправлении // <http://humanities.edu.ru/db/msg/13652>
3. Гришаева Л.И. Культурная идентичность и использование языка // Воронежский МИОН. // http://www.iriss.ru/attach_download?object_id=000150073740&attach_id=000548
4. Козин Н.Г. Идентификационный кризис России // Свободная мысль-XXI, №5.
5. Лукина А.В. Новые подходы к исследованию национальной идентичности / А. В. Лукина // Известия Уральского государственного университета. – 2004. – № 33. – С. 241.
6. Макарычев А.С. Регионализм и региональная культурная идентичность // Известия ТНУ. Вып. 11 (50). – Симферополь, 2001.
7. Мурзина И.Я. Региональная культура как предмет философско-культурологического исследования // Известия Уральского государственного университета. – 2004. – № 29. – С. 89.
8. Мордовцева Т.В. Культурный текст в теории и философии культуры // http://www.auditorium.ru/v/index.php?a=vconf&c=getForm&r=thesisDesc&CounterThesis=1&id_thesis=1223&PHPSESSID=415ae41a7ac4f0e8b19fe23b89f103fa
9. Петросян Д.И., Свинцов И.В. Самоидентификация населения Алтая: региональная идентичность против общенациональной? (по материалам социологических исследований) // Дневник АШПИ (июль 2005). Барнаул. 2005.
10. Рабжаева М., Семенков В. В поисках петербургской идентичности // Свободная мысль-XXI, 2002, №11.
11. Туровский Р.Ф. Региональная идентичность в современной России // Российское общество: становление демократических ценностей? – М., 1999.

Reference list

1. Bol'shakov S. Issues of regional identity in the Russian political space // Management consulting. 2003, №. 1.
2. Genisaretskiy O. About regional directing and understanding self-government // <http://humanities.edu.ru/db/msg/13652>

3. *Grishaeva L.* The cultural identity and language using // Voronezh Interregional Institute of Social Sciences // http://www.iriss.ru/attach_download?object_id=000150073740&attach_id=000548
4. *Kozin N.* The Identity crisis in Russia // *Svobodnaya Mysl'* –XXI, № 5.
5. *Lukina A.* New approaches to the research of national identity / A. Lukina // *Izvestiya of Ural State University*. 2004. №. 33. P. 241.
6. *Makarychev A.* The regionalism and regional cultural identity // *Izvestiya of Taurida National V.I. Vernadskiy University*. Number 11 (50). Simferopol, 2001.
7. *Mordovtseva T.* The cultural text in the theory and philosophy of culture // http://www.auditorium.ru/v/index.php?a=vconf&c=getForm&r=thesisDesc&CounterThesis=1&id_thesis=1223&PHPSESSID=415ae41a7ac4f0e8b19fe23b89f103fa
8. *Murzina I.* The regional culture as a subject of philosophical-culturological study // *Izvestiya of Ural State University*. 2004. № 29. P. 89.
9. *Petrosyan D., Svintsov I.* The self-identification of the population of the Altai: Is the regional identity against nationwide? (On materials of sociological research) // *Journal-book of the Altai School of Political Studies* (July of 2005). Barnaul. 2005.
10. *Rabjaeva M., Semenov V.* In search of Petersburg identity // *Svobodnaya Mysl'*-XXI, 2002, №. 11.
11. *Turovskiy R.* Regional identity in contemporary Russia // *Russian society: Is the establishment of democratic values?* M., 1999.

УДК 159.922.8

Сенкевич Л.В.,

кандидат психологических наук, доцент, докторант кафедры возрастной психологии
Московского городского психолого-педагогического университета

Орешкина А.С.,

аспирант кафедры возрастной психологии Московского городского
психолого-педагогического университета

ИСКАЖЕНИЕ МОТИВАЦИОННО-ПОТРЕБНОСТНОЙ И ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЙ СФЕР В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ ПРИ СУИЦИДАЛЬНОМ ПОВЕДЕНИИ

В статье обсуждаются те аспекты психологии личности, которые имеют непосредственное отношение к социально значимой проблеме профилактики суицидального поведения молодежи. Рассматриваются особенности личности, присущие юношам и девушкам 17–23 лет, совершившим от 1-ой до 4-х суицидальных попыток и проходящим курс психотерапии со специалистом или курс лечения в психиатрической больнице. Представлены данные эмпирического исследования, полученные с помощью комплекса методик («Суицидальная мотивация», «Переживание экзистенциального кризиса», «Отношение к смерти», «Тест смысложизненных ориентаций», «Опросник способов совладания») и свидетельствующие о значительном искажении мотивационно-потребностной и ценностно-смысловой сфер. Показано, что в отличие от своих сверстников, социально адаптированных и не имеющих попыток суицида, юноши и девушки – суициденты обладают ярко выраженной суицидальной мотивацией, сниженной осмысленностью жизни и экзистенциальными проблемами. Среди многочисленных причин уйти из жизни преобладают невыносимость страданий и утрата смысла жизни. Переживая экзистенциальный кризис, они испытывают неудовлетворенность настоящим, их негативные эмоциональные состояния сочетаются с обесцениванием человеческой жизни, достаточной бессмысленностью как профессиональной деятельности, так и межличностных отношений. Для них характерны нежелание планировать решение своих проблем и отказ от социальной поддержки. Но в то же время они в значительно большей степени, чем их благополучные сверстники, испытывают страх перед смертью и загробной жизнью (или небытием). Предполагается, что у юношей и девушек с суицидальным поведением отсутствует самотрансценденция и сужена временная перспектива, что свидетельствует о личностной незрелости.

Ключевые слова: юность, экзистенциальный кризис, суицидальное поведение, суицидальная мотивация, осмысленность жизни, отношение к смерти

Senkevich L.,

PhD in Psychology, Associate Professor, Doctoral student of Chair of Developmental Psychology
of the Moscow City Psychological-Pedagogical University

Oreshkina A.,

Postgraduate student of Chair of Developmental Psychology of the Moscow City Psychological-
Pedagogical University

THE DISTORTION OF THE MOTIVATIONAL-NEEDS AND VALUE- SEMANTIC SPHERES AT YOUTHFUL AGE WITH SUICIDAL BEHAVIOR

The article is discussed about the aspects of the psychology of personality, which are directly related to the socially significant problem prevention of suicidal behavior among young people. The personality characteristics inherent boys and girls of 17–23 years old who have committed from the first up to fourth suicide attempts, and undertaking course of psychotherapy

with a specialist or period of treatment in a psychiatric hospital are considered. The presented data of the empirical research obtained by complex methods named as ("Suicidal motivation", "Affection of existential crisis", "Attitude to death", "Test of life-meaningful orientations", "Checklist of ways of coping") and showing about appreciable distortion of motivational-needs and value-semantic spheres are contributed in this work. In this article it is shown that in contrast to their socially adapted peers and peers who had not suicide attempts, boys and girls – suicide victims have a strongly pronounced suicidal motivation, reduced meaningfulness of life and existential problems. Among the many reasons to leave this life unbearable sufferings and loss of meaning of life are dominated. Experiencing an existential crisis, they dissatisfy with the present, their negative emotional state combines with the devaluation of human life, sufficient meaninglessness as a professional activity and interpersonal relations. They are characterized by reluctance to plan a solution to their problems and the failure of social support. But, at the same time, they are significantly more feel the fear of death and the afterlife (or nonexistence) than their wealthier peers. It is assumed that boys and girls with suicidal behavior have not self-transcendence and their time perspective is a narrow and it proves about personality immaturity.

Keywords: adolescence, existential crisis, suicidal behavior, suicidal motivation, meaningfulness of life, attitude to death

Проблема суицидального поведения и его профилактики в настоящее время становится все более острой в связи с возрастанием частоты случаев суицидов. С начала 90-х гг. XX в. в нашей стране фиксируется 36–38 самоубийств на каждые 100 тысяч человек при критическом пороге (по данным Всемирной организации здравоохранения) – 20 самоубийств в год на 100 тысяч человек. Этот показатель превышает среднемировой в 2,4 раза [3, 18].

При этом резко увеличилось количество самоубийств в юношеском возрасте – от 15 до 24 лет: на границе столетий – в два раза [15]. Вероятность суицидального поведения в юности и молодости более чем в три раза превышает вероятность совершения суицида в зрелости и старости. Самоубийство является сейчас одной из основных причин смертности в юности и в западных странах [11].

Суицидальное поведение, как и другие формы девиантного поведения, обусловлено тремя группами факторов: личностными особенностями, приводящими к дезадаптации; размытостью современных социальных норм (их релятивностью и конвенциональностью); наличием дезинтегративных социальных процессов на всех уровнях – общественном, групповом, семейном. При рассогласовании компонентов и связей в системе отношений «личность – социальные нормы – общество» возникают и закрепляются особые индивидуально-психологические особенности, которые, обобщая, называют девиантностью как качество личности [7].

В соответствующих сложных условиях, которые можно обозначить как критическую ситуацию, возможны разные пути развития личности – не только становления девиантности, но и личностного роста. Отмечаются три основных способа реагирования на критическую жизненную ситуацию в юности, в 18–20 лет [2]:

- осознание смысла критической ситуации, использование имеющихся личностных ресурсов и конструктивных стратегий для ее преодоления;
- сосредоточенность на собственных негативных переживаниях, недостаточное понимание ситуации и неэффективное ее преодоление;
- нежелание осознать ситуацию, уход как от ее самостоятельного преодоления, так и от связанных с ней переживаний, возложение ответственности на других.

Суицидальное поведение в критической ситуации оказывается одним из неэффективных, более того – мнимых способов ее разрешения. Это бегство от тяжелых жизненных обстоятельств, своих переживаний и мыслей на фоне фрустрации значимых потребностей, особого эмоционального состояния (ощущения безнадежности, бессилия, тоски, одиноче-

ства, собственной ничтожности), амбивалентных желаний жить и не жить, сужения сознания (дихотомии мышления, принципа «все или ничего») [21].

Суицидальные попытки в юности могут также использоваться для привлечения внимания (как сигнал SOS), манипулирования значимыми людьми, уклонения от важных и тяжелых обязанностей, доказательства определенной идеи или чувства, при подражании значимому лицу [Лобов]. Отметим, что в социальных сетях, постоянно посещаемых молодежью, много интернет-страниц посвящено пропаганде суицидального поведения, описанию способов ухода из жизни. Такого рода текстов больше, чем текстов, предназначенных для предотвращения суицидальных попыток и помощи суицидентам и их родственникам, что усиливает роль механизма подражания в системе полидетерминации феномена самоубийства.

Но в любом случае, при любых осознанных или неосознанных мотивах «суицидальные установки в своем содержательном аспекте теснейшим образом связаны с вопросом о том, что для человека значимо в мире и в чем он видит смысл своей жизни и деятельности» [12, с. 121]. Поэтому психологическая проблема суицидального поведения – это всегда проблема смысла жизни, экзистенциальной фрустрации, проблема становления мотивационно-потребностной и ценностно-смысловой сфер личности.

Рассогласования в системе отношений «личность – социальные нормы – общество», приводящие к девиантности, в том числе суицидальному поведению в юности, глубоко анализируются в русле экзистенциально-гуманистической психологии.

Содержательная полнота жизни, личностный рост достигаются при самотрансценденции – обращенности к миру, Богу, другим людям и делу, реализации стремления к смыслу, выходящему за пределы узкого бытия человека [19]. Юноша должен уметь «смотреть на мир широко открытыми глазами, принимать его с неиссякаемой невинностью, трепетом и восторгом», повторять: «Как странно! Как замечательно! Как удивительно!» [13, с. 51].

В современном «обществе изобилия», удовлетворяющем разнообразные желания молодого человека, главным образом относящиеся к потреблению, нередко возникает вместо тенденции к самотрансценденции экзистенциальный вакуум. Яркой иллюстрацией этого явления служит пример из практики В. Франкла: «Мне 22 года, – писал мне один американский студент, – у меня есть ученая степень, у меня шикарный автомобиль, я полностью независим в финансовом отношении, и в отношении секса и личного престижа я располагаю большими возможностями, чем я в состоянии реализовать. Единственный вопрос, который я себе задаю, – это какой во всем этом смысл» [19, с. 41].

Суицидальное поведение может оказаться следствием не утраты смысла, а переломного момента в личностном (духовном) развитии юноши. Осознание пустоты обыденной жизни и постановка экзистенциальных вопросов, пробуждение «ценностного сознания» приводят к новому пониманию своей ответственности и чувству вины. На таком кризисном этапе юноша «сурово осуждает себя и становится жертвой глубокого разочарования, даже начинает подумывать о самоубийстве... Кажется, что физическое уничтожение – это единственный логический выход из его чувства бессилия, безнадежности, крушения и распада» [1, с. 454].

И при недостаточной осмысленности жизни, и, особенно, при внезапном осознании бессодержательности пройденной части жизненного пути молодой человек оказывается в ситуации экзистенциального кризиса. Внутренняя детерминация экзистенциального кризиса может сочетаться с разнообразными внешними факторами, хотя внешние условия жизни объективно могут быть вполне благополучными. Одной из наиболее трагичных реакций на кризисное состояние становится суицид.

Суицидальное поведение в психологии связывают с разными чертами личности и присутствующими ей чувствами. В психоанализе главной чертой человека, способного на самоубийство, является враждебность. Поэтому здесь допускается возможность убийства другого человека при отсутствии сильной тревоги или чувства вины: враждебность в этом случае была бы обращена не на себя, а на окружающих. Самоубийство, таким образом, предстает как потенциальное убийство.

В когнитивной теории личности Дж. Келлина на первый план выступают такие черты, как фатализм и тотальная тревога. Самоубийство часто является способом ухода от действительности. При этом фатализм приводит к предвосхищению дальнейшего хода событий и лишает смысла активность человека, а тотальная тревога порождает ощущение полной непредсказуемости будущего, на фоне которой единственным определенным поступком оказывается «уход со сцены». «Человеку с ограниченным, сжатым взглядом на окружающее, мир которого начинает рушиться, смерть может показаться единственной на данный момент определенной реальностью, которую он может потрогать руками» [14, с. 406].

По В.Н. Дружинину, непринятие себя («крохотное, отрицательное, ничтожное Я») и чувство одиночества – черты готового к самоубийству человека. Переживая «психологическую экзистенциальную травму», такой человек стремится уничтожить себя, чтобы избавиться от боли и угрозы, которые порождает жизнь [5, с. 126].

В то же время конкретных сведений об особенностях личности юношей с суицидальным поведением немного. Показано, в частности, что появление суицидальных мыслей в юности сопряжено с эмоционально-неустойчивыми чертами личности, высоким уровнем невротизации и склонностью к зависимому поведению в межличностных отношениях [6]. В юности и молодости (20–30 лет) юноши и девушки, совершившие не менее одной суицидальной попытки, имеют высокий уровень перфекционизма как дисфункционального жизненного стиля личности, предполагающего стремление к совершенству в его внешних, «навязанных» проявлениях. У них мотивация избегания неудачи сильнее, чем мотивация достижения успеха, а эгоцентричность и бедность ценностно-смысловой сферы сочетаются с крайней зависимостью от ожидаемых оценок окружающих [20].

Ввиду недостаточной изученности личностных особенностей юношей с суицидальным поведением было организовано эмпирическое исследование, уточняющее особенности мотивационно-потребностной и ценностно-смысловой сфер личности.

Организация исследования

В проведенном исследовании решались задачи:

- 1) определить характер суицидальной мотивации юношей и девушек – суицидентов;
- 2) выявить специфику переживания экзистенциального кризиса и уровень осмысленности жизни юношей и девушек – суицидентов;
- 3) установить отношение к смерти и способы преодоления критических ситуаций юношами и девушками – суицидентами;
- 4) сопоставить показатели мотивационно-потребностной и ценностно-смысловой сфер юношей и девушек с суицидальным и нормативным поведением.

В исследовании приняли участие 2 группы респондентов юношеского возраста (17–23 лет).

1. Основная группа – 35 человек, имеющих в анамнезе от 1 до 4-х суицидальных попыток, из них 14 юношей и 21 девушка; 13 человек – со средним образованием, 17 – с незаконченным высшим, 5 – с высшим образованием; двое состоят в браке, двое разведены, шестеро проживают в гражданских браках, 7 женщин имеют детей. Выборку составили пациенты Психиатрической клинической больницы № 4 им. П.Б. Ганнушкина (острые отделения) и кли-

енты Центра инновационных технологий в образовании и консультировании «Мегаполис». Ни у одного из обследуемых не было зафиксировано эндогенной симптоматики.

2. Контрольная группа – 44 человека без признаков аутоагрессивного поведения, из них 20 юношей и 24 девушки; 7 из них – со средним образованием, 27 – с незаконченным высшим, 10 – с законченным высшим образованием; трое состоят в браке и имеют детей, семеро состоят в гражданских браках. Выборку составили студенты факультета социальной медицины Государственной классической академии им. Маймонида и слушатели программы профессиональной переподготовки «Клиническая психология» факультета повышения квалификации Московского городского психолого-педагогического университета.

Для решения поставленных задач использовался комплекс методик:

- методика «Суицидальная мотивация» Ю. Вагина [4];
- методика «Переживание экзистенциального кризиса» Л.В. Сенкевич;
- методика «Отношение к смерти» И.Ю. Кулагиной, Л.В. Сенкевич [9];
- тест смысложизненных ориентаций (СЖО) (адаптированная Д.А. Леонтьевым версия Purpose-in-LifeTest (PIL) D. Crumbaugh, L. Maholick) [10];
- опросник способов совладания (ОСС) (адаптированная Т.Л. Крюковой и Е.В. Куфтяк версия R. Lasarus, S. Folkman) [8].

При обработке полученных данных применялись методы математической статистики (U-критерий Манна-Уитни; W-критерий Уилкоксона; коэффициент ранговой корреляции Спирмена).

Результаты и обсуждение

Суицидальная мотивация

Суицидальная мотивация отражает 7 основных причин суицидального поведения: смерть ради других (альтруистическая мотивация), утрата смысла жизни (аномическая мотивация), невыносимость испытываемых страданий (анестетическая мотивация), манипулирование другими (инструментальная мотивация), самонаказание (аутопунитическая мотивация), наказание других (гетеропунитическая мотивация), надежда на обретение лучшего после смерти (поствитальная мотивация). Суицидальная мотивация во всех ее проявлениях не характерна для юности – при нормативном поведении. Но все семь видов мотивации присущи юношам и девушкам, пытавшимся уйти из жизни (таблица 1). Различия между основной и контрольной группами значимы при $p \leq 0,001$.

Таблица 1.

Виды суицидальной мотивации лиц юношеского возраста с суицидальным и нормативным поведением

Мотивация	Баллы	
	Основная группа	Контрольная группа
Альтруистическая	10,6	2,3
Аномическая	11,3	2,5
Анестетическая	11,5	2,3
Инструментальная	10,6	1,7
Аутопунитическая	10,2	2,8
Гетеропунитическая	9,3	2,2
Поствитальная	9,8	2,9

Наиболее выраженной у суицидентов является мотивация, связанная с тяжелыми переживаниями и экзистенциальной фрустрацией. Это подтверждается данными, полученными с помощью методики «Переживание экзистенциального кризиса» и «Теста смысло-жизненных ориентаций».

Экзистенциальный кризис и снижение осмысленности жизни

Прежде всего отметим, что для нашей контрольной выборки – студентов и слушателей программы повышения квалификации гуманитарных вузов – переживание экзистенциального кризиса не свойственно (таблица 2). Отрицательные средние значения по всем параметрам показывают, что у них отсутствуют неудовлетворенность собой, своим прошлым и настоящим, страдания и чувство вины, ощущение бессмысленности социальных связей и выбранной профессии, чувства одиночества и незащищенности, не возникают проблемы с личной ответственностью и свободой, не происходит обесценивания жизни.

Экзистенциальный кризис присущ юношам и девушкам – суицидентам, о чем свидетельствуют положительные средние значения по всем параметрам (таблица 2). Различия между юношескими группами с нормативным и суицидальным поведением значимы при $p \leq 0,001$. Наиболее выражены страдания, испытываемые в настоящее время, и неудовлетворенность настоящим. Эти данные согласуются с предположением В.Н. Дружинина о том, что у «потенциального самоубийцы ... психологическая экзистенциальная травма не в прошлом, а в настоящем» [5, с. 126].

Таблица 2.

Переживание экзистенциального кризиса лицами юношеского возраста с суицидальным и нормативным поведением

	Баллы	
	Основная группа	Контрольная группа
Неудовлетворенность собой	9,8	-11,8
Неудовлетворенность прошлым	9	-10,8
Неудовлетворенность настоящим	10,2	-10,1
Отчаяние, страдание, вина	10,9	-9,2
Бессмысленность социальных связей	7,7	-9,8
Бессмысленность профессии, карьеры	7,6	-11,3
Обесценивание человеческой жизни	9,8	-9,2
Одиночество	9,3	-10
Незащищенность	10	-10,5
Проблемы свободы и ответственности	7,9	-8,9

Негативные эмоциональные состояния, присущие этой категории молодежи, сочетаются с обесцениванием человеческой жизни, достаточной бессмысленностью как профессиональной деятельности, так и межличностных отношений.

Соответственно у тех, кто склонен уйти из жизни, резко снижена ее осмысленность (таблица 3). Различия между двумя группами значимы при $p \leq 0,001$ по общему и всем частным показателям.

Юноши и девушки с суицидальным поведением в значительно меньшей степени, чем их сверстники с нормативным поведением, ориентируются на дальние жизненные цели (что «сжимает» временную перспективу), воспринимают жизнь в настоящем как эмоционально насыщенный интересный процесс, а прошлое – как ее важную продуктивную часть, ощущают возможность контроля над своей жизнью.

Осмысленность жизни лиц юношеского возраста с суицидальным и нормативным поведением

	Баллы	
	Контрольная группа	Основная группа
Цели	28,5	17,1
Процесс	28,3	15,7
Результат	23,6	12,9
Локус контроля-Я	19,2	11,3
Локус контроля-жизнь	28,4	14,9
Общий показатель	94,9	56

Таким образом, эта категория молодежи сосредоточена, главным образом, на настоящем, представляющемся трагичным, наполненным страданиями, и имеет суженную временную перспективу: жизненных целей мало и цели представляются труднодостижимыми или недостижимыми (поскольку ослаблен контроль над жизнью), а прошлое видится недостаточно ценным. Из этого следует, по крайней мере, два момента.

«Современная психология, так или иначе, связывает представления о психическом и психологическом здоровье вообще и в юношеском возрасте, в частности, с наличием глубокой временной перспективы, с наличием целей, связанных с достаточно отдаленным будущим» [17, с. 182]). Кроме будущего, важно и прошлое, в том числе представления о себе в прошлом (таком, каким я был раньше) как неотъемлемая часть идентичности личности, формируемой в юношеском возрасте и также являющейся залогом психологического здоровья [22]. Поэтому можно считать, что неблагополучие в плане психологического здоровья в юности при суицидальном поведении становится в значительной мере следствием несформированности временной перспективы.

Снижение осмысленности жизни в целом, отсутствие восприятия жизни в настоящем как интересного, эмоционально насыщенного процесса и погруженность в собственные негативные переживания свидетельствуют об отсутствии у юношей и девушек – суицидентов фундаментального феномена самотрансценденции. Как подчеркивал В. Франкл, «за этим понятием стоит тот факт, что человеческое бытие всегда ориентировано вовне на нечто, что не является им самим, на что-то или на кого-то: на смысл, который необходимо осуществить, или на другого человека, к которому мы тянемся с любовью. В служении делу или любви к другому человек осуществляет сам себя... Он, по сути, может реализовать себя лишь в той мере, в какой он забывает про себя» [19, с. 29–30]. «Сущность человека характеризуется тем, что... он «открыт миру» ... Сущность человеческого существования заключена мегосамотрансценденции» [19, с. 51].

Вероятно, анализируя личностные особенности рассматриваемой категории молодежи, можно говорить о незрелости личности в целом, что влечет за собой неспособность полноценного решения тех задач, которые считаются возрастными: в юности должна сформироваться идентичность личности и должно быть достигнуто самоопределение.

Негативное отношение к смерти

Если сосредоточенность на собственных тяжелых переживаниях, отсутствие самотрансценденции и экзистенциальная фрустрация, свойственные юношам и девушкам с суицидальным поведением, представляются очевидными и подтверждают положения экзистенциально-гуманистической психологии, то их негативное отношение к смерти (таблица 4) кажется, на первый взгляд, парадоксальным. Чтобы прояснить этот феномен, обратимся к тому психологическому содержанию, которое имеет само понятие.

Таблица 4.

Отношение к смерти лиц юношеского возраста с суицидальным и нормативным поведением

Группы	Баллы
Контрольная	3,4
Основная	-0,2

«Отношение к смерти, придающей завершенность жизни человека и пробуждающей поиски смысла жизни, зависит от степени удовлетворенности жизнью, принятия факта ее конечности, страха перед смертью, процессом умирания и загробной жизнью/небытием, уверенности в собственной стойкости перед лицом смерти и в ближайшем окружении, способном поддержать на последнем этапе жизни» [9, с. 63]. Как мы уже видели, юноши и девушки, имеющие суицидальные попытки, не удовлетворены своей жизнью, в значительной мере лишенной смысла. Вероятно, при наличии уверенности в своей стойкости они все же испытывают сильный страх перед смертью и тем, что будет после нее. Уверенности в своем ближайшем окружении они тоже лишены. Все это и определяет негативное отношение к смерти, отсутствующее у их сверстников, не имеющих склонности к уходу из жизни (различия между двумя группами статистически значимы при $p \leq 0,001$).

Эти данные согласуются с представлениями Э. Шнейдмана о противоречивых стремлениях суицидентов – и жить, и не жить в одно и то же время [21].

Непродуктивные способы совладания со стрессом

Переживая экзистенциальный кризис, юноши и девушки, совершившие суицидальные попытки, не способны найти конструктивные способы выхода из критической ситуации. В отличие от юношей и девушек с нормативным поведением, они мало используют такие адаптивные копинг-стратегии, как планирование своих действий в стрессовой ситуации (различия значимы при $p \leq 0,001$), принятие ответственности за происходящее ($p \leq 0,001$), контроль над своими эмоциями и поведением ($p \leq 0,001$), положительная переоценка разворачивающихся событий ($p \leq 0,001$). Не надеясь на ближайшее окружение перед лицом смерти, они не ищут или не принимают социальную поддержку ($p \leq 0,001$) и при менее трагичных обстоятельствах (таблица 5).

Таблица 5.

Способы совладания со стрессом лицами юношеского возраста с суицидальным и нормативным поведением

	Баллы	
	Контрольная группа	Основная группа
Конфронтативный копинг	51,9	53,7
Дистанцирование	48,8	47,8
Самоконтроль	58,6	43
Поиск социальной поддержки	65,4	28,6
Принятие ответственности	64,7	43,5
Бегство-избегание	53,1	76
Планирование решения проблемы	67,3	30,3
Положительная переоценка	58,6	26,2

Единственный способ совладания со стрессом, который широко применяют юноши и девушки-суициденты значительно чаще, чем их благополучные сверстники – это бегство от имеющихся проблем ($p \leq 0,001$). Стараясь уйти от решения мелких проблем, они в конце концов используют глобальный способ избавления от всех проблем одновременно – уход из жизни. Именно бегство положительно коррелирует на высоком уровне значимости с показателями переживания экзистенциального кризиса.

Выводы

1. Суицидальное поведение характерно для юношей и девушек с искаженными мотивационно-потребностной и ценностно-смысловой сферами личности, переживающих экзистенциальный кризис.

2. Суицидальная мотивация в юношеском возрасте сочетается с экзистенциальной фрустрацией и отсутствием самотрансценденции.

3. Несмотря на осуществляемые попытки самоубийства, юноши и девушки сохраняют страх перед смертью и загробной жизнью/небытием, их отношение к смерти негативно, в отличие от спокойно-позитивного отношения их сверстников с нормативным поведением, не переживающих экзистенциальный кризис.

4. Юноши и девушки с суицидальным поведением не владеют конструктивными способами преодоления критических ситуаций, отказываются от социальной поддержки, предпочитая бегство от жизненных проблем.

Список литературы

1. Ассаджиоли Р. Кризисы духовного развития // Психология личности: хрестоматия / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер. М.: АСТ, Астрель, 2009. С. 451–463.
2. Баканова А.А. Отношение к смерти и преодоление кризисных ситуаций // Многообразие психологической помощи: Коллективная монография. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2008. С. 46–53.
3. Бисалиев Р.В. Суицидальное поведение больных с аддиктивными расстройствами и созависимых родственников (клиника, лечение, реабилитация): Автореф. дис. ... д-рф мед. наук. М., 2010. – 48 с.
4. Вагин Ю.Р. Профилактика суицидального и аддитивного поведения у подростков. Пермь, 1999. – 103 с.
5. Дружинин В.Н. Варианты жизни. Очерки экзистенциальной психологии. М.: ПЕР СЭ; СПб.: ИМАТОН, 2000. – 135 с.
6. Дубровская О.В. Психологические особенности учащихся и студентов подростково-юношеского возраста с наличием суицидальных мыслей в состоянии дезадаптации: Дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2004. – 212 с.
7. Змановская Е.В. Психология девиантного поведения (структурно-динамический подход): Дис. ... д-ра психол. наук. СПб., 2006. – 450 с.
8. Крюкова Т.Л. Методы изучения совладающего поведения. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2010. – 62 с.
9. Кулагина И.Ю., Сенкевич Л.В. Отношение к смерти: возрастные, региональные и гендерные различия // Культурно-историческая психология. 2013. № 4. С. 58–64.

10. Леонтьев Д.А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). М.: Смысл, 2000. – 18 с.
11. Лобов Г.А. Аутоагрессивное поведение юношей призывного возраста (клинические характеристики и медицинское психиатрическое освидетельствование): Дис ... канд. мед. наук. М., 2008. – 135 с.
12. Мальчёнкова А.Е. Стратификационные особенности суицидального поведения в современном обществе: Дис. ... канд. социолог. наук. СПб., 2002. – 121 с.
13. Маслоу А. Дальние пределы человеческой психики. СПб.: Евразия, 1997. – 430 с.
14. Первин Л., Джон О. Психология личности: Теория и исследования. М.: Аспект Пресс, 2000. – 607 с.
15. Савюк Е.Е. Социально-психологические аспекты диагностико-коррекционной деятельности с кризисной суицидоопасной личностью: Дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2002. – 184 с.
16. Сенкевич Л.В. Психология экзистенциальных кризисов: Учебное пособие для студентов вузов. Тула: ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2012. – 143 с.
17. Толстых Н.Н. Хронотоп: Культура и онтогенез. М.; Смоленск: Универсум, 2010. – 312 с.
18. Ушакова Е.С. Суицидальные риски // Социологические исследования. 2008. № 2. С. 106–110.
19. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. – 368 с.
20. Цыганкова П.В. Перфекционный стиль личности пациентов с нарушением адаптации и суицидальным поведением: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2012. – 32 с.
21. Шнейдман Э. Душа самоубийцы. М.: Смысл, 2001. – 315 с.
22. Эриксон Э. Идентичность: Юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. – 344 с.

Reference list

1. Abraham Maslow. The far reaches of the human psyche. SBR.: Eurasia, 1997. P. 430.
2. Assagioli R. Crises of spiritual development / Personal psychology: Reading book / Under the editorship of Yu. Gippenreyter. M.: AST, Astrel, 2009. P. 451–463.
3. Bakanova A. Attitude to death and crisis situations // Diversity of psychological aid: A collective monograph. SBR., The Herzen State Pedagogical University of Russia, 2008. P. 46–53.
4. Bisaliev R. Suicidal behavior of patients with addictive disorders and co-dependent relatives (clinic, treatment, rehabilitation): Synopsis of a thesis of Doctor of Medicine. M., 2010. P. 48.
5. Druzhinin V. The variants of life. Essays in existential psychology. M.: PER SE; SBR.: IMATON, 2000. P. 135.
6. Dubrovskaya O. Psychological peculiarities of pupils and students of adolescent age with the presence of suicidal thoughts in a state of deadaptation: Thesis of PhD in Psychology. SBR., 2004. P. 212.
7. Erikson Erik. Identity: Youth and crisis. M.: Progress, 1996. P. 344.
8. Frankl V. The human's search for meaning. M.: Progress, 1990. P. 368.
9. Kryukova T. The research of coping behavior. Kostroma: Kostroma State University named after N. Nekrasov, 2010. P. 62.
10. Kulagina I., Senkevich L. Attitude to death: Age, regional and gender differences // Cultural-historical psychology. 2013. № 4. P. 58–64.
11. Leont'ev D. The test of life-meaningful orientations (TLMO). M.: Smysl, 2000. P. 18.
12. Lobov G. The auto-immunizing behavior of young persons of military age (clinical characteristics and psychiatric-medical examination): PhD in Medicine. M., 2008. P. 135.

13. *Mal'chenkova A.* Stratification characteristics of suicidal behavior in contemporary society: Thesis of PhD in Sociology. SBR., 2002. P. 121.
14. *Pervin L., John O.* Personal psychology: Theory and research. M.: Aspekt Press, 2000. P. 607.
15. *Savyuk E.* Socio-psychological aspects of diagnostic-corrective activity with crisis suicidal-harmful person: Thesis of PhD in Psychology. Yaroslavl', 2002. P. 184.
16. *Senkevich L.* Psychology existential crises: Textbook for students of higher education institutions. Tula: Tula State Pedagogical University named after L. Tolstoy, 2012. P. 143.
17. *Shneidman Edwin.* Soul suicide. M.: Smysl, 2001. P. 315.
18. *Tolstykh N.* Chronotope: Culture and ontogeny. M.; Smolensk: Universum, 2010. P. 312.
19. *Tsygankova P.* Perfection style of patients' personality with adjustment disorder and suicidal behavior: Synopsis of a thesis of PhD in Psychology. M., 2012. P. 32.
20. *Ushakova E.* The risk of suicide // Sociological research. 2008. № 2. P. 106–110.
21. *Vagin Yu.* Prevention of suicidal and additive behavior of adolescents. Perm, 1999. P. 103.
22. *Zamanovskaya E.* Psychology of deviant behavior (structural-dynamic approach): Thesis of Doctor of Psychology. SBR., 2006. P. 450.

УДК 614.253:378.124

Абдулгалимов Р.М.,

кандидат педагогических наук, профессор РАЕ, доцент кафедры биофизики, информатики и медаппаратуры Дагестанской государственной медицинской академии, г. Махачкала

Ризаханов М.А.,

доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой биофизики, информатики и медаппаратуры Дагестанской государственной медицинской академии, г. Махачкала

Абдулгалимова Г.Н.,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры медицинской биологии Дагестанской государственной медицинской академии, г. Махачкала

АКМЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ И САМОСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛИЧНОСТИ ВРАЧА

В статье проводится анализ таких понятий, как профессиональное «акме», «акме» компетентность врача, рассматривается содержание уровней высшей профессиональной деятельности врача, на основе которой формируется его профессионализм. Авторы выделяют три аспекта в профессионализме врача: выполнение профессиональной деятельности с высокой эффективностью; гуманистически ориентированное общение, направленное на обеспечение сотрудничества с участниками лечебно-диагностического процесса; зрелость личности врача, характеризующаяся сочетанием профессионально важных качеств, необходимых для высокоэффективной профессиональной деятельности. По мнению авторов, главные свойства «акме» врача – профессионализм и способность к творчеству; через творчество врач реализует себя как личность, изменяя самого себя, мир и свое место в мире, вследствие чего формируется мастерство.

Ключевые слова: «акме», «акме» компетентность врача, профессионализм, профессиональная деятельность

Abdulgalimov R.,

PhD in Pedagogy, Professor of Russian Academy Natural History, Associate Professor of Chair of Biophysics, Informatics and Medical-Hardware of the Dagestan State Medical Academy, Makhachkala

Rizakhanov M.,

Doctor of Physico-Mathematical Sciences, Professor, Head of Chair of Biophysics, Informatics and Medical-Hardware of the Dagestan State Medical Academy, Makhachkala

Abdulgalimova G.,

PhD in Pedagogy, Associate Professor of Chair of Medical Biology of the Dagestan State Medical Academy, Makhachkala

ACMEOLOGICAL ASPECTS OF THE FORMATION AND SELF-IMPROVEMENT OF PROFESSIONAL ACTIVITY OF INDIVIDUALITY OF A DOCTOR

The article is analyzed such conceptions as the professional "Acme", "Acme" competence of a doctor, considered the content of the highest levels of professional activity of a doctor, on the basis of which self professionalism is formed. The authors of this article are indentified three aspects in professionalism of a doctor: carrying out of professional activity with high efficiency; humanistically-oriented communication directed on providing of cooperation with the members of the medical diagnostic process; competences of individuality of a doctor, characterized by the combination of professionally important qualities, necessary for highly effective professional activity. According to the authors' opinion the main properties of "Acme" of a doctor are the professionalism and capacity to creativity; through creativity a doctor realizes oneself as an individuality, changing oneself, the world and own place in the world, whereupon the skill is formed.

Keywords: «Acme», «Acme» competence of doctor, professionalism, professional activity

Современное состояние общества таково, что оно требует от специалиста высокой профессиональной культуры, сформированной системы ценностей и убеждений, способности к инновационной деятельности, профессиональной активности и т.д. При организации образовательного процесса в медвузах одним из необходимых условий выступает требование саморазвития будущего врача как субъекта образовательной, творческой и профессиональной деятельности, его акмеологических способностей к самосовершенствованию и творчеству. Акмеология – междисциплинарная наука, возникшая на стыке естественных, общественных и гуманитарных дисциплин. Слово «акме» в переводе с греческого языка на русский – пик, вершина, высший уровень развития. Общественно и объективно значимое профессиональное «акме» – это высокий уровень достижений конкретного человека, признанный профессиональным сообществом как социально значимый результат, заметно превышающий нормативный уровень. В этом состоянии личность выходит за пределы совершенствования сложившихся норм практики путем включения в профессиональную деятельность новых задач, новых приемов и технологий, в том числе и того, что является результатом индивидуальных усилий.

Одни индивидуумы способны достичь пика профессиональной деятельности в молодости и удерживаться на этом предельно высоком уровне в течение всей жизни. Другой тип людей профессиональных вершин достигают в течение всего периода жизнедеятельности, а в состоянии «акме» оказываются в конце жизни. Личность, достигнув вершины своей исходной профессии, может переходить в другую сферу деятельности и вновь оказаться в состоянии «акме» новой профессиональной деятельности.

В силу специфики особый интерес представляет рассмотрение акмеологических аспектов самосовершенствования врача в профессиональной деятельности. Этот вопрос находится в центре внимания многих исследователей медицинской школы. «Акме» – в случае деятельности врача – представляет собой многомерное состояние, которое должно охватывать значительный период его жизни. Это расцвет врача как творческой личности, как профессионала, как человека с высокой гражданской позицией. В состоянии «акме» врач максимально мобилизован на выполнение профессионально сложных задач, возникающих в ходе врачебной деятельности, владеет арсеналом всех доступных резервов и возможностей.

Вопросам «акме» как формы достижения человеком высоких уровней в профессиональном развитии посвящены работы Б.Г. Ананьева, А.А. Бодалева, А.А. Деркача, В.Г. Зазыкина, Е.А. Климова, Н.В. Кузьминой, А.К. Марковой и др. По мнению Ананьева¹, под кульминацией, достигаемой врачом, мы подразумеваем состояние наивысшей профессиональной продуктивности – мастерство.

Профессиональные «акме» могут различаться по числу подъемов и достигаемых вершин. На наш взгляд, в профессии врача могут иметь место как одновершинное, так и многовершинное «акме». *Одновершинное* «акме» следует рассматривать как главное достижение всей жизни человека, как пик профессионального успеха или как уровень, превышающий все ранее достигнутые показатели в профессиональной деятельности. Например, врач узкого профиля, имея одновершинное «акме», может остаться на этом уровне в течение всей своей жизни либо оказаться на другой вершине. Одновершинные «акме» в зависимости от специальности врача могут отличаться друг от друга по продолжительности. *Многовершинное* «акме» следует оценивать в форме неоднократных профессиональных достижений конкретного человека, предшествующих большому «акме». В многовершинном «акме» интегрируются знания врача по разным специальностям, при этом образуются новые пики, *зигзаго-*

¹ Ананьев Б.Г. Избранные психологические труды // Человек как предмет познания: В 2-х т. – М., 2001. – Т.1. – С. 117.

образные вершины. Поэтому, на наш взгляд, представляется возможным говорить о высоких и низких, мелкозигзажных и крупнозигзажных профессиональных «акме» врача. В ходе профессиональной деятельности любой мелкий зигзаг вершины терапевта, хирурга, педиатра может перерасти в состояние высокого одновершинного «акме». Профессиональные «акме» врача различаются и по внутренней структуре, включая в себя высокий уровень стабильных профессиональных результатов, равномерно распределенных по различным этапам, а также «скачки» резкой активизации деятельности.

В процессе профессиональной деятельности перед врачом встают весьма сложные, порою трудно решаемые задачи, где не существует готовых решений. При этом главная задача врача на каждом этапе профессиональной деятельности сводится не только к реализации своего потенциала, но и к достижению наиболее высокого уровня развития в профессиональной деятельности. Тем самым врач обеспечивает выход на «акме» компетентность.

«Акме» компетентность мы рассматриваем как способность врача проявлять себя высококвалифицированным профессионалом, способным мыслить и действовать, развиваться и, наконец, оказаться на вершине профессиональной деятельности, получая при этом многогранное развитие (образование), интегрирующее естественные, общественные, гуманитарные науки, а также медицину, с личностными качествами. Таким образом, «акме» компетентный врач должен быть высокопрофессиональным специалистом (в противоположность пассивному исполнителю), способным мыслить, действовать, развиваться и принимать правильные решения в критических условиях.

Профессиональная компетентность – интегральная профессиональная способность человека, означающая его подготовленность к решению профессиональных задач определенного класса².

Внутри понятия «компетентность» выделяются компетенции, оцениваемые как способность к чему-либо. Они зависят как от системы знаний, умений, навыков, которыми владеет специалист, так и от степени его убежденности и потребности в практической жизни пользоваться качественными способностями.

Основным критерием самосовершенствования личности врача является успешность в самопроявлении и самоутверждении в работе, в обществе как профессионала. Отсюда главные свойства «акме» врача – профессионализм и способность к творчеству, а через творчество врач реализует себя как личность, изменяя себя, мир и свое место в мире, вследствие этого формируется мастерство.

Высокий профессионализм и творческое мастерство в их осуществлении самыми различными специалистами – вот тот собственно главный человеческий ресурс, который становится важнейшим фактором оптимального решения насущных глобально-кризисных проблем. Профессионализм – интегральная характеристика врача, отражающая и фиксирующая уровень соответствия требованиям своей профессии.

Профессионализм врача включает в себя три аспекта:

- высокая эффективность профессиональной деятельности (диагностическая, лечебная, профилактическая, самообразовательная и др.);
- гуманистически ориентированное общение, направленное на обеспечение сотрудничества с участниками лечебно-диагностического процесса (с пациентами, с коллегами, с администрацией);
- зрелость личности врача, характеризующаяся сочетанием профессионально важных качеств, необходимых для высокоэффективной профессиональной деятельности. Они скла-

² Акмеология: Учебник / под общ. ред. А.А. Деркача. – М.: Изд-во РАГС, 2002. – 650 с.

дываются из профессиональных и технологических знаний и умений, профессиональных позиций, устойчиво проявляемых в отношении врача к делу, к больным, к коллегам, к себе и профессионально важных качеств личности врача³.

В заключение перечислим важнейшие компетентности и компетенции врача-специалиста, благодаря которым достигаются кульминации в профессиональной деятельности и формируется его профессионализм.

1. Профессиональная компетентность. Она складывается из специальных знаний в своей профессиональной области; технологического умения изучать ситуацию и ставить адекватные медицинские задачи; отбирать, группировать и обновлять симптомы, отбирать и комбинировать методы, средства и формы диагностики и лечения; инновационных умений осуществлять поиск новых медицинских задач, технологий; применять на практике современные компьютерные системы, ставить проблемы и проводить экспериментальные исследования и др.; профессионально важных личностных качеств: эрудиция, клиническое мышление, интуиция.

2. Коммуникативная компетентность (компетентность в общении)⁴. Она требует знаний о задачах, средствах общения, этике и эстетике; умения ставить широкий спектр профессиональных задач и гибко их перестраивать в нужное русло в ходе общения, учитывать позицию других участников общения; толерантность к высказываниям участников диагностического и лечебного процесса; использование демократического стиля и открытой позиции в общении с пациентами, изучение и оценка опыта коллег; профессионально важные качества личности: эмпатия, сопереживание, чувствительность, эмоциональная саморегуляция и др.

3. Личностно-индивидуальная компетентность. Она включает в себя знание психологии личности; умение изучать личность пациента и развивать свои личностные качества, понимать и сохранять нравственные ценности, строить и реализовывать планы своего личного и профессионального саморазвития, видеть сильные и слабые стороны своего труда, поддерживать работоспособность; профессионально важные качества: целеполагание, рефлексия – обращенность сознания врача на самого себя, врачебное самосознание, способность понимать другого человека и воздействовать на него и др.

Профессиональные «акме» могут возникать на границе профессионализма и компетентности, сложившихся на данном этапе развития. Позднее, в ходе профессиональной деятельности, могут достигаться более высокие уровни профессионального «акме», означающие профессиональное творчество, выход за пределы опыта профессии, обогащение ее новыми, наряду с диагностическими, лечебными и профилактическими задачами, способами и результатами. Таким образом, в процессе профессионального становления личность врача совершенствуется, и, как итог, формируется высокое профессиональное мастерство.

Список литературы

1. *Абдулгалимов Р.М.* Коммуникативная компетентность специалиста медицинского профиля как компонент профессиональной деятельности // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – № 4 (41). – С. 77–79.

³ *Абдулгалимов Р.М., Абдулгалимова Г.Н.* Технологическая культура (мировоззрение) специалиста медицинского профиля в профессиональной деятельности // Модернизация системы непрерывного образования: сб. мат. 5-ой Междунар. научно-практ. работы / под ред. проф. Т.Г. Везирова. – Махачкала: АЛЕФ (ИП Овчинников М.А.), 2013. – С. 164–167.

⁴ *Абдулгалимов Р.М.* Коммуникативная компетентность специалиста медицинского профиля как компонент профессиональной деятельности // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – № 4 (41). – С. 77–79.

2. *Абдулгалимов Р.М, Абдулгалимова Г.Н.* Технологическая культура (мировоззрение) специалиста медицинского профиля в профессиональной деятельности // Модернизация системы непрерывного образования: Сб. мат. 5-й Междунар. научно-практ. работы / под ред. проф. Т.Г. Везирова. – Махачкала: АЛЕФ (ИП Овчинников М.А.), 2013. – С. 164–167.
3. *Ананьев Б.Г.* Избранные психологические труды // Человек как предмет познания: В 2-х т. – М., 2001. – Т.1. – С. 117.
4. *Акмеология: Учебник / под общ. ред. А.А. Деркача.* – М.: Изд-во РАГС, 2002. – 650 с.
5. Виды профессионального «акме» [Электронный ресурс] URL: http://med-books.info/akmeologiya_770/vidyi-professionalnogo-akme.html

Reference list

1. *Abdulgaimov R., Abdulgalimova G.* The technological culture (worldview) of a specialist of medical profile in professional activity // Modernization of the system of continuous education: Source book of the 5th International research and practice work / Under the editorship of Professor T. Vezirov. – Makhachkala: ALEF (SEE Ovchinnikov M.), 2013. – P. 164–167.
2. *Abdulgalimov R.* The communicative competence of a specialist of medical profile as a component of professional activity // World of Science, Culture, Education. 2013. № 4 (41). P. 77–79.
3. *Acmeology: Textbook / Under the general editorship of A. Derkach.* – М.: Publishing office of Russian Academy of Civil Service, 2002. – P. 650.
4. *Anan'ev B.* Selected psychological works // Human being as an object of cognition: In 2 volumes. – 2001. – Vol. 1. – P. 117.
5. The kinds of professional "Acme" [electronic resource] URL: http://med-books.info/akmeologiya_770/vidyi-professionalnogo-akme.html

Цуркин В.А.,

аспирант кафедры общей и клинической психологии Белгородского государственного национального исследовательского университета (НИУ «БелГУ»)

ОБРАЗ ФИЗИЧЕСКОГО Я ИСПЫТУЕМЫХ С РАЗНЫМИ ТИПАМИ ПРИВЯЗАННОСТИ К МАТЕРИ

В статье представлены результаты исследования образа физического Я у лиц с разными типами привязанности к матери (озабоченный, надежный, дистанцированный, испуганно-избегающий). Показано, что привязанность к матери является фактором, в условиях которого формируется когнитивная составляющая образа тела, что определяет особенности физического Я во взрослости. Взрослые с надежной и озабоченной привязанностью к матери, в отличие от лиц дистанцированного и испуганно-избегающего типов эмоциональной привязанности, имеют более объективный образ физического Я.

Ключевые слова: привязанность к матери, тип привязанности, образ физического Я, параметры внешности

Tsurkin V.,

Postgraduate student of Chair of General and Clinical Psychology, Belgorod State National Research University (NRU "BelSU")

THE IMAGE OF THE PHYSICAL SELF OF TESTED INDIVIDUALS WITH DIFFERENT KINDS OF DEVOTION TO THE MOTHER

The article is presented the results of a research of the image of the physical Self in individuals with different kinds of devotion to the mother (apprehensive, reliable, distanced, scared-avoided). In the article there is shown that devotion to the mother is a factor in conditions of which the cognitive component of body image is formed and that is defined the features of the physical Self in adulthood. Adults with reliable and apprehensive devotion to the mother unlike with individuals of distanced and scared-avoided kinds of emotional devotion, they have a more objective image of the physical Self.

Keywords: devotion to mother, kinds of devotion, image of physical Self, physical bearing profiles

Образ физического Я изначально изучался отечественными (Л.С. Выготский, А.А. Бодалев, Е.В. Лисина, Л.И. Божович, И.С. Кон, Е.Т. Соколова, А.Г. Спиркин, В.В. Столин, Н.И. Чеснокова, Е.В. Шорохова) и зарубежными (Э. Эриксон; Р. Бернс) учеными как компонент образа Я. В 90-х годах прошлого века выделилась новая отдельная дисциплина – психология телесности (А.Ш. Тхостов; Е.В. Лисина; Г.А. Арина; В.В. Николаева и др.), предметом которой стал психический образ тела. Однако, несмотря на давнюю историю изучения образа физического Я, до сих пор не раскрыты механизмы, формирующие его особенности, отсутствует описание факторов, обуславливающих его содержание, не найдена мишень психотерапевтического воздействия на лиц, обеспокоенных своим телом.

В соответствии с концепцией Л.С. Выготского, формирование осознанных и рефлексивных представлений о собственном теле определяется взаимодействием ребенка и взрослого. С позиции культурно-исторического подхода психическое развитие человека понимается как переход извне внутрь системы связей социальных объектов. Сам переход представляется как интериоризация взаимоотношений индивида с персонажами ближай-

шего окружения путем знаково-символического опосредования. Роль межперсональных отношений в развитии самосознания признают как отечественные (Л.С. Выготский, А.А. Бодалев, В.Н. Мясищев, Е.Т. Соколова, Я.Б. Наровская и др.), так и зарубежные исследователи (З. Фрейд, Э. Эриксон, Ч. Кули, Дж. Мид), что представлено в концепции отношений, культурно-исторической концепции, психоаналитическом подходе и символическом интеракционизме. Показано, что важным фактором формирования самооценки тела являются усвоенные оценки значимых других. Привязанность ребенка к матери задает особую социальную ситуацию развития личности, являясь феноменом стабильным на протяжении жизни, формирует базовое отношение к себе и телу, которое человеку трудно изменить.

Анализ имеющихся данных позволил выделить несколько направлений исследования роли межперсональных отношений в формировании самосознания¹.

- Культурно-историческое направление. Кроме контакта с миром предметов, ребенок взаимодействует со значимыми другими и через них познает окружающую реальность. Контакт ребенка с действительностью опосредован взрослыми, при этом, в соответствии с концепцией Л.С. Выготского, для формирования осознанных и рефлекслируемых представлений о собственном теле весьма важна роль матери².

- Психоаналитическое направление объясняет возникновение самосознания путем отделения ребенка от матери. К концу первого года ребенок может отделять себя от матери, а до этого находится в полном телесном и психическом слиянии с ней³.

- Исследователи Ч. Кули и Дж. Мид объясняют зарождение самосознания способностью вставать на место другого человека и под воздействием этого оценивать себя⁴;

- В соответствии с концепцией отношений В.Н. Мясищева самосознание формируется путем возникновения эмоциональных отношений между людьми⁵.

Отмеченные теории признают важность межперсональных отношений в развитии самосознания.

Важным фактором формирования самооценки являются усвоенные оценки других людей⁶. В большинстве случаев человек оценивает себя так, как оценивают его другие люди. Привязанность к матери, будучи феноменом неизменным на всем протяжении жизни, формирует базовое отношение к себе, которое нелегко осознать и изменить человеку в будущем⁷. Привязанность к матери может быть надежной и ненадежной. Надежная привязанность бывает безопасного типа, ненадежная – трех типов: испуганно-избегающего, дистанцированного и озабоченного. Надежный тип привязанности к матери характеризуется низким уровнем тревоги и низким уровнем избегания в отношении с матерью. Озабоченный

¹ *Выготский Л.С.* Психология развития как феномен культуры / Под ред. М.Г. Ярошевского. М.: Издательство «Институт психологии»; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2010. 512 с.; *Наровская Я.Б.* Социально-психологические особенности женщин, преобразующих свой внешний облик: Автореф. дис... канд. психол. наук. Ростов-н/Д., 2007. 28 с.; *Соколова Е.Т.* Исследование образа тела в зарубежной психологии // Вестник Московского ун-та, Серия 14. Психология, 2010, №4. С. 39–49; *Соколова Е.Т.* Я-образ тела // Психология самосознания. Хрестоматия / Под. ред. Д.Я. Райгородского. Самара: Издательский Дом «БАХРАХ-М», 2000. С. 406–422; *Тхостов А.Ш.* Психология телесности. М.: Смысл, 2002. 287 с.; *Фрейд З.* Психология бессознательного. М.: Просвещение, 2012. 447 с.; *Эриксон Э.* Идентичность: Юность и кризис. М.: Мысль, 2004. 375 с.

² *Выготский Л.С.* Психология развития как феномен культуры / Под ред. М.Г. Ярошевского. М.: Издательство «Институт психологии»; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2010. 512 с.; *Тхостов А.Ш.* Психология телесности. М.: Смысл, 2002. 287 с.

³ *Фрейд З.* Указ. соч.

⁴ *Наровская Я.Б.* Социально-психологические особенности женщин, преобразующих свой внешний облик: Автореф. дис... канд. психол. наук / Я.Б. Наровская. Ростов-н/Д., 2007. 28 с.

⁵ *Соколова Е.Т.* Исследование образа тела в зарубежной психологии / Е.Т. Соколова, А.Н. Дорожевец // Вестник Московского ун-та, Серия 14. Психология, 2010, №4. С. 39–49.

⁶ *Бодалев А.А.* Восприятие и понимание человека человеком / А.А. Бодалев. М., 2010. 200 с.

⁷ *Кон И.С.* В поисках себя: Личность и ее самосознание / И.С. Кон. М.: Политиздат, 2011. 335 с.; *Лабунская В.А.* Психология самовыражения и проблема формирования «Я» личности / В.А. Лабунская // Прикладная психология. 1999. № 5. С. 53.

тип – высоким уровнем тревоги и низким уровнем избегания. Испуганно-избегающий – высоким уровнем тревоги, высоким уровнем избегания. Дистанцированный – низким уровнем тревоги, высоким уровнем избегания.

Вышесказанное дает основание полагать, что испытуемые с надежной привязанностью к матери имеют адекватный образ тела, соответствующий типу конституции, не имеющий серьезных искажений. У ненадежно привязанных испытуемых к матери наблюдается количество искажений восприятия собственного тела, которое отражается в несоответствии объективной конституции тела. Таким образом, от лиц с испуганно-избегающим и дистанцированным типами привязанности к матери, в силу негативной социальной ситуации развития, правомерно ожидать наличие измененного образа тела.

Предметом нашего исследования стал образ физического Я у лиц с разными типами привязанности к матери. В исследовании приняли участие 230 человек в возрасте 18–20 лет.

В результате оценки эмоциональной привязанности к матери у взрослых людей получены 4 группы испытуемых по типу эмоциональной привязанности к матери:

1. 115 человек – с озабоченным типом эмоциональной привязанности к матери;
2. 53 человека – с надежной эмоциональной привязанностью к матери;
3. 53 человека – с испуганно-избегающим типом эмоциональной привязанности к матери;
4. 9 человек – с дистанцированным типом эмоциональной привязанности к матери.

Изучение образа физического Я испытуемых надежного типа привязанности к матери показало, что величина искажений варьируется в низких пределах границ. Образ тела в сознании испытуемых преувеличен в пределах нормы. Три параметра из шести искажены. Верхний, максимальный предел (12%) получен по параметру голова, незначительные искажения (4%) наблюдаются по параметрам талия и бедра. Плечи, грудная клетка, шея отражаются субъектами без искажений. Полученные данные дают основание сделать вывод о том, что надежный тип привязанности к матери имеет адекватное восприятие схемы тела.

В табл. 1 показаны значения корреляций шкал привязанности и искажений параметров образа физического Я надежного типа привязанности к матери.

Таблица 1

Корреляция шкал привязанности и искажений отдельных параметров тела испытуемыми с надежным типом привязанности к матери

Параметры	Талия	Бедра	Грудная клетка	Плечи
Шкала привязанности				
Тревога	-0,49*	-0,6**	-0,7***	-0,6**
Избегание	-0,7***	-0,6**	-0,8***	0,01

Найдена отрицательная корреляция шкал привязанности с параметрами тела: талия ($r = -0,49$, $p = -0,7$), бедра ($r = -0,6$, $p = -0,6$), грудная клетка ($r = -0,7$; $p = -0,8$) и плечи ($r = -0,6$). Сравнение субъективных и объективных показателей ширины параметров тела показано в табл. 2.

Из табл. 2 видно, что максимально искажены размеры головы (на 3,4 см). Все остальные параметры тела не имеют значимых искажений. Степень соответствия образа тела физическому телу высокая. Количество искажений телесного образа Я минимальны, адекватность отражения высокая. Заботливое внимание матери к ребенку, положительное подкрепление его автономии, чувствительность к потребностям, адекватная соматосенсорная стимуляция

Таблица 2

Сравнение субъективной и объективной ширины параметров тела в группе с надежным типом привязанности к матери (в см)

Параметры	Субъективная ширина	Объективная ширина
Голова	23,4	20,7
Шея	15,3	15,3
Плечи	40,6	40,6
Грудная клетка	40,7	40,7
Талия	39,5	37,9
Бедра	46,07	48,15

надежного типа привели к минимальным искажениям восприятия тела. Для сравнения были сделаны рисунки субъективного и объективного образа тела испытуемых.

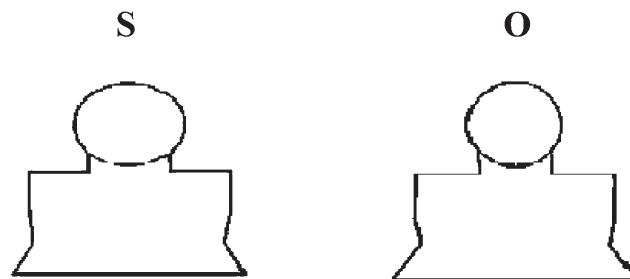

Рис. 1. Субъективный образ тела и объективные показатели конституции испытуемых с надежной привязанностью к матери

По рис. 1 заметно, что субъективный образ тела конституционально не отличается от его объективных показателей. Феминный тип конституции наблюдается в обоих рисунках, что говорит о том, что субъекты точно отражают свое тело, схема тела не имеет отличий от реального тела. Феминный тип конституции в субъективной картине испытуемых отличается женственностью, все женские черты подчеркнуты, мужские – минимизированы. Соответственно, и на уровне психики мужские качества минимизированы, женские – сконцентрированы.

Граница когнитивного искажения испытуемых *испуганно-избегающего типа* привязанности к матери составляет от -10 до 43%. Выявленные показатели означают, что испытуемые переоценивают ширину своего тела (max 43%) и уменьшают его (max -10%). Все 6 из 6 параметров искажены. Максимальные искажения обнаружены по параметрам голова и шея. Самый низкий процент искажения получен по параметру плечи -10%. Средний диапазон в отмеченной границе принадлежат талии и бедрам – 14 и 16 %. Корреляция шкал привязанности и искажения параметров образа физического Я испуганно-избегающего типа показаны в таблице 3.

Таблица 3

Корреляция шкал привязанности и искажений параметров образа физического Я у испытуемых испуганно-избегающего типа привязанности к матери

Параметр	Грудь	Шея	Талия	Бедра
Шкала Тревога	-0,8	-0,5	-0,4	-0,8

Избегание	-0,5	-0,002	-1	-0,001
-----------	------	--------	----	--------

Искажение талии и груди связаны со шкалой привязанности к матери избегание ($p = -1$, $p = -0,5$). Искажения шеи, талии, бедер и груди связаны с шкалой привязанности к матери тревога ($p = -0,5$, $p = -0,4$, $p = -0,8$, $p = -0,8$).

Результаты исследования субъективной и объективной ширины параметров тела в группе с испуганно-избегающим типом привязанности показаны в таблице 4.

Таблица 4

Субъективная и объективная ширина параметров тела испытуемых испуганно-избегающего типа привязанности к матери (в см.)

Параметры	Субъективная ширина	Объективная ширина
Голова	19,2	13,4
Шея	16,2	13
Плечи	43,3	48
Грудная клетка	30,6	31
Талия	39	34
Бедра	39,8	34,2

Из таблицы 4 видно, что максимальное соответствие ширины отраженного тела объективной ширине тела наблюдается по параметру грудная клетка (разница 0,4 см). Такое соответствие демонстрирует высокую степень понимания ощущений, и осознания данной части тела в схеме тела. В структуре когнитивного компонента внешности испытуемых наименьшую степень осознанности и понимания имеют параметры голова и шея (разница 5,8 и 3,2 см). Данные параметры искаженно отражаются испытуемыми. Наличие многочисленных искажений объясняется тем, что матери испуганно-избегающих испытуемых в сенситивный период формирования образа физического Я проявляли несдержанность в воспитании, негативные чувства к ребенку, отвержение, жесткое обращение в виде телесных наказаний, были нечувствительны к потребностям ребенка. На основании данной таблицы спроектированы рисунки образа физического Я, представленные для сравнения: объективный образ тела сравнивался с субъективным образом восприятия тела.

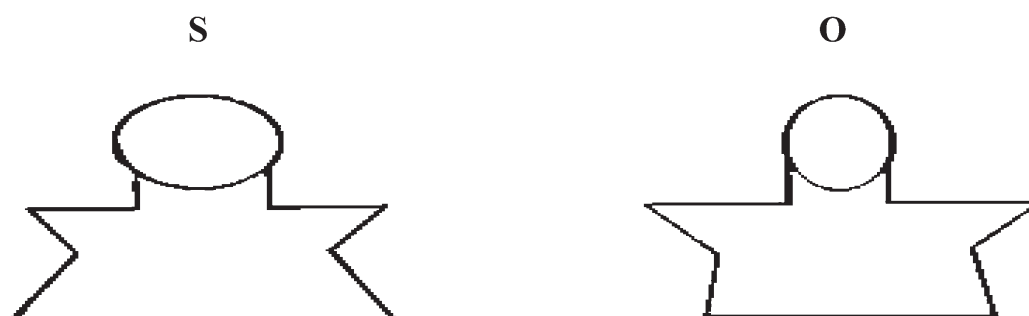

Рис. 2 Субъективный образ тела и объективные показатели конституции испытуемых испуганно-избегающего типа привязанности к матери

Образ тела в выборке испуганно-избегающего типа привязанности отличается от реального тела. Объективное тело по сравнению с его субъективным восприятием имеет широкие плечи и значительно суженные бедра, меньшую шею и голову. По данным признакам, субъективный образ имеет феминный тип конституции, тогда как объективный – маскулин-

ный. Такое несоответствие говорит о серьезной ошибке восприятия схемы тела, присущей данной категории людей. На психологическом уровне происходит компенсация, замена объективно маскулинного телосложения феминным.

Результаты экспертной оценки когнитивного искажения образа физического Я испытуемых озабоченного типа привязанности показали, что 5 из 6 компонентов восприятия тела имеют искажения. Границы величины когнитивного искажения образа физического Я составили от 5 до 17%. Высокий предел искажения в данных границах имеет голова, она преувеличена на 17% и грудная клетка – на 10%. Минимально искажена шея (-2%) и плечи (-5%). Данные параметры преуменьшены в восприятии испытуемых. Средние значения искажения были получены по параметрам грудная клетка (10%) и талия (6%). Бедра в сознании испытуемых представлены адекватно, без искажения. Искажение талии коррелирует со шкалой привязанности тревога ($r = -0,6$). Результаты исследования когнитивного компонента образа физического Я показаны в таблице 5.

Таблица 5

**Сравнение субъективной и объективной ширины тела
испытуемых озабоченного типа привязанности к матери (в см.)**

Параметры	Субъективная ширина	Объективная ширина
Голова	19,2	13,4
Шея	16,2	13
Плечи	43,3	48
Грудная клетка	30,6	31
Талия	39	34
Бедра	39,8	34,2

На основании данных табл. 5 были спроектированы рисунки образа физического Я и реального тела для сравнения.

Рис. 3. Субъективный образ тела и объективные показатели конституции испытуемых озабоченного типа привязанности к матери

Субъективный образ тела от объективного отличается размером головы. Конституция субъективного и объективного тела феминная. Феминный образ физического Я соответствует конституции физического тела.

Изучение когнитивного компонента образа физического Я у группы *дистанцированного типа* привязанности показало искажение в пределах границ от -10 до 40%. Образ физического Я в сознании испытуемых по отдельным параметрам имеет увеличение (max 40%) и уменьшение (max -10%). Пять параметров образа физического Я из шести искажены, высокое искажение имеют голова (40%) и грудная клетка (36%). Данные параметры получили достоверную связь со шкалой привязанности избегание ($r = 0,7$, $r = 0,8$). Шея объективно отражается испытуемыми, без искажений. Бедра искажены на 1% и имеют корреляционную связь с тревогой по шкале привязанности ($r = 0,7$), плечи – на 10%, талия – на 8 %.

Корреляция шкал привязанности и искажения параметров образа тела испытуемых дистанцированного типа привязанности отражены в табл. 6.

Таблица 6.

Корреляция шкал привязанности и искажений параметров образа тела испытуемых с дистанцированным типом привязанности к матери

Шкала \ Параметры	Грудная клетка	Голова	Бедра
Тревога	0,3	0,1	0,7
Избегание	0,7	0,8	0,21

Обнаружена значимая связь шкал привязанности с искажениями грудной клетки, головы, бедер.

Различия субъективной и объективной ширины параметров тела показаны в табл. 7.

Таблица 7

Сравнение субъективной и объективной ширины параметров тела испытуемых дистанцированного типа привязанности к матери

Параметры	Субъективная ширина	Объективная ширина
Голова	21,6	15,4
Шея	11,2	11,2
Плечи	36	40,2
Грудная клетка	41	30,1
Талия	29	26,8
Бедра	35,8	35,6

На основании данных, представленных в табл. 7, построены рисунки образа физического Я и реального тела группы дистанцированного типа эмоциональной привязанности к матери.

Рис. 4. Субъективный образ тела и конституция испытуемых дистанцированного типа привязанности к матери

Психический образ тела отличается от объективного тела по следующим признакам:

- 1) голова преувеличена в размере;
- 2) бедра, грудная клетка крупнее в размере;
- 3) образ тела соответствует андрогинному типу конституции, объективно же тело соответствует феминному типу конституции.

В психике испытуемых данного типа присутствует совмещение несовместимого – они сочетают мужские и женские качества. Возможно, поэтому фигура получается очень расще-

пленной. Поведение таких индивидов будет достаточно неустойчивым, свойства амбивалентны. Данные индивиды в своей жизненной стратегии могут использовать как женские, так и мужские стратегии поведения. Однако образ физического Я не является гармоничным, поскольку не равен объективному, при котором субъект точно понимает свое тело, отражает его реальные стороны и особенности, а также ощущает его без искажений и каких-либо помех, правильно понимает размеры, его схему и пропорции. Образ физического Я испытуемых дистанцированного типа привязанности к матери высоко искажен в силу того, что в сенситивный период формирования образа физического Я ребенок подвергался жесткому обращению со стороны матери, его инициативность и чувство автономности подавлялось, телесные потребности игнорировались, совместно разделенные эмоции с опекуном были негативными, соматосенсорная стимуляция недостаточна или избыточна, что и привело к отмеченным искажениям образа физического Я.

Таким образом, испытуемые с дистанцированным и испуганно-избегающим типом привязанности имеют большее число дисторсий отдельных параметров. Субъекты с надежным типом привязанности имели благоприятный симбиоз с матерью, выражающийся в последовательной соматосенсорной стимуляции. Отношения ребенка и матери были построены на понятных, хорошо определенных ожиданиях, что формировало представление о теле как целостном, четком и определенном, адекватном в отражении. В озабоченном типе привязанности мать в отношениях с ребенком проявляла амбивалентные чувства: как принятие, так и отвержение. Принятие, как положительное чувство, идущее от матери, способствовало более адекватному представлению о собственном теле испытуемых, что наблюдается в исследовании. Тогда как отвержение, навязчивый переизбыток соматосенсорной стимуляции формирует искажение и неадекватность восприятия тела, которые наблюдаются в исследовании в виде когнитивных ошибок и иллюзий восприятия у дистанцированного и испуганно-избегающего типа привязанности к матери в сторону мнимой феминизации тела.

Адекватное восприятие и понимание тела обнаружено у надежного и озабоченного типов привязанности к матери. В их сознании воображаемый образ приближен к реальному, тогда как у дистанцированного и испуганно-избегающего типов находим проблемы и выраженные нарушения соответствия реального тела представлению о нем, что свидетельствует об искажении восприятия собственного тела в данных группах привязанности к матери.

Список литературы

1. Акопов Г.В. Проблема сознания в психологии. Отечественная платформа. Самара: Изд-во СН Ц РАН-Сам ИКП, 2002. 206 с.
2. Белугина Е.В. Отношение к своему внешнему облику в период середины жизни: Дис. ... канд. психол. наук. Ростов н/Д., 2003. С. 78.
3. Бодалев А.А. Восприятие и понимание человека человеком. М., 2010. 200 с.
4. Выготский Л.С. Психология развития как феномен культуры / Под ред. М.Г. Ярошевского. М.: Издательство «Институт психологии»; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2010. 512 с.
5. Кон И.С. В поисках себя: Личность и ее самосознание. М.: Политиздат, 2011. 335 с.
6. Лабунская В.А. Психология самовыражения и проблема формирования «Я» личности // Прикладная психология. 1999. № 5. С 53.
7. Наровская Я.Б. Социально-психологические особенности женщин, преобразующих свой внешний облик: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ростов н/Д., 2007. 28 с.
8. Соколова Е.Т. Самосознание и самооценка при аномалиях личности. М.: МГУ, 1989. 215 с.

9. Соколова Е.Т. Исследование образа тела в зарубежной психологии / Е.Т. Соколова, А.Н. Дорожевец // Вестник Московского ун-та. Серия 14. Психология. 2010. № 4. С. 39–49.
10. Соколова Е.Т. Я-образ тела // Психология самосознания. Хрестоматия / Под. ред. Д.Я. Райгородского. Самара: Издательский Дом «БАХРАХ-М», 2000. С. 406–422.
11. Тхостов А.Ш. Психология телесности. М.: Смысл, 2002. 287 с.
12. Фрейд З. Психология бессознательного. М.: Просвещение, 2012. 447 с.
13. Эриксон Э. Идентичность: Юность и кризис. М.: Мысль, 2004. 375 с.

Reference list

1. Akopov G. The issue of conscious in Psychology. Domestic platform. Samara: Publishing office of SAM-IKP-SNTS RAN, 2002. P. 206.
2. Belugina E. The relation to self look in period of midlife: Thesis of PhD in Psychology. Rostov-on-Don, 2003. P. 78.
3. Bodalev A. The perception and understanding by person to person. M., 2010. P. 200.
4. Vygotskiy L. Psychology of development as a phenomenon of culture / Under the editorship of M. Yaroshevskiy. M.: Publishing office "Institute of Psychology", Voronezh: NGO "MODEK", 2010. P. 512.
5. Kon I. In search of itself: Individual and its consciousness. M.: Politizdat, 2011. P. 335.
6. Labunskaya V. Psychology of self-expression and issue of formation of an individual "self" // Applied Psychology. 1999. № 5. P. 53.
7. Narovskaya Ya. Socio-psychological features of women, transforming their look: Synopsis of a thesis of PhD in Psychology. Rostov-on-Don, 2007. P. 28.
8. Sokolova E. Self-consciousness and self-concept in abnormalities of an individual. M.: Moscow State University, 1989. P. 215.
9. Sokolova E. The research of body image in the foreign Psychology / E. Sokolova, A. Dorozhevets // Bulletin of Moscow University. Series 14. Psychology. 2010. № 4. P. 39-49.
10. Sokolova E. Self- body image // Psychology of self-consciousness. Anthology / Under the editorship of D. Raigorodskiy. Samara. Publishing house "BAKHRAKH-M", 2000. P. 406-422.
11. Tkhostov A. Psychology of corporeality M.: Smysl, 2002. P. 287.
12. Freud S. Psychology of unconscious. M.: Prosveshenie, 2012. P. 447.
13. Erikson E. Identity: Youth and Crisis. M.: Mysl', 2004. P. 375.

УДК 371

Сорокопуд Ю.В.,

доктор педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой педагогики и психологии
Московского института государственного управления и права

Харченко Л.Н.,

доктор педагогических наук, профессор Северо-Кавказского федерального университета

Чалаева А.Х.,

аспирант Невинномысского государственного гуманитарно-технического института

СОДЕРЖАНИЕ И ПРИНЦИПЫ ЭФФЕКТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМ УЧРЕЖДЕНИЕМ

Авторами статьи на основе анализа требований как зарубежной, так и отечественной образовательной практики выявлены и обоснованы факторы и основные принципы эффективного управления образовательной организацией, определены требования к современному руководителю образовательного учреждения. Актуальность исследования подходов эффективного управления образовательной организацией детерминирована тем, что сложившаяся система управления образованием нуждается в совершенствовании в связи с новыми технологиями и тенденциям в сфере образования.

Ключевые слова: принципы, эффективность, эффективное управление, образовательная организация

Sorokopud Yu.,

Doctor of Pedagogy, Associate Professor, Head of Chair of Pedagogy and Psychology
of the Moscow Institute of Public Administration and Law

Kharchenko L.,

Doctor of Pedagogy, Professor of the North-Caucasus Federal University

Chalaeva A.,

Postgraduate of the Nevinnomysk State Humanitarian-Technical Institute

THE CONTENT AND PRINCIPLES OF EFFECTIVE MANAGEMENT OF EDUCATIONAL INSTITUTION

The authors of this article based on the analysis of requirements both foreign and domestic educational practices are identified and substantiated factors and the main principles of effective management of educational organization and they are also defined the requirements to the modern head of the educational institution. The relevance of study of approaches for effective management of an educational organization is determined by that the current education management system needs to be improved in connection with new technologies and trends in area of education.

Keywords: principles, efficiency, effective management, educational organization

Согласно Всемирному докладу ЮНЕСКО по мониторингу программы «Образование для всех», опубликованному в Париже 9 апреля 2015 г. [18], цели данной программы, установленные на 2000–2015 гг., достигнуты лишь в некоторых странах. По основным показателям Россия, безусловно, в приоритете, но по отдельным задачам, таким как «повышение

качества образования», все еще необходимо прилагать существенные усилия. Стратегия реформирования российского образования начиная с 2001 г. реализует три основных принципа данной программы: доступность – качество – эффективность.

Тем самым современные задачи, стоящие перед системой образования в целом и перед конкретным образовательным учреждением в частности, ставят руководителей в ситуацию необходимости перехода на инновационный путь развития, поиска новых средств, форм, методов более эффективного управления. Однако большинство руководителей отечественных образовательных учреждений технологиям управления специально не обучались. Согласно многолетней российской практике директорами школ становятся педагоги, которых готовили только к тому, чтобы учить других.

В то же время мировой опыт показывает, что довольно сложно превратить учителя в управленца, поэтому во многих странах нельзя стать директором школы без менеджерского образования. Так, например, в США, Канаде и Великобритании основная функция директора школы – разработка стратегии развития конкретного образовательного учреждения, координация взаимодействия различных служб внутри школы и взаимодействие с различными организациями за ее пределами (представление интересов школы). В результате в западных странах директор школы – это прежде всего менеджер.

Понимание необходимости повышения в системе образования уровня менеджмента есть и в обществе. Исследования по проблемам образования на муниципальном уровне, проведенные Институтом управления образованием Российской академии образования (ИУО РАО), показали, что около 30% респондентов называют следующие причины стагнации образовательных учреждений:

- отсутствие профессиональной управленческой квалификации руководителей образовательных организаций;
- консервативные подходы к управлению учреждением;
- отсутствие времени у руководящего состава для развития образовательного учреждения [1].

Тем самым ключевой фигурой в системе управления является руководитель образовательной организации, который отвечает за все показатели образовательного учреждения и прежде всего за качество обучения.

Теоретический и эмпирический опыт показывает, что руководители, являющиеся эффективными организаторами, в большей степени ориентируются на обновление своей деятельности, на внедрение новых технологий обучения и воспитания, на поиск каналов финансирования деятельности школы и на ее развитие; руководители, не являющиеся таковыми, в большей степени ориентированы на функционирование, т.е. на использование стереотипных подходов, форм и методов работы с коллективом и окружающим школу социумом.

Между тем процесс управления школой является сложным видом управленческого и педагогического труда. При этом понятие «управление» авторами рассматривается в различных контекстах (табл. 1).

Каждый из этих подходов так или иначе отражает содержание управленческой деятельности руководителя педагогического коллектива. Мы считаем, что *управление образовательным учреждением должно обеспечить функционирование всех систем образовательной организации (экономической, социальной, педагогической) с целью сохранения (поддержания целостности), развития и адаптации ее к изменяющимся условиям. Педагогическое управление – процесс организации взаимодействия различных структур образовательной системы для достижения оптимальных результатов ее развития.*

Анализ дефиниции «управление образовательным учреждением»

№	Управление образовательным учреждением – это ...	Авторы
1.	– особый вид деятельности, в которой ее субъект посредством решения управленческих задач обеспечивает организованность совместной деятельности учащихся, родителей, педагогов, обслуживающего персонала и ее направленность на достижение образовательных целей и целей развития организации	В.С. Лазарев [13, С. 34].
2.	– деятельность, обеспечивающая планомерное и целенаправленное воздействие на объект управления. Эта деятельность включает в себя получение информации о протекании основных процессов, переработке и выдаче соответствующих решений, направленных на дальнейшее совершенствование объекта управления	Т.А. Ильина [3, С. 471].
3.	– деятельность, направленная на выработку решений, организацию, контроль, регулирование объекта управления в соответствии с заданной целью, анализом и подведением итогов на основе достоверной информации	В.А. Слостёнин, И.Ф. Исаев, А.И. Мищенко, Е.Н. Шиянов [12]
4.	– процесс реализации системы мер воздействия на педагогический и ученический коллектив с целью решения социальных задач по формированию личности, необходимой обществу для его дальнейшего существования и развития	В.С. Пикельная [9, С. 8].
5.	– процесс, который включает в себя создание необходимых условий управления, использование необходимых средств и методов управления, выполнение функций управления, опирающихся на действующие в любом, в том числе предпринимательском менеджменте, общие законы и принципы управления	Н.В. Пернай [8, С. 4].

Отметим, что при различных подходах к формулировке понятия можно выделить некоторые общие черты:

- упоминание об управлении как особом виде деятельности специально подготовленных квалифицированных руководителей;
- определение эффективного управления как процесса, ориентированного на оптимальный результат, т.е. процесса достижения цели, и это деятельность субъектов управления, обеспечивающая достижение целей функционирования и развития организации.

Заметим, что достижение организационных целей у одних исследователей предполагается путем целенаправленного воздействия, у других – путем создания условий. Но в главном авторы сходятся, прежде всего в той позиции, что управление образовательным учреждением должно быть эффективным.

Г.В. Голикова и Ю.В. Шеина [2] выделяют следующие существующие направления оценки эффективности управления:

- эффективность определяется как соотношение результатов и соответствующих им затрат;
- эффективность управления определяется посредством качественной и количественной оценки целей;
- для оценки эффективности управленческого решения важное значение имеют четкая формулировка цели и выбор критерия ее оценки, по которому можно определить, насколько решение соответствует поставленной цели;

– эффективность управления связана с определением эффективности управленческого труда на всех уровнях управления.

При этом эффективность следует отличать от результативности. Общим для этих понятий является то, что они оба являются относительными показателями, т.е. могут измеряться только по сравнению с неким эталоном (например, средний балл ЕГЭ по региону) или базой для сравнения (например, по сравнению с прошлым годом). Разным же является то, что если результативность определяется только достигнутым результатом безотносительно затрат на его достижение, то эффективность с позиции данного подхода определяется не только результатом, но и затратами в широком смысле слова на его достижение.

Е.Н. Суетенков, Н.И. Пасько [13] определяют результативность управления как способность системы управления обеспечить достижение конечных результатов, соответствующих поставленной цели, удовлетворяющих конкретную потребность человека, общества, государства и создающих условия для устойчивого развития организации (социально-экономической системы).

На рис. 1 представлены основные показатели результативного управления.

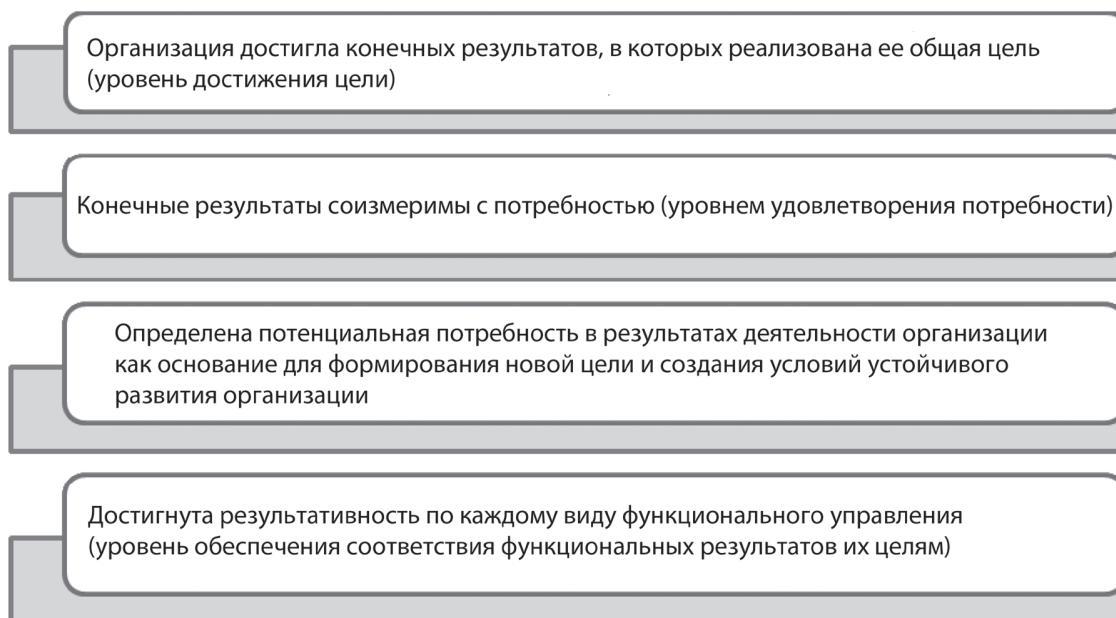

Рис. 1. Основные показатели результативного управления

Деятельность руководителя образовательной организации обладает признаками профессии, которая характеризуется исследователями как полифункциональная деятельность. Руководитель выступает в роли организатора, администратора, исследователя, педагога, хозяйственника, общественного деятеля.

Определяя содержание эффективного управления образовательной организацией, мы обратились также к зарубежным исследованиям, направленным на выявление взаимосвязи между эффективностью руководства и личностными характеристиками руководителя. По результатам этих исследований выявляется зависимость успешности менеджера от его личностных качеств:

Р. Стогдилл [17] делает акцент на взаимосвязи эффективного руководства с ответственностью, участием в общественной жизни и образованностью;

Г. Кунц и С.О'Доннел [6] считают, что успешный руководитель должен обладать высоким уровнем интеллекта, способностью к логическому анализу, иметь желание руководить, быть общительным;

М.Т. Лоринг, Дж.П. Кенджеми, В.А. Критсонис [7] отмечают, что в образовательных учреждениях руководитель должен уметь сочетать власть с влиянием своего личного авторитета. Употребляя власть, считают авторы, руководитель стремится проявлять сочувствие и эмпатию, не позволять проявляться враждебности или раздражению. Осуществляя же влияние, лидер углубляет свое понимание добра и блага и оценивает, как его действия психологически выглядят в глазах его коллег и подчиненных. Тем самым американские ученые рассматривают лидерство как личностную характеристику эффективно работающего руководителя в сфере образования, которая предполагает умение вовлечь людей, нацелить их на выполнение задачи, оказать своевременную помощь, организовать эффективное сотрудничество с коллективом на пути к намеченной цели, способствовать проявлению их творчества, сочетая власть с высокими моральными нормами.

Профессиональные качества, которыми должен обладать руководитель, разработаны Национальным Образовательным Центром аттестации при Оксфордском университете. Среди данных качеств:

- рассудительность, организаторские способности, решительность;
- лидерство, отзывчивость, стрессоустойчивость;
- широта кругозора личности, включающая в себя различные интересы (способность дискутировать в разных областях знаний, политике, образовании, разбираться в текущих событиях, экономике);
- личная мотивированность как потребность достижения определенных результатов в различных сферах деятельности;
- образовательные ценности как система обоснованных взглядов на образование, восприимчивость к новым идеям и изменениям [3].

В профессиональной деятельности отдельно отмечена способность к управленческой коммуникации. От того, насколько развита у руководителя педагогического коллектива способность к управленческой коммуникации, зависит:

- стимулирование и поддержка творческих усилий педагогов в образовательном процессе;
- диагностика творческого потенциала преподавателей и реализация дифференцированных программ их развития;
- создание ситуаций личностного и профессионального саморазвития педагогов;
- морально-психологический климат в учреждении, эффективность выполнения работниками поручений и их удовлетворенность своим трудом;
- характер взаимоотношений с родителями, с органами государственной власти и управления образованием, а также другими учреждениями [11, С. 96].

Е.М. Павлютенков и В.В. Крыжко [4], описывая портрет современного менеджера образования, дают характеристику процессу эффективной коммуникации:

- способность к эффективному взаимодействию с вышестоящим руководством, коллегами, педагогами, учащимися и их родителями;
- способность обеспечивать себе поддержку на каждом организационном этапе общения;
- умение анализировать каждую точку зрения;
- умение контролировать стрессы и кризисные ситуации;
- умение предотвращать конфликты и эффективно разрешать их.

Немаловажна и психологическая культура руководителя. Исследования, посвященные психологической культуре руководителей, показали, что лица, отличающиеся невысоким уровнем развития коммуникативных навыков – общения и взаимодействия с людьми, – ис-

пытающиеся из-за этого большие трудности в решении своих управленческих задач, отличаются более высоким уровнем тревожности, напряженности и даже повышенной склонностью к сердечно-сосудистым заболеваниям. Таким образом, психологическая некомпетентность руководителя не только приводит к снижению эффективности его деятельности, сложностям в общении с подчиненными, но и к тому, что, в первую очередь, он сам за нее расплачивается. Поэтому для того чтобы эффективно осуществлять свою деятельность, руководители должны владеть наукой и искусством общения, им необходимы знания основных закономерностей и механизмов этого процесса, его структуры и форм, они должны уметь пользоваться конкретными приемами эффективного взаимодействия.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что *компетентность руководителя в сфере образования – это комплекс управленческих знаний, умений и опыта, а также профессионально значимых личностных качеств лидерской и творческой направленности*. При этом управленческая компетентность состоит в умении выбирать наиболее эффективные (сопадающие по целям и результатам) для данного конкретного момента и сложившихся обстоятельств методы управленческой деятельности [5].

Отметим, что и в зарубежных, и в отечественных исследованиях образовательная среда оценивается с точки зрения «эффективности школы» как социальной системы, через определение эмоционального климата, личностного благополучия, особенностей микрокультуры, качества воспитательно-образовательного процесса [К. Маклафлин, D. Hopkins, K. Reid]. При этом констатируется, что не существует заранее заданного сочетания показателей, которые бы определили «эффективную школу», поскольку каждая школа уникальна и одновременно является срезом общества [15].

Изучив выводы ученых (педагогов, психологов, управленцев, социологов), касающиеся деловых и личностных качеств руководителей современных организаций, оформив предложенные ими характеристики в группы, мы пришли к выводу, что эффективный руководитель образовательной организации должен иметь набор качеств, которые можно объединить в несколько блоков:

- профессионально-деятельностный: профессиональная компетентность, теоретическая и практическая готовность к управленческой деятельности;
- личностно-мотивационный: качества личности руководителя, (нравственные установки, рефлексивные способности, лидерство);
- управленческая культура руководителя: его коммуникативные способности, готовность к общению и постоянному самосовершенствованию.

Помимо личностных и профессиональных качеств руководителя, на эффективность управления образовательной организацией оказывают влияние различные факторы, которые мы разделили на две группы – внешние и внутренние (табл. 2).

Внешние и внутренние факторы, влияющие на эффективность и качество образования, в совокупности составляют качество условий образовательной организации. Если же мы в управленческий механизм вводим понятие эффективного управления, то нам необходимо оценивать не только (не столько) качество условий, но и качество результатов (индивидуальные достижения обучающихся и выпускников образовательной организации и, в соответствии с ФГОС, личностные, метапредметные, предметные результаты образования).

По нашему мнению, если рассматривать эффективность в общем виде – это основная характеристика функционирования системы образования, которая выявляет степень реализации цели и достижения намеченных результатов (более строго – степень близости к проектируемому результату при учете затрат, пошедших на некоторую деятельность, на-

Основные факторы, влияющие на эффективность управления образовательным учреждением

Внешние факторы	Внутренние факторы
государственное управление образованием (функционал в лице государственных органов управления образованием); организационно-правовое обеспечение образования: – закон «Об образовании в РФ»; – Федеральные государственные образовательные стандарты; – система финансирования; – проявление образовательных потребностей и общественное представление о качестве образования; – мировые тенденции развития образования	– кадровый состав образовательной организации; – состав обучающихся; – материально-техническое обеспечение образовательной организации; – информационно-коммуникационное обеспечение образовательной организации; – методическое обеспечение образовательного процесса; – воспитательная работа в образовательной организации; – технология образовательного процесса и т.д.

правленную на достижение результата). При этом общими показателями эффективности выступают:

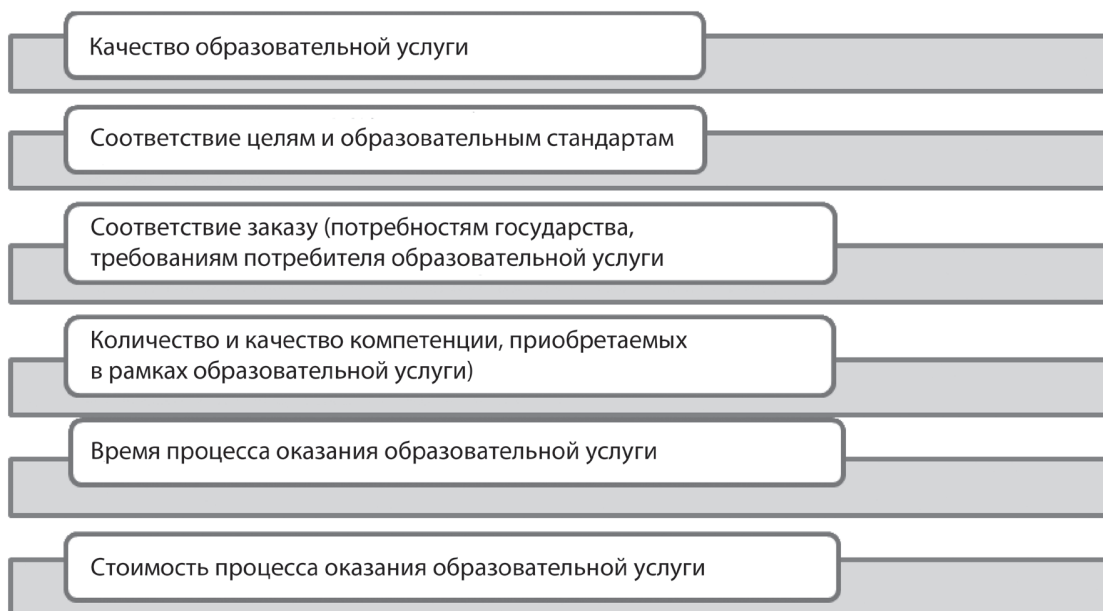

Рис. 2. Показатели эффективности образовательного процесса

Таким образом, эффективность управления в образовании выявляет степень соответствия полученных результатов намеченным целям и задачам учебно-воспитательного процесса в лице подготовленного выпускника образовательной организации с наименьшими затратами времени, труда и здоровья обучающихся и обучающихся, денежных средств (как со стороны обучающегося, так и со стороны образовательной организации/государства).

Содержание управленческой деятельности необходимо определять исходя из основных принципов управления, выделенных в отечественной образовательной практике [12; 14; 16 и др.]:

- демократический централизм, при котором поощряется инициатива большинства субъектов (обучающих, обучающихся, родителей, администраторов) образовательного процесса;
- рациональное сочетание централизации и децентрализации;
- коллегиальность и единоначалие, являющиеся основой развития активности единомышленников;
- научность – необходимость учета определенных законов и закономерностей развития систем (развитие педагогической науки сказывается на постановке и решении вопросов управления и корректируется в зависимости от современного взгляда на нее);
- открытость образовательной организации для окружающего социума;
- объективность и полнота информации в управлении педагогическими системами, системность и целостность (основываясь на этих принципах, можно выявить недостатки, наметить пути их исправления);
- определение главного (стратегического) направления в работе образовательного учреждения;
- оптимальность и эффективность – отбор адекватных методов решения управленческих задач, рациональное использование ресурсов (кадровых, материально-технических, финансовых);
- объективность оценки деятельности школы и учителя, опора на достижения педагогической науки и педагогической практики;
- использование разнообразных дополняющих и уточняющих друг друга методов для изучения эффективности работы школы;
- комплексность методов управления, охватывающих все стороны деятельности школы;
- учет конечных результатов работы образовательного учреждения (качество на «выходе»), оптимальность их достижения, изучение динамики их развития и т.д.

Мы согласны с исследователями в той части, что педагогическое управление должно стать целостным, охватывать образовательно-воспитательные процессы в школе (формальный компонент образования) и вне школы (неформальный компонент образования). Поэтому от руководителя школы и его подготовленности к эффективному управлению образовательной организацией очень многое зависит.

С учетом актуальности проблемы эффективного управления образовательной организацией и подготовки руководителей к такой деятельности, а также необходимости обобщения и использования в процессе их подготовки передового управленческого опыта и результатов исследования проблем менеджмента в системе образования возникает потребность в разработке модели руководителя и модели его подготовки к управлению образовательной организацией, ориентирующих содержание и принципы управленческой деятельности на достижение необходимых и востребованных эффектов, причем не только педагогических, но и, что не менее важно, социальных и экономических.

Список литературы

1. Болотов В.А. и др. Управление развитием образовательного учреждения через профессиональную подготовку его руководителя // Управление образованием: теория и практика. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.iuorao.ru/05-06-2010-00/43-05-06-2010-3>
2. Голикова Г.В., Шеина Ю.В. Комплексный подход к оценке эффективности управления социально-экономическими системами // Современная экономика: проблемы и решения. 2010. № 4. С. 63–64.

3. Гусева Н.В. Коммуникативные способности в профессиональной деятельности руководителя образовательного учреждения // Молодой ученый. 2011. № 10. Т. 2. С. 118–131.
4. Крыжко В.В., Павлютенков Е.М. Психология в практике менеджера образования. СПб.: КАРО, 2001. – 304 с.
5. Компетентность руководителя образовательного учреждения. Что это сегодня [Электронный ресурс] // URL: <http://planeta.edu.tomsk.ru/files/file/1271341377>
6. Кунц Г., О’Доннел С. Управление: системный и ситуационный анализ управленческих функций: В 2-х т. М.: Прогресс, 1981. Т. 1. – 495 с., Т. 2. – 512 с.
7. Лидерство. Психологические проблемы в бизнесе / Хащенко В.А. и др. – Дубна: Издательский центр «Феникс», 2006. – 176 с.
8. Пернай Н.В. Проблемы образовательного менеджмента. Три трактата. Братск, 2002. – 237 с.
9. Пикельная В.С. Теоретические основы управления (школоведческий аспект). М.: Высшая школа, 1990. – 173 с.
10. Портнов М.Л. Азбука школьного управления. М.: Просвещение, 1991. – 191 с.
11. Рождественская Н. Управленческая коммуникация // Народное образование. 2001. № 1. С. 94–105.
12. Слестёнин В.А., Исаев И.Ф., Мищенко А.И., Шиянов Е.Н. Педагогика. М.: Издательский центр «Академия», 2002. – 576 с.
13. Суетенков Е.Н., Пасько Н.И. Основы менеджмента. М., 2005. С. 197.
14. Управление школой: теоретические основы и методы: Учебное пособие / Под ред. В.С. Лазарева. М.: Центр социальных и экономических исследований, 1997. – 336 с.
15. Шейн Э. Организационная культура и лидерство. СПб.: Питер, 2001. – 336 с.
16. Шиянов Е.Н. Развитие личности в обучении: Учебное пособие. М.: Академия, 1999. – 286 с.
17. Stogdill R.M. Handbook of leadership. N.Y., 1974. – 322 p.
18. Good news: UNESCO’s Executive Board unanimously sign up to protect “Learning without Fear” [Электронный ресурс]. URL: <https://efareport.wordpress.com/2015/04/28/good-news-unescos-executive-board-unanimously-sign-up-to-protect-learning-without-fear/>

Reference list

1. Bolotov V., etc. The management of the development of educational institutions through professional training of its head // Education management: theory and practice [Electronic resource]. URL: <http://www.iuorao.ru/05-06-2010-00/43-05-06-2010-3>
2. Golikova K., Sheina Yu. The comprehensive approach to evaluation of the efficiency of socio-economic systems management // Modern economy: Issues and solutions. 2010. № 4. P. 63–64.
3. Good news: UNESCO’s Executive Board unanimously sign up to protect “Learning without Fear” [Electronic resource]. URL: <https://efareport.wordpress.com/2015/04/28/good-news-unescos-executive-board-unanimously-sign-up-to-protect-learning-without-fear/>
4. Guseva N. Communication skills in professional activity of the head of the educational institution // Young scientist. 2011. № 10. Vol. 2. P. 118–131.
5. Kryzhko V., Pavlyutenkov E. Psychology in the practice of education manager. SBR.: KARO, 2001. P. 304.
6. Kuntz G., O’Donnell S. Management: The system and contingency analysis of managerial functions: In 2 volumes. M.: Progress, 1981. Vol. 1. – 495 p., Vol. 2. – 512 p.
7. Leadership. Psychological problems in business / V. Khashchenko and etc. Dubna: Publishing center “Feniks”, 2006. P. 176.

8. *Pernay N.* Issues in educational management. Three of the treatise. Bratsk, 2002. P. 237.
9. *Pikel'naya V.* Theoretical grounds of management (School-keeping aspect). M.: Higher school, 1990. P. 173.
10. *Portnov M.* The alphabet of school management. M.: Prosveshenie, 1991. P. 191.
11. *Rozhdestvenskaya N.* The managerial communication // Public education. 2001. № 1. P. 94–105.
12. *Schein Edgar.* Organizational culture and leadership. SBR.: Piter, 2001. P. 336.
13. School management: Theoretical grounds and methods: Textbook / Under the editorship of V. Lazarev. M.: Center for Social and Economic Research, 1997. P. 336.
14. *Shiyarov.* The development of an individual in training: Textbook. M.: Akademiya, 1999. P. 286.
15. *Slastenin V., Isaev I., Mishchenko A., Shiyarov E.* Pedagogy. M.: Publishing center "Akademiya", 2002. P. 576.
16. *Stogdill R.M.* Handbook of leadership. N.Y., 1974. – 322 p.
17. *Suetenkov E., Pas'ko N.* Fundamentals of management. M., 2005. P. 197.
18. The competence of the head of the educational institution. What it is today [Electronic resource]. URL: <http://planeta.edu.tomsk.ru/files/file/1271341377>

Абдулгалимов Р.М.,

кандидат педагогических наук, профессор РАЕ, доцент кафедры биофизики, информатики и медаппаратуры Дагестанской государственной медицинской академии, г. Махачкала
e-mail: ramazan.abdulgalimov@mail.ru

Abdulgalimov R.,

PhD in Pedagogy, Professor of Russian Academy Natural History, Associate Professor of Chair of Biophysics, Informatics and Medical-Hardware of the Dagestan State Medical Academy, Makhachkala

Абдулгалимова Г.Н.,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры медицинской биологии Дагестанской государственной медицинской академии, г. Махачкала
e-mail: ramazan.abdulgalimov@mail.ru

Abdulgalimova G.,

PhD in Pedagogy, Associate Professor of Chair of Medical Biology of the Dagestan State Medical Academy, Makhachkala

Аль Али Насер Абдель Рахим,

кандидат юридических наук, заведующий кафедрой международного права Московского института государственного управления и права
e-mail: naseraa@migup.ru

Al Ali Naser Abdel Rahim,

PhD in Law, Head of Chair of International Law of the Moscow Institute of Public Administration and Law

Анучкина А.Д.,

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Института сервиса, туризма и дизайна Северо-Кавказского федерального университета, г. Пятигорск
e-mail: anna.anuchkina@mail.ru

Anuchkina A.,

PhD in Law, Associate Professor of Chair of Civil Law and Process of Institute of Service, Tourism and Design of the North-Caucasus Federal University, Pyatigorsk

Белокопытова Н.Ю.,

старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса Института сервиса, туризма и дизайна Северо-Кавказского федерального университета, г. Пятигорск
e-mail: nataly.belokopytova@icloud.com

Belokopytova N.,

Senior Lecturer of Chair of Civil Law and Process of Institute of Service, Tourism and Design of the North-Caucasus Federal University, Pyatigorsk

Бердышев А.В.,

кандидат экономических наук, доцент кафедры денежно-кредитных отношений и монетарной политики Финансового университета при Правительстве РФ
e-mail: rio@migup.ru

Berdyshev A.,

PhD in Economics, Associate Professor of Chair of Money and-Credit Relations and Monetary Policy of the Financial University under the Government of the Russian Federation

Богданов В.С.,

кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Центра социологии управления и социальных технологий Института социологии Российской академии наук
e-mail: rio@migup.ru

Bogdanov V.,

PhD in Sociology, Senior Researcher of Center of Management Sociology and Social Technologies, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences

Богословский В.И.,

доктор педагогических наук, профессор Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург)
e-mail: rio@migup.ru

Bogoslovskiy V.,

Doctor of Pedagogy, Professor of the Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg)

Болотов Ю.Ю.,

аспирант Государственного НИИ системного анализа Счетной Палаты РФ
e-mail: b5154@yandex.ru

Bolotov Yu.,

Postgraduate student of the State Research Institute of System Analysis of the Account Chamber of the Russian Federation

Горелов Д.В.,

кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента
Московского института государственного управления и права
e-mail: Dvgorelov@mail.ru

Gorelov D.,

PhD in Economics, Associate Professor of Chair of Management of the Moscow Institute of Public Administration and Law

Данилина Е.И.,

доктор экономических наук, профессор Московского института государственного управления и права
e-mail: danilina05@mail.ru

Danilina E.,

Doctor of Economics, Professor of the Moscow Institute of Public Administration and Law

Дорская А.А.,

доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой международного права
Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена
e-mail: adorskaya@yandex.ru

Dorskaya A.,

Professor, Doctor of Law, Head of Chair of International Law of the Herzen State Pedagogical University of Russia

Елесина М.В.,

студентка, заместитель председателя Научного студенческого общества факультета
«Государственное и муниципальное управление» Финансового университета при Правительстве РФ
e-mail: masha-elka@list.ru

Elesina M.,

Student, Vice-Chairman of Student Scientific Association of the Faculty "Public and Municipal Management" of the Financial University under the Government of the Russian Federation
e-mail: yunna-sorokopud@mail.ru

Ефремова И.А.,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права
Саратовской государственной юридической академии, докторант
e-mail: efremova05@ya.ru

Efremova I.,

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of Chair of Criminal and Criminal-Executive Law of the Saratov State Academy of Law, Doctoral student

Жукова Г.С.,

доктор физико-математических наук, профессор, профессор Московского государственного машиностроительного университета,
e-mail: rio@migup.ru

Zhukova G.,

Doctor of Physical-Mathematical Sciences, Professor, Professor of Moscow State University of Mechanical Engineering (MAMI),

Жукова Т.А.,

кандидат педагогических наук,
доцент Поволжской государственной социально-гуманитарной академии
(г. Самара)
e-mail: rio@migup.ru

Zhukova T.,

PhD in Pedagogy, Associate Professor of the Samara State Academy of Social Sciences and Humanities (Samara)

Иванова Р.М.,

кандидат исторических наук, доцент Национального исследовательского ядерного университета (МИФИ)
e-mail: ivanova.rm@gmail.com

Ivanova R.,

PhD in History, Associate Professor of the National Nuclear Research University (MEPhI)

Каменских Н.А.,

кандидат экономических наук, заведующая кафедрой экономики, управления и бизнеса
Московского государственного областного гуманитарного института
e-mail: dp-70@mail.ru

Kamenskikh N.,

PhD in Economics, Head of Chair of Economics, Management and Business,
Moscow State Regional Institute of Humanities

Корнилович В.А.,

кандидат социологических наук, докторант Института социологии Российской академии наук
e-mail: rio@migup.ru

Kornilovich V.,

PhD in Sociology, Doctoral student of Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences

Куксин И.Н.,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин
Московского городского педагогического университета,
заслуженный юрист Российской Федерации
e-mail: proffKuk-1944@yandex.ru

Kuksin I.,

Doctor of Law, Professor, Professor of Chair of Criminal-Legal Disciplines,
Moscow City Pedagogical University, Honored Jurist of the Russian Federation

Люсий А.П.,

кандидат культурологии, старший научный сотрудник Российского института культурного
и природного наследия им. Д.С. Лихачева
e-mail: shkurkonm@migup.ru

Lyusiy A.,

PhD in Culturology, Senior Researcher of the Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage
named after D. Likhachev

Мальцев О.В.,

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры административного права
Московского института государственного управления и права, Пермский край
e-mail: Malczevoleg@yandex.ru

Mal'tsev O.,

PhD in Economics, Associate Professor, Associate Professor of Chair of Administrative Law
of the Moscow Institute of Public Administration and Law, Perm Kray

Маликова Я.И.,

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента
Вологодского государственного университета
e-mail: malikova@yandex.ru

Malikova Ya.,

PhD in Economics, Associate Professor, Associate Professor of Chair of Management
of the Vologda State University

Мерзляков А.А.,

кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Центра социологии управления
и социальных технологий Института социологии Российской академии наук
e-mail: rio@migup.ru

Merzlyakov A.,

PhD in Sociology, Senior Researcher of Center of Management Sociology and Social Technologies,
Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences

Мичулис Э.Ф.,

кандидат юридических наук, профессор, старший научный сотрудник Института
правовых исследований НЦЗПИ Республики Беларусь, заслуженный юрист Республики Беларусь
e-mail: ciems@mail.ru

Michulis E.,

PhD in Law, Professor, Senior Researcher of Institute of Legal Research, National Centre of Legislation
and Legal Research of the Republic of Belarus, Honored Jurist of the Republic of Belarus

Мкртумян А.Ю.,

доктор юридических наук, председатель Кассационного Суда Республики Армения,
заслуженный юрист Республики Армения
e-mail: rio@migup.ru

Mkrtumyan A.,

Doctor of Law, Chairman of Cassation Court of the Republic of Armenia,
Honored Jurist of the Republic of Armenia

Назаров А.Г.,

кандидат политических наук, специальный представитель Президента Республики Башкортостан
по инвестиционному сотрудничеству
e-mail: andrey.g.nazarov@gmail.com

Nazarov A.,

PhD in Politics, Special Representative of the President of the Republic of Bashkortostan
on Investment Cooperation

Никифоров В.Г.,

Федеральный судья
e-mail: rio@migup.ru

Nikoforov V.,

Federal Judge

Орешкина А.С.,

аспирант кафедры возрастной психологии Московского городского
психолого-педагогического университета
e-mail: rio@migup.ru

Oreshkina A.,

Postgraduate student of Chair of Developmental Psychology of the Moscow City Psychological-Pedagogical
University

Пашенцев Д.А.,

доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права
Московского городского педагогического университета
e-mail: dp-70@mail.ru

Pashentsev D.,

Doctor of Law, Professor of Chair of Theory and History of State and Law,
Moscow City Pedagogical University

Рашкеева И.В.,

студентка факультета «Государственное и муниципальное управление» Финансового университета
при Правительстве РФ
e-mail: rio@migup.ru

Rakshееva I.,

Student of the Faculty "Public and Municipal Management" of the Financial University
under the Government of the Russian Federation

Ризаханов М.А.,

доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой биофизики, информатики
и медаппаратуры Дагестанской государственной медицинской академии, г. Махачкала
e-mail: ramazan.abdulgalimov@mail.ru

Rizakhanov M.,

Doctor of Physico-Mathematical Sciences, Professor, Head of Chair of Biophysics, Informatics
and Medical-Hardware of the Dagestan State Medical Academy, Makhachkala

Степанова Л.П.,

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Института сервиса,
туризма и дизайна Северо-Кавказского федерального университета, г. Пятигорск
e-mail: mila26@inbox.ru

Stepanova L.,

PhD in Law, Associate Professor of Chair of Civil Law and Process of Institute of Service,
Tourism and Design of the North-Caucasus Federal University, Pyatigorsk

Сенкевич Л.В.,

кандидат психологических наук, доцент,
докторант кафедры возрастной психологии
Московского городского психолого-педагогического университета
e-mail: rio@migup.ru

Senkevich L.,

PhD in Psychology, Associate Professor, Doctoral student of Chair of Developmental Psychology
of the Moscow City Psychological-Pedagogical University

Сорокопуд Ю.В.,

доктор педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой педагогики и психологии
Московского института государственного управления и права
e-mail: yunna-sorokopud@mail.ru

Sorokopud Yu.,

Doctor of Pedagogy, Associate Professor, Head of Chair of Pedagogy and Psychology
of the Moscow Institute of Public Administration and Law

Суровень Д.А.,

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории государства и права
Уральского государственного
юридического университета
e-mail: rio@migup.ru

Surowen' D.,

PhD in History, Associate Professor of Chair of History of State and Law, Ural State Law University

Тихонов А.В.,

доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра социологии
и социальных технологий Института социологии Российской академии наук
e-mail: rio@migup.ru

Tikhonov A.,

Doctor of Sociology, Professor, Head of the Center of Sociology and Social Technologies,
Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences

Третьякова Е.С.,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин филиала
Московского института государственного управления и права в Пермском крае

e-mail: Es-tret@mail.ru

Tret'yakova E.,

PhD of Law, Associate Professor, Head of Chair of State and Legal Disciplines of the Perm Branch
of the Moscow Institute of Public Administration and Law

Федякина Л.В.,

доктор педагогических наук, профессор,
член-корреспондент Российской академии образования

e-mail: rio@migup.ru

Fedyakina L.,

Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Doctor of Pedagogy, Professor

Харченко Л.Н.,

доктор педагогических наук, профессор Северо-Кавказского федерального университета
e-mail: yunna-sorokopud@mail.ru

Kharchenko L.,

Doctor of Pedagogy, Professor of the North-Caucasus Federal University

Цуркин В.А.,

аспирант кафедры общей и клинической психологии Белгородского
государственного национального исследовательского университета (НИУ «БелГУ»)

e-mail: Vlad.tsurkin@mail.ru

Tsurkin V.,

Postgraduate student of Chair of General and Clinical Psychology, Belgorod State
National Research University (NRU "BelSU")

Чалаева А.Х.,

аспирант Невинномысского государственного гуманитарно-технического института
e-mail: yunna-sorokopud@mail.ru

Chalaeva A.,

Postgraduate of the Nevinnomysk State Humanitarian-Technical Institute

Чеботарева А.А.,

кандидат юридических наук, доцент, доцент юридического института
Московского государственного университета путей сообщения

e-mail: yunna-sorokopud@mail.ru

Chebotareva A.,

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of Law Institute
of Moscow State University of Railway Engineering

Честнов И.Л.,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права
Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры РФ,
заслуженный юрист РФ

e-mail: rio@migup.ru

Chestnov I.,

PhD in Law, Professor, Professor of Chair of Theory and History of State and Law,
Saint Petersburg Law Institute of (branch) of the Academy
of the Office of the Prosecutor General
of the Russian Federation, Honored Jurist of the Russian Federation

Чурилов С.Н.,

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Московского городского педагогического университета, заслуженный юрист РФ
e-mail: kafedrapk@mail.ru

Churilov S.,

Doctor of Law, Professor, Head of Chair of Criminal Process and Forensics
of the Moscow City Pedagogical University, Honored Lawyer of the Russian Federation

Шамаров В.М.,

доктор юридических наук, профессор Московского института государственного управления и права
e-mail: V.Shamarov10@mail.ru

Shamarov V.,

Doctor of law, Professor of the Moscow Institute of Public Administration and Law

Шкодинский С.В.,

доктор экономических наук, профессор, начальник отдела Государственного НИИ системного анализа Счетной Палаты РФ
e-mail: sh-serg@bk.ru

Shkodinskiy S.,

Doctor of Economics, Professor, Head of Department of the State Research Institute of System Analysis
of the Account Chamber of the Russian Federation

Шкурко Н.М.,

кандидат психологических наук, консультант Московского института государственного управления и права
e-mail: shkurkonm@migup.ru

Shkurko N.,

PhD in Psychology, Consultant of the Moscow Institute of Public Administration and Law

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Для публикации принимаются авторские материалы – научные (практические) статьи, обзоры (обзорные статьи), рецензии, соответствующие **тематике** журнала. Редакция вправе не принять материал к публикации в случае:

- несоблюдения автором правил оформления рукописи;
- несоответствия материала тематике журнала.

Журнал «Вестник Академии права и управления» является междисциплинарным и охватывает следующие области знания:

- Юридические науки
- Экономические науки
- Психологические науки
- Педагогические науки
- Социологические науки

Требования к оформлению статей

В редакцию следует направлять материал на бумажном носителе с личной подписью автора (почтой) и в электронном виде (по электронной почте) на русском языке. Заглавие материала должно быть адекватным его содержанию и по возможности кратким.

- Материал представляется в текстовом редакторе – Microsoft Word (.doc).
- Параметры страницы (формат А4; поля: по 2 см с каждой стороны).
- Шрифт (гарнитура) – Times New Roman или Arial.
- Размер шрифта (кегель) – 14, без уплотнения или разрежения. В таблицах и иллюстрациях допускается уменьшение размера шрифта до 12.
- Абзацный отступ («красная строка») – 1,5 см.
- Межстрочный интервал – одинарный.
- Выравнивание текста – по ширине.
- Автоматическая расстановка переносов.

Статья снабжается приставным **списком литературы** (на русском и английском языках), оформленным в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5 – 2008 «Библиографическая ссылка».

При необходимости текст статьи может иллюстрироваться рисунками (черно-белыми), таблицами и содержать формулы. Нумерация рисунков, таблиц и формул сквозная и обозначается арабскими цифрами. На все таблицы, рисунки и формулы в тексте обязательно наличие ссылок.

Рисунки (т.е. схемы, карты, снимки, фотографии) должны быть четкими, контрастными. Рисунки вставляются в текст Word в необходимом по смыслу месте с подрисуночными подписями (номер и заголовок рисунка), выровненными по центру. Каждый рисунок должен быть представлен также в виде отдельного графического файла (.jpg; разрешение – не менее 250 dpi (точек)) и/или качественной (пригодной для сканирования) копии.

Обозначения у кривых и на осях графиков должны быть достаточно крупными и разборчивыми.

При оформлении таблиц заголовки и подзаголовки граф указывают в единственном числе, размещают, как правило, параллельно строкам таблицы. При необходимости допускается перпендикулярное расположение заголовков граф. Таблицу в зависимости от ее размера помещают под текстом, в котором впервые дана ссылка на нее, или на следующей странице, а при необходимости в приложении к тексту.

В формулах в качестве символов следует применять буквенные (символьные) обозначения греческого и латинского алфавита – курсивом. Знаки математических действий и символы функций +, -, /, ?, sin, lg, exp и т.п. – прямым шрифтом. Буквенные обозначения и числовые коэффициенты необходимо расшифровывать в тексте или непосредственно после формулы. Размер шрифтов в формулах должен быть таким же, как и в основном тексте (14). Следует избегать использования редактора формул Word (Equation Editor).

Ссылки на издания из пристатейного списка даются в тексте в квадратных скобках, например: [3: с. 57].

Ссылки на Интернет – ресурсы и архивные документы помещаются в тексте в круглых скобках или внизу страницы по образцам, приведенным в ГОСТ Р 7.0.5 – 2008 «Библиографическая ссылка».

Объем авторского оригинала не должен превышать 1 авторского листа (40 тыс. знаков, включая пробелы) или 30 машинописных страниц формата А4) . Редакция оставляет за собой право на сокращение статей большего объема или размещение их в двух номерах.

К рукописи прилагается:

1. Файл со статьей, оформленной надлежащим образом. В наименовании файла должна быть указана фамилия автора или первого из соавторов (например, «Петров.doc»).
2. Аннотация (600 знаков) и ключевые слова на русском и английском языках.
3. Анкету автора по представленной форме.

Форма анкеты автора (пожалуйста, заполняйте без сокращений)

ФИО (на русском и английском языках)	
Место работы (наименование организации на русском и английском языках)	
Должность, с указанием структурного подразделения (на русском и английском языках)	
Ученая степень (на русском и английском языках)	
Ученое звание (на русском и английском языках)	
Адрес электронной почты для контактов	
Адрес для отправки авторского экземпляра (обязательно указать индекс)	
Наименование статьи (на русском и английском языках)	

Подготовленные материалы необходимо отправить по адресу: rio@migup.ru

Редакционная коллегия информирует авторов о принятии их авторских материалов к публикации. Статьи, подготовленные аспирантами, соискателями ученой степени кандидата наук, принимаются к рассмотрению только при наличии письменной рекомендации научного руководителя (заведующего кафедрой). Плата с аспирантов за публикацию не взимается.

Автор отвечает за достоверность сведений, точность цитирования и ссылок на официальные документы и другие источники.

Напоминаем авторам: одно из требований ВАК – включение издания в систему Российского индекса научного цитирования, что сопряжено с размещением представленных материалов статей в открытом доступе в сети Интернет. Направляя материалы в редакцию журнала, автор заведомо соглашается на размещение своих материалов в открытом доступе в сети Интернет.

Авторские экземпляры

Каждому автору полагается *один* экземпляр номера журнала вне зависимости от количества авторов статьи (без учета пересылки). Пересылка осуществляется наложенным платежом за счет автора.

Редакционный совет

ПОДПИСКА – 2015

Журнал «Вестник Академии права и управления»
выходит 4 раза в год: март, июнь, сентябрь, декабрь.

- каталог «**Пресса России**» агентства «Книга-Сервис»
(на 2-е полугодие 2015 г.), подписной индекс **11301**.

- электронный каталог «**Урал-Пресс**»
(на 2-е полугодие 2015 г.), подписной индекс **33168**

- электронный выпуск, а также отдельные статьи журнала можно приобрести
в научной электронной библиотеке **Elibrary.ru**,
ID 28542

Купить экземпляр через редакцию журнала:

тел. (499) 271-66-52 (доб. 430),

e-mail: rio@migup.ru

**НОУ ВПО «МОСКОВСКИЙ ИНСТИТУТ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И ПРАВА»
(НОУ ВПО «МИГУП»)**

НАПРАВЛЕНИЯ ОБУЧЕНИЯ

БАКАЛАВРИАТ
СПЕЦИАЛИТЕТ (ПО ПЕРЕВОДУ)
ВТОРОЕ ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ
МАГИСТРАТУРА
АСПИРАНТУРА

ФОРМЫ ОБУЧЕНИЯ

ОЧНАЯ
ОЧНО-ЗАОЧНАЯ
ЗАОЧНАЯ
ГРУППА ВЫХОДНОГО ДНЯ
ДИСТАНЦИОННАЯ

ФАКУЛЬТЕТЫ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
МЕНЕДЖМЕНТ
ЭКОНОМИКА
ЛИНГВИСТИКА (ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ)
ПСИХОЛОГИЯ
ГОСТИНИЧНОЕ ДЕЛО, СЕРВИС, ТУРИЗМ
КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ПРИКЛАДНАЯ ИНФОРМАТИКА
ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ
ФАКУЛЬТЕТ СПО (КОЛЛЕДЖ)

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

научный журнал
«ВЕСТНИК АКАДЕМИИ ПРАВА И УПРАВЛЕНИЯ»
(включен в перечень ВАК),
сборник научных статей «МОЛОДЫЕ УЧЕНЫЕ»

ИНФОРМАЦИЯ

на сайте www.migup.ru
в «Контакте» vk.com/migup
Диплом государственного образца
Отсрочка от армии
Бессрочная лицензия
Аккредитация до 2017 года
Диссертационный совет
12 филиалов в пяти федеральных округах
Кафедра ЮНЕСКО

АДРЕС

115487, г. Москва, ул. Садовники, д. 2
метро «Коломенская»

КОНТАКТЫ

Телефон: 8 (495) 685-94-83; +7 (910) 455-92-19
E-mail: nabor@migup.ru

ВЕСТНИК
АКАДЕМИИ ПРАВА И УПРАВЛЕНИЯ
№ 2 (39)
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

– М.: НОУ ВПО «Московский институт государственного управления и права», 2015. – 308 с.

Журнал зарегистрирован
в Министерстве Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

СМИ зарегистрировано 28.04.2000 г.
с изменениями 30 апреля 2013 г.; 11 февраля 2015 г.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-60768

Подписано в печать 15.05.2015
Формат 60x84/8. Печать офсетная.
Гарнитура Myriad Pro.
Тираж 5000 экз.
Усл.-печ. л. 36,5

Адрес редакции:

115487, Москва, ул. Садовники, д. 2.
Тел./факс: (499) 271-66-52.
www.migup.ru; e-mail: rio@migup.ru
Подписной индекс – **11301**

Отпечатано в типографии
ООО «Сам Полиграфист»
Заказ № 39064 приложение № 13